

ЭПОС

ЭПОС

СЕРБСКОГО НАРОДА

ЭПОС
СЕРБСКОГО
НАРОДА

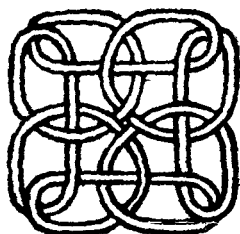
СЕРБСКОГО НАРОДА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

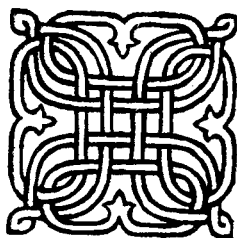
ІУНАЧКЕ
ПЕСМЕ
СРПСКОГ
НАРОДА

ЭПОС СЕРБСКОГО НАРОДА

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛ
И.Н.ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1963

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Академики: В. П. Волгин, Н. И. Конрад (председатель),
В. В. Виноградов, С. Д. Сказкин, М. Н. Тихомиров, М. П. Алексеев,
члены-корреспонденты АН СССР: И. И. Анисимов, Д. Д. Благой,
В. М. Жирмунский, Д. С. Лихачев,
член-корреспондент АН Таджикской ССР И. С. Брагинский,
профессоры: А. А. Елистратова, Ю. Г. Оксман, С. Л. Утченко,
доктор исторических наук А. М. Самсонов,
кандидат филологических наук Н. И. Балашов,
кандидат исторических наук Д. В. Ознобишин (ученый секретарь)

Ответственный редактор

академик В. В. ВИНОГРАДОВ

Песни легендарные и сказочные

ПРЕПИРАТЕЛЬСТВО ЗЕМЛИ С НЕБОМ

Боже правый, чудо-то какое!
С небесами земля препиралась.
Земля-мать так возговорила:
«Небо, будем судиться с тобою.
Ты терзаешь меня, мое небо,
Лютой мукой терзаешь и злобой:
От Михайлы до святого Юрья
Бурей, стужей и тяжкими льдами,
А от Юрья до дня Михаила
10 Градом, голодом и засухой страшной.
Ты с деревьев сбиваешь цветенье,
Отымаешь траву и пшеницу,
В слабых почках лист уничтожаешь
И лишаешь народ пропитанья.
Помрачнели поля и долины,
Оголились леса и нагорья,
А по нивам блуждают сироты.
Ядовитым ветром отравляешь,
И неожиданной смертью поражаешь».
20 Отвечает высокое небо:
«Как решилась, проклятая, спорить
С голубою и ясною твердью!
Ты виновна — разве ты не знаешь?

Тяготеют на тебе злодейства,
Тяготеют обманные клятвы,
Младший старших слушаться не хочет,
Отца, матери не почитает,
И господни не слышит веленья.
В гости кума кум не приглашает,
30 Брат сестрицу не зовет сестрою,
А брат брата на бой вызывает.
Беззаконьем меня оскорбляешь,
И велики твои злодеянья.
Если камни падают на землю,
Побивают земные творенья,—
Призывают людей к покаянью,
К примиренью с волею вышней.
Вот причина земли наказанья
И народов, по земле бродящих».

ЦАРЬ ДУКЛИЯН И ИОАНН КРЕСТИТЕЛЬ

Пьют вино два верных побратима
На песке у края синя моря —
Дуклиян и Иоанн Креститель.
Подкрепились чашей побратимы.
Говорит Креститель Дуклияну:
«Побратим, давай-ка поиграем;
Ты играй золотою короной,
Яблоко подкидывать я буду».
Начали они играть у моря.
10 Тут подбросил яблоко Креститель;
Яблоко упало в сине море.
Стал Креститель причитать и плакать.
Дуклиян Крестителю промолвил:
«Не печалься, побратим любимый!
Только ты моей не тронь короны,
Я из моря яблоко достану».
Богом клялся Иоанн Креститель,
Что его короны не похитит.
Дуклиян нырнул в пучину моря,
20 А Креститель полетел на небо.
Говорит, представши перед богом:
«Вечный боже, отец всемогущий,

- Смею ли тобой поклясться лживо?
У царя хочу отнять корону».
Отвечает бог ему на это:
«О, Креститель, мой слуга смиренный,
Можешь трижды клясться Дуклияну,
Именем моим лишь не клянися».
Опустился Иоанн на землю.
- 30 Дуклиян выходит из пучины,
Яблоко во рту своем выносит.
Стали снова играть побратимы;
Бросил снова яблоко Креститель,
И упало яблоко в пучину.
Стал Креститель причитать и плакать.
Дуклиян Крестителю промолвил:
«Не печалься, побратим любимый,
Только ты моей не тронь короны.
Я из моря яблоко достану».
- 40 Иоанн царю поклялся трижды,
Трижды божьим именем поклялся,
Что его короны не похитит.
Царь корону положил под шапку,
К ней поставил ворона на стражу
И спустился в синюю пучину,
А пучину Иван заморозил.
Сотворил двенадцать льдин на море,
И схватил корону золотую.
Полетел он на небо с короной.
- 50 Но закаркал громко черный ворон,
Царь его во глубине услышал.
Он из моря бросился на землю,
Головой-три слоя льда пробил он.
Возвратился царь на дно морское.
Положил на голову он камень,
Малый камень — камень стопудовый.
Проломил двенадцать льдин тяжелых,
Распустил он огненные крылья,
За Иваном полетел в погоню.
- 60 Настигает у ворот небесных
И хватает за правую ногу.
Что успел схватить — в руке осталось.
Весь в слезах Иван предстал пред богом
И принес назад на небо солнце.

Тут он богу жаловаться начал,
Что его обидел царь жестокий.
А господь на это отвечает:
«О слуга мой верный, не печалься:
На земле у всякого так будет».
70 Слава богу, это все так было.

ЗМЕЙ-ЖЕНИХ

Слушайте, про чудо расскажу вам!
Поженился король из Будима.
Девять лет от свадьбы миновало,
Но все нет детей у королевы.
Раз собрался король на охоту.
Не было в тот день ему удачи —
Не поймал он ни серны, ни лани.
Одолела жажда Милутина.
Он находит источник студёный.
10 Там водой холодной освежился,
Спрятался за темною сосною.
Слышит вскоре король, кто-то бродит:
Появились три горные вилы.
К ключевой воде они подходят,
Напились студеной водицы,
Отдыхают, беседуют тихо.
Старшая сказала младшим вилам:
«Слушайте, что вам открою, дочки!
Сколько лет прошло, как повенчался
20 Милутин, повелитель Будимский?
Девять лет прошло как повенчался,
Но все нет детей у королевы.
Ждет наследника король несчастный».
И еще эта вила сказала:
«Кто из вас такое знает средство,
Чтобы понесла его супруга?»
Вилы младшие молчат, не знают.
Старшая им тайну открывает:
«Если б знал король, что мне известно,
30 Он собрал бы девушек будимских,
Золота король не пожалел бы,
Чтоб сплели девицы частый невод,

- И в Дунай его бросили тихий,
Златоперую поймали б рыбку.
Пусть перо он правое отрежет,
И в Дунай обратно рыбу бросит.
Нужно дать то перо королеве,
Пусть плавник она съест златоперый,
И тогда беременною станет».
- 40 Милутин подслушал эти речи.
Он вернулся поспешно в столицу.
Собирает девушек будимских.
Золото дает им, не считая,
Чтоб сплели частый невод широкий.
Этот невод он в Дунай бросает.
Бог и счастье ему пособили —
Златоперую поймал он рыбку.
Взял перо он правое у рыбки,
И в Дунай златоперую бросил.
- 50 Королеве он плавник приносит.
Только съела плавник королева,
Тотчас же беременною стала.
Целый год она носит во чреве.
Наконец пришел и день рожденья:
Не ребенок у нее родился,
А змееныш лютый появился.
Пал на землю и скрылся змееныш,
В трещине стены змееныш скрылся.
Побежала королева к мужу,
- 60 Милутину говорила плача:
«Не наследник у тебя родился,
Не ребенок у меня родился,
А змееныш лютый появился.
Только пал он на землю сырую,
Тотчас же уполз в глухую стену».
Королеве Милутин ответил:
«Слава богу за его даянье!»
С той поры семь лет прошло печальных.
Змей в стене проговорил нежданно:
- 70 «Дорогой отец, король Будима,
Почему ты ждешь, меня не женишь?»
Как тут быть, король в недоуменье.
Так змеенышу он отвечает:
«Мой несчастный плод и худородный,

- Кто же выдаст дочь свою за змея?»
Говорит змееныш Милутину:
«Оседлай-ка ты коня лихого,
И отправься ко Призрену-граду.
Славный царь тем градом управляет.
80 За меня он выдаст дочь, я знаю».
Лишь услышал король эти речи,
Приказал седлать коня лихого.
И отправился к Призрену-граду.
Подъезжает он к призренским стенам.
Издалека царь его увидел
Со своей высокой белой башни.
К Милутину он навстречу вышел.
На дворе встречал его широко,
Обнимался с ним и целовался,
90 О здоровье спрашивал юнацком,
И повел его в свои хоромы.
Слуги взяли коня Милутина,
В новую поставили конюшню.
Царь три дня короля угощает,
Пировали, вино распивали.
От вина их лица раскраснелись,
Развязала языки ракия.
Беспокоен стал король будимский,
И заметил царь его волнение.
100 Говорит он гостю дорогом:
«Ты скажи, король, во имя божье,
Что на сердце у тебя таится?»
Милутин на это отвечает:
«Слушай, царь и призренский владыка,
Может быть ты от странников слышал,
Что давно я отпраздновал свадьбу.
Девять лет от свадьбы миновало;
У жены не ребенок родился,
Не ребенок, а змееныш лютый.
110 Как родился, в щель стены забрался.
Вот прошло еще семь лет печальных —
Из стены проговорил змееныш:
«Дорогой отец, король будимский,
Почему ты ждешь, меня не женишь?»
Я на это отвечаю змею:
«О, змееныш, плод мой худородный,

Скоморохи

*Фреска работы мастеров Михайлы и Евтихия (деталь) в церкви св. Георгия в Старом Нагоричине.
Начало XIV в.*

- Кто же выдаст дочь свою за змея?»
Но на это змей мне отвечает:
«Государь-отец, король Будима,
120 Оседлай-ка ты коня лихого,
Да отправься в Призрен-град немедля.
Славный царь тем градом управляет;
За меня он выдаст дочь, я знаю». Я не медля в дальний путь собрался,
И к тебе, как видишь сам, явился». Говорит на это царь премудрый:
«Вот что я, король, тебе отвечу:
Возвращаясь в град Будим не медля,
Змея ты спроси в стене дворцовой —
130 Может ли твой сын и твой наследник
Привести разукрашенных сватов,
Так, чтоб солнце их не осветило,
Ни роса ночная не смочила.
Если змей сумеет это сделать,
Я за змея выдам дочку замуж». Выслушал такую речь Милутин.
Приказал седлать коня лихого,
Ласточке-коню вскочил на спину.
По полю по ровному летит он,
140 Как звезда падучая по небу.
Вот король к Будиму подъезжает,
Про себя король такое мыслит:
«Боже правый, что теперь мне делать,
Как теперь найти мне сына-змея,
Передать ему царя решение?»
Но как раз у самых врат будимских
Ожидает змей его и молвит:
«Дорогой отец, король Будимский,
Даст ли царь свою мне дочку в жены?»
150 Милутин на это отвечает:
«Сын-змееныш, плод мой худородный,
Если ты в своих уверен силах,
Если проведешь нарядных сватов
От Будима до Призрена-града
Так, чтоб солнце вас не осветило,
Ни роса ночная не смочила,—
За тебя свою он выдаст дочку;
Если ж сделать этого не сможешь,

Царь не выдаст за тебя девицы».

160 Змей ему на это отвечает:

«Сватов собирай, отец, скорее,
Сам я поведу нарядных сватов.
Солнце нас не осветит лучами,
И роса не оросит ночная».
Сватов тут собрал король немало,
Тысячу собрал нарядных сватов.
Вот коня выводят Милутину,
Звался Ласточкою конь чудесный —
Сам гуляет по двору большому.

170 Закричали подручные сватов:

«Приготовьтесь, нарядные сваты,
Приготовься, наш жених любезный!»
Как услышал змей, что все готово,
Тотчас из стены наружу выполз,
По ноге коня к седлу поднялся,
На седле в клубок змееныш свился.
Из Будима выехали сваты.

Опустилася синяя туча,
От Будима до Призрена-града:

180 Солнце их лучом не осветило,

Ни смочила их роса ночная.
Подъезжает к Призрену змееныш.

Входят гости в царские хоромы.
По двору коней проводят сваты,
Не проводит лишь коня змееныш,—
Ходит сам собою конь юнацкий.

Царь радушно сватов принимает,
Дорогие им дарит подарки:

Каждому по шелковой рубашке,

190 Жениху же — сокола и лошадь,

И выводит девицу-невесту.

Закричали подручные сватов:

«Приготовьтесь, нарядные сваты!
Старший сват и кум, поторопитесь!
Приготовься, девица-невеста!

Время нам отправиться в дорогу».

Сваты на своих коней вскочили.

На коня невеста змея села.

Змей, сидевший в стене, это видел.

200 Вот поспешно по стене ползет он,

- По ноге коня к седлу поднялся,
На седле в клубок змееныш свился.
Из Призрена выехали сваты —
Опустилася синяя туча.
Разыгрались под сватами кони.
Разыгралась Ласточка под змеем,
Змей уздечкой коня раздражает,
Мостовую конь разбил копытом.
Всю дорогу в Призрене испортил —
210 За двенадцать лет нельзя исправить:
Столько он нанес царю убытков.
Возвратились и живы и здоровы,
Возвратились веселые сваты.
Веселились в Будиме неделю.
Наконец окончилось веселье.
По домам разъезжаются сваты.
Змей-жених в стене своей остался,
А король как прежде в тронном зале.
Надо бы свести молодоженов,
220 Молодых наедине оставить.
Повели красавицу-невесту,
Во светлицу повели на башню,
В самую высокую светлицу.
Только слышно порою полночной,
Что-то вдруг в светлице зашумело.
Крадется неслышно королева,
Крадется наверх высокой башни.
Отворила дверь в высокий терем —
Что же видит? Чудо, да какое!
230 На подушке змеиная кожа,
На постели спит юнак прекрасный,
Обнимает крепко молодую.
Каждая-то мать ребенку рада!
Унесла царица кожу змея,
Бросила в пылающее пламя,
И бежит к будимскому владыке:
«Счастье к нам, мой король, возвратилось!
Я взшла на высокую башню,
Дверь неслышно в терем отворила;
240 На подушке — вижу — кожа змея,
На постели спит юнак прекрасный,
Обнимает крепко молодую.

Я украла змеиную кожу,
Бросила в пылающее пламя». —
«Что ты сделала, жена, о горе!
Чтоб тебя проглотили бы змеи!»
Поднялась королева на башню.
Что же видит всем на удивленье? —
Мертвый витязь лежит на постели,
250 А жена юнака обнимает.
Так сказала она королеве:
«Горе мне, о боже милосердный,
Я осталась молодой вдовою!
О свекровь, господь тебя накажет!
Меньше зла мне сделала, старуха,
Чем себе ты сделала на горе».
Так сгубила мать родного сына.
Наша песнь, а здоровье от бога!
Как нам лгали — так вам рассказали.

ЖЕНИТЬБА ЦАРЯ СТЕПАНА

Вздумал сербский царь Степан жениться.
Он далече отыскал невесту,
В чуждых странах, в городе Леджане
У Михайлы, короля латынян,
Королевну, ясную Роксанду.
Царь посватал, а король согласен.
Царь сосватал в письмах королевну.
Призывает Тодора-визиря:
Мой помощник и слуга мой, Тодор,
10 Ты отправься в Леджан, белый город,
Посети ты будущего тестя,
И о свадьбе с ним договорися:
Нужно знать нам, когда мы поедем,
Сколько сватов мы возьмем с собою.
Ты увидишь Роксанду, оценишь,
Подойдет ли для царя царица,
Быть достойна ль госпожою царства.
Коль достойна, кольца обменяешь».
Верный Тодор-визирь отвечает:
20 «Постараюсь, государь державный».
Приготовясь, скачет в край далекий.

- Вот в Леджан приехал верный Тодор.
Сам Михайло выходит навстречу.
С ним неделю пьет сладкие вина.
Речь такую держит верный Тодор:
«Друг Михайло, государь латынский,
Не за тем я царем моим послан,
Чтоб в Леджане пить сладкие вина,
Но чтоб свадьбу с тобою назначить,
30 Выбрать время для царской поездки
Красным летом иль лютой зимою,
И о сватах нам договориться.
Покажи мне девицу Роксанду,
Чтобы кольца обменять, как должно».
Отвечает Михайло латынский:
«Верный Тодор-визирь, мой приятель,
Господин твой спрашивал о сватах —
Пусть возьмет он столько, сколько хочет,
Пусть приедет когда пожелает.
40 От меня ты передай с поклоном,
Чтоб не брал он племянников царских,
Войновичей, двух детей сестрицы,
Вукашина и с ним Петрашина:
На пирушках пьяниц нет опасней,
Вспыхнет ссора — худших нет буянов;
Коль напьются и затеют драку,
Нелегко нам справиться с бесчинством
В нашем белом городе Леджане.
А девицу ты сейчас увидишь,
50 Дашь ей перстень, как велит обычай».
Вот и ночка темная спустилась.
Не приносят свечи восковые,
Но во мраке выводят девицу.
Золотые кольца вынул Тодор
С жемчугами, с алыми камнями;
Засияла от камней палата,
Показалось Тодору-визирю,
Что Роксанда прекраснее вилы.
Он невесте кольцо надевает,
60 Дарит Тодор тысячу дукатов;
И уводят братья королевну.
Только в небе зорька заалела,
В путь обратный пускается Тодор,

- Поспешает в При́зрен, город белый.
А когда он прибыл в Призрен белый,
Вопрошает царь Степан визиря:
Ты скажи мне, визирь мой любимый,
Видел ли ты девицу Роксанду?
Обменял ли кольца золотые?
- 70 Говорил ли с королем Михайлой?
Отвечает Тодор по порядку:
«Царь, я видел и кольцо надел ей.
Нет прекрасней Роксанды девицы,
Нет прекрасней в целом сербском царстве!
А Михайло-король молвил мудро:
«Приезжай ты, когда тебе любо,
Сколько хочешь приведи ты сватов.
Но с поклоном передать велел он,
Чтоб не брал ты племянников царских,
- 80 Войновичей, сыновей сестрицы:
Коль напьются — пьяниц нет опасней,
Вспыхнет ссора — худших нет буянов;
Не легко им справиться с бесчинством
В их столице, латынском Леджане».
Речь визиря царь Степан услышал,
По колену рукою ударил:
«Стыд и горе, боже милосердный!
Докатилась славушка худая!
Так далёко известны бесчинства
- 90 Войновичей, племянников милых!
Но клянусь я кренким царским словом,
Только справлю веселую свадьбу,
Я обоих буянов повешу
На воротах града Вучитёрна,
Чтоб по свету меня не срамили!»
Собирает царь повсюду сватов;
Их двенадцать тысяч набралось.
Он ведет их по Косову полю.
Проезжают мимо Вучитёрна.
- 100 Войновичи видят царских сватов,
Братец брату говорит печально:
«Верно дядя на нас рассердился,
Пригласить нас в сваты не желает,
Злые люди нас оклеветали,
Чтоб с костей их мясо отвалилось!

- Царь уходит в латынскую землю,
А с собою юнаков не водит,
Родственников нет в сопровожденье.
Коль случится беда, кто поможет?
- 110 Лгать — латынян старая повадка,
И погубят дядю непременно.
А незванны ехать мы не смеем.
Говорит им матушка-старушка:
«Войновичи, дети дорогие,
По нагорьям брат меньшей ваш бродит,
Храбрый Милош-пастух со стадами,
Самый младший, а юнак он лучший.
Царь не знает о его рожденье.
Вы пошлите грамотку юнаку,
- 120 Пусть прискачет в Вучитёрн скорее.
Не пишите обо всем подробно,
Но пишите: мать на смертном ложе
Хочет сыну дать благословенье,
Чтобы не был проклят он навеки!
Поспешите же к мраморным палатам,
Мать застанешь быть может живою».
Как велела, так и поступили.
На колене грамотку выводят,
Отсылают к Шар-горе посланца.
- 130 Пишут брату, Милошу-чабану:
«Брат родимый и любимый Милош,
К Вучитёрну полети стрелою!
Мать-старуха смерти ждет всечасно,
Хочет дать тебе благословенье,
Чтобы не был проклят ты навеки».
Милош братьев получил посланье,
На бумагу слезы проливает.
Спрашивают тридцать три чабана:
«О наш Милош, старейшина храбрый,
- 140 Приходили письма к нам и раньше,
Но горючих слез не проливал ты.
Ради бога, кто пишет, скажи нам!»
На вопрос их Милош отвечает,
Встал он быстро, речь такую держит:
«О чабаны, братья дорогие,
Я из дома получил посланье,
Умирает матушка-старушка,

- Призывает на благословенье,
Чтоб не быть мне проклятым навеки.
150 Сторожите овец по нагорьям.
Я поеду, но вернусь я вскоре».
К Вучитёрну быстро скачет Милош
И к палатам подъезжает белым.
Оба брата выходят навстречу,
А за ними матушка-старушка.
Милош братьям говорит сердито:
«Вы не чтите истинного бога:
Нет несчастья — создали несчастье!»
Отвечают два родные брата:
160 «Нас несчастье, брат, не миновало».
Обнялись и поцеловались.
Милош руку матери целует.
По порядку братья рассказали,
Как поехал царь в латынский город,
В край далекий за своей невестой,
Родственников он не взял с собою.
«Брат наш Милош, мог бы ты поехать
Вслед за дядей со сватами вместе;
Присмотрел бы за царем и свитой.
170 Приключится ль беда и несчастье,
Ты в несчастье и в беде поможешь.
Если ж будет все благополучно,
Не открывшись, домой возвращайся».
Тотчас Милош братьям отвечает:
«Рад помочь я, братья дорогие,
Коль не дяде — так кому на свете?»
Стали братья в путь его готовить.
Сивку-бурку Петр ему седлает,
А Вукашин приносит одежды.
180 Надевает тонкую рубашку —
До пояса из чистого золота,
От пояса из белого шелка.
Три надел он сверху безрукавки.
На кафтане пуговицы блещут
И сияют кованые бляхи.
По четыре ока весят бляхи.
Натянул он на ноги чакширы,
Плащ болгарский сверху он накинул,
Меховую нахлобучил шапку.

- 190 Стал он с виду болгариним черным;
Не узнали б и родные братья!
Боевое копьё ему дали,
Меч отцовский из дамасской стали.
Сивку-бурку Петрашин выводит.
Был он шкурой медвежьей обтянут,
Чтобы сивку царь не опознал бы.
Мудро братья брату наказали:
«Ты догонишь сватов на дороге,
Спросят кто ты, из какого края, —
- 200 Из валахов черных, ты ответишь;
В услуженье был Радула-бега,
Но за службу бег не заплатил мне,
Вот пошел я по белому свету.
Лучшей службы ищу на дороге.
Я услышал про царскую свадьбу,
И незванный в сватах объявился,
Чтобы царь мне дал белого хлеба,
Напоил бы вином меня красным.
На короткой узде держи сивку:
- 210 Ведь привык он к царевой конюшне,
Скачет рядом с царскими конями».
Сивку-бурку тут Милош пришпорил,
Царских сватов быстро догоняет.
Догоняет сватов близ Загорья.
Спрашивают незнакомца сваты:
«Ты откуда, молодой болгарин?»
Отвечает Милош: «Я-то дальний», —
Так, как братья его научили.
Были сваты с Милошем любезны:
- 220 «Будь нам другом, молодой болгарин,
Пусть в дружине одним будет больше».
И покуда путь они держали,
Одолела Милоша дремота —
Спать привык он с пастухами в полдень.
Задремал он, на коне качаясь.
Сивке-бурке повод он ослабил.
Сивка поднял голову высоко,
Растолкал он и коней и сватов,
До царевых коней он добрался;
- 230 С ними рядом скачет он как равный.
Бить хотели болгарина слуги.

- За чабана царь Степан вступился.
«Молодого пастуха не бейте!
В полдень спать болгарин приучился
Среди стада на лужайках горных.
Бить не надо — разбудите парня».
Растолкали пастуха дворяне:
«Эй, проснись-ка, молодой болгарин,
Бог помилуй мать твою, старуху,
240 Что такого родила болвана
И в царёвы сваты снарядила!»
Тут очнулся Милош, встрепенулся,
В черны очи царя посмотрел он —
Рядом с царским конем скачет сивка.
Натянул тут Милош узкий повод,
Выгнал сивку из рядов передних,
Острой шпорой медною ударил.
Сивка скачет три копыя направо,
На четыре копыя ввысь он скачет,
250 А вперед-то — и счесть невозможно!
Извергает сивка синий пламень,
Синий пламень из ноздрей струится.
Все двенадцать тысяч сватов стали,
Смотрят в оба на коня чабана,
Смотрят в оба — и диву дивятся.
«Боже правый, великое чудо!
Конь отличный, а юнак никчемный.
Мы такого коня не видали!
Был когда-то у царского зятя,
260 Войновича зятя конь такой же».
Смотрят трое разбойников дерзких:
Звался первый — Джáковицей Вуком,
А второй был Янко Нестопóльский,
Третий парень был из Приепóлья.
Смотрят косо, говорят друг другу:
«Конь хороший, а хозяин молод.
Нет такого коня в царской свите,
И такого сам царь не имеет.
Мы от сватов отстанем немного,
270 Купим мы коня, или отыдем».
Вот к ущелью приблизились сваты.
Поотстали разбойнички малость
И сказали Милошу-чабану:

- «Эй, послушай, молодой болгарин,
Променяй нам серую лошадку.
Ты получишь коня еще лучше,
Сто дукатов к тому же впридачу.
Рало купишь и волов запряжку,
Ты крестьянствуй, да хлебом кормися!»
- 280 Отвечает им Войнович Милош:
«Вам, хапуги, скатертью дорога!
Мне не нужен лучший конь, чем сивка,—
Мне и с этим управиться трудно!
И к чему мне сто дукатов желтых?
Их весами мерить не умею,
И считать их счетом непривычен.
И к чему мне волы и орало?
Батюшка мой не пахал, не сеял,
А вскормил он меня белым хлебом».
- 290 Тут хапуги с угрозой сказали:
«Эй, послушай, молодой болгарин!
Или нам ты коня променяешь,
Или сами коня мы отыщем!»
Отвечает им Войнович Милош:
«Отымает сила все на свете —
Как не взять ей коня, коль захочет!
Что же делать, коня променяю.
В край далекий пешком не дойти мне».
Сивку-бурку вдруг остановил он,
- 300 Сунул руку под медвежью шкуру,
Скинул Милош шестопер тяжелый
И ударил Джаковицу Вука.
Хоть легонько Войнович ударил,
Но три раза Вук перевернулся.
Усмехнулся Милош, говорит он:
«Столько гроздьев пусть тебе приносит
Виноградник в ровной Джаковице».
Убегает Янко Нестопольский,
Догоняет Милош злого вора,
- 310 Ударяет Янка меж лопаток —
Обернулся он четыре раза.
«Эй, держися, Янко Нестопольский!
Столько яблок собери, приятель,
В нестопольских садах этим летом!»
Удирает парень приепольский,

- Догоняет разбойника Милош.
Шестопером и его он стукнул,
Семь раз парень перекувырнулся;
«Эй держися, юна́к приепольский!»
320 В Приеполье когда возвратишься,
Ты девицам похвались, поведай,
Как отнял ты коня у чабана!»
Так промолвил и к сватам помчался.
Прискакали к белому Леджану
И разбили шатры в чистом поле.
Нет овса-то для царской конюшни,
Сивке-бурке овса и не сыщешь!
Только Милош тут долго не думал.
Взял он торбу левою рукою,
330 Прогулялся от стойла до стойла;
Быстро торбу свою он наполнил.
Кравчего он царского находит:
«Кравчий, дай мне вина, да не медли!»
Царский кравчий ему отвечает:
«Убирайся, чума́зый болгарин!
Если б ковши́к принес деревянный,
Я быть может налил бы хмельного,
Золоченых ты чаш недостоин».
Милош смотрит на кравчего гневно,
340 Ударяет легонько рукою.
По зубам он кравчего ударил —
В горло втиснул три-четыре зуба.
Тут взмолился виночерпий царский:
«Не дерися, молодой болгарин,
Ты получишь вина сколько хочешь,
Если б даже царю не хватило».
Больше Милош просить не желает —
Вина точит и пьет сколько хочет.
До утра он вином подкреплялся.
350 Вот и солнце взошло на востоке.
С башни кличет глашатай латынский:
«Эй, послушай, сербский повелитель!
Королевский боец появился
Под стенами белого Леджана.
Вызывает он на поединок.
Приготовься и выйди навстречу,
Иль отсюда назад не вернешься,

- За собою не выведешь сватов,
И Роксанды тебе не увидеть».
- 360 Эти вести царь Степан услышал,
Посылает глашатаев быстрых;
Верным сватам они объявляют:
«Не найдется ль юнак среди сватов,
Что рожден был матерью для битвы.
Пусть он выйдет биться в чисто поле.
Он получит от царя награду!»
Не нашелся средь сватов охотник.
Царь ударил рукой по колену:
«Стыд и горе, боже милосердный!
- 370 Коль со мною племянники были б,
Войновичи, сестры моей дети,
Не колеблясь, меня заменили б».
Эти речи не успел промолвить,
Появился молодой болгарин.
Сивку-бурку за повод он водит.
«Разреши мне, царь и повелитель,
В поле выйти, померяться силой».
Отвечает царь Степан, колеблясь:
«Выйти можешь, молодой болгарин,
- 380 Да не знаю, будет ли удача.
Коль убьешь ты противника злого,
Возвеличу тебя и прославлю».
Быстро Милош на коня садится.
Сивка-бурка под юнаком пляшет.
Держит Милош копьё не как должно —
Повернул он концом его книзу.
Тут заметил царь Степан юнаку:
«Сын любезный, копьё оберни ты
Заостренным концом на латынян,
- 390 Над тобою чтоб враг не смеялся».
Отвечает Войнович сердито:
«Ты заботься о царском величье;
Коль со мною беда приключится,
Повернуть-то копьё мне недолго;
Если ж будет все благополучно,
Донесу я его как мне любо».
Он поехал к городу Леджану,
А на башнях и стенах Леджана
Говорили девушки-латынки:

- 400 «Боже правый, чудо-то какое!
И нашел же сербский царь юнака!
Ведь одежды нет на нем пристойной.
Понапрасну веселишься, витязь,
На кого ты саблей замахнешься —
Нет корысти в бой вступать кровавый!»
Подъезжает Войнович к палатке.
Под палаткой витязь королевский.
Привязал он за копье гнедого.
Восклицает Милош, приближаясь:
- 410 «Встань скорее, латынянин белый,
И со мною померяйся силой!»
Отвечает витязь королевский:
«Убирайся, чумазый болгарин,
Опоганить не хочу я саблю:
С оборванца ничего не снимешь».
Рассердился Милош и воскликнул:
«Встань скорее, латынянин белый,
На тебе-то одежда получше,
Станет скоро моею добычей!»
- 420 Вскакивает витязь королевский.
На коне по чисту полю мчится,
Бешеному отпустил поводья.
Ждет удара противника Милош.
Витязь мечет копье боевое.
Целит прямо противнику в сердце.
Милош держит шестопер крылатый.
Принимает он копье стальное,
Разбивает на три половины.
Восклицает латынянин белый:
- 430 «Подожди-ка, чумазый болгарин,
Верно, дали мне копье плохое.
С новым, лучшим, сейчас я вернуся».
Так кричит он, коня погоняет.
Тут воскликнул Войнович сердито:
«Стой, ни с места, латынянин белый,
От меня ты убежать не сможешь!»
Гонит Милош беглеца по полю,
Догоняет у ворот Леджана.
Городские заперты ворота.
- 440 Милош бросил копье боевое,
Приковал он к воротам юнака,

- К тяжким крепким воротам Леджана.
Отрубил он голову лихую,
В торбу бросил русую небрежно
И с латынским конем возвратился
В сербский лагерь к сербскому владыке:
«Вот принес я голову лихую!»
Царь богато его одаряет:
«Сын мой милый, садись, вина выпей!
450 Награжу я тебя и прославлю».
Только Милош вина себе налил,
С башни града закричал глашатай:
«Царь, пред самым городом Леджаном
Три юнацких коня стоят рядом.
Как для битвы оседланы кони.
Огненные три меча на седлах,
Остриями повернуты к небу.
Перепрыгнуть мечи эти должен;
Коль задачу выполнить не сможешь,
460 Не получишь прекрасной Роксанды!»
Снова к сватам вестники зывают —
Не найдется ль среди сватов юнака,
Что рожден был матерью для битвы?
Трех он должен коней перепрыгнуть,
Перепрыгнуть мечи огневые.
Не нашелся среди сватов охотник.
Вишь-ты, снова болгарский молодчик
Пред палаткой царя объявился:
«Разрешить ли, царь и повелитель,
470 Перепрыгнуть трех коней юнацких?»
«Разрешаю, мой сыночек милый,
Только скинь ты этот плащ болгарский.
Пусть портного небо покарает —
Не сумел он скроить покороче!»
Отвечает Милош государю:
«Царь, садися, пей хмельные вина,
О плаще моем не беспокойся!
Если хватит смелости юнаку,
Этот плащ мне не будет помехой.
480 Коль овечке шерсть ее мешает,
Не годится ни шерсть, ни овечка».
И помчался по чистому полю.
Вот к мечам огненным он подъехал,

- И с коня он соскочил проворно,
Сивке-бурке на ухо шепнул он:
«Сивка-бурка, жди, вернуся скоро».
Вот с противной стороны заходит;
Разбежался по чистому полю,
Перепрыгнул трех коней юнацких,
490 Перепрыгнул мечи огневые,
И вскочил он в седло Сивки-бурки.
Он хватает трех коней латынских
И уводит их к царю Степану.
Только вскоре закричал глашатай
С белых башен города Леджана:
«Ожидаем мы царя Степана
Перед башней самою высокой.
Мы на башне копьё укрепили,
На верхушке — яблоко златое.
500 Через перстень пусть его прострелит!»
Милош больше и ждать не желает —
Обратился к царю он Степану:
«Разреши мне, царь и повелитель,
Сбросить с башни яблоко на землю».
«Разрешаю, мой родной сыночек».
Вышел Милош под белую башню,
Натянул он тетиву златую,
Прострелил он яблоко сквозь перстень.
Плод берет он белою рукою
510 И приносит яблоко Степану.
Награждает царь его богато.
Только вскоре глашатай взывает
С белой башни крепости латынской:
«Царь, послушай, из ворот Леджана
Два выходят королевских сына
И выводят трех девиц прекрасных.
Друг на друга девицы похожи,
И одежда на девицах та же.
Коль Роксанду узнать не сумеешь,
520 На другую девицу укажешь,
Потеряешь не одну Роксанду, —
Потеряешь голову и царство!»
Эти речи царь Степан услышал.
Призывает Тодора-визиря:
«Ты девицу узнай, да не мешкай!»

- Тодор богом пред царем клянется:
«Я Роксанду почти и не видел.
Мне во мраке ее показали,
Обменялся кольцами во мраке».
- 530 Царь ударил рукой по колену:
«Боже правый, велико несчастье!
Одолели и перехитрили,
А девица мудрых посрамила!»
Весть заслыша, Милош объявился.
Говорит он сербскому владыке:
«Разреши мне, царь и повелитель,—
Я узнаю девицу Роксанду». —
«Разрешаю, милый мой сыночек,
Но надежда на тебя плохая.
- 540 Как узнаешь Роксанду, скажи мне?
Ты девицы никогда не видел.
Отвечает Милош государю:
«Царь пресветлый, ты не беспокойся.
На лужайках Шар-горы высокой
Я овечек нас двенадцать тысяч.
За ночь было по триста ягнят,
Различал я по овце ягненка,
А Роксанду по братьям узнаю».
- Тут воскликнул царь Степан, привставши:
- 550 «Поспеш же, сынок мой родимый!
Коль Роксанду отличить сумеешь,
Дам тебе я землю Скендерию,
Чтобы ею управлял до смерти».
- Вот помчался Милош чистым полем.
Он подъехал к девицам и братьям,
Бросил оземь болгарскую шапку.
Быстро скинул Милош плащ болгарский.
Засверкала парча золотая,
Засверкали золотом червонным
- 560 Ноговицы, пуговицы, бляхи,
Засиял он средь травы зеленой —
Будто солнце из леса выходит.
Стелет плащ он по траве зеленой,
Перстни, кольца на него бросает,
Мелкий жемчуг, камни-самоцветы.
Обнажает меч из синей стали —
Трем девицам молвит Милош строго:

- «Та девица, чье имя Роксанда,
Пусть скорее рукава засучит
570 И в широкий подол собирает
Кольца, жемчуг, камни-самоцветы.
Если руку другая протянет,
Верой твердой моей я клянуся:
Ей до локтя я отрежу руку».
Две девицы, что стояли с края,
Речь услыша, на среднюю смотрят,
А Роксанда смотрит прямо в землю.
Подобрала шелковое платье,
Собирает кольца золотые,
580 Мелкий жемчуг, камни-самоцветы.
Две другие убежать хотели,
Убежать им Милош не позволил,
Но схватил их за белые руки.
Трех красавиц он повел к Степану.
Дал Роксанду царю-государю,
Да впридачу вторую девицу,
Третью Милош для себя оставил.
Царь юнака меж очей целует,
А не знает, кто он и откуда!
590 Закричали нарядные дружки:
«Собирайтесь, нарядные сваты!
Возвращаться настало нам время!»
В путь собрались веселые сваты
И увозят девицу Роксанду.
Недалеко от града Леджана
Милош снова к царю обратился:
«Господин наш, царь и повелитель,
Есть в Леджане страшный воевода,
А зовется лютый пес Балачко.
600 Мне он ведом, обо мне он знает.
Тесть твой милый давно его кормит,
Чтоб он сватов разогнал нарядных,
Чтоб он девицу отнял Роксанду.
Жди Балачку — гонится за нами.
Три у змия головы на шее,
Синий пламень из первой исходит,
Дует ветер из второй студеный;
А как выйдут и огонь и ветер,
Воеводу победить нетрудно.

- 610 Увозите скорее Роксанду,
А Балачку я здесь повстречаю,
Постараюсь задержать я змия.
Ускакали нарядные сваты
И с собою увезли Роксанду.
Ждет латынян Милош на дороге.
С ним осталось триста храбрых сватов.
Только сербы покинули поле,
Воеводу король призывает:
«О, Балачко, преданный и верный,
620 Заслужил ли ты мое доверье?
Царских сватов сможешь ли рассеять,
Отобьешь ли девицу Роксанду?»
Спрашивает грозный воевода:
«Господин мой, владыка Леджана,
Как зовется юнак среди сватов,
Что всех лучше был и всех храбрее?»
Королева говорит Балачке:
«Воевода, наш слуга любимый,
У Степана не было юнака,
630 Лишь один был чумазый болгарин,
Молод-зелен, с голым подбородком».
Королеве ответил Балачко:
«Это не был чумазый болгарин,—
С нами Милош Войнович тягался,
Но об этом царь Степан не знает;
Я же знаю Милоша давненько».
Королева говорит Балачке:
«Воевода и слуга наш верный,
Коль отымешь девицу у сербов,
640 Ты получишь от меня Роксанду».
Сел Балачко быстро на кобылу
И помчался по пыльной дороге.
С ним шесть сотен конников латынских.
Прискакали в лес они зеленый.
На дороге стоит сивка-бурка,
А за сивкой Милош притаился.
Воевода закричал Балачко:
«Ждешь ли, Милош, меня на дороге?»
Тут пускает он синее пламя,
650 Опалил он лишь шкуру медвежью,
Не нанес он вреда и убытка.

- Тут пускает он ветер студень —
Трижды сивка перекувырнулся.
Крикнул Милош грозно во все горло:
«Эй, держися, вот тебе гостинец!»
Бросил Милош шестопер крылатый;
Хоть легонько ударил Балачку —
Супостата из седла он выбил.
Замахнулся копьём смертоносным,
660 Воеводу к земле приковал он,
И отрезал он головы змия;
В торбу бросил за седлом высоким.
На латынских конников напал он;
Триста сватов помчалось вдогонку,
И срубили голов они триста.
Царский поезд догнали с добычей.
Милош бросил головы Балачки
Перед царским конем на дорогу.
Получил он тысячу дукатов.
670 В белый Призрен путь обратный держат —
Едут сваты по Косову полю.
Перед белым градом Вучитёрном
Хочет Милош к своим возвратиться.
Обратился к царю он Степану:
«Милый дядя, царь Степан, будь счастлив,
Милый дядя, сербский повелитель!»
Тут лишь понял царь, что это Милош,
Самый младший Войновичей братец.
Обнимает племянника крепко.
680 «Ты ли это, Милош, сын любимый?
Мой племянник, что всех мне дороже?
Мать юнака, будь благословенна!
Будет дядя тобою гордиться.
Почему ты раньше не открылся?
Испытал ты немало лишений,
Претерпел ты и голод и жажду». —
Тяжко в мире без родных и близких.

СВЯТОЙ НИКОЛАЙ

- Боже правый, чудо-то какое!
Что за чудо в Павловом подворье!
В монастырской трапезной я видел
За столами из литого злата
По порядку всех святых господних:
Председатель — сам Илья гремящий,
Посредине — Савва и Мария,
А всех ниже Пятница с Неделью.
Пьет за здоровье Николай Угодник
- 10 И христову славу величает.
Только малость задремал святитель
И спросонок выпустил он чашу.
Пала чаша на столы златые,
Не разбилась, не пролилась чаша.
Укоряет Громовник Николу:
«Брат мой милый, Николай Угодник,
Прохлаждались мы вином и раньше,
Но еще мы, братец, не дремали,
Золотую не роняли чашу;
- 20 Отчего ты погрузился в дрему?»
Отвечает Николай Угодник:
«Не сердися, о Илья гремящий,
Чуть вздремнул я — видел сон неожиданный:
Вышли в море триста черноризцев,
Плыли морем синим и глубоким
Двое суток с даром для Афона —
Желтым воском, ладаном и смирной.
Вдруг поднялся ветер поднебесный,
Разгулялись волны на просторе,
- 30 Угрожая гибелью монахам.
И воззвали триста черноризцев:
— Помоги нам, Николай Угодник!
Где б ты ни был, поспеши на помощь!
К ним пришел я и помог в несчастье.
И приплыли триста черноризцев;
Высадились веселы и здравы
На Афоне с щедрыми дарами —
Желтым воском, ладаном и смирной.
Оттого-то дремой был охвачен
- 40 И спросонок уронил я чашу».

Свадьба в Кане

Фреска работы мастеров Михайлы и Евтихия в церкви св. Никиты. Начало XIV в.

ЦАРЬ КОНСТАНТИН И САМОУЧКА

- Государь Константин повелитель
Славит славу святителя Юрья.
Приказал он три стола поставить.
Первый стол — из чистого злата,
А второй — из серебра литого.
Третий стол — из дерева простого.
За трапезой из чистого злата
Архипастырей сели двенадцать
И четыре старых патриарха.
- 10 За столом из серебра литого
Триста иноков, черных монахов;
За столом из дерева простого
Триста послушников монастырских,
Что еще обучаются в школе.
Среди них был один самоучка.
Константин подымается с трона,
Меж столов проходит он накрытых.
Вот подходит к столу золотому,
Где двенадцать сидят архиереев
- 20 И четыре старых патриарха.
Царь, смиренно старцам поклонился,
И такое им слово промолвил:
«Исповедуюсь я перед вами —
В этой жизни тяжко согрешил я,
Бил своих родителей и мучил;
Есть ли этому греху прощенье?»
Отвечают епископы важно
И четыре старых патриарха,
Не закону следуют господню,
- 30 А царю усердно потакают:
«Константин, государь наш державный,
На духу легко грехи отпустим.
Повели сковать из злата митры,
Прикажи их, государь, украсить
Самоцветами и жемчугами,
Подари ты епископам митры
И святейшим твоим патриархам,
И получишь грехов отпущенье».
- Константин идет к столу другому.
- 40 За серебряным столом пируют

- Триста черных иноков-монахов.
Константин поклонился смиренно
И такое им слово промолвил:
«Мне скажите, святые монахи,
Исповедуюсь я перед вами —
В этой жизни тяжко согрешил я,
Бил своих родителей и мучил.
Есть ли этому греху прощенье?»
Отвечают царю черноризцы,
50 Не закону следуют господню,
А царю усердно потекают:
«Константин, государь наш державный,
На духу легко грехи отпустим.
Дарственные грамоты нам выдай,
Триста грамот — тремстам черноризцам.
Да построй монастыри большие,
Удели богатые угодья.
Будем за тебя мы все молиться,
И получишь грехов отпущенье».
- 60 Снова царь между столами ходит.
Он приблизился к трапезе нижней,
К самой нижней, простой, деревянной,
Где дьячки сидят с учениками,
Что еще обучаются в школе.
Среди них-то один — самоучка.
Царь и этим гостям поклонился
И с такою речью обратился:
«Вы скажите мне, дьячки и дети,
Исповедуюсь и перед вами —
- 70 В этой жизни тяжко согрешил я,
Бил своих родителей и мучил.
Есть ли этому греху прощенье?»
Ничего не говорят подростки.
Только встал ученик-самоучка,
Он царю не потакал усердно,
А по правде божьей говорил он:
«Константин, государь наш державный,
Мы тебе твои грехи отпустим:
Деревянную построй ты келью,
80 И намажь ее смолой и салом.
В деревянную заприся келью
И со всех сторон зажги лучиной.

- С вечера пусть до утра пылает.
Если жив останешься ты в келье,
То получишь грехов отпущенье».
Константин-государь омрачился —
Тяжко было слушать эти речи.
Строит он деревянную келью,
Дранки салом и смолою мажет.
90 И в нее он запер самоучку.
С четырех сторон поджег он келью.
До зари всю ночь она горела.
А когда зарумянилась зорька,
Рано царь Константин встал с постели.
Посмотреть захотел, что случилось.
Царь приходит к деревянной келье,
Но от кельи остался лишь пепел.
Посредь пепла сидит самоучка,
И в руках его псалтырь Давыдов.
100 Молится он богу по закону.
Царь, увидя это, изумился.
Как остался в живых самоучка?
Изумился он и испугался.
Быстро строит из дерева келью.
Мажет дранки салом и смолою.
Запирается сам в этой келье.
С четырех сторон поджег лучиной.
А когда зарумянилась зорька,
Рано встал ученик-самоучка,
110 Чтoб узнать, что с царем приключилось.
Он приходит к деревянной келье,
Но от кельи остался лишь пепел.
Среди пепла ищет Константина.
Правую одну находит руку —
Освятилась царская десница.
Почему десница освятилась?
Ею он добра творил немало:
Он кормил голодных и убогих,
Жаждающих поил в своих владеньях,
120 Голых и босых одел-обул он.
Нищих и сирот призрел бездомных —
Вот рука его и освятилась.

ВОЕВОДА ТОДОР

- Кто стенает на заре воскресной,
В воскресенье до восхода солнца?
В белом граде Соколе кто стонет
В злой темнице Мάρкони́ча Перы?
То стенает, словно сокол сизый,
Воевода Тодор благоверный.
Пособить ничем не может горю.
Завтра должен Юрьев день он славить,
Славить имя своего святого;
- 10 Только нечем честь воздать святому.
Вратаря он молит, словно брата:
Молодой тюремщик, помоги мне,
Ради бога, отвори ворота.
Я отпра́влюсь к Пере-господарю,
Упрошу я Перу-господаря
На поруки отпустить на рынок,
На поруки праведного бога.
На базаре обойду торговцев,
 Попрошу их дать вина и хлеба,
- 20 Чтоб насытить узников в темнице —
Бога ради и святого Юрья».
Вратарь просьбу выслушал по-божьи,
Отпускает Тодора на волю,
Отпускает Тодора и Перо
На поруки истинного бога.
Воевода по базару бродит
Средь торговцев и сидельцев разных.
Все карманы у Тодора пусты;
Золоченый лишь он спрятал ножик,
- 30 Золоченый, серебром украшен.
Продает он этот нож торговцам.
Предлагает первый два дуката,
Три дуката дать второй согласен,
Третий, вспомнив о души спасенье,
Дал четыре Тодору дуката.
На дукат он хлеба покупает,
А другой он тратит на напитки,
Третий тратит он на угощенье
И на свечи желтые для славы,
- 40 А четвертый он дукат оставил,

- Чтоб несчастных одарить в темнице —
Бога ради и святого Юрья.
Зажигает свечку воевода,
Возвратившись в Перову темницу.
Приготовил ужин заключенным.
Ужинают, пьют вино хмельное,
Вспоминают божий праздник светлый.
Пьет и Тодор в честь крещения-славы: —
«Слава божья, имя пречестное,
50 О, святитель, покровитель Юрий,
Из темницы вызволи проклятой!»
Лишь успел он здравцу промолвить,
Пред темницей витязь появился
И зовет он громко воеводу:
«Слушай, брат мой, Тодор-воевода,
Выйди, брат мой, из ворот темницы,
Два-три слова лишь тебе скажу я». —
Отвечает Тодор-воевода:
«Не сердися, витязь неизвестный,
60 Рад бы выйти из темницы лютой,
Да темницу запирают на ночь,
И тюремщик ключ унес с собою». —
«Выйди, брат мой, Тодор-воевода!
Настежь девять врат темницы лютой,
И десятый пал замок железный,
Слесарей дубровницких работа». —
Вот выходит из темницы Тодор.
Пред темницей витязь необычный;
На коне он сивом богатырском,
70 В одеянье из парчи серебристой,
И соболя шапка на юнаке,
И над шапкой страусовы перья.
Защищают страусовы перья
И юнака и коня от солнца —
От загара белый лик юнака.
Воеводе речь такую держит:
«Слушай, брат мой, Тодор-воевода:
Этой ночью ты покинь темницу.
Не иди ты по-над синим морем:
80 Там латынян всюду встретишь стражу,
И, страшусь я, там тебя поймают,
Но иди ты черною горою,

- И увидишь вновь свой дом господский.
Обернулся Тодор-воевода,
Чтобы чару поднести юнаку,
Но исчезли конь и витязь храбрый.
По темнице ходит воевода,
Заключенным сообщает новость.
Лишь узнали тридцать заключенных,
90 Что ворота открыты темницы,
Оставляют хлеб, вино и ужин,
В дом родимый каждый поспешает.
Держит Тодор путь горою черной.
А когда он в дом вошёл господский,
Славит славу верная подруга,
Принимает кумовьев и близких,
Угощает званых и незваных.
Так женою слава не забыта!
Пьет супруга в честь крестовой славы —
100 «Помоги нам, боже и святитель,
О Георгий, покровитель рода,
Из темницы вызволи проклятой,
Господаря приведи обратно!»
В это время Тодор в дом свой входит,
Принимает от супруги чашу.
Пьет хозяин в честь господней славы,
Прославляет Георгия имя
В белом доме во дворе широком,
Угощает званых и незваных,
110 Принимает кумовьев и близких.

ОМЕР И МЕЙРИМА

- По соседству двое подрастали,
Годовальными они сдружились,
Мальчик Омер, девочка Мейрима.
Было время Омеру жениться,
А Мейриме собираться замуж,
Но сказала сыну мать родная:
«Ах, мой Омер, матери кормилец!
Отыскала я тебе невесту:
Словно злато Аглагича Фата».
10 Юный Омер матери ответил:

- «Не хочу к ней свататься, родная,
Верность слову не хочу нарушить».
Отвечает мать ему на это:
«О мой Омер, матери кормилец,
О мой Омер, голубь белокрылый,
О мой Омер, есть тебе невеста —
Словно золото Атлагича Фата.
Птицей в клетке выросла девица,
20 Знать не знает, как растет пшеница,
Знать не знает, где деревьев корни,
Знать не знает, в чем мужская сила».
Юный Омер матери ответил:
«Не хочу я, матушка, жениться!
Крепкой клятвой я Мейриме клялся,
Будет верность слову крепче камня.
И ушел он в горницу под крышу,
Чтоб прекрасным сном себя утешить.
Собрала мать всех нарядных сватов,
Собрала их тысячу, не меньше,
30 И пустилась с ними за невестой.
Лишь Атлагича достигли дома,
Тотчас же их Фата увидела
И навстречу им из дома вышла.
Жениховой матери сказала,
С уваженьем ей целуя руку:
«О скажи мне, мудрая старушка,
Что за полдень, коль не видно солнца.
Что за полночь, коль не виден месяц.
Что за сваты, коль не прибыл с ними
40 Юный Омер, мой жених прекрасный?»
А старуха отвечает Фате:
«Золото Атлагича, послушай!
Ты слыхала ль о лесах зеленых,
О живущей в чащах горной виле,
Что стреляет молодых красавцев?
За родного сына я боялась,
И его я дома задержала.
От зари до самого полудня
Там на славу сваты пировали,
50 А потом отправились обратно,
Взяли Фату, Атлагича золото.
А подъехав к дому, у порога,

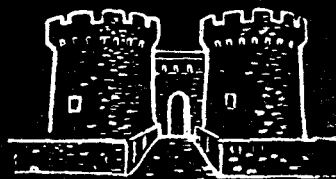
- Спешились вернувшиеся сваты,
Лишь невеста на коне осталась.
Говорит ей ласково старуха:
«Слезь на землю, доченька родная».
- Отвечает золото-невеста:
«Не сойду я, мать моя, ей-богу,
Если Омер сам меня не примет
60 И на землю черную не снимет».
- К Омеру старуха побежала,
Будит сына своего родного:
«Милый Омер, вниз сойди скорее,
И прими там на руки невесту».
- Юный Омер матушке ответил:
«Не хочу я, матушка, жениться!
Крепкой клятвой я Мейриме клялся,
Будет верность слову крепче камня».
- Сокрушенно сыну мать сказала:
70 «Ах, мой Омер, матери кормилец,
Если слушать мать свою не хочешь,
Проклянута я молоко из груди!»
- Жалко стало Омеру старуху,
На ноги он встал и вниз спустился,
Золото он взял с седла руками,
Нежно принял и поставил наземь.
- Полный ужин сваты получили,
Повенчали жениха с невестой
И свели их в горницу пустую.
- 80 На подушках растянулась Фата,
Омер в угол на сундук уселся,
Сам снимает он с себя одежду,
Сам на стену вешает оружие.
- Застонало Атлагича злато,
Проклинает сватовство старухи:
«Старая, пусть бог тебя накажет:
С нелюбимым милое сдружила,
Разлучила милое с любимым!»
- Отвечает юный парень Омер:
90 «Ты послушай, золото-невеста!
До рассвета помолчи, не дольше,
Пусть напьются до упаду сваты,
Пусть сестрицы водят хороводы!
Дай чернила и кусок бумаги,

- Напишу я белое посланье». Написал он белое посланье, И сказал он золоту-невесте: «Завтра утром, чтоб остаться правой, Ты старухе дай мое посланье».
- 100 Лишь наутро утро засияло, Новобрачных мать будить явилась, Постучала в дверь опочивальни. Плачет, кличет золото-невеста, Проклинает замыслы старухи, Но старуха удивленно молвит: «О мой Омер, матери кормилец, Что ты сделал? Быть тебе безродным!» Дверь открыла и остолбенела, Недвижимым видит тело сына.
- 110 Люто воет в горести старуха, Проклинает золото-невесту. «Что ты с милым сыном натворила? Как сгубила? Быть тебе безродной!» Отвечает золото-невеста: «Проклинаешь ты меня напрасно! Он оставил белое посланье, Чтоб ты знала правоту невесты!» Мать читает белое посланье, Горько слезы льет она, читая.
- 120 Ей посланье так проговорило: «Облачите в тонкую рубаху, Что Мейрима в знак любви дала мне! Поважьте шелковый платочек, Что Мейрима в знак любви связала! Положите на меня бессмертник, Украшала им меня Мейрима. Соберите парней неженатых, Соберите девок незамужних, Чтобы парни гроб несли к могиле,
- 130 Чтобы девки громко причитали, Через город пронесите тело, Мимо дома белого Мейрима. Пусть целует мертвого Мейрима, Ведь любить ей не пришлось живого». А как мимо тело проносили, Вышивала девушка Мейрима,

- У окна открытого сидела.
Вдруг две розы на нее упали,
И иголлка выпала из пальцев.
- 140 К ней меньшая подошла сестрица.
Говорит ей девушка Мейрима:
«Бог помилуй, милая сестрица!
Дал бы бог нам, чтоб не стало худо.
Мне на пальцы две упали розы,
А иголлка выпала из пальцев».
Тихо отвечает ей сестрица:
«Дорогая, пусть господь поможет,
Чтобы вечно не было худого.
Нынче ночью твой жених женился;
- 150 Он другую любит, клятв не помнит».
Застонала девушка Мейрима
И хрустальную иглу сломала,
Золотые нити свились в узел.
Быстро встала на ноги Мейрима,
Побежала, бедная, к воротам,
Из ворот на улицу взглянула,
Омера несут там на носилках.
Мимо дома гроб несли неспешно,
Попросила девушка Мейрима:
- 160 «Ради бога, други молодые,
Плакальщицы, юные девицы,
Опустите мертвого на землю,
Обниму его и поделую,
Ведь любить мне не пришлось живого!»
Согласились парни молодые,
Опустили мертвого на землю.
Только трижды крикнула Мейрима
И из тела душу отпустила.
А пока ему могилу рыли,
- 170 Гроб Мейрима тут же сколотили,
Их в одной могиле схоронили,
Руки им в земле соединили,
Яблоко им положили в руки.
Лишь немного времени минуло,
Поднялся высоким дубом Омер.
Тоненькою сосенкой — Мейрима.
Сосенка обвила дуб высокий,
Как бессмертник шелковая нитка.

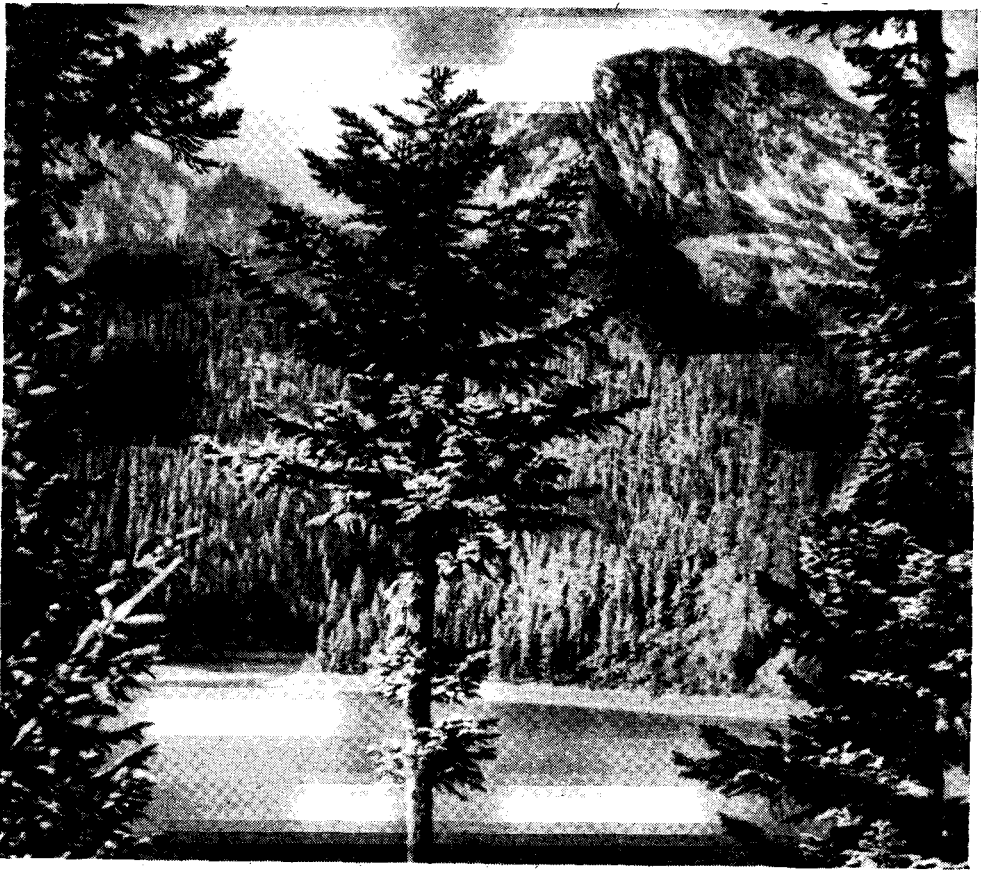
Цикл Королевича Марка

ЖЕНИТЬБА КОРОЛЯ ВУКАШИНА

Письма пишет Вукашин тщедушный
В белом Скадре на реке Бояне;
Посылает их в Герцеговину
В крепкий град Пирли́тор неприступный,
Что стоит у вершин Дурмитора.
Тайно пишет, тайно отправляет
Видосаве, супруге Момчи́лы.
Так в письме он молвит Видосаве:
«О жена Момчи́лы, Видосава,

- 10 Как живешь ты среди льда и снега?
Если глянешь вверх с высокой башни,
Там ничто не обрадует взгляда —
Пред тобою Дурмитор бесплодный,
Льдом и снегом студеным покрытый
И холодной зимою и летом.
Если глянешь вниз со стен отвесных,
Мутной Тары воды протекают;
Катит камни и стволы уносит.
Через Тару нет брода для конных,
20 Через Тару нет моста для пеших;
Только бор вокруг да мрамор черный.
Отрави воеводу Момчилу.
Отрави иль выдай с головою.
Приезжай ко мне в мое Приморье,

Горное озеро на Дурмиторе (Черногория)

В город Скадар на реке Бояне,
Там ты станешь моею женою,
Госпожой пресветлой королевой.
Дам тебе веретено златое.
Будешь шелк прясти, сидеть на шелке,
30 В бархате ходить, в парче заморской,
В жемчуге и золоте червонном.
А каков-то Скадар на Бояне!

- Если взглянешь вверх с высокой башни —
На горах смоковницы, маслины,
Виноградов богатых гроздьи.
Поглядишь ли вниз со стен отвесных —
Наливает пшеница колосья,
Искрится зеленая Бояна,
Через луг зеленый протекает.
40 Много разных рыб в реке Бояне:
Лишь захочешь, свежую получишь».
Прочитала письмо Видосава.
Мелкие нанизывает буквы.
Пишет так королю Вукашину:
«Господин, король и повелитель.
Как мне выдать Момчилу — не знаю.
Выдать трудно, отравить опасно.
У Момчилы сестра Ефросима —
Кушанья господские готовит,
50 Пробует их до него сестрица.
У Момчилы девять милых братьев
И двенадцать двоюродных братьев —
Подают ему вино с поклоном,
До него из чаши пьют хмельное.
У Момчилы чудный конь крылатый,
Ябучилой конь его зовется.
Может конь перелететь все горы;
И с очами сабля у Момчилы.
Он боится лишь высшего бога.
60 Но послушай, король, что скажу я:
Поведи с собой большое войско.
И в лесу у Озер сядь в засаду.
А таков у Момчилы обычай:
Отправляется он на охоту
В воскресенье утром в край озерный.
Девять братьев ведет за собою
И двенадцать двоюродных братьев.
С ними сорок конников из града.
Вечером, пред самым воскресеньем
70 Я спалю у Ябучилы крылья,
Саблю я залью соленой кровью,
Чтоб ее не вытянул из ножен.
Так ты сможешь погубить Момчилу».
Получил король ее посланье

- И увидел, что письмо вещает.
Вукашин обрадовался вести.
Собирает он большое войско.
Воинов ведет в Герцеговину,
Прямо в горы к далеким озерам.
- 80 И в зеленом лесу сел в засаду.
Вечером пред самым воскресеньем
В свою спальню идет воевода.
На перины мягкие ложится.
В скором времени жена приходит,
Но в постелю лечь она не хочет.
Над его склонилась изголовьем
И роняет слезы на подушки.
Спрашивает жену воевода:
«Видосава, верная подруга,
- 90 Приключилось ли какое горе —
На подушки ты роняешь слезы?»
Молодая жена отвечает:
«Господин, воевода Момчило,
Ничего со мною не случилось.
О чудесном я слышала чуде,
Слышала, глазами не видала,
Что владеешь конем Ябучилой,
Ябучилой, жеребцом крылатым.
У коня я не видела крыльев.
- 100 Не могу я этому поверить,
И боюсь, что ты погибнешь в битве».
Был умен воевода Момчило,
Был умен, а поддался обману.
Так своей жене он отвечает:
«Видосава, верная подруга,
Я легко смогу тебя утешить:
Ты увидишь крылья Ябучилы.
Лишь петух запоеет пред зарею,
В новые скорей пойдя конюшни.
- 110 Серый конь свои выпустит крылья,
В этот час его крылья увидишь».
Спит Момчила, а жене не спится.
Ждет она петушиного пенья.
Только первый петух объявился,
Мягкие покинула перины.
Вот свечу в фонаре зажигает,

- И берет с собой смолу и сало.
В новые идет она конюшни.
Истину сказал ей воевода.
120 Ябучило крылья распускает,
До копыт он крылья расширяет.
Салом и кипучею смолою
Видосава намазала крылья,
Подожгла их яркою свечою,
И спалила крылья Ябучиле.
А остаток, то, что не сгорело,
Жесткою подпругою стянула.
В оружейную она прокралась.
И схватила момчилову саблю,
130 Залила ее соленой кровью,
И вернулась на мягкое ложе.
Только утром заря заалела,
Рано встал воевода Момчило.
Говорит он жене Видосаве:
«Видосава, верная подруга,
Чудный сон мне сегодня приснился.
Из урочищ Вáсоев проклятых
Появилась полоса тумана
И обвилась вокруг Дурмитора.
140 Сквозь туман я начал пробиваться,
Пробиваться с братьями родными,
А за мной двоюродные братья,
А за ними конники из зámка.
Мы во мгле друг друга потеряли,
Потеряли, не нашли друг друга.
Видит бог, беда нас не минует».
Отвечает жена Видосава:
«Ты не бойся, господин мой милый,
Добрый витязь видел сон хороший,
150 Сон ведь ложь, а истина у бога».
На охоту собрался Момчило.
С белой башни он сходит к воротам.
Ждут Момчилу девять милых братьев
И двенадцать двоюродных братьев,
С ними сорок конников из замка.
Серого коня жена выводит.
Вот на добрых конях они скачут
На охоту к зеркальным озерам:

- А когда приблизились к озерам,
160 Окружило их большое войско.
Это войско Момчило заметил,
И схватился за острую саблю:
Вытянуть проклятую не может;
Приросла она, кажется, к ножнам.
Воевода Момчило промолвил:
«Слушайте, мои родные братья,
Предала нас сука Видосава,
Дайте саблю скорей, да получше».
Воеводы послушались братья,
170 Дали лучшую саблю Момчилу.
Братьям так говорит воевода:
«Нападайте вы с боков на войско.
Я ударю по самой середке».
Боже правый, чудо-то какое!
Если б кто-нибудь был там и видел,
Как Момчило рубится жестоко,
Как он путь прокладывает в чаще!
Ябучило врагов поражает.
Больше конь передавил копытом,
180 Чем Момчило перебил оружием.
Только не было ему удачи.
Выехал он к граду Пирлитуру.
Девять вороных коней навстречу —
На конях ни единого брата.
Сжалось сердце храброе Момчилы;
Он жалеет девять милых братьев.
Ослабели юнацкие руки,
И не может он биться с врагами.
Ударяет коня Ябучила
190 Сапогом и шпорою стальною,
Чтобы конь полетел к Пирлитуру,
Но лететь Ябучило не может.
Стал ругать тут коня воевода:
«Волчья сыть, Ябучило проклятый,
Раньше мы шутя с тобой летали,
Без нужды, из удали, для шутки,
А сегодня полететь не хочешь!»
Отвечает ржаньем Ябучило:
«Господин, воевода Момчило,
200 Ты меня не поноси напрасно.

- Я сегодня полететь не в силах —
Видосава крылья мне спалила.
Разрази ее гром с небосвода!
А остаток от сожженных крыльев
Притянула крепкою подиругой.
Сам спасайся теперь как сумеешь!»
Эти речи слушает Момчило;
По лицу его слезы струятся.
Спрыгивает он с коня проворно.
- 210 В три прыжка был у ворот он замка.
Только замка заперты ворота,
Заперты засовами, замками!
Тут в беде призывает Момчило,
Призывает сестру Ефросиму:
«Ефросима, милая сестрица,
Полотно со стен спусти на землю,
Чтобы мог я подняться на стены».
Отвечает сквозь слезы сестрица:
«Милый брат, Момчило воевода,
- 220 Не спустить мне полотна на землю.
Видосава изменница крепко
Волосы за столб мне привязала,
Привязала сноха, не пускает».
Но сестры-то жалостливо сердце.
Как не пожалеть родного брата.
Лютою змеею зашипела
И вперед рванулась со всей силой;
Волосы оставила на балке.
Полотно схватила Ефросима,
- 230 Опускает с белой башни на земь.
Воевода полотно хватает,
Подымается быстро по стенам.
Вот, казалось, он вскочит на башню.
Но изменница тут подоспела,
А в руках ее острая сабля.
Полотно разрежала злодейка.
Со стены Момчило покатился.
Приняли королевские слуги
Воеводу на мечи и копья,
- 240 На палицы и на алебарды.
Тут король Вукашин подбегает.
Боевым копьём его ударил,

- Посредь алого сердца Момчилу.
Перед смертью так сказал Момчило:
«Я тебе, Вукашин, завещаю:
Не женись на моей Видосаве,
С нею головы лишишься вскоре.
Для тебя изменила сегодня,
Для другого предаст тебя завтра.
250 Обвенчайся с сестрой моей милой,
С милою сестрою Ефросимой,
Будет верною тебе женою,
И родит тебе, король, юнака,
Что во всем мне будет подобен,
Равен мне богатырскою силой».
Так сказал воевода Момчило,
Так юнак промолвил и скончался.
Отворились города ворота.
Появилась сука Видосава.
260 Вукашина короля встречает,
За руку ведет его на башню.
За столы золотые сажает,
Угощает вином и ракией,
И закуской сладкою господской.
В оружейную затем спустилась,
Воеводы приносит одежды
И оружие светлое Момчилы.
Глянь-ка, братец, чудо-то какое!
Что Момчиле было до колена,
270 По полу король едва волочит!
Шапка, что была Момчиле впору,
Вукашину на плечи упала!
И в один большой сапог Момчилы
Две ноги вукашиновые входят.
Чтобы перстень надеть воеводы,
Вукашин три пальца подставляет.
Поясную сабельку Момчилы
За собою на аршин волочит,
А в тяжелом панцире Момчилы
280 На ноги не в силах он подняться!
Тут король Вукашин молвил слово:
«Горе мне, клянусь я вышним богом!
Видосава, ну и потаскуха!
Коль такого предала юнака —

Нет на свете равного Момчиле —
То меня предаст, наверно, завтра!»
Верных слуг Вукашин призывает.
Схватывают суку Видосаву,
Вяжут крепко к хвостам лошадиным.
280 Гонят слуги коней по нагорьям.
Растерзали кони Видосаву.
Захватил Вукашин все богатства
И увез он сестру воеводы,
Красную девицу Ефросиму.
В белом Скадре на реке Бояне
С ней король Вукашин обвенчался.
Сыновья у них вскоре родились.
Их называли Марком и Андреем.
Старший, Марко, на дядю походит,
300 На дядю, воеводу Момчилу.

СМЕРТЬ ЦАРЯ СТЕПАНА

(Фрагменты песни)

Разболелся царь Степан в Призрене,
Сербский царь в своей столице славной.
Разболелся, умирать собрался.
Это видит царица Роксанда,
За перо берется, как мужчина,
Три-четыре письма написала,
На четыре стороны послала.
Всех бояр и князей созывает
Со всего православного царства:
10 «Слушайте, вельможи и бояре,
Сербский царь тяжело разболелся.
При смерти лежит наш повелитель.
Поспешите в Призрен, белый город,
Чтоб в живых застать царя Степана.
Вы узнаете, что он замыслил,
И кому он царство завещает».
Разослала царица посланья.
В Призрен все бояре поспешили
К сильному могучему Степану;
20 И царя в живых они застали.
Собрались вокруг ложа бояре.

- Тут король Вукашин появился.
Он царя подымает с подушек,
Принимает Степана в объятья,
Плачет горько, слезы проливает.
Осмотрел царь Степан все боярство,
Поглядел на каждого вельможу,
И такое он слово промолвил:
«Милый кум Вукашин, мой приятель,
30 Оставляю, король, тебе царство.
Завещаю города и замки!
Завещаю воевод и войско
По всему по обширному царству!
И тебе завещаю младенца,
Уроша-младенца в колыбели,
Только сорок дней ему минуло!
Заменяй меня семь лет и царствуй,
На восьмом пусть воцарится Урош!»
Так король Вукашин отвечает:
40 «Милый кум Степан, владыка сербов,
Не могу я царствовать и править:
У меня сынок ведь своевольный,
Непослушный Королевич Марко.
Всюду ходит, бродит он без спроса.
Там где станет, ссору затекает,
А где сядет, вино распивает».
Вукашину царь Степан ответил:
«Вукашин, мой кум и мой приятель,
Я прибрал к рукам в обширном царстве
50 Воевод и бояр непослушных,
Ты не можешь и сына родного!
Все же царство тебе завещаю!
Завещаю города и замки
По всему по обширному царству!
И тебе завещаю младенца,
Уроша-младенца в колыбели,
Только сорок дней ему минуло!
Заменяй меня семь лет и царствуй!
На восьмом пусть воцарится Урош!»
60 Вот что царь Степан сказал пред смертью.
Так сказал он и почил навеки,
Легкая душа ушла на небо.
.....

Царствовал шестнадцать лет насильник.
Всем он досадил своей неправдой.
Если рая раньше в шелк рядилась,
В шелк рядилась беднота и в бархат,
В домотканом сукне нынче ходит.
Возмужал да поумнел царевич.
Обращается к матери Урош:
70 «Мать родная, царица Роксанда,
Дай отцовского хлеба вкусить мне». —
Отвечает матушка старуха:
«Ты послушай, сынок, что скажу я.
Хлеба много, да не в нашем доме.
Хлеб достался куму Вукашину.
Твой отец завещал перед смертью,
Завещал королю Вукашину
Царствовать семь лет в обширном царстве —
Кум шестнадцать лет царит и правит».

УРОШ И МРНЯВЧЕВИЧИ

Стали табором четыре войска
На прекрасном на Косовом поле
Возле белой церкви Самодрежи:
Первым табором — король Вукашин,
Табором вторым — Угleshа-деспот,
Третьим — храбрый Гойко-воевода,
А четвертым стал царевич Урош.
Все цари тягаются за царство,
Погубить хотят они друг друга,
10 Золочеными убить ножами,
Но кому завещано, не знают.
«Мне завещано», — твердит Вукашин,
«Не тебе, а мне», — Угleshа-деспот,
«Не тебе, а мне», — отважный Гойко,
И молчит один царевич Урош,
Малолетний не промолвит слова.
Потому что он боится братьев,
Мрнявчевичей трех боится Урош.
Написал письмо король Вукашин,
20 Написал письмо и шлет чауша,
Шлет чауша в белый город Призрен.

Црковь св. Димитрия в Марковом Граде около г. Прилепа. XIV в.

К старому Недельке-протопопу,
 Чтоб на поле Косово приехал,
 Чтоб поведал он о завещанье:
 Причащал Неделько государя,
 Исповедовал его пред смертью,
 Стародавние он знает книги.
 Написал письмо Угleshа-деспот,
 Написал письмо и шлет чауша,
 30 Шлет чауша в белый город Призрен
 К некому Недельке-протопопу.
 Написал и воевода Гойко,
 Шлет чауша, быстрого, как пламя;
 А четвертое — царевич Урош

- Написал и тоже шлет чауша.
Так все четверо посланья пишут
И чаушей быстрых посылают,
Потихоньку, тайно друг от друга.
Повстречались четверо чаушей,
40 Повстречались в белом Призрен-граде
У двора Недельки-протопопа.
Нет Недельки-протопопа дома,
Служит он заутреню во храме,
Служит утреню и литургию.
Как быстры насильники чауши,
Как бесстыжки сильные из сильных!
Соскочить с коней не захотели,
Прямо в церковь въехали верхами,
Трехконцовые схватили плетки,
50 Стали бить Неделька-протопопа:
«Поспешай-ка, протопоп Неделько,
Поспешай на Косово, поведай
О царевом тайном завещанье.
Причащал ты царя-государя,
Исповедовал его пред смертью,
Стародавние ты знаешь книги.
Торопись, иль головы не сносишь!»
Тут заплакал протопоп Неделько,
Он заплакал, говорит чаушам:
60 «Погодите, сильные из сильных,
Дайте кончить мне богослуженье,
Там увидим, кто получит царство».
И тогда чауши отступились.
Но едва окончил службу в церкви,
Подошли чауши к белой церкви,
И сказал им протопоп Неделько:
«Мои чада, четверо чаушей,
Причащал я царя-государя,
Исповедовал его пред смертью,
70 Но его не спрашивал о царстве,
О грехах мне государь поведал.
Поезжайте, чада, в Прилеп-город,
А живет там Королевич Марко,
Королевич Марко мой питомец,
Грамоте он у меня учился,
У царя был Марко главный писарь,

- Стародавние он держит книги,
О царевом знает завещанье.
Вы на Косово его зовите,
80 Королевич Марко скажет правду,
Никого тот Марко не боится,
Лишь боится истинного бога». Ускакали четверо чаушей,
Прискакали быстро в Прилеп-город,
Прискакали к Марко на подворье
И кольцом ударили в ворота,
Слышит стук старуха Ефросима,
Говорит родному сыну Марко:
«Сын мой Марко, дорогое чадо,
90 Кто кольцом в ворота постучался?
Не отца ли нашего чауши?»
Вышел Марко, отворяет двери,
И чауши кланяются Марку:
«Бог на помощь, Королевич Марко!»
Обласкал их Королевич Марко:
«Просим в гости, дети дорогие!
Здравствуют ли сербские юнаки,
Здравы ли цари и воеводы?»
Кланяются четверо чаушей:
100 «Господин наш, Королевич Марко!
Все здоровы, да не все спокойны:
Государи учинили распрю,
Там на Косовом широком поле
Возле белой церкви Самодрежи.
А тягаются они за царство,
Погубить хотят они друг друга,
Золочеными убить ножами,
А кому завещано, не знают.
Для того зовут тебя, владыка,
110 Чтoб сказал ты, кто наследник царства». В белый двор к себе уходит Марко,
Матушку он кличет Ефросиму:
«Ефросима, матушка родная,
Государи учинили распрю
Там на Косовом широком поле
Возле белой церкви Самодрежи,
И тягаются они за царство,
Погубить хотят они друг друга,

- Золочеными убить ножами,
120 Но кому завещано, не знают.
И меня зовут они на поле,
Чтоб сказал им, кто наследник царства».
Знала мать, что Марко любит правду,
Потому и отвечала сыну:
«Марко, сын мой, дорогое чадо,
Ради матери, тебя вскормившей,
Никогда не говори неправды,
Чтобы угодить отцу иль дядям!
Говори одну лишь божью правду!
- 130 Не губи, сынок, неправдой душу!
Лучше голову сложить навеки,
Чем сгубить свою живую душу!»
Стародавние взял Марко книги,
Сам собрался, приготовил Шарца,
И тогда вскочил на спину Шарцу,
И на поле Косово поехал,
К королевскому шатру подъехал.
Говорит тогда король Вукашин:
«Мне от господа сегодня благо!
- 140 Вот он, сын мой, Королевич Марко,
Скажет он, что я наследник царства,
От отца его и сын получит».
Марко слушает, не отвечает,
Даже и к шатру не повернется.
Говорит Угleshа-воевода,
Только лишь племянника увидел:
«Благо мне, вот мой племянник Марко,
Скажет он, что я наследник царства,
Говори же поскорее, Марко,
- 150 Вместе будем царствовать по-братски!»
Ничего не отвечает Марко,
Даже и к шатру не повернется.
Как увидел воевода Гойко,
К Марку обратился воевода:
«Благо мне, приехал мой племянник,
Скажет он, что я наследник царства!
Марко был еще ребенком слабым,
Я тогда ласкал младенца Марка,
На своих руках его лелеял,
160 Сохранял, как яблочко златое;

- И куда бы на коне ни ездил,
Я повсюду брал с собою Марка;
Так скажи, что я наследник царства.
Будешь, Марко, первым в царстве править,
Я — сидеть у твоего колена!»
Марко слушает, не отвечает,
Даже и к шатру не повернется.
К белому шатру пошел он прямо,
Где стоял царевич слабый Урош,
170 К белому шатру погнал он Шарца,
У того шатра остановился.
Как узнал его царевич Урош,
Вскакивает с шелковых подушек,
Вскакивает он и слово молвит:
«Благо мне, сегодня кум приехал,
Кум приехал, Королёвич Марко,
Он и скажет, кто наследник царства».
Раскрывают кумовья объятия
И друг друга кумовья целуют,
180 О юнацком спрашивают здоровье,
На подушки мягкие садятся.
Времени немного миновало.
День проходит, темна ночь приходит.
Лишь наутро белый день занялся,
И у церкви благовест раздался,
Все бояре собрались на службу.
А как служба в церкви совершилась,
Вышли все они из белой церкви,
За столы богатые уселись,
190 Выпивают, сладко заедают.
Стародавние взял книги Марко,
Смотрит книги, молвит Марко слово:
«Батюшка родной, король Вукашин,
Мало ли тебе своих владений?
Видно мало! Чтоб они пропали!
Ты еще чужого царства хочешь!
Дядюшка родной, Угleshа-деспот,
Мало ли тебе своих владений?
Видно мало! Чтоб они пропали!
200 Ты еще чужого царства хочешь!
Что ж ты, дядя, воевода Гойко,
Мало ли тебе своих владений?

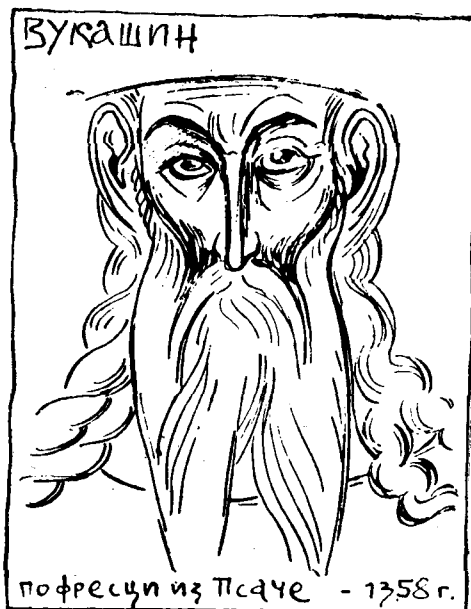
- Видно мало! Чтоб они пропали!
Ты еще чужого царства хочешь!
Видите, пусть вас господь не видит.
Быть царем по книгам должен Урош!
Сыну от отца осталось царство,
Отроку от прадедов осталось,
Царь ему завещал это царство
- 210 В смертный час, когда пришла кончина».
Как король Вукашин то услышал,
На ноги король вскочил поспешно
И схватил кинжал свой золоченый,
Чтоб убить кинжалом сына Марка.
От отца бежать пустился Марко,
Потому что сыну не пристало
Биться со своим отцом родимым.
Побежал вокруг белой церкви Марко,
Побежал вокруг церкви Самодрежи,
- 220 Он бежит — король Вукашин следом.
Трижды церковь они обежали,
Обежали церковь Самодрежу,
И король вот-вот настигнет Марка,
Но из белой церкви кто-то молвит:
«Скройся в церкви, Королевич Марко,
А не то сегодня ты погибнешь,
Ты погибнешь от отца родного,
А за правду истинного бога!»
Тут церковные открылись двери,
- 230 И укрылся Марко в белой церкви,
И немедля двери затворились.
Подбежал король к вратам церковным,
В верю ударил он кинжалом,
Кровь из-под кинжала показалась.
Тут король увидел, что он сделал,
И с раскаяньем промолвил слово:
«Горе мне, клянусь единым богом,
Марка я убил, родного сына!»
Но из церкви голос отвечает:
- 240 «Слушай и пойми, король Вукашин,
Ты не сына поразил родного,
Ангела господнего ты ранил!»
Тут разгневался король на Марка,
И клянет его, и проклиняет:

«Бог тебя убей, проклятый Марко!
Без могилы сгинешь и потомства!
Станешь ты слугой царя османов,
Прежде чем расстанешься с душою». Он клянет, а царь благословляет:
250 «Кум мой Марко, бог тебе поможет!
Пусть в совете разум твой сияет!
Пусть в сражение сабля побеждает!
Пусть не будет над тобой юнака!
Пусть, пока луна и солнце в небе,
О тебе повсюду вспоминают!»
Как сказалось, так и оказалось.

КОРОЛЕВИЧ МАРКО УЗНАЁТ ОТЦОВСКУЮ САБЛЮ

Рано встала девушка-турчанка,
До зари проснулась, до рассвета,
На Марице холст она белила.
До зари чиста была Марица,
На заре Марица помутилась,
Вся в крови, она побагровела,
Понесла коней она и шапки,
А к полудню — раненых юнаков.
Вот плывет юнак перед турчанкой,
10 Увлекает витязя течение,
По теченью тянет вниз Марицы.
Увидал он девушку-турчанку
И взмолился, богом заклиная:
«Пожалей, сестра моя турчанка,
Дай мне взяться за конец холстины,
Помоги мне выбраться на берег,
Отплачу я щедрою наградой!»
Пожалела девушка юнака,
Бросила ему конец холстины,
20 Вытащила витязя на берег.
На юнаке раны и увечья,
На юнаке пышные одежды,
Кованая у колена сабля,
Три златых сияют рукояти,
Каждая сверкает самоцветом,
За три царских города не купишь.

- Спрашивает витязь у турчанки:
«Девушка, сестра моя турчанка!
С кем живешь ты в этом белом доме?»
- 30 Отвечает девушка-турчанка:
«Я живу там с матушкой-старушкой,
С милым братцем, Мустафой-агою».
Говорит юнак ей незнакомый:
«Девушка, сестра моя турчанка!
Сделай милость, поклонись ты брату,
Чтобы взял меня на излечение.
Есть со мной три пояса червонцев,
В каждом триста золотых дукатов.
Я один дарю тебе, сестрица,
- 40 Мустафе-аге другой дарю я,
Третий же себе я оставляю,
Чтоб лечить мне раны и увечья.
Если бог пошлет мне исцеленье,
Отплатчу я щедрою наградой
И тебе и брату дорогому».
Вот пошла домой к себе турчанка,
Мустафе-аге она сказала:
«Мустафа-ага, мой милый братец!
Я спасла юнака на Марице,
- 50 Из воды спасла его студеной,
У него три пояса червонцев,
В каждом триста золотых дукатов,
Дать он обещал мне первый пояс,
А другой тебе за избавленье,
Третий же себе он оставляет,
Чтоб лечить увечия и раны.
Сделай милость, братец мой любимый,
Не губи несчастного юнака,
Приведи домой его с Марицы!»
- 60 Вышел турок на реку Марицу,
И едва он витязя увидел,
Выхватил он кованую саблю,
И отсек он голову юнаку.
Снял потом он с мертвого одежду
И домой с добычею вернулся.
Подожгла сестра к нему турчанка,
Увидала саблю и одежду
И сказала брату со слезами:

Король Вукашин

По фреске из монастыря Псаче (1358 г.). Рис. А. Дерого

- «Милый брат, зачем ты это сделал!
- 70 Погубил зачем ты побратима?
 И на что позарился ты, бедный,
 На одну лишь кованую саблю!
 Дай бог, чтоб тебя убили ею!»
 Так сказала — в башню убежала.
 Пролетело времени немного,
 От султана вышло повеленье
 Мустафе-аге идти на службу.
 Как поехал Мустафа на службу,
 Взял с собой он кованую саблю.
- 80 При дворе турецкого султана
 Все на саблю острую дивятся,
 Пробуют и малый и великий,
 Да никто не вытащит из ножен.
 Долго сабля по рукам ходила,

- Взял ее и, Королевич Марко,
Глядь — она сама из ножен рвется.
Посмотрел на саблю Королевич,
А на ней три знака христианских:
Первый знак: «Новак, кузнечный мастер»,
90 Знак второй гласит: «Король Вукашин»,
А последний: «Королевич Марко».
Тут предстал юнак пред Мустафою:
«Отвечай мне, молодец турецкий,
Где ты взял, скажи мне, эту саблю?
Может, ты купил ее за деньги?
Иль в бою тебе она досталась?
Иль отец оставил по наследству?
Иль в подарок принял от невесты?»
Мустафа-ага ему ответил:
100 «Эх, неверный Королевич Марко!
Если хочешь — все тебе открою.
И открыл всю правду без утайки.
Молвил турку Королевич Марко:
«Что ж ты, турок, не лечил юнака?
Выпросил бы я тебе именье
У царя, пресветлого султана».
Мустафа-ага смеется дерзко.
«Ты, гяур, с ума, как видно, спятил!
Если б мог ты получить именья,
110 Для себя их выпросил бы, верно!
Отдавай-ка саблю мне обратно!»
Тут взмахнул отцовской саблей Марко,
И отсек он голову убийце.
Лишь дошло все это до султана,
Верных слуг послал он за юнаком.
Прибежали слуги за юнаком.
А юнак на турок и не смотрит,
Пьет вино из чаши — и ни с места.
Надоели Марку эти слуги,
120 Свой кафтан он на плечи накинул,
Взял с собою шестопер тяжелый
И пошел к турецкому султану.
В лютом гневe Королевич Марко,
В сапогах он на ковер уселся,
Злобно смотрит Марко на султана,
Плачет он кровавыми слезами.

Заприметил царь его турецкий,
Шестошер увидел пред собою,
Царь отпрянул, Марко следом прынул,
130 И прижал султана он к простенку.
Тут султан пошарил по карманам,
Сто дукатов вытащил для Марка:
«Вот тебе, мой Марко, на пирушку!
Кто тебя разгневал понапрасну?»
«Царь султан, мой названный родитель!
Попусту не спрашивай юнака:
Саблю я отцовскую увидел!
Будь она в твоей, султан, деснице,
И с тобой бы я не посчитался!»
140 И пошел юнак в свою палатку.

КОРОЛЕВИЧ МАРКО И ВИЛА

Проезжали двое побратимов
Через горный Мйроч каменистый.
Первым ехал Королевич Марко.
А вторым был Милош-воевода.
Шли бок о бок добрые их кони,
Рядом копыта ратные сверкали,
Белый лик друг другу лобызали
Побратимы, полные любви.
Задремал на Шарце Королевич
10 И сказал, очнувшись, побратиму:
«Брат мой милый, Милош-воевода,
Тяжкий сон меня одолевает,
Спой мне песню, разгони дремоту!»
Отвечает Милош-воевода:
«Брат мой милый, Королевич Марко!
Я бы спел тебе любую песню,
Да вчера, пируя на досуге,
Пил вино я с вилой Равиолой.
Вила петь в горах мне не велела,
20 Пригрозила, коль меня услышит,
Перебить гортань мою стрелою,
Прямо в сердце выстрелить из лука».
Засмеялся Королевич Марко:
«До тех пор, покуда я с тобою,
Пой, мой братец, и не бойся вилы,

- Нам поможет мой волшебный Шарац.
Шестопер не выдаст золоченый».
Согласился Милош-воевода
И запел прекрасную он песню
30 О давнишних королях державных
В Македонском старом государстве,
О святых монастырях и храмах,
Что они воздвигли по завету.
Полюбилась Марко эта песня,
На седле в дремоте он склонился,
Королевич Марко отдыхает,
Воевода Милош напевает.
Услыхала песню Равиола,
Услыхала, подпевать ей стала.
40 Сладко пела вила Равиола,
Только где ей с Милошем равняться!
Рассердилась вила на юнака,
Понеслась на горную вершину,
Две стрелы пустила в воеводу,
Первая гортань ему пробила,
А вторая — доблестное сердце.
И воскликнул Милош-воевода:
«Ох, мой Марко, побратим по богу!
Ох, от вилы, брат мой, умираю!
50 Не напрасно, братец, говорил я,
Что в горах не надо петь юнаку!»
Тут очнулся Марко от дремоты,
Спрыгнул наземь с Шарца удалого,
Подтянул на Шарце он подпруги,
Он коня целует, обнимает.
«Ох, мой Шарац, конь мой быстrokрылый,
Догони мне вилу Равиолу!
Коль догонишь вилу Равиолу,
Будешь ты в серебряных подковах,
60 В шелковой попоне до колена,
Весь в кистях до самого копыта.
Золото вплету тебе я в гриву,
Скатным жемчугом ее украшу.
Если ж не нагонишь Равиолу,
Видит бог, твои я вырву очи,
Ноги я тебе переломая
И оставлю в ельнике валяться,

- Погибай в трущобе одинокий
Как и я без друга-побратима!»
- 70 Тут вскочил на Шарца Королевич
И на Мироч кинулся высокий.
Пролетает вила по вершине,
Верный Шарац скачет по нагорью.
Не видать с нагорья Равиолы.
Как увидел Шарац Равиолу,
В высоту на три копыа подпрыгнул,
На четыре вдаль за ней погнался,
И настиг он вилу на вершине.
Видит вила — смерть ее подходит,
- 80 Прянула стрелою в поднебесье,
Но взмахнул тут шестопером Марко
И ударил вилу меж лопаток.
Сбросил Марко наземь Равиолу,
Начал бить, валяя с боку на бок.
«Будь ты, вила, проклята от бога!
Ты зачем убила побратима?
Принеси травы ему целебной,
А не то простишься с головою!»
Умоляет вила Равиола:
- 90 «Ради бога, Королевич Марко,
Ради бога и его предтечи!
Отпусти живой меня на волю,
Принесу целебные я травы,
Исцелю убитого юнака!»
Не жесток был Королевич Марко,
Был незлобен сердцем он юнацким,
Отпустил он вилу на свободу.
Горные собирает вила травы,
Часто кличет вила побратима:
- 100 «Побратим мой, ждать тебе недолго!»
Отыскала травы Равиола,
Залечила раны у юнака,
Возвратился голос воеводе,
Даже звонче сделался, чем прежде;
Исцелилось доблестное сердце,
Даже стало доблестней, чем прежде!
Удалилась на вершины вила,
Удалился Марко с побратимом,
Очутился в Поречьской Краине;

- 110 У большого Брегова-селенья
Речку Тимок вброд он переехал
И помчался с Милошем к Видину.
А подругам вила наказала:
«Знайте, вилы, милые подруги!
Вы в лесу не трогайте юнаков
До тех пор, пока на свете Марко,
До тех пор, покуда он на Шарце,
До тех пор, покуда с шестопером!
Сколько горя с ним я натерпелась!
120 Чуть живая вырвалась на волю!»

КОРОЛЕВИЧ МАРКО И БЕГ КОСТАДИН

- Едет бег Костадин по дороге,
Едет рядом с побратимом Марком.
Так сказал Костадин побратиму:
«Побратим мой, Королевич Марко,
Если в гости ко мне соберешься
В Дмитров день, что осенью, приедешь
Имя крестное мое прославить,
То увидишь честь и уваженье,
И найдешь ты дружескую встречу,
10 И на славу будет угощенье».
Отвечает Королевич Марко:
«Не хвалился б ты своею встречей:
В поисках за братом Андрияшем
Я заехал на твое подворье
В Дмитров день, что осенью, заехал
Имя крестное твое прославить,
Я увидел, что это за встреча,
Три твоих я мерзости увидел».
Костадин тут спрашивает Марка:
20 «Где, какие мерзости ты видел?
Объясни мне, Королевич Марко».
Отвечает Королевич Марко:
«Мерзость видел первую такую:
Сиротинки в дом твой постучались,
Белым хлебом, бедных, накормить бы,
Да вином бы красным напоить их.
Ты ж на них, несчастных, раскричался:
«Убирайтесь, грязные поганцы,

- Не поганьте вин и яств господских».
- 30 И тогда мне стало жалко нищих,
Жалко, бег, мне стало двух сироток.
Подошел я к двум сироткам бедным
И повел их прямо на подворье,
Накормил их вдоволь белым хлебом,
Напоил их и вином я красным.
Я одел обоих в алый бархат,
В алый бархат, в новый шелк зеленый
И послал к тебе во двор твой белый.
Сам следил за ними из укрытья —
- 40 Как теперь ты сиротинок примешь.
На руки ты взял сироток бедных,
Одного на левую взял руку,
На руку на правую — другого,
Усадил их за столом богатым:
«Ешьте, пейте, княжеские дети!»
Я увидел и вторую мерзость:
Посадил ты старое боярство,
Что свое богатство потеряло,
Что ходило в бархате потертом,
- 50 Посадил ты, бег, в конце застолья.
Ну а все недавнее боярство,
Что недавно лишь разбогатело
И ходило в бархате нарядном,
Усадил ты, бег, на главном месте,
Вынес им и вино и ракию,
Угощал их сладостями щедро.
Мерзость третью видел я такую:
Для отца, для матери родимой
Не нашлось в твоём застолье места,
- 60 Чтобы чашу первую им выпить».

КОРОЛЕВИЧ МАРКО И ЛЮТИЦА БОГДАН

Утром едут сербских три юнака
С Косова Приморьем каменистым,
Первым едет из Прилепа Марко,
Рядом с Марком — Рэля из Пазара,
Третьим едет Милош из Поцёрья,
Объезжают сербы виноградник,

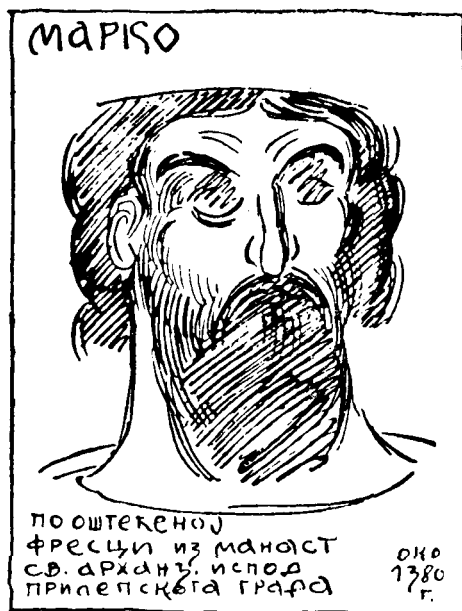
- Виноградник Лютицы Богдана.
Пляшет конь под Релей из Пазара,
Скачет Реля прямо в виноградник
10 И сбивает гроздья винограда.
Говорит тут Марко воеводам:
«Реля, поезжай-ка лучше мимо!
Знал бы ты, чей это виноградник,
Ты бы объезжал его подальше.
Виноградник — Лютицы Богдана.
Я и сам однажды здесь проехал
И сломал конем лозу большую.
Лютица Богдан меня заметил
И погнался на кобыле статной.
- 20 Не посмел я встретиться с Богданом,
А помчался по камням Приморья.
Догонять меня Богдан стал быстро
На своей кобыле тонконогой.
Не было бы Шарца боевого,
Он меня настигнул бы наверно.
Но ушел вперед мой верный Шарац,
Начала приуσταвать кобыла.
А как это Лютица заметил,
Замахнулся грозным шестопером
- 30 И метнул его мне прямо в спину,
Угодил он в шелковый мой пояс
Рукояткой шестопера, братец,
Вылетел я из седла на камни,
Еле-еле на седло взобрался
И умчался по камням Приморья.
Семь годков с поры той миновало,
Но ни разу я сюда не ездил».
Так они друг с другом говорили,
И внезапно тень легла на скалы,
- 40 Затемнила виноград Приморья,
Оглянулись сербы-воеводы,
Увидали Лютицу Богдана,
С ним двенадцать воевод скакало.
Как увидел Королевич Марко,
Говорит он Милошу и Реле:
«Поглядите, двое побратимов!
Лютица Богдан за нами скачет,
Нужно нам бежать скорей отсюда,

- А не то все трое здесь погибнем».
- 50 Отвечает Милош из Поцерьа:
«Побратим мой, Королевич Марко!
Люди говорят между собою,
Что на свете нет таких юнаков,
Как мы трое — сербы-воеводы,
Лучше здесь нам всем троим погибнуть,
Чем постыдно убежать от боя».
Как услышал Королевич Марко,
Говорит он Милошу и Реле:
«Слышите ли, двое побратимов,
- 60 Мы врагов поделим меж собою,
Выбирайте — самого Богдана
Или воевод его двенадцать!»
Милош с Релей отвечают Марку:
«Выбираем самого Богдана!»
Не успел дослушать это Марко,
Глядь, а Лютица Богдан уж близко,
Размахнулся Марко шестопером
И помчался прямо к воеводам.
Раз-другой ударил шестопером,
- 70 Посшибал с коней их всех двенадцать.
Посвязал он белые им руки
И погнал их через виноградник.
Тут и Лютица Богдан навстречу,
Гонит пленных — Милоша и Релю,
У обоих — связанные руки.
Испугался Королевич Марко,
Никогда еще так не пугался,
Стал смотреть, куда б ему укрыться,
Только Марко сразу вдруг припомнил,
- 80 Как они втроем клялись друг другу
Выручать друг друга из неволи,
Помогать в беде один другому.
Марко натянул поводья Шарца,
И соболью шапку он надвинул,
До бровей на лоб надвинул шапку.
Выхватил он кованую саблю
И глядит Богдану прямо в очи.
Возле лоз Богдан остановился,
Марку в очи черные он глянул,
- 90 Увидал, каков собою Марко,

Задрожали у него колени.
Смотрит грозно Марко на Богдана,
Смотрит Лютица Богдан на Марко,
Да не смеют двинуться для боя.
Наконец Богдан промолвил первый:
«Нужно, Марко, нам с тобой мириться.
Отпусти ты воевод на волю,
Отпущу я Милоша и Релю».
Как услышал Королевич Марко,
100 Отпустил он воевод на волю,
Милоша пустил Богдан и Релю,
Мех с вином снял Королевич Марко.
Пить вино уселись воеводы,
Заедали крупным виноградом.
Лишь вина они напились вдоволь,
Встали быстро сербы-воеводы,
Стали на коней садиться добрых.
Молвит Марко Лютице Богдану:
«Ты, Богдан, здесь с богом оставайся,
110 Если будем живы и здоровы,
Встретимся, вина опять напьемся!»
Лютица Богдан ему ответил:
«Уезжай-ка с богом, Королевич,
Лучше б я тебя совсем не видел,
Как ты напугал меня сегодня,
Не дай бог тебе так испугаться!»
Марко с воеводами уехал,
Лютица Богдан остался дома.

КОРОЛЕВИЧ МАРКО И РАЗБОЙНИК МУСА

Пьет вино албанец лютый Муса
В кабаке турецкого Стамбула,
А когда он досыта напился,
Во хмелю да в сердцах так промолвил:
«Девять лет с тех пор уж миновало,
Как служу я султану в Стамбуле.
Не выслужил коня, ни оружия,
И не жалован новым кафтаном.
Даже мне не бросили обносков!
10 Но клянусь моею крепкой верой,

Король Марко

*По фреске из монастыря св. Архангела близ г. Прилепа.
(около 1380 г.). Рис. А. Дероко*

Убегу я в ровное Приморье
И закрою у моря паромы,
И дороги, что ведут к Приморью;
Выстрою на побережье башню,
Перед нею тын вобью с крюками,
Буду вешать ходжей и имамов,
И других прислужников султана». Все, чем турок хмельной похвалялся,
Отрезвев, он сделал и взаправду.
20 Убежал он в ровное Приморье,
Запретил перевоз через реки,
И пути преградил он к Приморью.
Нет дороги царским караванам:
Триста в год там вьюков проходило.
Караваны ограбил разбойник.

- Выстроил он башню у побережья,
Перед нею тын набил с крюками;
Ходжей вешает и пилигримов.
Жалобы наскучили султану.
- 30 Чуприлича он послал, визиря,
А с визирем войско в триста тысяч.
Только войско спустилось в Приморье,
Разогнал солдат турецких Муса.
Чуприлича в плен забрал разбойник;
За спиною связал ему руки,
А под брюхом коня — его ноги.
Так послал он султану визиря.
Стал султан бойца искать повсюду.
Обещал он наградить по-царски
- 40 За лихую голову албанца.
Только тех, кто в Приморье спускался,
Больше и не видели в Стамбуле.
Опечалился царь, осердился.
Говорит ему Чуприлич верный:
«Господин мой, владыка Стамбула,
Если б был здесь Королевич Марко,
Он убил бы разбойника Мусу».
Мрачно царь посмотрел на визиря,
Говорит султан, роняя слезы:
- 50 «Отвяжись, и не мели пустое!
Понапрасну вспомнил ты о Марке!
Даже кости марковы истлели.
Вот прошло уже целых три года,
Как я бросил в темницу юнака,
А с тех пор ее не открывали».
- Отвечает Чуприлич султану:
«Милостивым будь, о повелитель,
Что ты дашь, скажи, тому юнаку,
Кто живого Марка вновь отыщет?»
- 60 Отвечает так султан турецкий:
«Дам ему боснийское визирство,
Девять лет будет Боснией править,
А с него ни гроша не возьму я».
- Поспешает Чуприлич проворный,
Открывает ворота темницы,
Королевича Марка выводит
Перед очи ясные султана.

- До земли его волосы пали —
Половиной себя покрывает,
70 Половина стелется по полу;
Мог бы землю пахать он ногтями.
Полумертв от сырости подвальной,
Почернел он, словно камень сизый.
Царь турецкий узника встречает:
«Жив ли ты еще хоть малость, Марко?»
— «Жив я, царь, да живется мне плохо!»
Рассказал ему султан турецкий
Все, что Муса учинил в Приморье.
Королевича царь вопрошает:
80 «Сможешь ли поехать, сын мой Марко,
В ровное, далекое Приморье
И убить там разбойника Мусу?
Ты получишь казны, сколько хочешь».
Отвечает Королевич Марко:
«Ох, мой царь-государь, бог свидетель,
Сыростью темницы я изъеден,
И глаза мои на свет не смотрят.
Как могу я с албанцем сразиться?
Ты в кабак помести меня пьяный,
90 Да придвинь мне вина и ракии,
Дай бараньего жирного мяса,
Караваев пшеничного хлеба.
Пусть пройдет дня три или четыре,
И скажу, готов ли к поединку».
Три цирюльника тут подскочили;
Один моет, другой бреет Марка,
Третий волосы стрижет и ногти.
В новом кабаке пирует Марко.
Слуги носят вино и ракию,
100 И баранье жирное мясо,
Караваи пшеничного хлеба.
Так проводит три месяца Марко.
Подкрепился, ожил он немного.
Спрашивает царь его турецкий:
«Чай теперь к тебе сила вернулась?»
Бедняки мне жалуются торько
На насилья проклятого Мусы».
Марко так султану отвечает:
«С чердака пусть кизил принесут мне,

- 110 Дерево, что девять лет сушилось,
Чтоб испробовать мог свою силу».
Принесли ему дерево слуги.
Сжал кизил королевич десницей —
На три части дерево распалось,
Но вода не потекла на землю.
«Царь, еще не наступило время».
В кабаке проводит Марко месяц.
Через месяц поокреп он малость.
Видит Марко — может он сражаться.
- 120 Снова просит кизила сухого.
С чердака ему слуги приносят.
Он сжимает дерево десницей —
Разлетелось дерево на части
И две капли воды источило.
Говорит султану Королевич:
«Царь, для битвы наступило время».
Вот идет он к кузнецу Новáку:
«Скуй мне саблю, кузнец, постарайся,
Лучше всех, что сковал ты доселе».
- 130 Тридцать золотых дает Новáку.
В новом кабаке опять сидит он.
Пьет вино дня три или четыре.
В кузницу затем идет к Новаку.
«Эй, кузнец Новак, сковал ли саблю?»
Тут кузнец ему выносит саблю.
Спрашивает Королевич Марко:
«Хороша ли, Новак, эта сабля?»
Отвечает кузнец ему тихо:
«Вот и сабля, — вот и наковальня».
- 140 Королевич Марко, сам попробуй!»
Взмахивает саблей Королевич,
Ударяет он по наковальне
И ее рассек до половины.
Спрашивает кузнеца Новака:
«Ты скажи мне, Новак, да по правде,
Ты сковал ли лучшую, чем эта?»
Марку так Новак отвечает:
«Я скажу, Королевич, по правде,
Раз случилось лучшую сковать мне,
- 150 Лучшую, для лучшего юнака.
Я сковал эту саблю для Мусы,

- Перед тем, как бежал он в Приморье.
Он ударил саблею стальною —
Наковальню рассек и колоду». —
Рассердился Королевич Марко.
Говорит он кузнецу Новаку:
«Протяни-ка мне правую руку,
Заплачу, кузнец, тебе за саблю».
Обманулся кузнец, да жестоко.
- 160 Протянул он десницу поспешно.
Саблею взмахнул его заказчик —
До плеча отсек Новаку руку.
«Вот тебе, Новак, кузнец умелый,
Чтоб ни лучшей не ковал, ни худшей.
Сто дукатов я даю в придачу,
Чтобы ты, покуда жив, кормился».
И бросает сто дукатов на пол.
Боевого Шарца оседлал он.
Поскакал он к ровному Приморью.
- 170 Мусу ищет, по дорогам рыщет.
Как-то рано утром ехал Марко
По теснине Качаника горной,
А навстречу Муса, злой разбойник.
На седле скрестил разбойник ноги
Пляшет конь вороной, горячится.
Палицу под облака бросает
И хватает белою рукою.
Съехались два храбрые юнака.
Тут промолвил Королевич Марко:
- 180 «Делибаш, сверни с моей дороги,
Свороти с пути, иль поклонись мне».
Так албанец Марку отвечает:
«Проезжай себе с богом, не ссорясь,
Иль поскачем вместе пить хмельное.
Не сверну пред тобою с дороги.
Хоть тебя родила королева
Во дворце и на мягких перинах,
В чистый шелк тебя пеленала,
Золотою тесьмой обвивала,
- 190 И кормила сахаром да медом.
Я рожден был лютою албанкой
Средь отары на камне студеном;
В черный плат меня мать пеленала,

- Оббивала прутом ежевики,
И кормила кашею овсяной,
Да к тому же меня заклинала
Никому не уступать дороги.
Вот что слышит Марко из Прилепа.
Он бросает копьё боевое
200 Меж ушами привычными Шарца.
Прямо в грудь он целится албанца.
Палицей копьё встречает Муса,
Перебрасывает над собою.
Тут свое копьё берет разбойник,
Чтоб убить Королевича Марка.
Палицей копьё встречает Марко,
Разбивает на три половины.
Вот хватают кованые сабли,
210 Мчатся, разъярясь, друг на друга.
Взмахивает саблей Королевич —
Подставляет палицу албанец,
Разбивает саблю на три части.
Взмахивает саблею разбойник,
Чтоб сразить Королевича Марка —
Отражает удар Королевич;
Выбил он клинок из рукояти.
Шестоперами сражаться стали.
И на них обломали все перья.
Бросили на землю шестоперы.
220 Вот с коней удалых соскочили —
Кость на кость сошлись в борьбе юнацкой.
На траве зеленой, средь лужайки
Встретился юнак с другим юнаком —
Королевич Марко с храбрым Мусой.
Марко повалить не может Мусу.
Муса повалить не может Марка.
Так боролись они до полудня.
Белой пеною исходит Муса,
Белой и кровавой Королевич.
230 Тут проговорил разбойник Муса:
«Размахнись-ка, Королевич Марко,
Размахнись, иль ó земь я ударю!
Размахнулся Королевич Марко,
Только побороть врага не в силах.
Размахнулся тут Муса-разбойник,

- Бросил Марка на траву густую,
Сел на грудь Королевича Марка.
Застонал тут Марко Королевич:
«Где ты скрылась, посестрима вила,
240 Чтоб тебе, сестрице, было пусто!
Разве ты не поклялась мне ложно,
Что всегда в несчастье мне поможешь».
Закричала из облака вила:
«Что ты сделал, Марко Королевич,
Разве я тебе не говорила,
Не бранись, не дерись в воскресенье!
Стыдно нам двоим с одним сражаться.
Где твоя змея таится, Марко?»
Посмотрел на облако албанец
250 И на горы, где скрывалась вила.
Марко вынул острый нож украдкой.
Распорол он разбойника Мусу
От пояса до белого горла.
Мертвый придавил албанец Марка,
И едва из-под него он вылез;
А когда поворачивал тело,
Видит три в груди у Мусы сердца,
В три ряда богатырские ребра.
Притомилось первое сердце.
260 А второе яростно трепещет,
В третьем сердце змея притаилась.
Пробудилась лютая гадюка:
Мертвый Муса по лужайке скачет.
Вещая змея проговорила:
«Богу должен быть ты благодарен,
Что спала, покуда вы сражались.
Если бы в живом я пробудилась,
Тяжкая тебя ждала бы участь».
Это слышит Королевич Марко.
270 По лицу его катятся слезы:
«Горе мне, клянуся вышним богом,
Лучшего, чем я, убил юнака».
Отрубил он голову албанцу,
Бросил в торбу и вскочил на Шарца,
И поехал к белому Стамбулу.
Выкатил он голову лихую
Пред султаном уstraшенным на пол.

Подскочил султан, ее увидя.
Тут сказал султану Королевич:
280 «Ты не бойся, царь и повелитель,
Как бы ты живого встретил Мусу,
Коль пред мертвой пляшешь головою!»
Получил он три вьюка сокровищ.
Едет Марко к белому Прилепу.
Мертвый Муса лежит обезглавлен
На вершине Качаника снежной.

КОРОЛЕВИЧ МАРКО И МИНА ИЗ КОСТУРА

Ужинает Королевич Марко,
Ужин — хлеб сухой с вином холодным.
Марко три посланья получает:
Первое из города Стамбула,
От царя, владыки Баязета;
Из Будима-города второе,
Написал его король будимский,
Третье же — из города Сибины,
Воеводы из Сибины Янка.
10 Пишет царь из города Стамбула,
Чтоб пришел к нему на помощь Марко,
Воевать в краю арапском лютом.
А в письме из города Будима
Сам король зовет на свадьбу Марка,
Чтобы дружкой Марко стал венчальным,
Чтоб венчал его он с королевой.
А в письме из города Сибины
Янко просит, чтоб стал Марко кумом,
Чтоб крестил он двух сынков-младенцев.
20 Спрашивает Марко мать-старуху:
«Посоветуй, мать моя родная,
Ехать должен я куда сначала,
Ехать ли мне воевать к султану,
Ехать ли мне к королю, быть дружкой
При его венчанье с королевой,
Иль поехать к воеводе Янко
На крещение двух сынков-младенцев?»
Мать-старуха отвечает сыну:
«Сын любимый, Королевич Марко,

- 30   Ведь на свадьбу едут для веселья,
На крестины едут ради веры,
На войну ж уходят поневоле.
Поезжай, мой сын, к султану в войско,
Милостивый бог нам грех отпустит,
Ну, а турки нас не понимают».
Матери не стал перечить Марко,
Снарядился он к султану в войско,
Взял слугу Голубана с собою,
Пред отъездом матери он молвил:
- 40   «Ты послушай, матушка родная!
Затворяй, как смеркнется, ворота,
Попозднее отворяй их утром,
Матушка, я в распре и раздоре
С распроклятым Миной из Костура,
Опасаясь, матушка родная,
Как бы белый двор он не разграбил».
Марко в войско царское поехал,
Вместе с ним слуга его Голубан.
Как достигли третьего ночлега,
- 50   Ужинать сел Королевич Марко,
Красное вино поднес Голубан,
Королевич Марко принял чашу,
В руки чашу взял и впал в дремоту,
Выскользнула чаша и упала,
Но вино не пролилось из чаши.
Разбудил его слуга Голубан:
«Господин мой, Королевич Марко,
Много раз нам воевать случалось,
Никогда ты не дремал так крепко,
- 60   Не ронял из рук с вином ты чаши».
Тут очнулся Марко от дремоты
И слуге Голубану ответил:
«Ты, Голубан, мой прислужник верный,
Задремал я, чудный сон увидел,
Сон чудесный в чудную минуту:
Будто мгла туманом завихрилась,
Поднялась от города Костура,
Заклубилась над Прилепом белым,
В том тумане Мина из Костура,
- 70   Белый двор мой дочиста разграбил,
Все разграбил, все спалил пожаром,

- Мать-старуху потоптал конями,
Верную жену мою взял в рабство,
Всех коней угнал он из конюшни,
А из дома все добро похитил».
- Отвечал ему слуга Голубан:
«Ты не бойся, Королевич Марко!
Сон не страшен храброму юнаку.
Сон ведь ложь, а истина у бога».
- 80 Только Марко в Цареград приехал,
Снарядил султан большое войско,
Переправил войско через море
Воевать в краю арапском лютом.
Взял на взморье городов он много,
Было счетом сорок их четыре.
Только стали у Кара-Окаша,
Там три года бились неустанно,
Неустанно бились, взять не могут.
Марко рубит головы арапов
- 90 И несет все головы к султану,
Получает он бакшиш султанский.
Стало туркам горько и обидно,
Стали турки говорить султану:
«Господин наш, Баязет-владыка,
Не юнак твой Королевич Марко,
Марко рубит головы у мертвых
И к тебе их за бакшиш приносит».
- То прослышал Королевич Марко,
Стал проситься Марко у султана:
- 100 «Отчим мой, султан высокочтимый,
Крестное я завтра славлю имя,
Светлый день Георгия святого,
Отпусти меня, султан великий,
Крестное мое прославить имя,
Как велит нам вера и обычай.
Дай Алил-агу мне, побратима,
Чтобы мирно мы вина испили».
- Отказать не мог султан в той просьбе,
Отпустил для праздника он Марко
- 110 Славить имя крестное как должно,
Отпустил с ним вместе побратима.
И поехал Марко в лес зеленый,
Да подальше в лес от войска турок,

- И разбил он там шатер свой белый,
Сел под ним вина попить на воле
Побратим Алил-ага с ним вместе.
Только утро в небе засияло,
Увидала стража у арапов,
Что нет Марка среди войск турецких,
120 Закричала стража у арапов:
«Нападайте, лютые арапы!
Нет у турок страшного юнака
На коне его большом и пестром».
Тут арапы лютые напали,
Перебили тридцать тысяч турок.
Марку шлет письмо султан турецкий:
«Поспеши, мой сын приемный Марко!
Тридцать тысяч потерял я войска».
Но султану Марко отвечает:
130 «Как же мне спешить, султан, мой отчим!
Я еще вина не выпил вволю,
Имя крестное я не прославил».
Только утро снова засияло,
Снова кличут стражи у арапов:
«Нападайте, лютые арапы!
Нет у турок страшного юнака
На коне его большом и пестром».
Вновь арапы лютые напали,
Турок тысяч шестьдесят побили.
140 Пишет Марку вновь султан турецкий:
«Поспеши, мой сын приемный Марко!
Войска тысяч шестьдесят пропало».
Но султану Марко отвечает:
«Малость подожди, султан, мой отчим,
Я еще не нагулялся вволю,
С кумовьями, с добрыми друзьями!»
Только утро третье засияло,
Снова кличет стража у арапов:
«Нападайте, лютые арапы!»
150 Нет у турок храброго юнака
На коне его большом и пестром!»
Вновь арапы лютые напали
И сто тысяч турок перебили.
Пишет Марку вновь султан турецкий:
«Поспеши, мой сын приемный Марко!

- Помоги ты нам, мой сын названный!
Повалили мой шатер арапы!»
Королевич Марко сел на Шарца
И к султану поспешил на помощь.
- 180 Только утром белый день занялся,
Как сошлись друг с другом оба войска,
Тотчас стражи все признали Марко,
Закричали зычно во все горло:
«Отступайте, лютые арапы!
Видите вы страшного юнака
На коне его большом и пестром?»
На арапов тут ударил Марко,
На три части он разбил их войско,
Уничтожил первую он саблей,
- 170 А вторую потоптал он Шарцем,
Третью часть пригнал в турецкий лагерь.
Только Марко сильно был изранен,
Семьдесят он получил ударов,
Семьдесят кровавых ран зияют.
Он в объятья падает султана.
Спрашивает Марка царь турецкий:
«Королевич Марко, сын названный,
Эти раны лютые смертельны?
Сможешь ли ты раны пересилить,
- 180 Если лекарей сыщу, лекарства?»
Отвечает Королевич Марко:
«Государь мой и отец названный!
Эти раны вовсе не смертельны,
И смогу я раны пересилить».
Руку сунул царь в карман обширный,
Дал он Марку тысячу дукатов,
Чтоб от лютых ран он излечился,
В помощь двух оставил слуг проворных,
Чтоб смотрели — как бы он не умер.
- 190 Только Марко лекаря не ищет,
Из одной корчмы в другую ходит,
Ищет, где дадут вина получше,
И вина так много выпил Марко,
Что все раны у него закрылись.
Получает он письмо из дома,
Что весь белый двор его разграблен,
Весь разграблен и спален пожаром,

- Мать-старуху кони потоптали,
Верную жену угнали в рабство.
200 Стал тут Марко жаловаться горько,
Припадая к царскому колену:
«Государь мой и отец названный,
Белый двор мой дочиста разграблен,
Верную жену мою забрали,
Потоптали мать мою конями,
Все добро похитили из дома,
А похитил Мина из Костура».
Царь турецкий Марка утешает:
«Не горюй, мой сын названный Марко,
210 Двор твой белый погорел в пожаре —
Мы построим новый, да лучше,
У моих дворов, да их не хуже.
Потерял ты все свое богатство —
Податным агой тебя назначу,
Поднакопишь ты добра побольше,
Верную жену твою забрали —
Мы найдем тебе жену лучше».
Отвечает Королевич Марко:
«Честь тебе, султан, отец названный!
220 Если станешь новый двор мне строить,
Будут люди говорить с проклятьем:
«Вот мошенник Королевич Марко!
Старый двор его дотла спалили,
Пусть и новый так же запустеет!»
Если стану податным агою,
Не смогу собрать налог подушный,
Не обидев нищих и убогих.
Будут люди говорить с проклятьем:
«Вот мошенник Королевич Марко!
230 Потерял он все добро, что было,
Пусть добро и это потеряет».
Как могу я на другой жениться
При живой жене, что в плен попала?
Лучше дай мне триста янычаров,
Пусть возьмут они ножи кривые
И мотыги легкие захватят,
Поведу их к белому Костуру
И верну жену мою из плена».
Дал султан три сотни янычаров,

- 240 Кованые дал ножи кривые,
Дал мотыги легкие впридачу.
К янычарам обратился Марко:
«Дорогие братья янычары,
Вы идите к белому Костуру,
Подойдете к городу поближе.
Увидав вас, греки будут рады:
«Дешево, мол, их найдем работать,
Виноград наш подрезать, мотыжить».
Только, братья, вы не соглашайтесь,
- 250 Под Костуром-городом живите,
Попивайте ракию и вина,
Поджидайте моего прихода».
Снарядились триста янычаров,
В путь собрались к белому Костуру,
Марко же к Святой Горе поехал,
Исповедался там, причастился,
Каялся, что много крови пролил.
Обрядился он потом монахом,
С бороδοю черною по пояс,
- 260 И надел он шапку-камилавку.
На спину он быстро вспрыгнул Шарца
И поехал к белому Костуру.
Как приехал, то увидел Мину,
Угощался и вино пил Мина,
Маркова жена ему служила.
Спрашивает Мина из Костура:
«Милость божья с нами, черноризец!
Где достал ты пестрое конище?»
Отвечает Королевич Марко:
- 270 «Божья милость господин мой Мина!
Был недавно я в султанском войске,
В дальнем крае у арапов лютых,
У султана был детина глупый
По прозванью Королевич Марко,
Но убит он был в бою жестоком!
И пришлось мне хоронить юнака,
Как велит нам вера и обычай.
Конь достался мне за панихиду».
Как услышал Мина весть такую,
- 280 То вскочил, от радости ликуя,
И сказал тут Мина из Костура:

- «Бе аферим, храбрый черноризец!
Целых девять лет я дожидался,
Чтоб такую весть пришлось услышать,
Я разграбил белый двор у Марка,
Все разграбил и спалил пожаром,
Верную жену его похитил,
Но еще я с нею не венчался,
Терпеливо ждал я смерти Марка,
290 А теперь ты обвенчать нас можешь».
Взял писанье Королевич Марко,
Взял писанье, стал венчать он Мину,
Не с другой, а со своей женою!
После сели пить и веселиться,
Пили красное вино и ели,
И сказал вдруг Мина из Костура:
«Слушай, Ела, и душа и сердце,
Марковой женой звалась ты прежде,
Мининой женой ты будешь зваться.
300 Ты спустишь, душа, в подвал глубокий
И три чаши принеси дукатов,
Одарить хочу я черноризца».
Тут спустилась Ела в подземелье
И три чаши принесла дукатов,
Но взяла их не из денег Миной,
А из тех, что он забрал у Марка.
Принесла заржавленную саблю,
Отдала все это черноризцу:
«Забирай все это, черноризец,
310 На помин души юнака Марка!»
Марко взял заржавленную саблю,
Осмотрел и лезвие потрогал,
И сказал он Мине из Костура:
«Господин наш, Мина из Костура,
Можно ли мне на веселой свадьбе
Поплясать так, как монахи пляшут?»
Отвечает Мина из Костура:
«Вволю можно, храбрый черноризец,
Вволю можно поплясать на свадьбе!»
320 Марко на ноги вскочил проворно,
Повернулся два или три раза,
Сверху донизу весь дом затрясся,
Быстро саблю выхватил из ножен,

Размахнулся справа и налево —
И слетела голова у Мины.
Марко зычно во все горло крикнул:
«Нападайте, батраки, с ножами!
Нет уж больше Мины из Костура!»
Прибежали триста янычаров
330 И на белый двор напали Мины,
Захватили все добро, что было,
Что не взяли, то дотла спалили,
Верную жену свою взял Марко,
Минино добро забрал с собою
И поехал в Прилеп, белый город,
Запевая, песни распевая.

КОРОЛЕВИЧ МАРКО И АРАПСКАЯ КОРОЛЕВНА

Спрашивала матушка у Марка:
«Сын мой милый, Королевич Марко!
Что так часто храмы ты возводишь,
На помин души их завещаешь?
Иль, сынок, ты грешен перед богом,
Иль богатство на тебя свалилось?»
Отвечал ей Королевич Марко:
«Бог с тобою, мать моя родная!
Был однажды я в земле арапской
10 И поехал с Шарцем к водопою,
Напоить коня водой студеной.
Только я подъехал к водопою,
Глядь, стоит там дюжина арапов.
Не хотел в черед я становиться,
Стал поить водой студеной Шарца.
Всполошилась дюжина арапов,
Разгорелась ссора между нами.
Тут я вынул пестопер тяжелый
И ударил черного арапа,
20 Одного я, матушка, ударил,
На меня одиннадцать напало.
Я двоих, а на меня десяток,
Я троих, а на меня их девять,
Четырех, а на меня их восемь,
Пятерых, а на меня семь лезут,

Шестерых, а на меня шесть лезут.
Шестеро со мною совладали,
За спиною руки мне скрутили,
Повели к арапскому владыке,
30 Бросили в глубокую темницу.
Я семь лет сидел на дне темницы,
Не видал я, как весна приходит,
Не видал я, как зима приходит,
Лишь одной утехой утешался:
Как начнут в снежки играть арапки,
Бросят мне снежок в мое окошко,
Вот и знаю, что зима настала,
А как бросят василек мне синий,
Вот и знаю, что настало лето.
40 Как восьмое лето наступило,
Очертела мне моя темница,
Надоела девушка-арапка,
Дочь того арапского владыки.
Что ни день, и вечером и утром
Подходила девушка к окошку:
«Ты зачем гниешь в темнице, Марко!
Поклянись на мне, юнак, жениться.
Я тебя избавлю от темницы,
Из подвала выведу я Шарца,
50 Захвачу из дома я дукатов,
Бедный Марко, столько — сколько хочешь!»
Вижу, мать, беда мне в той темнице,
Снял я шапку, бросил на колено
И поклялся шапке, не арапке:
«Обещаю, слово мое крепко!
Не оставлю, слово мое крепко!
Даже солнце лету изменяет
И не греет лютою зимою,
Я же этой клятве не изменник!»
Обманулась девушка арапка,
60 Рассудила, — ей поклялся Марко.
Только сумерки спускаться стали,
Отворила дверь моей темницы.
Вывела она меня на волю,
Привела мне бешеного Шарца,
А себе коня получше Шарца,
На обоих — по мешку дукатов.

Взял тогда я кованую саблю,
Оседлал коней своих ретивых,
70 Поскакал с арапкой восвояси.
А когда наутро посветлело,
Сел я, мать, немного отдышаться,
Вижу — рядом девушка арапка,
Обнимает черными руками.
Как я глянул, мать моя родная,
Вся черна, и только зубы белы!
Ох, как тошно мне на сердце стало!
Вынул, мать, я кованую саблю,
Полоснул по поясу арапку.
80 Не сплошала кованая сабля —
Пополам ее перерубила.
Сел я, мать, на бешеного Шарца,
А арапка шепчет мне с упреком:
«Брат по богу, Королевич Марко!
Не бросай меня, мой горемычный!»
Согрешил я, матушка, пред богом,
Получил больше я богатство:
Вот зачем я храмы воздвигаю —
На помин души моей греховной!»

ТУРКИ У МАРКА НА СЛАВЕ

Молит бога Королевич Марко,
Чтобы турки не пришли на славу,
Чтобы мог святое имя славить,
Летний праздник, Юрьев день, как должно.
Вот приходит Юрьев день великий,
Он господ на славу приглашает.
Три стола у Марка на подворье,
За одним епископов двенадцать,
За другим бояре и дворяне,
10 А за третьим — нищие калеки.
Угощает он архиереев,
Угощает знатных и богатых,
Нищих кормит мать его старуха,
А Елица носит угощенье.
А слуга Вайстина не дремлет,
Охраняет празднество от турок,

- Чтобы турки в гости не явились.
Вдруг приходят три аги царевых,
Вместе с ними тридцать янычаров.
20 Громко кличут три аги царевых,
Вместе с ними тридцать янычаров:
«Эй, гяур, открой скорей ворота,
Посмотреть хотим мы на неверных,
Как ваш Марко чествует святого!»
Отвечал слуга им по-турецки:
«Тише, турки! Тише, янычары!
Я не смею отворить ворота,
Опасаясь Марка-господина.
Только турки слушаться не стали,
30 Шестоперы выхватили разом,
Разнесли тесовые ворота,
На слугу обрушились с оружием,
Спину всю ему исколотили.
А когда невмочь юнаку стало
И от боли плечи онемели,
Прибежал он к Марко со слезами.
Спрашивает Королевич Марко:
«Вайстина, чадо дорогое,
Что ты, сын мой, слезы проливаешь?
40 Может, пить иль ужинать ты хочешь?
Если ты, сынок, проголодался,
Вот тебе любое угощенье;
Коль от жажды горло пересохло,
Вот вино холодное в кувшине;
Но не плачь ты горькими слезами
И не порти мне великий праздник».
Отвечает Вайстина верный:
«Господин мой, Королевич Марко,
Ни вина, ни хлеба мне не надо,
50 Ведь за хлеб беда меня сдает,
За вино меня несчастье точит
На твоём подворье на господском!
Ты послал стоять меня на страже,
Кто здесь может выстоять на страже?
К нам явились три аги царевых,
Вместе с ними тридцать янычаров.
Громко кличут три аги царевых:
«Эй, гяур, открой скорей ворота!

- Посмотреть хотим мы на неверных,
60 Как ваш Марко чествует святого!»
Отвечал я туркам по-турецки:
«Тише, турки! Тише, янычары!
Я не смею отворить ворота,
Опасаюсь Марка-господина».
Только турки слушаться не стали,
Шестоперы выхватили разом,
Разнесли ворота на подворье,
На меня обрушились с оружием.
Как услышал это Королевич,
70 Взял он в руки шестопер и саблю,
У гостей пошел просить прощенья:
«Вы простите, господá и гости,
Уж таким я, видно, уродился
От моей родительницы знатной:
Не могу для вас Прилеп украсить
Ни венками роз, ни васильками,
А придется мне Прилеп украсить
Головами турок-басурманов!»
Стала плакать мать его старуха,
80 Госпожа честная, королева:
«Ох, сынок, не дело ты задумал!»
И открыла грудь свою, рыдая:
«Я тебя питала этой грудью!
Ты не лей, сынок, сегодня крови,
Ведь сегодня твой великий праздник!
Кто б к тебе сегодня ни явился
Накорми всех нищих и голодных,
Нам с отцом покойным во спасенье,
А тебе с Елицею — во здравье!»
90 Мать послушал Марко Королевич,
Бросил саблю, шестопер оставил.
Вот явились турки на подворье,
За столы широкие уселись.
«Вайстина, дай вина побольше,
Угощай их, душенька Елица!»
Им Вайстина точит ракию,
А Елица ставит угощенье.
Только турки досыта поели
И вина холодного испили,
100 По-турецки так они сказали:

- «Ну, друзья, теперь пойдем отсюда,
Кончим пир, покуда не объелись!»
Меж собою турки порешили,
Что не знает Марко по-турецки,
А юнак семь лет служил султану,
Жил за морем в Шаме басурманском.
По-турецки так он навострился,
Словно сам родился от турчанки.
И сказал тем туркам Королевич:
- 110 «Ну-ка, турки, садьте и пируйте,
Денег дайте слуге на лечение,
Если же со мною несогласны,
По лбу шестопером вас ударю,
Сорок ок в той палице железа,
Серебра в ней двадцать ок, не меньше.
Шесть в ней ок состава золотого,
А всего шесть ок и шесть десятков.
Заслужили эту вы награду,
Коль мои разрушили ворота,
- 120 На слугу обрушились с оружием».
Тут схватила турок лихорадка
Перед этим страшным шестопером,
Вмиг по двадцать вынули дукатов,
А агі по тридцать отсчитали,
Положили деньги перед Марком,
Чтоб добром от Марка откупиться,
Но беда еще не миновала,
От вина неверный разъярился,
Рад затеять с турками он ссору:
- 130 «Ну-ка, турки, садьте и пируйте,
Одарите ту, что вас кормила,
Ведь моя Елица не рабыня,
Чтобы пачкать шелковое платье,
Да носить вам, туркам, угощенье!»
Горе туркам — не хватает денег,
Занимают турки друг у друга,
По десятку вынули дукатов,
Да агі по двадцать отсчитали,
Положили деньги перед Марком.
- 140 Сгреб в карман те деньги Королевич
И пошел от турок, припевая.
Молвил Марко старой Ефросиме:

«Ефросима, мать моя старушка!
Не затем я деньги взял у турок,
Что богатства в доме не хватает,
А затем я деньги взял у турок,
Чтобы люди всюду говорили,
Как я турок потчевал сегодня!»
Потащились турки со слезами,
150 Говорят друг другу по-турецки:
«Пусть отныне бог убьет любого,
Кто к гяуру явится на праздник,
Если имя крестное он славит!
Столько мы за ужин заплатили,
Сколько в год не тратили на пищу!»

ОХОТА МАРКА С ТУРКАМИ

Раз охотился визирь турецкий,
Он охотился в лесу зеленом,
С ним двенадцать было делибашей,
А тринадцатый среди них был Марко.
Трое суток были на охоте,
Никакой им дичи не попало,
Порешили к озеру поехать,
К озеру, что у горы зеленой,
Плавали там утки-златоперки.
10 Сокола визирь с руки подбросил,
Чтоб схватил он утку-златоперку.
Только утка не попалась в когти,
В небо к облакам она взлетела,
Без добычи сел на елку сокол.
Тут промолвил Королевич Марко:
«Разрешить ли мне, визирь великий,
Сокола и моего подбросить,
Чтоб поймал он утку-златоперку?»
И Мурат-визирь ему ответил:
20 «Почему бы не позволить, Марко?»
Марко сокола с руки подбросил,
Взвился Марков сокол прямо к небу,
И схватил он утку-златоперку,
Сел с добычей под зеленой елью.
Как увидел то муратов сокол,

- Обозлился, люто разъярился.
Он приучен был к дурной повадке:
У другого отнимать добычу.
Подлетел он к соколу под елью,
30 Отнимать стал утку-златоперку,
А у Марка сокол был упрямый,
Норовом был как его хозяин:
Не отдал он утку-златоперку,
Ухватил он сокола чужого,
Сизый пух его пустил по ветру.
Как Мурат-визирь увидел это,
Стало турку горько и досадно.
Сокола о елку он ударил,
Правое крыло расшиб ударом.
40 Поскакал Мурат в густую чащу,
А за ним двенадцать делибашей.
Сокол Марка запищал свирепо,
Словно лютая змея под камнем.
Сокола взял Королевич Марко,
Обвязал ему крыло больное,
Голосом сердитым он промолвил:
«Нам обоим тяжело, милый сокол,
С турками охотиться без сербов:
Их обычай — отнимать добычу!»
50 Марко повязал крыло соколье
И вскочил на Шарца боевого,
Да помчался через лес дремучий.
Шарац мчится, как лесная вила,
Быстро мчится, вот уж он далеко.
Миновал он скоро лес дремучий,
Средь равнины он настиг Мурата
И его двенадцать делибашей.
Обернулся тут Мурат тревожно
И увидел за собою Марка,
60 Говорит своим он делибашам:
«Делибаши, дети, поглядите,
Видите ль вы сзади облак мгlistый,
Облак мгlistый под горою черной?
Это скачет Королевич Марко.
Поглядите, как он гонит Шарца!
Будет худо, не спасет нас чудо!»
Тут настиг их Королевич Марко,

- Выхватил он кованую саблю,
Поскакал наперерез Мурату,
70 Врассыпную поскакали турки —
Кобчик в тернах воробьев так гонит.
Марко в поле настигает турок.
Голову отсек Мурату Марко,
На-двое рассек двенадцать турок,
Так что стало двадцать и четыре.
Стал тут думать Королевич Марко:
Нужно ль ехать ко двору султана,
Или в белый двор свой возвратиться?
Все обдумал Марко и промолвил:
80 «Лучше ехать мне в Едрен к султану,
Рассказать о том, что я наделал,
Прежде чем пожалуются турки».
В Едрен прибыл Королевич Марко
И явился на диван к султану.
Очи Марка злобно загорелись,
Так голодный волк глазами блещет:
Марко глянет — молния сверкает.
Спрашивает Марка царь турецкий:
«Сын приемный, Королевич Марко,
90 Что тебя так сильно разъярило?
Или денег у тебя не стало?»
Тут султану Марко все поведал,
Рассказал, что было на охоте.
Царь турецкий выслушал юнака,
Громким смехом султан рассмеялся,
Милостиво Марку он ответил:
«Бе аферим, сын приемный Марко!
Если б ты не натворил такого,
Сыном бы моим не назывался.
100 Всякий турок может стать визирем,
А юнаков нет таких, как Марко!»
Руку сунул царь в карман шелковый,
Достает он тысячу дукатов,
Отдает их поскорее Марко:
«Вот возьми, мой сын приемный Марко,
Успокойся и вина напейся».
Королевич Марко взял дукаты,
И покинул он диван турецкий.
Эти деньги дал султан юнаку

110 Не затем, чтоб он вина напился,
А чтоб с глаз он поскорей убрался:
Больно люто Марко разъярился!

МАРКО ПЬЕТ В РАМАЗАН ВИНО

Был указ султана Сулеймана
В рамазан не бражничать народу,
Не носить зеленые кафтаны,
Не носить и кованые сабли,
Не кружиться с девушками в коло.
Марко водит с девушками коло,
Марко носит кованую саблю,
Что ни день — в зеленом он кафтане,
В рамазан винище распивает,
10 Да еще муллам велит и ходжам,
Чтоб и турки с Марко пировали.
Бьют челом неверные султану:
«Сулейман, отец наш и владыка!
Разве ты не отдал повеленье
В рамазан не бражничать народу,
Не носить зеленые кафтаны,
Не носить и кованые сабли,
Не кружиться с девушками в коло?
Марко водит с девушками коло,
20 Марко носит кованую саблю,
Что ни день — в зеленом он кафтане,
В рамазан винище распивает.
Мало, что грешит он в одиночку,
Он еще муллам велит и ходжам,
Чтоб мы, турки, с Марко пировали».
Только царь услышал это слово,
Кликнул он двух верных скороходов:
«Отправляйтесь к Марко, скороходы,
Возвестите царское веленье,
30 Чтобы Марко на диван явился».
Побежали к Марку скороходы,
И в шатер к юнаку прибежали,
Марко пьет вино и веселится,
Да не чашей пьет он, а корчагой.
Объявили Марку скороходы:

- «Ты, послушай, Королевич Марко!
Царь-султан велит тебе, юнаку,
На диван немедленно явиться».
Рассердился Королевич Марко,
40 Размахнулся он своей корчагой
И ударил по лбу скорохода,
Треснул лоб, корчага раскололась,
И вино и кровь перемешались.
Вот к царю явился Королевич,
Сел он возле царского колена,
Соболь-шапку на лоб нахлобучил,
Под рукою шестопер приладил,
Приготовил саблю на колене.
Начал царь вести такие речи:
50 «Сын названный, Королевич Марко!
Мой указ, наверное, ты знаешь,
В рамазан не бражничать народу,
Не носить зеленые кафтаны,
Не носить и кованые сабли,
Не кружиться с девушками в коло.
Мне же люди добрые сказали,
Горемыку Марко обвинили,
Что ты водишь с девушками коло,
Что ты носишь кованую саблю,
60 Что всегда в зеленом ты кафтане,
В рамазан винище распиваешь,
Да еще велишь ходжам почтенным,
Чтоб они с тобою пировали!
Что ты шапку на лоб нахлобучил,
Под рукою шестопер приладил,
Приготовил саблю на колене?»
Отвечает Королевич Марко:
«Царь-султан, родитель мой названный!
Коль я пью во время рамазана,
70 Значит, вера пить мне разрешает.
Коль ходжей почтенных угощаю,
Значит, царь, я вынести не в силах,
Чтоб я пил, а турки лишь глазели,
Пусть в корчму ко мне они не ходят.
Если я ношу кафтан зеленый,
Значит, мне к лицу кафтан, юнаку.
Если подпоясал эту саблю,

Значит, я купил ее за деньги.
Коль вожу я с девушками коло,
80 Значит, молод я и неженатый,
Как и ты женат когда-то не был.
Коль я шапку на лоб нахлобучил,
Значит, речь твоя мне не по сердцу.
Коль я шестопер к себе придвинул
И держу я саблю на колене,
Значит, нынче ожидаю ссоры.
Ну, а коль начнется ссора,
Смерть тому, кто ближе всех от Марка!»
Оглянулся царь-султан турецкий,
90 Кто стоит тут ближе всех от Марка,
Ан, пред Марком никого и нету,
Только он один, султан турецкий.
Царь отпрянул, Марко следом прынул,
И прижал султана он к простенку.
Тут султан пошарил по карманам,
Подает юнаку сто дукатов:
«Вот тебе, мой Королевич Марко!
Ты поди и пей вино хмельное».

КОРОЛЕВИЧ МАРКО ПАШЕТ

Пьет хмельное Королевич Марко
С Ефросимой — матерью своею,
А когда они напились вдоволь,
Ефросима молвила юнаку:
«О сынок мой, Королевич Марко!
Ты набегу прекрати лихие,
Зло добра вовеки не приносит,
И твои кровавые рубашки
Мне стирать, старухе, надоело.
10 Лучше б, Марко, ты ходил за плугом,
Да пахал бы горы и долины,
Сеял бы кормилицу пшеницу,
Вот и были б мы с тобою сыты!»
Марко мать послушался родную,
Взял волов и выехал на пашню,
Но ни гор он, ни долин не пашет,
Пашет он султанские дороги.

- Проезжают турки-янычары
И везут на трех возах богатство.
20 Закричали янычары Марку:
«Эй ты, Марко, не паши дорогу!»
«Эй вы, турки, не топчите пашню!»
«Эй ты, Марко, не паши дорогу!»
«Эй вы, турки, не топчите пашню!»
Надоело это Марку слушать,
Плуг с волами поднял Королевич,
Перебил турецких янычаров,
И три воза отнял он у турок
И отнес их матери-старухе:
30 «Вот что, мать, я выпахал сегодня».

СМЕРТЬ КОРОЛЕВИЧА МАРКА

- В воскресенье Королевич Марко
Рано утром ехал возле моря,
Путь держал он на гору Урвину.
Только он взобрался на Урвину,
Начал конь под Марко спотыкаться,
Обливаться горькими слезами.
Огорчился Королевич Марко,
И промолвил Шарцу он с упреком:
«Что ж ты, Шарац, верный мой товарищ!»
10 Сотню лет служил ты мне исправно,
Шестьдесят еще ты был мне верен,
И ни разу ты не спотыкался,
Лишь сегодня начал спотыкаться,
Обливаться горькими слезами.
Что случится — то известно богу,
Только, знать, хорошего не будет;
Может, я, а может, ты сегодня
Навсегда простимся с головою.
Лишь промолвил Марко это слово,
20 Кличет вила горная с Урвины,
Призывает доброго юнака:
«Побратим мой, Королевич Марко!
Знаешь ли, о чем твой Шарац тужит?
Он тебя, хозяина, жалеет,
Потому что скоро вам разлука!»

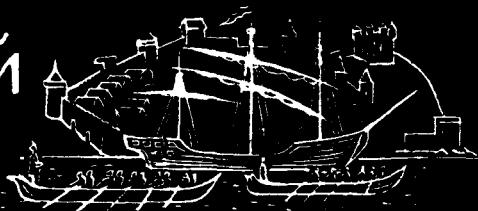
- Отвечает виле Королевич:
«Чтоб ты, вила белая, пропала!
Как могу я с Шарцем разлучиться,
Если мы объехали всю землю,
30 Целый мир с восхода до заката!
Лучше Шарца нет коня на свете,
Лучше Марка нет юнака в мире.
До тех пор я с Шарцем не расстанусь,
Головы пока не потеряю!»
Кличет вила белая юнака:
«Побратим мой, Королевич Марко!
Шарац твой врагу не попадется,
Да и сам погибнуть ты не можешь
От юнака или острой сабли,
40 От копыа иль палицы тяжелой:
На земле никто тебе не страшен.
Поразит тебя, несчастный Марко,
Старый мститель бог, и час твой близок.
Если ты словам моим не веришь,
Подымись на горную вершину,
Посмотри с вершины той налево
И увидишь две зеленых ели.
Поднялись те ели над горою,
И ее ветвями осенили,
50 А внизу под елями — колодец.
Слезь ты, Марко, у того колодца,
Привяжи коня к зеленой ели,
Наклонись над светлою водою,
Чтоб в воде лицо свое увидеть;
Как увидишь — так и жизнь покончишь».
И послушал вилу Королевич,
Въехал он на горную вершину,
Посмотрел с вершины той налево
И увидел две зеленых ели.
60 Поднялись те ели над горою,
Всю ее ветвями осенили,
А внизу под елями — колодец.
Спрыгнул у колодца Королевич,
Привязал коня к зеленой ели,
Над водою светлой наклонился
И в воде лицо свое увидел.
Только он лицо свое увидел,

- Как почуял — смерть его подходит,
И сказал он, слезы проливая:
70 «Мир обманный, цвет благоуханный!
Был ты сладок, только жил я мало,
Жил я мало, триста лет, не боле,
Срок пришел, пора мне в жизнь иную».
Выхватил тут саблю Королевич,
Выхватил он, острую, из ножен,
Подошел он к Шарцу со слезами,
И отсек он голову бедняге,
Чтобы Шарац туркам не достался,
Чтобы враг над Шарцем не глумился,
80 Не возил ни сор на нем, ни воду.
Распростился с Шарцем Королевич,
Схоронил старательней, чем брата,
Удалого витязя Андрея.
И сломал тут острую он саблю
И четыре раскидал обломка,
Чтобы сабля туркам не досталась,
Чтобы турки саблей не хвалились,
Что достали саблю у юнака,
Чтоб не кляли Марка христиане.
90 И копьё сломал он боевое,
И обломки кинул в ельник частый,
Взял он шестопер рукою правой
И метнул его с горы Урвины,
В море синее его забросил,
И промолвил Марко шестоперу:
«Лишь когда ты выплывешь на сушу,
Новый Марко на земле родится».
Только он с оружием покончил,
Вынул он чернильницу с бумагой,
100 Написал такое завещанье:
«Кто поедет по горе Урвине
Мимо этих елей, у колодца,
И увидит Марка на дороге,
Пусть он знает, что скончался Марко,
Что на нем три пояса дукатов,
Первый пояс Марко завещает
Тем, кто Марку выроет могилу,
А другой — на украшение храмов,
Третий пояс — нищим и незрячим,

- 110 Пусть слепые по свету блуждают,
Пусть поют и вспоминают Марка». **Кончил завещанье Королевич,**
Прикрепил его на ель высоко,
Чтоб с дороги можно было видеть,
И швырнул чернильницу в колодец.
Скинул Марко свой кафтан зеленый,
Разостлал под елью у колодца,
Осенил крестом себя широким,
И прикрыл глаза собольей шапкой,
120 **И затих, и больше не поднялся.**
Так лежал юнак усопший Марко
День за днем, пока прошла неделя.
Кто проедет мимо по дороге
И заметит Марка у колодца,
Всякий мыслит: Марко отдыхает,
И объедет Марка стороною,
Чтобы сон юнака не тревожить.
Там где счастье, тут же и несчастье,
Где несчастье, тут и счастье рядом.
130 **Занесло то счастье на Урвину**
Святогорца проигумна Васа,
Он из белой церкви Вилиндара
Проезжал тут с дьяконом Исайей.
Лишь увидел Марка проигумен,
Стал махать на дьякона руками.
«Тише, сын мой, не буди юнака,
Он со сна бывает очень грозен,
Как бы грех какой не приключился!»
Тут письмо заметил он на елке,
140 **Прочитал, что умер витязь Марко,**
Слез с коня, рукой его потрогал,
А юнак давно уже скончался.
Пролил слезы проигумен Васо,
Стало жаль святителю юнака.
Снял с него три пояса дукатов,
С Марка снял, себе их препоясал,
Начал думать проигумен Васо,
Где предать юнака погребенью.
Долго думал, наконец придумал,
150 **Положил он мертвого на лошадь**
И повез его на берег моря.

Мертвого взял Марка на галеру
И доставил на Святую Гору
Ко святому храму Вилиндáру,
Внес игумен Марка в храм господний,
Совершил над мертвым отпеванье,
Схоронил юнака святогорец
Посредине церкви Вилиндара.
Не поставил надпись над могилой,
¹⁶⁰ Чтоб враги не знали о могиле,
Чтоб не мстили мертвому злодеи.

КОСОВСКИЙ ЦИКЛ

ФРАГМЕНТЫ КОСОВСКИХ ПЕСЕН

1. Мурат на Косове

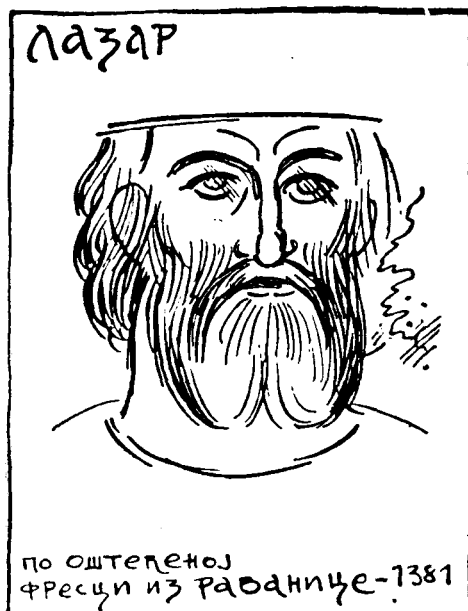
Царь Мурат на Косово собрался.
Вот пришел, и князю сербов пишет,
В Крушевац посланье посылает
Прямо в руки Лазарю-владыке:
«Лазарь, сербский князь и повелитель,
Не бывало, да и быть не может,
Что в одной стране — два господина,
Чтобы двум налог платила рая.
Править мы с тобой вдвоем не можем.
10 Присылай ключи, плати мне подать:
Городов твоих ключи златые,
За семь лет подушную с народа.
Если же послать мне не захочешь,
Выходи на Косово с войсками.
Эту землю мы мечом поделим».
Лазарь князь прочел письмо султана,
На посланье он роняет слезы.

2. Заклятье князя Лазаря

Вот послушайте, старый да малый,
Лазарь князь так заклинал пред боем:
«Ничего от рук тех не родится,
Кто на бой на Косово не выйдет —
Ни на поле белая пшеница,
Ни на склонах лóзы винограда».

3. Княжев ужин

Славу славит Лазарь, князь могучий,
В граде сербском, Крушевце цветущем.
Все бояре за столы садятся,
Все бояре вместе с сыновьями.
Справа посадили Юг-Богдана,
Рядом девять Юговичей юных,
Слева Вука Бранковича место,
Господа садятся по порядку:
Против князя — воевода Милош,
10 Рядом с ним двух равных посадили,
Одного — Косанчича Ивана,
И Милана Топлицу — другого.
Князь литую чашу поднимает,
Говорит своим боярам сербским:
«За кого мне выпить чашу эту?
Если пить по старшинства сединам,
Выпил бы вино за Юг-Богдана;
Если пить по благородству крови,
Выпил бы за Бранковича Вука;
20 Если пить по дружеской приязни,
За девятых бы выпил шурьев;
Девять сыновей Богдана Юга.
Если пить по красоте обличья,
За Косанчича бы чашу выпил;
Если пить по высоте и росту,
Выпил бы за Топлицу Милана;
Если пить по храбрости безмерной,
Выпил бы вино за воеводу;
И сегодня за твое здоровье,
30 Милош Обилич, хочу я выпить:
Будь здоров и верный и неверный!

Князь Лазарь

По фреске из монастыря Раваница (1381 г.).

Рис. А. Дероко

Прежде верный, а потом неверный!
 Утром мне на Косове изменишь,
 Убежишь к турецкому султану.
 Будь здоров и за здоровье выпей,
 Пей вино из чаши золоченой.
 Я тебе дарую эту чашу».
 Встал поспешно легконогий Милош,
 До землицы черной поклонился:
 40 «Я тебя благодарю, властитель,
 Славный князь, за здравицу спасибо,
 За нее и за твое даренье,
 Но совсем не за слова такие.
 Не был я предателем-злодеем,
 Не был им и никогда не буду.
 Поутру на Косовом на поле

Я погибну за Христову веру.
Враг сидит у твоего колена,
Пьет вино, своей полой прикрывшись,
50 Бранкович — предатель тот проклятый!
Завтра будет Видов день прекрасный,
Мы на Косовом увидим поле,
Кто предатель и кто верен князю.
И клянусь владыкою всевышним,
Поутру на Косово я выйду,
Заколю турецкого султана,
Придавлю ему ногою горло.
Если мне помогут бог и счастье,
В Крушевац вернусь я невредимым,
60 Я поймаю Бранковича Вука,
Привяжу его к копью покрепче
(Так кудель привязывают к прялке),
Потащу его на поле битвы».

*4. Разговор Милоша Обилича
с Иваном Косанчицем*

«Ты скажи мне, брат Иван Косанчич,
Хорошо ль разведал силу вражью?
Много ль войска собралось у турок?
Можем ли с погаными сразиться?
Можно ль турок одолеть проклятых?»
Говорит ему Иван Косанчич:
«Милош Обилич, мой брат любимый,
Я разведал войско нечестивых,
Полчища врагов неисчислимы.
10 Если б стало наше войско солью,
Плов турецкий был бы недосолен.
Вот уже пятнадцать дней бесстрашно
Я брожу по вражескому стану,
Не нашел я ни конца ни края:
От Мрамора до песков Явора,
От Явора, брат мой, до Сазлии,
От Сазлии до Чемер-Чуприи,
От Чуприи до Звечана-града,
От Звечана, брат мой, до Чечана,
20 От Чечана до вершины горной —
Все покрылось войском басурманским,

- Конь к коню и воины рядами,
 Черный лес — их копья боевые,
 Стяги их летучи, словно тучи,
 А шатры снегов белее горных.
 Если дождь густой польется с неба,
 То нигде не упадет на землю,
 На юнаков и коней прольется.
 Стал султан Мурат на Мазгит-поле,
 30 Захватил и Лабу и Ситницу».
- Милош Обилич спросил Ивана:
 «Ой, Иван, мой побратим любимый,
 Где шатер могучего Мурата?
 Обещал я властелину-князю
 Заколоть турецкого султана,
 Придавить ему ногою горло».
- Но в ответ сказал Иван Косанчич:
 «Не теряй рассудка, брат любимый!
 Где шатер могучего Мурата?»
- 40 В середине вражеского войска.
 Если бы умел летать, как сокол,
 И на турка пал бы с поднебесья,
 Ты не мог бы улететь обратно.
 Начал Милош заклинять Ивана:
 «Ой, Иван, мой побратим любимый,
 Ты не брат мне, но родного ближе.
 Обещай, что так не скажешь князю,
 Он тревогой может омрачиться,
 И от страха наше войско дрогнет.
- 50 Лучше ты скажи другое князю:
 Велика врагов проклятых сила,
 Но не трудно с ними нам сразиться;
 В жаркой сече одолеем турок,
 Нет у них воителей искусных,
 Много старцев и ходжей почтенных,
 Есть ремесленники и торговцы,
 Никогда не видевшие битвы,
 Воевать пошли наживы ради.
 Есть и воины в турецком стане,
- 60 Но они внезапно все свалились
 От тяжелой нутряной болезни.
 Вместе с ними заболели кони,
 Заболели сапом лошадиным».

5. Три юнака

«Как зовется тот юнак бесстрашный,
Что один раз взмахнет острой саблей,
Острой саблей и правой рукою, —
Двадцать вражьих голов отсекает?» —
«Это, братья, Банович Страхиня.
«Как зовется воевода храбрый,
Четырех он копьем пробивает,
В Ситницу через себя бросает?» —
«Это, братья, Сергей Злоглядящий».
10 «Как зовется тот юнак храбрейший
На огромном коне рыжей масти
Перед войском с княжеской хоругвью,
Тот, что гонит десятками турок,
В волны Ситницы их загоняет?» —
«Это Бошко Югович прекрасный».

ЦАРЬ ЛАЗАРЬ И ЦАРИЦА МИЛИЦА

Вечером за стол садится Лазарь,
Ужинает царь с царицей сербов.
Говорит Милица государю:
«Царь наш милый, повелитель сербов,
Золотая сербская корона!
Ты уходишь на Косово завтра,
За тобой — воеводы и слуги.
Никого со мной не остается.
Нет мужчин во дворе моем белом,
10 Кто бы мог мое письмо доставить,
С Косова ко мне назад вернуться.
Ты с собой моих уводишь братьев,
Девять братьев — Юговичей милых.
Брата хоть единого оставь мне,
Чтоб могла его именем клясться.
Лазарь так царице отвечает:
«Госпожа и царица Милица,
Ты кого хотела бы из братьев
Во дворце моем белом оставить?»
20 «Ты оставь мне Юговича Бошка».
Сербский князь Милице отвечает:

- «Госпожа и царица Милица!
Над землей лишь белый день настанет,
Только в небе солнце засияет,
И как только ворота откроют, —
Выходи ты к городским воротам.
Проходить там будет наше войско,
Конников, копейщиков отряды.
Впереди их милый брат твой Бошко,
30 А в его руках хоругвь с крестами;
Пусть он даст кому захочет знамя,
Ты скажи ему, что я позволял.
Пусть с тобой во дворце остается».
А как утро в небе засияло,
Вышла рано к воротам Милица.
У ворот дворца остановилась.
Вот и войско выступает строем,
Конников, копейщиков отряды.
Перед ними брат царицы Бошко.
40 На коне гнедом он выезжает.
Золотом украшены доспехи.
Оселяет Юговича знамя —
До седла концы его спадают;
Яблоко на знамени златое,
Крест златой над яблоком сияет.
От креста висят златые кисти,
По плечам раскинулись Бошка.
Бросилась к его коню царица
И схватила узду золотую.
50 Обняла она брата за шею,
Говорить начала ему тихо:
«Бошко Югович, мой брат любимый,
Царь тебя мне подарил, оставил.
Не иди ты на Косово поле.
Лазарь-царь тебе, мой брат, позволил —
Передай кому захочешь знамя.
В Крушевце со мною оставайся,
Чтобы брат хоть один мне остался,
Чтоб могла его именем клясться».
60 Но Милице Бошко отвечает:
«Уходи, сестра, в свой белый терем,
Я назад с тобой не ворочуся,
И хоругвь не передам другому,

Если б царь мне дал за то Крушевац.
Не хочу, чтоб дружина сказала —
Бошко Югович трус и предатель!
Не поехал на Косово поле,
Чтобы кровь пролить достойно в битве,
Умереть за веру и за правду».

- 70 И погнал он в ворота гнедого.
Следом едет Юг-Богдан могучий,
А за ним семь Юговичей храбрых.
На Милицу никто и не смотрит.
Воин Югович тут появился.
Запасных коней царя ведет он.
Чепраки их золотом расшиты.
К Юговичу бросилась Милица,
За узду его коня схватила,
Обняла рукой за шею брата,
- 80 Обняла рукою и сказала:
«Воин Югович, мой брат родимый,
Царь тебя мне подарил, оставил.
Можешь ты отдать коней любому
И остаться в Крушевце со мною,
Чтобы брат хоть один мне остался,
Чтобы мне его именем клясться».
Так Милице Воин отвечает:
«Воротись, сестра, в свой белый терем,
Я назад с тобой не ворочуся
- 90 И коней не передам другому,
Если б даже знал я, что погибну.
Я иду на Косово, Милица,
Кровь свою пролить за нашу веру,
С братьями за крест честной сражаться».
И погнал буланого в ворота.
Это слыша, упала Милица
На студёный камень без сознания.
Вот к воротам Лазарь подъезжает.
Он увидел госпожу царицу,
- 100 Залился горячими слезами.
Посмотрел он направо, налево.
Подозвал он слугу Голубана:
«Слушай, Голубан, слуга мой верный!
Ты с коня сойди, возьми царицу,

- Отнеси ее в высокий терем.
Бог тебе простит и я прощаю, —
Не поедешь на Косово биться,
Во дворце останешься с царицей».
Эти речи Голубан услышал,
110 Облился горячими слезами.
Слез с коня он и поднял царицу
И отнес ее в высокий терем.
Но он сердце одолеть не может —
Рвется сердце на Косово поле.
Он бежит во двор, коня седлает;
Быстро скачет на Косово поле.

* * *

- Рано утром при восходе солнца
Прилетели два ворона черных
И спустились на белую башню.
120 Каркает один, другой же молвит:
«Эта ль башня сербского владыки,
Князя Лазаря дворец высокий?
Что же в нем души живой не видно?»
Воронов никто не слышал в замке,
Лишь одна царица услышала,
Появилась пред белою башней,
Обратилась к воронам черным:
«Мне скажите, зловещие птицы,
Ради бога вышнего скажите,
130 Вы сюда откуда прилетели?»
Не летите ль вы с Косова поля?
Не видали ль там две сильных рати?
Между ними было ли сраженье?
И какое войско победило?»
Отвечают два ворона черных:
«О Милица, сербская царица,
Прилетели мы с Косова поля.
Там два войска мы видели сильных,
А вчера они утром сразились,
140 И погибли оба государя.
Там не много турок уцелело.
А в живых оставшиеся сербы
Тяжко ранены, кровью исходят».

- Не успели речь окончить птицы,
Подоспел к дворцу слуга Милутин:
В левой держит он правую руку,
А на нем семнадцать ран зияют;
Весь в крови его конь богатырский.
Говорит Милутину царица:
150 «Что случилось с тобою, несчастный?
Иль на Косове царя ты предал?»
Отвечает ей слуга Милутин:
«Помоги мне слезть с коня на землю,
Освежи меня водой студеной
И залей вином на теле раны:
Я от тяжких ран изнемогаю».
Слезть царица помогла юнаку,
Милутина омыла водою,
Залила вином на теле раны.
- 160 А когда в себя пришел Милутин,
Начала расспрашивать Милица:
«Что случилось на Косовом поле,
Где царь Лазарь погиб, мне поведай,
Где погиб Юг-Богдан престарелый?
Где погиб наш воевода Милош,
Где погиб Вук Бранкович, скажи мне,
Где погиб наш Банович Страхиня?»
Отвечает ей слуга Милутин:
«Все они на Косове погибли.
- 170 Там где Лазарь-князь погиб в сраженье,
Много копий сломано турецких,
И немало сербских длинных копий,
Все же больше сербских, чем турецких.
Защищали сербы государя,
Госпожа моя, дрались до смерти.
Старый Юг убит в начале битвы.
И погибли Юговичи вместе.
Брат не выдал брата в тяжелой битве.
До последнего они рубились.
- 180 Храбрый Бошко был убит последним.
Он с хоругвью по полю носился,
Разгонял турецкие отряды,
Голубей так сокол разгоняет.
Где стояло крови по колено,
Там убит был Банович Страхиня,

А погиб наш воевода Милош
У Ситницы, у реки студеной.
Там немало перебил он турок:
Милош поразил царя Мурата
190 И еще двенадцать тысяч турок.
Бог его родителей помилуй!
Будут сербы вспоминать юнака,
Будут сказывать о нем сказанья.
Сербы Милоша не позабудут,
Сербы Косова не позабудут.
А зачем о Вуке ты спросила?
На родителях его проклятье.
Будь он проклят и все его племя!
Изменил он на Косове князю
200 И увел с собой двенадцать тысяч
Лютых латников с поля сраженья».

ГИБЕЛЬ СЕРБСКОГО ЦАРСТВА

Сизый сокол пролетал по небу
От святого Иерусалима,
Ласточку в своих когтях держал он.
Это не был сизокрылый сокол,
Это был Илья, пророк гремющий,
И не ласточку держал святитель,
Богородицы он нес посланье.
Он отнес на Косово посланье;
Опускает царю на колени.
10 И само письмо проговорило:
«Лазарь царь, честной владыка сербов,
Выбирай какое хочешь царство:
Предпочтешь ли ты земное царство
Или царство вечное на небе?
Если любишь ты земное царство,
Подтяните у коней подпруги,
Опояшьте саблями стальными,
Нападите на табор турецкий,
И погибнет в битве войско турок.
20 Предпочтешь ли небесное царство,
Ты воздвигни на Косове церковь,
Мрамора не положи в основу,

- Только чистый шелк и багряницу.
Причастися с войском в этой церкви.
И твое погибнет войско в битве.
И погибнешь, князь, ты вместе с войском».
Эти речи слушает царь Лазарь.
Сам с собою в мыслях рассуждает:
«Боже правый, что делать, открой мне.
30 Что избрать — небесное ли царство
Или царство краткое земное?»
Выбрал Лазарь небесное царство,
А земное царство он отринул.
Он воздвигнул на Косове церковь,
Не из камня, из чистого шелка.
Призывает к себе патриарха
И двенадцать епископов сербских.
Причастил он и построил войско.
Тут на Косово напали турки.
40 Юг-Богдан повел войска в сражение,
Вместе с Югом Юговичей девять,
Сизокрылых соколов могучих.
С каждым братом девять тысяч войска,
А у Юга старого — двенадцать.
Храбро бились они и рубились.
Семь пашей погибло в лютой битве,
А когда с восьмым они сразились,
Юг-Богдан погиб на поле брани,
И погибло Юговичей девять,
50 Сизокрылых соколов могучих,
И погибло их храброе войско.
В бой вступают Мрнявчевичей трое,
Бан Углеша, воевода Гойко,
И король Вукашин вместе с ними.
У каждого тридцать тысяч войска.
Храбро бились они и рубились.
Семь пашей погибло в лютой битве,
А когда с восьмым они сражались,
Два погибло Мрнявчевича храбрых,
60 Бан Углеша, воевода Гойко;
Вукашина изранили люто,
Был истоптан он конями турок.
Полегло Вукашиново войско.
В бой вступают дружины Степана,

Три святых воина

Фреска из церкви св. Пантелеймона в Нерез около г. Скопье. XII в.

Много сил у герцога Степана:
Шестьдесят с ним тысяч храброй рати.
Люто бились они и рубились,
Девяти пашей разбили войско,
А когда сразились с десятым,
70 Полегли Степановы дружины,
И с дружинами погиб сам герцог.
Вот выходит против турок Лазарь,
За собою сербский князь выводит

Семьдесят семь тысяч храброй рати.
Разогнал по Косову он турок,
Не дает и оглядеться туркам,
А не только в битве с ним схватиться.
Поразил бы Лазарь войско турок —
Бранковича покарай, о боже!
80 Предал Вук государя и тестя,
Одолели проклятые турки.
Сербские дружины в битве пали —
Семьдесят семь тысяч храброй рати,
И погиб князь Лазарь вместе с ними.
Был их подвиг хваленья достоин.
Все случилось по воле господней.

ЦАРИЦА МИЛИЦА И ВОЕВОДА ВЛАДЕТА

Выходила царица Милица
Из белого из Крушевца-града,
С нею вышли милые две дочки,
Вукосава с красавицей Марой.
Воевода Владета к ним едет,
На коне своем гнедом и добром.
Запалил гнедого воевода,
Белой пеной конь гнедой покрылся.
Спрашивает царица Милица:
10 «Ты скажи мне, княжий воевода,
Почему коня ты так замучил?
Ты не с Косова ли поля едешь?
Ты не видел ли честного князя,
Моего и твоего владыку?»
Молвит ей Владета-воевода:
«Бог свидетель, царица Милица,
Возвращаюсь я с Косова поля,
Но там князя нашего не видел,
Только княжий конь мне повстречался,
20 Турки в поле за серым гонялись,
Ну а князя, думаю, убили».
Услыхала царица Милица
И лицо слезами омочила,
Воеводу Владету спросила:
«Ты еще скажи мне, воевода,

Видел ли на Косове широком
Девять братьев Юговичей храбрых,
И отца их Юг-Богдана с ними?»
Молвит ей Владета-воевода:

30 «Ехал я по Косовскому полю,
Девять братьев Юговичей видел,
А десятым Юг-Богдан был старый.
Все они на Косовом сражались
И до плеч омыли руки кровью,
А мечи — до самых рукояток;
Ослабели руки у юнаков,
Биючи на поле басурманов».

Тут сказала царица Милица:
«Подожди ты, княжий воевода!

40 Видел ли зятьев моих любезных,
Обилича, Бранковича Вука?»

Молвит ей Владета-воевода:
«Я по полю Косову проехал,
Обилича Милоша я видел,
Он стоял на Косове широком.
На копье оперся боевое,
Но копье его переломилось,
Турки навалились на юнака,
Думаю, теперь его убили.

50 Вука Бранковича я не видел,
Чтоб он солнца также не увидел!
Предал благородного он князя,
Моего и твоего владыку».

СМЕРТЬ МАТЕРИ ЮГОВИЧЕЙ

Правый боже, чудо совершилось!
Как на Косово сходилось войско,
Было в войске Юговичей девять
И отец их, Юг-Богдан, десятый.
Юговичей мать вызывает к богу,
Просит дать орлиные зеницы
И широкие лебязьи крылья,
Чтоб взлететь над Косовым ей полем
И увидеть Юговичей девять

10 И десятого Богдана Юга.

- То, о чем молила, получила:
Дал ей бог орлиные зеницы
И широкие лебяжьи крылья.
Вот летит она над полем ровным,
Видит девять Юговичей мертвых
И десятого Богдана Юга.
В головах у мертвых девять копий,
Девять соколов сидят на копьях,
Тут же девять скакунов ретивых,
20 Рядом с ними девять псов свирепых.
Громко кони добрые заржали,
Огласилось поле лютым лаем,
Встал над полем клетот соколиный.
Сердце матери железным стало,
Не вопила мать и не рыдала.
Увела она коней ретивых,
Рядом с ними девять псов свирепых,
Девять соколов взяла с собою
И вернулась в дом свой белостенный.
30 Снохи издали ее узнали
И с поклоном старую встречали.
К небу вдовьи понеслись рыдания,
Огласили воздух причитанья.
Вслед за ними застонали кони,
Девять псов свирепых зарычали,
И раздался клетот соколиный.
Сердце матери железным стало,
Не вопила мать и не рыдала.
Наступила ночь, и ровно в полночь
40 Застонал гривастый конь Дамяна.
Мать жену Дамянову спросила:
«Ты скажи, сноха, жена Дамяна,
Что там стонет конь Дамяна верный,
Может быть он захотел пшеницы
Иль воды студеной от Звечана?»
И жена Дамяна отвечает:
«Нет, свекровь моя и мать Дамяна,
Конь не хочет ни пшеницы белой,
Ни воды студеной от Звечана,
50 Был Дамяном этот конь приучен
До полуночи овсом кормиться,
Ровно в полночь в дальний путь пускаться.

Конь скорбит о смерти господина,
 Без которого домой вернулся.
 Сердце матери железным стало,
 Не вопила мать и не рыдала.
 Лишь лучами утро озарилось,
 Прилетели два зловещих врана.
 Кровью лоснятся вороньи крылья,
 60 Клювы пеной белою покрыты,
 В клювах воронов — рука юнака,
 На руке колечко золотое.
 Вот рука у матери в объятьях,
 Юговичей мать схватила руку,
 Повертела, зорко осмотрела
 И жене Дамяновой сказала:
 «Отвечай, сноха, жена Дамяна,
 Не видала ль ты такую руку?»
 Отвечает ей жена Дамяна:
 70 «Мать Дамяна и свекровь, ты видишь
 Руку сына своего, Дамяна.
 Я узнала перстень обручальный,
 То кольцо, что при венчанье было.
 Мать Дамянова схватила руку,
 Осмотрела зорко, повертела
 И, к руке прикинув, прошептала:
 «Молодая яблонька родная,
 Где росла ты, где тебя сорвали?
 Ты росла в объятьях материнских,
 80 Сорвана на Косове равнинном».
 Мать печально головой поникла,
 И от горя разорвалось сердце,
 От печали по сынам родимым
 И по старому Богдану Югу.

ДЕВУШКА С КОСОВА ПОЛЯ

Рано встала девица-сестрица
 Из Кóсова, широкого поля,
 В воскресенье до восхода солнца.
 Засучила рукава рубахи,
 До локтей до белых засучила;
 Носит хлеб пшеничный за плечами,

- А в руках кувшины золотые.
Алое вино в одном играет,
А в другом — холодная водица.
- 10 Так проходит по Косову полю,
Молодая по бранному полю,
Там где Лазарь, князь честной, сражался.
Трогает бойцов окровавленных.
А кого в живых она застанет,
Умывает студеной водою,
Причащает вином его алым,
Белым хлебом раненого кормит.
Набрела девица на юнака,
Орловича Павла молодого,
- 20 Знаменосца государя сербов.
Жив был Павел, да едва дышал он,
Отсекли ему правую руку,
Отсекли ему левую ногу,
Отсекли до самого колена.
Переломаны ребра витые,
Легкие сквозь раны проступают.
Умывает девушка юнака,
Умывает студеной водицей,
Причащает вином его алым
- 30 И дает ему белого хлеба.
Оживилось юнацкое сердце,
И сказал ей княжий знаменосец:
«Косовская девушка, сестрица,
Расскажи мне о своем несчастье,
Ты кого на бранном поле ищешь?
Брата или родственников близких,
Или по греху отца родного?»
Отвечает девушка юнаку:
«Брат мой милый, витязь неизвестный,
- 40 Никого из рода не ищу я,
Брата в битве я не потеряла,
Ни отца, меня в грехе родившем.
Может быть тебе, юнак, известно:
Князь велел, чтоб триста черноризцев
У прекрасной церкви Самодрежи
Три недели войско причащали.
Причастилось все сербское войско,
А последними — три воеводы:

- Славный Милош, храбрый воевода,
 50 И Косанчич Иван — воевода,
 Топлица Милан был вместе с ними.
 Я стояла у ворот церковных.
 Тут выходит Милош-воевода,
 Что сияет красою на свете.
 Волочится, гремит его сабля,
 А на шапке кованые перья,
 На юнаке пестрый плащ богатый,
 Длинный и с узором поперечным.
 Плат шелковый повязан вокруг шеи.
 60 Оглянулся, и меня увидел.
 Он снимает плащ свой полосатый,
 С плеч снимает, мне дает в подарок.
 «На, девица, пестрый плащ с узором,
 Глядя на него, меня ты вспомнишь.
 Я на смерть иду, душа-девица,
 В государево славное войско.
 За мою ты душу помолися,
 Чтоб из битвы живым я вернулся,
 А вернусь, я тебя осчастливлю:
 70 Выдам замуж тебя за Милана.
 Перед богом я с ним побратался,
 Перед богом и святым Иваном.
 Буду я твоим, девица, сватом».
 Вот Иван Косанчич появился,
 Что сияет на свете красою.
 Волочится, гремит его сабля,
 А на шапке кованые перья.
 На юнаке пестрый плащ богатый;
 Длинный и с узором поперечным.
 80 Плат шелковый повязан вокруг шеи,
 А на пальце кольцо золотое.
 Оглянулся, и меня увидел.
 Он снимает кольцо золотое,
 Снял кольцо и его подарил мне:
 «На, девица, кольцо золотое,
 Глядя на него, меня ты вспомнишь.
 Я на смерть иду, душа-девица,
 В государево славное войско.
 За мою ты душу помолися,
 90 Чтоб из битвы живым я вернулся.

- А вернусь, тебя я осчастливлю:
Выдам замуж тебя за Милана.
Перед богом я с ним побратался,
Перед богом и святым Иваном.
Дружкою твоим, девица, буду».
Топлица Милан за ним выходит,
Что сияет на свете красою,
Волочится, гремит его сабля,
А на шапке кованые перья.
- 100 На юнаке пестрый плащ богатый,
Плат шелковый на шее юнака,
Вкруг руки его платок повязан.
Он снимает платок златотканый
И дает мне с такими словами:
«На, девица, платок златотканый,
Глядя на него, меня ты вспомнишь.
Я на смерть иду, душа-девица,
В государево славное войско.
За меня ты богу помолися,
- 110 Чтоб из битвы я живым вернулся.
А вернуся, будем жить счастливо,
Ты мне станешь верною женою».
И уехали три воеводы.
Их ищу я на поле кровавом.
Отвечает ей Орлович Павел:
«Косовская девушка, сестрица,
Видишь ли ты копы боевые,
Что всех выше, что смешались густо.
Там пролилась кровь юнаков храбрых.
- 120 До стремян она коням доходит,
До шелковых поясов юнакам.
Там в бою все три они погибли.
В белый дом твой скорей возвращайся,
Не кровавь рукавов твоих белых,
Подола в крови не волочи ты».
Так сказал он девушке несчастной.
Белое лицо слезой омыла,
В белый дом свой идет без оглядки.
Причитает и рыдает горько:
- 130 «Бедная, мне нет на свете счастья.
Если ухвачусь за ветку ели,
Тотчас же зеленая засохнет».

СТЕФАН МУСИЧ

- Распивает пенистые вина
 Храбрый Мусич, Стефан-воевода,
 В красных разукрашенных палатах,
 В городе серебряном Майдане.
 Точит вина Вайстина верный.
 А когда вина напился Мусич,
 Тут промолвил слуге воевода:
 «Вайстина, чадо дорогое,
 Я прилягу да посплю немного.
- 10 Ужинай и пей вино хмельное,
 А затем перед дворцом пройди.
 Проследи на чистом ясном небе —
 Клонится ль к закату месяц новый,
 Светит ли денница на востоке;
 Путь держать пришел ли час урочный
 На Косово, на ровное поле,
 Чтобы встретить нам честного князя.
 Помнишь ли ты, чадо дорогое,
 Как заставил нас Лазарь поклясться.
- 20 Тяжкое он положил заклатье:
 «Каждый сербин сербского колена,
 Сербской крови и сербского рода,
 Кто не выйдет на Косово поле
 И не будет на Косове биться,
 Пусть наследников не ожидает.
 Сыновей, дочерей не увидит.
 От руки его не уродятся
 Красное вино и хлеб пшеничный;
 Пусть иссохнет род его проклятый!»
- 30 Лег Стефан на мягкие перины,
 Поужинал Вайстина верный,
 Поужинал и вина напился.
 Ходит он перед дворцом господским.
 Посмотрел он на чистое небо:
 Вот уж ясный месяц на закате,
 Вот денница зажглась на востоке;
 Путь держать настал их час урочный
 На Косово, на ровное поле,
 К Лазарю государю навстречу.
- 40 Он пошел в стефановы конюшни,

Вывел он двух коней богатырских,
Оседлал, снарядил в путь-дорогу.
Вот Ваистина входит в палаты
И выносит шелковое знамя
С двенадцатью честными крестами,
Все двенадцать из чистого золота,
А на знамени лик Иоанна,
Мусичей домашнего святого.
Прислонил к стене господской знамя
60 И наверх он поднялся в покои.
У дверей он встретил ненароком
Воеводы жену дорожную.
Обняла его, поцеловала:
«Побратим мой, тебя заклиная
Вышним богом и святым Иваном!
До сих пор ты был слугою верным,
А теперь — мой брат во имя божье.
Не буди моего господина!
Тяжкий сон мне, несчастной, приснился:
60 Поднялась голубиная стая,
Перед стаяй два сокола сизых
Пронеслись над нашими дворами
И упали на табор Мурата.
Там, где пали, больше не взлетели.
Это знаменье пророчит злое.
И боюсь, вас гибель ожидает.
Отвечал ей Ваистина верный:
«Названная сестра дорогая,
И Стефана милая подруга,
70 Не могу я предать воеводу,
Твоего, моего господина.
Не была ты на княжей присяге.
Нас заставил князь Лазарь поклясться,
Тяжкими нас заклинал словами:
«Каждый сербин сербского колена,
Сербской крови и сербского рода,
Кто не выйдет на Косово поле
И не будет на Косове биться,
От руки его не уродятся
80 Красное вино и хлеб пшеничный.
Пусть с полей не соберет и жатвы!
Пусть не будет детей в его доме!

- Пусть иссохнет род его проклятый!»
 Я не смею предать воеводу,
 Моего, твоего господина.
 В верхние палаты поспешает,
 Будит он Стефана-воеводу:
 «Пробудитесь, господин любезный,
 В путь-дорогу мы должны собраться».
- 90 Воевода тут встает поспешно,
 Белое лицо он умывает,
 Одевает господское платье.
 Препоясал сабельку стальную.
 Кубок он берет вина хмельного.
 Пьет вино Стефан во славу божью,
 За счастливый путь, свою удачу.
 За столом своим в своих покоях —
 Больше пить не суждено Стефану.
 Он выходит перед дом господский.
- 100 Всканивают на коней юнацких,
 Развернули с крестами знамена,
 В бубны, в барабаны ударяют.
 Тут запели тонкие свирели.
 С богом в путь отправились юнаки.
 Заалела заря на востоке.
 Очутились на Косове ровном.
 Косовскую встретили девицу;
 Два несет кувшина золотые,
 Золотые кувшины пустые,
- 110 А под мышкой шелковая шапка.
 Серебром залиты снизу перья,
 Золотом обвиты посредине,
 Сверху жемчуг перья украшает.
 Говорит ей Стефан-воевода:
 Бог на помощь, милая сестрица,
 Ты была ли на поле сраженья?
 И откуда шапку ты достала?
 Дай мне белую шапку из шелка,
 Чтоб узнал, кому принадлежала,
- 120 Сербскому какому воеводе.
 И клянусь в пути моей удачей —
 Я тебя не обману, сестрица».
 Отвечает девушка юнаку:
 «Здравствуй, княжий храбрый воевода,

Не была я на поле сраженья.
Разбудила меня мать до зорьки,
Рано утром за водой послала.
К берегу пришла реки Ситницы,
Мутною водой она набухла,
130 Коней носит и юнаков носит.
Белые чалмы плывут и фески,
Сербские в воде белеют шапки.
Эта шапка к берегу пристала.
В воду я вошла, ее достала.
У меня есть младший брат родимый,
Я для брата несу эту шапку.
Мне же, молодой, достались перья».
Воеводе шапку протянула.
Бросил взгляд на шапку воевода,
140 Бросил взгляд и тотчас же узнал он.
По лицу его катятся слезы.
Ударяет рукой по колену,
Разорвал он алое суконце
И сломал застежку золотую.
«Тяжко мне, клянусь я вышним богом!
Клятва тяготее надо мною
И проклятье Лазаря навеки».
Мусич возвратил девице шапку.
Достает из широких карманов
150 И дает ей три новых дуката:
«Косовская девушка, сестрица,
Вот тебе дукаты золотые,
Я иду на Косовскую битву
За святое имя Иисуса.
Если даст господь назад вернуться,
Лучшим одарю тебя я даром.
Если же, сестрица, я погибну,
Помяни меня за мой подарок».
Тут коней пришпорили юнаки,
160 Перешли через Ситницу бродом.
И напал воевода на турок.
Долго бился Стефан-воевода.
Трех пашей он войско уничтожил,
За четвертого принялся Мусич,
Но погиб он в неравном сраженьи.
С ним погибли Ваистина верный

И двенадцать тысяч храбрых сербов.
Там и князя Лазаря убили,
Там окончилось сербское царство
170 Пречестного владыки земного.

ЖЕНИТЬБА КНЯЗЯ ЛАЗАРЯ

Пьет вино Степан, владыка сербов,
Во дворце своем в Призрене граде.
Государю служит верный Лазарь,
Только все переполняет чашу.
На Степана смотрит Лазарь косо.
Лазаря спросил Степан сердито:
«Ты ответь по правде, Лазарь верный,
Отчего переполняешь чашу,
Почему посматриваешь косо?
10 Захудал, быть может, конь твой борзый,
Иль казну свою ты порастратил,
Или при дворе живешь ты худо?»
Говорит Степану верный Лазарь:
«Слушай, царь, тебе на все отвечу.
Борзый конь мой служит мне как прежде,
И мое не износилось платье,
И мою казну я не растратил,
А в твоём дворце всего довольно.
Много слуг к тебе пришло и позже.
20 Слуги все обзавелись домами.
Всех женил, всем даровал именья.
Выслужиться у тебя не смог я.
А когда красив я был и молод,
Ты меня женить не соизволил».
Говорит ему сербский владыка:
«Ты послушай, слуга мой любимый,
Не могу тебя женить, мой Лазарь,
На пастушке или на свинарке.
Нам нужна господская девица,
30 Чтобы тесть твой был мне друг-приятель,
Посадить кого бы мог я рядом,
С кем бы пировал и веселился.
Но послушай, что скажу я, Лазарь!
Присмотрел я для тебя невесту,

- Для себя — приятеля и друга.
Дочка есть у старого Богдана,
Юговичей девяти сестрица,
Молода красавица Милица.
Но нельзя заслать Богдану сватов,
40 Нелегко сказать ему о свадьбе:
Юг-Богдан, господин и боярин,
Не отдаст он за слугу Милицу.
Но послушай, что хочу я сделать:
Вслед за пятницей будет суббота,
Послезавтра придет воскресенье.
Соберусь я на охоту в горы.
Юг-Богдана позову с собою,
Вместе с Югом Юговичей девять.
Ты со мной не пойдешь на охоту,
50 Во дворце останешься, мой Лазарь,
Ужин приготовишь мне господский.
А когда с охоты мы вернемся,
Я Богдана позову на ужин.
Пригласишь ты Юговичей девять.
За столы мы сядем золотые.
Подноси нам сахар и ракию,
Подноси нам вина по порядку.
Как вином студеным подкрепимся,
Заведет тогда Богдан беседу,
60 Кто из всех юнаков наших лучше.
Обо всем он рассуждать тут станет,
Принесет стародавние книги,
Чтоб прочесть о временах последних.
Как увидишь это, верный Лазарь,
Поднимись тогда скорей на башню,
И возьми там чашу золотую.
Эту чашу я купил недавно,
В сремском Варадіне у девицы,
Золотых дел славной мастерицы.
70 Дал грошей я полтораста тысяч
Вот за эту чашу золотую.
Ты вином наполнишь чашу, Лазарь,
И челом ударишь Юг-Богдану.
И тогда задумается старый,
Чем тебя одарить за подарок.
Тут я старому Югу напомним

- О Милице, о дочери младшей.
Вот пришла за пятницей суббота,
Вот уже и утро воскресенья.
- 80 Царь собрался на охоту в горы
И позвал с собою Юг-Богдана,
Вместе с Югом Юговичей девять.
На охоту отправились в горы.
Ничего в горах им не попалось,
И ни с чем они домой вернулись.
Лазарь вышел им первый навстречу.
Царь на ужин зовет Юг-Богдана,
Приглашает Юговичей Лазарь.
За столы они сели златые.
- 90 Выше всех царь Степан восседает,
Рядом с ним Юг-Богдан престарелый,
Рядом с Югом Юговичей девять.
За столом им служит верный Лазарь,
Он подносит сахар и ракию,
Алое вино им в чаши точит.
Выпили они вина хмельного.
Обо всем у них пошла беседа,
О юнаках и о деле ратном.
Вынул Юг стародавние книги,
- 100 Стал читать о временах последних:
«Видите ли, братья дорогие,
Видите ли, что вещают книги:
Вот придет последняя година,
Ни овец не будет, ни пшеницы,
Ни пчелы, ни цветика средь поля;
С кумом кум в суде тягаться будет,
С братом брат на поединке драться».
Как слышал это верный Лазарь,
Он поднялся на тонкую башню,
- 110 Взял Степана чашу золотую,
Чашу он вином наполнил алым,
И поднес ее с поклоном Югу.
Принял Юг от Лазаря подарок,
Взял он чашу, да вина не выпил:
Стал он думать, чем бы отдариться.
Говорят тут Юговичей девять:
«Старый Юг-Богдан, отец наш милый,
Отчего не пьешь вина из чаши,

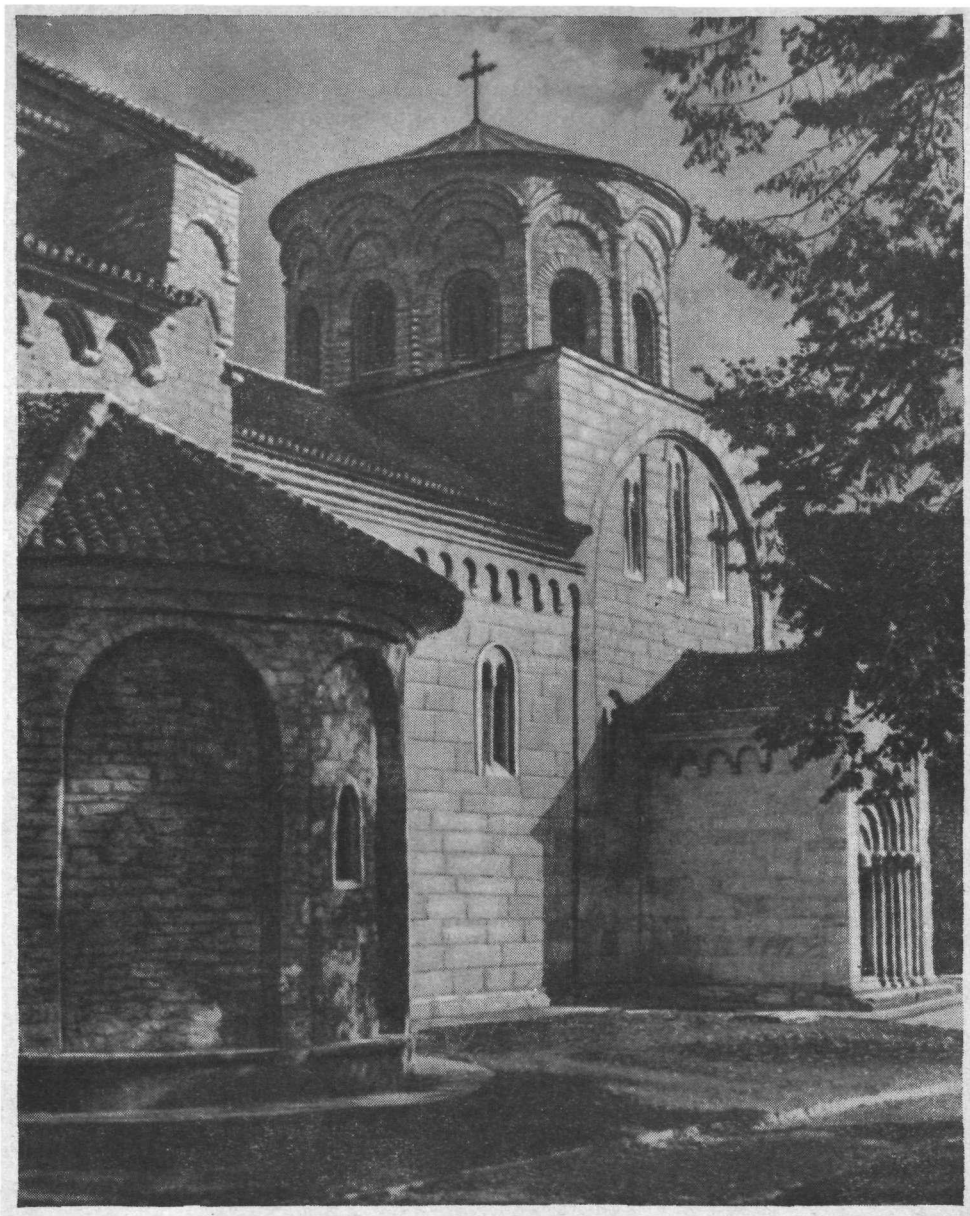

- Что поднес тебе в подарок Лазарь?»
- 120 Старый Юг сыновьям отвечает:
«Мне не трудно выпить эту чашу,
Мои дети, Юговичей девять.
Думаю, как наградить мне Лазу,
Чем бы мне за чашу отдариться».
Отвечают Юговичей девять:
«Отдариться-то тебе не трудно:
Есть у нас и соколы, и кони,
Есть и шапки, и для шапок перья».
Тут промолвил царь Степан могучий:
- 130 «Есть у Лазы соколы и кони,
Есть и шапки, и перья на шапках;
Лазе этих подарков не надо.
Просит Лаза Милицу-девицу,
Юговичей младшую сестрицу».
Услыхали это девять братьев,
Повскакали на резвые ноги,
Кладенцы-мечи они схватили,
Чтоб в столице убить государя.
Стал просить детей отец их старый:
- 140 «Подождите, бога вы побойтесь,
Коль царя Степана вы убьете,
То на вас останется проклятье;
Посмотрю в стародавние книги,
Суждена ли Лазарю Милица».
Взял тут Юг стародавние книги,
Их читает и слезы роняет:
«Сыновья, не прогневайте бога —
Лазе суждена моя Милица.
И достанется Лазарю царство.
- 150 Будет Лазарь царствовать с Милицей
В Крушевце у вод реки Моравы».
Эти речи царь Степан услышал.
Опускает он в карманы руку,
Вынимает тысячу дукатов,
Вынимает яблоко златое,
А на яблоке три самоцвета —
Свадебный подарок для Милицы.

МИЛОШ У ЛАТЫНЯН

- Боже правый, великое чудо!
Лазарь, сербский князь и повелитель,
Посылает Обилича зятя
В град латынский за обычной данью.
Хорошо латыняне встречают,
Угощают Милоша как должно.
К белой церкви ведут его после,
К белой церкви Дмитрия святого.
Хвалятся латынские бояре:
- 10 «Воевода Милош, погляди-ка!
Эта церковь нашего святого.
Что за церковь, какова постройка!
Нет подобной у Лазаря церкви».
Отвечает воевода Милош:
«Мудры вы, латынские бояре,
Вы премудры, а глупость сказали!
Если б знали обители наши!
Что за церкви, каковы постройки!
Повидали б лавру Студеніцу,
- 20 Направляясь к Новому Базару;
Повидали б Юрия обитель,
Церковь Юрья на столпах из золота
Близ дежéвских дворцов стародавних,
Что построил Симеон угодник;
Подивились бы вы, коль узрели
На Афоне Хилендар пресветлый,
Что построен святителем Саввой,
Повидали б Жичу на Мораве,
А на Ибре, выше Каранóвца,
- 30 Сопочáны у истоков Рашки,
Храм заветный святого Стефана,
Что был первым королем венчанным.
Если б знали Большую Папράчу,
Что построил князь Вукáн когда-то
Над Зворніком, у истоков Спречи,
Где всех выше гора Борогба.
У высоких Дечан если б были,
Что близ Призрена, белого града,
Короля Дечанского обитель.
- 40 Если б знали вы белую Рачу

- Там, над водами Дрины широкой;
Если бы у Лѳзницы могли вы
Лепоте Трѳноши по́дивиться —
Юговичи строили Тронѳшу;
Если б знали Равáницу лавру
У Ресавы ниже Парачина
На реке Раванице студенѳй,
Храм, построенный нашим владыкой,
Князем сербов, Лазарем пресветлым,
50 И другие сербские святыни;
Если б знали — вы бы удивились
Красоте их, славе и величью.
Дмитриева такова ли церковь?
Через церковь одною рукою
Переброшу шесто́пер тяжѳлый!»
Не поверили гостю бояре,
Об заклад с ним латыняне бьются,
И не малый — тысяча дукатов.
Взял тут Милош шесто́пер пернатый,
60 Засучил он рукава по локоть,
Помолился истинному богу:
«Да простит мне бог и эта церковь,
Что бросаю шесто́пер пернатый,
Не в тебя, а над тобой бросаю!»
Замахнулся тяжким шесто́пером,
И пернатый в облаках исчезнул.
Говорят одни: «Он перебросил».
А другие: «Нет, не перебросил».
Третьи молвят: «Высоко взлетел он».
70 Возвратился шесто́пер пернатый,
Пролетел он над церковью белой
И упал он в банские палаты.
Горницу стеклянную разбил он
И двух банских сыновей убил он,
И морских четырех генералов,
И двенадцать воевод латынских.
Тут в сердцах латынские бояре
Обилича Милоша схватили
И в темницу увести велели.
80 Часто Милош глядит сквозь оконце,
Все надеясь увидеть знако́мца.
Он увидел цыганенка Костю.

Манастир Студеница, XIII в.

Костю Милош богом заклиняет:
«Костя, братец, возьми три дуката,
Принеси мне белый лист бумаги,
Лист бумаги белой без изъяна».
Поступил тут по-божески Костя,
И принес он лист бумаги белой,
Лист бумаги гладкой, без изъяна.

90 Воевода письмо сочиняет,
Князю сербов, тестю дорогому,
Письмена нанизывает мелко.
Он не пишет тем, чем письма пишут, —
Пишет Милош собственной кровью.
Все поведал, что с ним приключилось.
К князю Лазарю письмо доходит;
На письмо он смотрит и читает.
Мелко пишет другое посланье,
Посылает латынским боярам.

100 Говорит латынским боярам в посланье:
«Слушайте, латынские бояре,
Отпустите Милоша на волю,
Заплатите зятю дань немедля,
Вместе с данью — тысячу дукатов:
Об заклад вы бились, проиграли.
Если тотчас не освободите,
Я клянусь вам княжим крепким словом,
Подниму я сербов и мадьяров,
Разорю я латынскую землю,

110 Что на дым спущу, а что разрушу».
Прочитали грамоту бояре,
Выпустили Милоша на волю.
Выплатили дань, что задолжали,
А в придачу тысячу дукатов.

Песни из времен турецкого ига

ЮРЬЕВА ИРИНА

Выходила Юрьева Ирина,
Выходила на берег Дуная,
Из-под Смедерева — бела града;
За Ириной Максим малолетний,
Сын Григория, внучек Ирины.
Говорила Юрьева Ирина:

«Милый внук мой, Максим малолетний,
Может быть совет мне дашь разумный,
Что мне делать с дочерью меньшою.

10 От троих к нам приезжали сваты,
Засылал Филипп Мадьярин сватов
Из венгерской из земли богатой;
Присылал к нам и король московский,
Присылал и сам султан турецкий.
Посоветуй, Максим малолетний,
За кого свою мне дочку выдать».

Говорит дитя Максим Ирине:

«Я тебе посоветую, бабка.

Если хочешь ты меня послушать,
20 Дочь отдай Мадьярину Филиппу,
Будет жить весь век она богато.
А не хочешь выдать за Мадьяра,
Повенчай с московским государем,

- Будем мы приятели с Москвою.
Москвитяне — храбрые юнаки,
Воевать помочь они нам могут.
Если ж ты за турка выдашь дочку,
Вместе с нею он возьмет в придачу
Земли наши, города и села».
- 30 Услыхала эту речь Ирина
И рукой ударила Максима.
Хоть она ударила легонько,
Выбила ему четыре зуба.
Он упал в траву, облитый кровью.
Кровью он плюет и тихо молвит:
«Пусть тебя накажет бог, старуха.
Турку дочь отдашь на наше горе!
С ней отдашь города и всю землю».
Что сказал Максим, то и свершилось:
- 40 Дочь за турка отдала Ирина —
С нею вместе города и земли.

СТАРИНА НОВАК И КНЯЗЬ БОГОСАВ

- Пьют вино у князя Богосава
Радивой со Стариной Новаком
Над рекой студеною, над Босной,
А когда подвыпили юнаки,
Спрашивает Богосав Новака:
«Старина Новак, мой брат по богу,
Мне скажи правдиво — что за диво,
Почему ты, брат, ушел в гайдуки?
Иль беда заставила какая
- 10 По лесам да по горам скитаться,
Ремеслом гайдучким заниматься,
Да под старость, да в такие годы?»
Старина Новак ему ответил:
«Побратим, ты спрашивал по правде,
Я тебе по правде и отвечу.
Я ушел в гайдуки поневоле.
Может, помнишь ты еще и знаешь,—
Смедерево строила Ирина,
И меня заставила работать.
- 20 Я три года строил этот город,

Смедерево. Крепостная стена. XV в.

На своих волах возил три года
Камни и деревья для Ирины.
И за эти полные три года
Ни гроша она не заплатила,
На ноги не выслужил опанки!
Я простил бы этот грех Ирине;
Но как Смедерево-град воздвигла,
Стала строить крепостные башни,
Золотила окна и ворота,
30 Вилайет налогом был обложен,
По три фунта золота налогу.
Триста, побратим, дукатов с дома!
Кто богаты, отдали дукаты,
Заплатили и спокойно жили.
Я же, князь, был бедным человеком,
У меня дукатов не водилось.
Взял тогда я свой тяжелый заступ,
Взял я заступ и ушел в гайдуки.
Мне не захотелось оставаться
40 В государстве проклятой Ирины.

Я добрался до студеной Дрины,
Перебрался в каменную Босну,
А когда дошел до Романии,
Повстречал я там турецких сватов,
Что с невестой ехали турчанкой.
Вся-то свадьба с миром проезжала,
А жених турецкий задержался,
Видно, не хотел проехать с миром.
Жеребца гнедого он направил,
60 Выхватил трехвостую нагайку,
А на ней латунные три бляхи,
И меня он по плечам ударил.
Трижды турка заклинал я богом:
«Я прошу тебя, жених турецкий,
В удалстве своем ты будь удачлив,
Веселись ты на счастливой свадьбе,
Проезжай своей дорогой с миром,
Видишь сам, что человек я бедный».
Не желает отвязаться турок,
60 И меня он снова хлещет плеткой.
Хоть ударил он меня не сильно,
Но зато я сильно рассердился,
Размахнулся заступом тяжелым
И легонечко ударил турка.
Так тихонько я его ударил,
Что с коня жених свалился наземь.
Я тогда его ударил дважды,
А потом еще ударил трижды,
Бил, пока с душой он не расстался.
70 Я обшарил у него карманы,
Три кисы с деньгами там нащупал
И к себе за пазуху засунул.
Отпоясал я у турка саблю
И к себе крепче припоясал,
В головах его поставил заступ,
Чтобы турки тело закопали,
Сел я на коня его гнедого
И к горе поехал Романии.
Видели все это сваты-турки,
80 Но догнать меня не захотели,
Не хотели, видно, не посмели.
Сорок лет с того дня миновало,

по фрески из Дечана - 1335 год.

*Постройка средневекового города**По фреске из Дечанского монастыря (1335 г.). Рис. А. Дероко*

Я к горе привыкнул Романин
 Больше, брат мой, чем к родному дому.
 Знаю я все горные дороги.
 Жду купцов сараевских в засаде,
 Отбираю серебро и злато,
 Бархат и красивые одежды,
 Одеваю я себя с дружиной.
 90 Научился я сидеть в засаде,
 Гнаться и обманывать погоню,
 Мне никто не страшен, кроме бога».

СМЕРТЬ ВОЕВОДЫ ПРИЕЗДЫ

- За одним письмом летит другое.
Кто их пишет, кто их получает?
Пишет письма царь Мехмед турецкий,
Получает — в Сталаче Приезда.
«О Приезда, града воевода,
Ты пошли мне три бесценных дара:
Ты пошли мне дамасскую саблю,
Что сечет и дерево и камень,
Крепкий камень, хладное железо;
10 Ты пошли мне коня сивой масти:
Две стены твой Серко перескочит
И две башни высокого замка;
И пошли мне верную подругу».
Мрачно смотрит на письмо Приезда,
Мрачно смотрит, а другое пишет:
«Ополчайся, царь Мехмед турецкий,
Сколько хочешь собери ты войска
У Сталача, когда пожелаешь.
Не получишь от меня подарков.
20 Эту саблю для себя сковал я,
Не для турок был конь мною вскормлен,
А невесту для себя привез я.
Ничего от меня не получишь».
Собирает войско царь турецкий,
Собирает и ведет к Сталачу.
Под Сталачем стоит он три года:
Не отбил ни дерева, ни камня,
Крепкий город покорить не может,
И не может домой возвратиться.
30 Рано утром случилось в субботу:
Поднялася подруга Приезды
На высокие стены Сталача,
Долго смотрит на воды Моравы.
Замутилась у града Морава.
И сказала подруга Приезды:
«О Приезда, господин любимый,
Я боюсь, мой господин любимый,
Что подкопы пророчут к нам турки».
Отвечает подруге Приезда:

Нападение турок на Белград в 1521 г.

Городской музей г. Белграда.

- 40 «Замолчи, не говори пустое.
Под Моравой подкоп им не вырыть». Воскресенье святое настало,
Молится Приезда в белой церкви.
Отстоял он всю службу с женою.
Помолясь, он выходит из церкви.
Говорит воевода Приезда:
«О юнаки, храброй рати крылья!
Полечу на турок вместе с вами.
Мы кровавой битвою уьемся,
50 Мы откроем города ворота
И ударим всей силой на турок.
Бог поможет, счастье не изменит». Обратился Приезда к подруге:
«Принеси из погребов глубоких
Для юнаков вина и ракии». Взяла Ёла кувшины златые
И спустилась в погреба под башней.
Лишь спустилась она, обомлела —

- Полон погреб злобных янычаров.
60 Наполняют сапоги ракией,
Пьют за здравье госпожи Елены,
Пьют за упокой души Приезды.
Кувшины Елена уронила,
Зазвенели кувшины на камне.
Побежала во двор, восклицая:
«Не к добру и вино и ракия!
В погребах пируют янычары,
Сапогами пьют вино хмельное.
За мое здоровье пьют, смеются,
70 А тебя живого погребают». Всканивает храбрый воевода,
Закрывает за собой ворота.
Обнажает он саблю стальную,
Бьется-рубится с турками люто.
Шестьдесят воевод пало в битве.
Больше тысячи турок погибло.
Воротился в город воевода,
За собою запер он ворота.
Вынимает саблю воевода.
80 Голову коню он отрубает —
«Конь мой серый, конь мой самый лучший,
На тебя турецкий царь не вскочит!»
Разбивает дамасскую саблю:
Ты была мне правою рукою.
Царь турецкий тебя не наденет!»
Вот в хоромы входит воевода.
За руку берет жену и молвит:
«О скажи, разумная Елена,
Хочешь ли со мною ты погибнуть
90 Или быть наложницей турецкой?»
По лицу ее слезы струятся,
Отвечает госпожа Елена:
«Лучше честно погибнуть с тобою,
Чем срамиться в турецком гареме.
Не продам я отцовскую веру,
Попирать я крест честной не буду». И взялися за белые руки,
Поднялися на стены Сталача.
Так сказала госпожа Елена:
100 «О Приезда, господин любимый,

Нас вскормила быстрая Морава,
Пусть Моравы воды нас поглотят.
И в речные бросились волны.
Так Сталач был взят царем Мехмедом,
Но добычей он не поживился.
Проклинает город царь турецкий:
«Бог единый пусть Сталач накажет.
Подступил я с трехтысячным войском,
А пять сотен осталось со мною!»

БОЛЬНОЙ ДОЙЧИН

Расхворался Дойчин-воевода
В белокаменном Солуне-граде,
Девять лет болеет воевода,
И в Солуне про него забыли.
Думают, что нет его на свете.
Злые вести не стоят на месте —
Долетели до страны арапской.
Услыхал про то Арапин Усо,
Услыхал, седлает вороного,
10 Едет прямо к городу Солуню.
Приезжает под Солунь Арапин,
Под Солунем во широком поле,
Он шатер узорчатый раскинул,
Из Солуны требует юнака,
Чтобы вышел с ним на поединок,
Чтобы вышел с ним на бой юнацкий.
Нет юнака в городе Солуне,
Чтобы вышел с ним на поединок.
Дойчин был, а ныне расхворался,
20 А у Дуки разломило руки,
А Илия младше, чем другие,
Несмышлениш, боя он не видел,
А не то, чтоб самому сражаться.
Он и вышел бы на бой юнацкий,
Только мать-старуха не пускает:
«Ты, Илия, младше, чем другие,
Ведь Арапин тот тебя обманет,
Дурня малого убьет, поранит,
Одинокую меня оставит».

- 30 Как увидел тот Арапин черный,
Что в Солуне больше нет юнака,
Чтобы вышел с ним на поединок,
Обложил солунцев тяжкой данью:
С каждого двора берет по ярке,
Да по печи подового хлеба,
Красного вина берет по бочке,
И ракии жженой по бочонку,
Да по двадцать золотых дукатов,
Да к тому еще по красной девке,
- 40 По девице или молодежи,
Что приведена совсем недавно,
Что приведена, но не поята.
Весь Солунь исправно дань приносит,
Вот и Дойчину платить настало.
Никого нет в Дойчиновом доме,
Кроме верной любви — молодежи,
Кроме Елицы — родной сестрицы.
Хоть они всю дань давно собрали,
Некому нести ее Арапу,
- 50 Дань Арапин принимать не хочет,
Без сестры, без Елицы-девицы.
Извелися вовсе горемыки,
Плачет Ела в изголовье брата,
Белое лицо слезами мочит,
Братнино лицо кропит слезами.
Как почувял Дойчин эти слезы,
Начал сетовать болящий Дойчин:
«Чтоб мои дворы огнем сгорели!
Не могу я умереть спокойно,
- 60 Дождь сочится сквозь гнилую крышу!»
Отвечает Елица больному:
«О мой милый брат, болящий Дойчин!
Нет, дворы твои не протекают,
Это плачет Елица-сестрица!»
Говорит тогда болящий Дойчин:
«Что случилось, ты скажи по правде!
Иль у вас уже не стало хлеба?
Или хлеба, иль вина в бочонках?
Или злата, иль холстины белой?
- 70 Или нечем вышивать на пальцах?
Нечего расшить и пить вам нечем?»

- Отвечает Елица-сестрица:
 «О мой милый брат, болящий Дойчин!
 Хлеба белого у нас довольно,
 Красного вина у нас в избытке,
 Хватит злата и холстины белой,
 Есть у нас чем вышивать на пяльцах.
 Что расшить и чем узоры вышить.
 Нет, другое нас постигло горе:
 80 Объявился к нам Арапин Усо,
 Под Солунем во широком поле,
 Из Солуния требует юнака,
 Чтобы вышел с ним на поединок-
 Но в Солуне нет сейчас юнака,
 Чтобы вышел с ним на поединок.
 Как узнал про то Арапин черный,
 Обложил солунцев тяжелой данью:
 С каждого двора берет по ярке,
 Да по печи подового хлеба,
 90 Красного вина берет по бочке,
 И ракии жженой по бочонку,
 Да по двадцать золотых дукатов,
 Да к тому еще по красной девке,
 По девице или молодежи;
 Весь Солунь ему исправно платит,
 И твоим дворам платить настало;
 Нету у тебя родного брата,
 Чтобы дань собрал он для Арапа,
 Сами мы собрали, горемыки,
 100 Только как нести ее, не знаем,
 Дань Арапин принимать не хочет,
 Без сестры, без Елицы-девицы;
 Слышишь ли меня, болящий Дойчин,
 Как могу я полюбить Арапа!
 Слышишь ли, коль ты еще не помер?»
 Говорит тогда болящий Дойчин:
 «Чтоб, Солунь, тебя огнем спалило!
 Или нету у тебя юнака,
 Чтоб с Арапом вышел потягаться,
 110 Нет, нельзя мне умереть спокойно!»
 И зовет он любу Анджелию:
 «Анджелия, верная супруга!
 Жив ли мой гнедой еще на свете?»

- Отвечает любя Анджелия:
«Господин ты мой, болящий Дойчин!
Твой гнедой покуда в добром здравье,
Хорошо я за гнедым ходила».
Говорит тогда болящий Дойчин:
«Анджелия, верная супруга!
120 Ты возьми-ка моего гнедого,
Отведи гнедого к побратиму,
К побратиму Перу в его кузню,
Пусть он в долг мне подкует гнедого;
Сам хочу идти на бой с Арапом.
Сам хочу идти, да встать не в силах».
И его послушалась супруга,
Вывела могучего гнедого,
К Перу-кузнецу с конем явилась,
А когда кузнец ее увидел,
130 С ней повел такие разговоры:
«Стройная невестка Анджелия,
Неужели побратим скончался,
Что ведешь ты продавать гнедого?»
Говорит красавица невестка:
«Что ты, Перо, мой любезный деверь!
Побратим твой вовсе не скончался,
Но тебе велел он поклониться,
Чтобы в долг ты подковал гнедого,
Он идти на бой с Арапом хочет,
140 А вернется — и с тобой сочтется».
Отвечает ей на это Перо:
«Анджелия, милая невестка!
Не с руки мне в долг ковать гнедого,
Дай в заклад мне черные ты очи,
Я лобзать и миловать их буду
До поры, когда мне долг заплатят».
Люто прокляла его невестка.
Загорелась, как живое пламя,
Увела некованным гнедого,
150 К Дойчину болящему вернулась.
Обратился к ней болящий Дойчин:
«Анджелия, верная супруга,
Подковал ли побратим гнедого?»
Застонала любя Анджелия:
«Господин ты мой, болящий Дойчин»

Пусть господь накажет побратима!
 Он не хочет в долг ковать гnedого,
 Эти очи миловать он хочет,
 До тех пор, покуда не заплатишь;
 160 Но пристало ль мне любить другого,
 При тебе-то, при живом супруге?»
 Как услышал то болящий Дойчин,
 Говорил своей он верной любе:
 «Анджелия, верная супруга!
 Оседлай могучего гnedого,
 Принеси копьё мне боевое!»
 А потом сестру он призывает:
 «Елица, любимая сестрица!
 Принеси мне крепкую холстину,
 170 Спеленай меня, сестра, от бедер,
 Спеленай от бедер и до ребер,
 Чтобы кость не вышла из сустава,
 Чтобы с костью кость не разошлася».
 Женщины послушались больного:
 Мощного коня жена седлает
 И копьё приносит боевое;
 А сестрица достает холстину,
 Пеленает Дойчина больного,
 Пеленает от бедра до ребер,
 180 Надевает саблю-алеманку,
 Мощного коня ему подводит,
 Дойчина сажает на гnedого
 И копьё вручает боевое.
 Мощный конь хозяина почувял
 И взыграл под ним, возвеселился,
 И поехал Дойчин через площадь.
 Так гнедой под ним играет-пляшет,
 Что из-под копыт летят каменья.
 Говорят солунские торговцы:
 190 «Слава господу! Вовеки слава!
 С той поры, как умер храбрый Дойчин,
 Не видали лучшего юнака
 В белокаменном Солуне-граде.
 И коня не видывали лучше».
 Едет Дойчин во широко поле,
 Где Арапин свой шатер раскинул.
 Увидал его Арапин черный,

- Вскакивает на ноги со страху,
Говорит ему Арапин черный:
- 200 «Бог убей тебя, проклятый Дойчин,
Неужели ты еще не помер?
Заходи, вина испей со мною,
Бросим наши ссоры, наши споры,
Все тебе отдам, что взял в Солуне». Говорит ему болящий Дойчин:
«Выходи, Арап, ублюдок черный!»
Выходи со мной на бой юнацкий,
Чтоб в бою юнацком потягаться,
Красного вина ты попил вдосталь,
- 210 Девушками всласть себя потешил!» Говорит ему Арапин черный:
«Брат по богу, воевода Дойчин!
Бросим наши ссоры, наши споры,
Ты сойди с коня, и выпьем вместе,
Все тебе отдам, что взял в Солуне,
Возвращу тебе невест солунских!
Правым господом готов поклясться,
Сам я навсегда уйду отсюда.
Тут увидел воевода Дойчин,
- 220 Что Арап сразиться с ним не смеет,
Разогнал он мощного гнедого,
Прямо на шатер его направил,
Он копьем поднял шатер Арапа,
Глянь-ка под шатром какое чудо!
Под палаткой тридцать полонянок,
Сам Арапин черный между ними.
Как увидел Арапин чумазый,
Что его не пожалеет Дойчин,
Вскакивает он на вороного
- 230 И копьё хватает боевое.
Встретились они в широком поле,
Боевых коней разгорячили.
Говорит тогда болящий Дойчин:
«Первым бей, Арап, ублюдок черный,
Первым бей, не пожалей удара!»
И метнул копьё Арапин черный,
Чтоб ударить Дойчина больного,
Но гнедой для боя был обучен,
Конь гнедой припал к траве зеленой,

- 240 А копьё над ними просвистело
И вонзилось в черную землю,
Полкопья ушло глубоко в землю,
Полкопья над землей обломилось.
Как увидел то Арапин черный,
Смазал пятки, мчится без оглядки,
Мчится прямо к белому Солуню,
А за ним болящий Дойчин скачет.
Подскакал Арап к вратам солунским,
Тут его настиг болящий Дойчин,
- 250 И метнул копьё он боевое,
Вбил его в солунские ворота,
После вынул саблю-алеманку
И отсек он голову Арапу;
Голову его на саблю вскинул,
Из глазниц глаза Арапа вынул
И в платок запрятал тонкотканый.
Бросил голову на луг зеленый,
И потом отправился на площадь.
Подъезжает Дойчин к побратиму:
- 260 «Друг сердечный, умелец кузнечный,
Выходи, получишь за подковы,
За подковы для коня гнедого,
Я перед тобою задолжался».
А кузнец на это отвечает:
«Ой ты, побратим, болящий Дойчин!
Я тебе не подковал гнедого,
Просто подшутить хотел без злобы,
А гадюка злая Анджелия
Загорелась, как живое пламя,
Без покова увела гнедого».
- 270 Говорит ему болящий Дойчин:
«Выходи, сполна получишь плату!»
Показался побратим из кузни,
Саблею взмахнул болящий Дойчин,
Голову отсек он побратиму,
Голову его на саблю вскинул,
Из глазниц его глаза он вынул,
Кинул голову на мостовую,
К белому двору поехал прямо,
280 У двора он спешился с гнедого,
Сел на мягко стеленное ложе,

Вынул очи черного Арапа,
Бросил их сестрице милой в ноги.
«Вот, сестрица, Араповы очи,
Знай, сестра, пока я жив на свете,
Эти очи целовать не будешь».
После вынул очи побратима,
Подает супруге Анджелии:
«На-ка, Анджа, очи кузнецовы,
290 Знай, жена, пока я жив на свете,
Эти очи целовать не будешь!»
Попрощался и с душой расстался.

БАНОВИЧ СТРАХИНЯ

Был когда-то Банович Страхиня,
Был Страхиня баном в малой Баньской,
В малой Баньской у Косова поля,
Не бывало сокола такого.
Как-то рано утром бан проснулся,
Громко кличет слуг и призывает:
«Ой вы, слуги, быстро поспешайте,
Серого коня мне оседлайте,
Понарядней вы его украсьте,
10 И подпруги затяните крепче,
Ибо, дети, я задумал ехать.
Город Баньску я хочу оставить,
Притомить коня в пути неблизком,
В гости, дети, я хочу поехать,
В белый Крушевац поехать к тестю,
К дорогому тестю Юг-Богдану,
Юговичей-шуринов проведать;
Повидать родню мне захотелось!»
Приказанье слуги выполняли,
20 Сокола-коня вмиг оседлали.
Бан Страхинич быстро снарядился,
Нарядился он в парчу и бархат,
В платье алого сукна оделся;
От воды сукно алеет ярче,
А от солнца пламенеет жарче.
Сербский сокол пышно нарядился,
На коня вскочил он боевого,

- Быстро ехал, быстро и приехал
 К дому тестя в Крушевац, град белый,
 30 Где недавно царство утвердилось.
 А как Юг-Богдан его увидел,
 Увидали шурины все девять,
 Соколы все Юговичи девять,
 Только зятя милого дождались,
 Обняли его, расцеловали.
 Слуги верные коня забрали.
 Поднялись на фряжескую башню,
 За столы накрытые садятся,
 Завели господскую беседу.
- 40 Прибежали слуги и служанки,
 Угощают и вино подносят.
 Сели христианские вельможи,
 Сели пить вино и угощаться,
 Старый Юг-Богдан сидел всех выше,
 У плеча с собою рядом справа
 Посадил он зятя дорогого.
 Девять Юговичей сели рядом,
 Ниже сели прочие бояре.
 Кушанья всем подносили слуги.
- 50 Шуриновых жен там было девять,
 Угощали всех они радушно,
 Угощали свекра Юг-Богдана,
 Угощали Юговичей девять,
 Еще больше угощали зятя.
 А слуга им лил вино из кубка,
 Лил вино из кубка золотого,
 Девять четвертей в него вмещалось.
 Как увидишь сколько угощенья,
 Сколько лакомств и гостей нарядных,
- 60 Скажешь, брат, что это пир по-царски!
 Бан Страхиня долго загостился,
 Загостился бан и задержался,
 Задержался бан в дому у тестя.
 Приходили к дому все бояре,
 Досаждали вечером и утром,
 Умоляли старца Юг-Богдана:
 «Государь наш, Юг-Богдан могучий,
 Мы целуем шелк твоей одежды,
 Руку правую твою целуем,

- 70 Окажи нам милость, сделай чудо,
Приведи ты зятя дорогого,
Пусть Страхинич-бан придет в гости,
Навестит и двор и дом наш белый,
Встретим гостя мы с большим почетом».
Юг-Богдан оказывал всем милость,
А пока водил он бана в гости,
Времени на то ушло немало,
Бан Страхинич долго задержался.
Да пришло нежданно вскоре горе!
- 80 Рано утром, как пригрело солнце,
Получил он из дому известье,
Белое письмо из малой Баньской,
Мать-старуха то письмо прислала.
Развернул письмо он на колене,
Разобрал и все прочел до строчки,
И письмо тут рассказало бану,
Как старуха-мать его горюет:
«Где ты, сын мой, где ты, бан Страхинич?
Не к добру вином ты угощался,
- 90 Злые вести будут в доме тестя!
Прочитай письмо, узнай про горе.
Привалила вражеская сила:
Царь турецкий с войском из Едрена,
Царь турецкий у Косова поля,
Царь пришел, а с ним его визири,
Царские наместники лихие.
От султанских всех земель сходилось,
Поднималось это войско турок,
И на поле Косовом собралось;
- 100 Косовское поле затоптали,
Захватили воды рек обеих,
Берега и Лабы и Ситницы,
Косовское поле полонили!
Говорят, рассказывают люди:
У Мрамора турки и Явора,
От Явора турки до Сазлии,
От Сазлии до Чемер-Чуприи,
От Чуприи, сын мой, до Звечана,
От Звечана, сын мой, до Чечана,
- 110 От Чечана до вершины горной
Войско турок Косово покрыло.

- Сын мой, люди точно подсчитали,
Что сто тысяч войска у султана.
Он набрал повсюду их у спахий,
Что должны ему служить за землю,
И что хлеб едят на ней султанский,
И что ездят на конях военных,
Что оружия много не имеют
И за поясом у них лишь сабля.
- 120 Сын мой, люди говорят про турок.
У султана есть второе войско,
Янычаров, горячих, как пламя,
Стражи дома белого в Едрене;
Говорят, и янычар сто тысяч,
Сын мой, люди говорят про турок:
У царя их есть и третье войско,
У него есть Тука и Манджука,
Что могучи, словно с градом тучи;
Всяческое войско есть у турок.
- 130 Есть у них еще такая сила—
Самовольный турок Влах-Алия.
Он царя честного не боится
И визиря ни во что не ставит,
И все войско царское большое
Для него что муравьи в землице —
Вот какая силища у турка.
Он нигде пройти без зла не может,
Не пошел на Косово с султаном,
А свернул на левую дорогу
- 140 И на Баньску нашу он ударил,
Нашу Баньску дочиста разграбил
И дотла спалил ее пожаром,
Не оставил камня он на камне,
Разогнал он слуг твоих всех верных
И обидел мать твою, старуху,
Поломал конем своим ей кости,
Верную жену твою взял в рабство
И на Косово увел с собою,
Там жену твою в шатре целует,
- 150 А я, сын мой, плачу у развалин.
В Крушевце ты белом веселишься,
Зло накликал ты своим весельем!
А когда прочел письмо Страхиња,

- Тяжко стало бану от кручины,
Помрачнело все лицо от горя,
Черные усы поникли низко,
Черные усы к плечам склонились,
И чело нахмурилось сурово,
А из глаз готовы брызнуть слезы.
- 160 То заметил Юг-Богдан премудрый,
Рано утром он увидел зятя.
Вспыхнул старец, как живое пламя,
Не стерпел он и сказал так зятю.
«Милый зять мой, что с тобой случилось?
Почему ты рано так поднялся,
Почему ты так невесел, мрачен,
Отчего ты, зять мой, огорчился,
На кого ты, зять мой, рассердился?
Или насмех шурины подняли,
- 170 В разговоре грубо что сказали?
Иль их жены плохо услужили,
Иль плохое что у нас увидел?
Милый зять мой, говори всю правду!»
Вспыхнул бан и так ему ответил:
«Тесть мой, Юг-Богдан, я всем доволен!
С шуринами хорошо я лажу,
А их жены, госпожи-хозяйки,
Услужают мне и угощают,
Не увидел я у вас плохого.
- 180 Почему невесел я, узнаешь;
Получил письмо из малой Баньской,
Написала мать моя, старушка!»
Рассказал он тестю про несчастье:
Как разграбили его владенья,
Верных слуг побили, разогнали,
Как родную мать конем топтали,
Как жену его угнали в рабство.
«Тесть мой милый, Юг-Богдан почтенный,
Что случилось там с моей женою,
- 190 То случилось с дочерью твоею:
Это мне, да и тебе позорно.
Старый Юг-Богдан, мой тесть любезный,
Мертвого ль меня жалеть ты хочешь,
Лучше пожалей меня живого.
Я с мольбой твою целую руку.

- Дай мне девять сыновей бесстрашных,
Девять шуринов моих отважных.
С ними я на Косово поеду,
Недруга там отыщу я злого.
- 200 Он против султана взбунтовался,
Из моих увел владений пленных.
Нечего тебе, мой тесть, бояться,
За детей отважных опасаться,
По-турецки сыновей одену:
Головы под шапочкою белой,
На плечах зеленые кафтаны,
На ногах лиловые чакширы,
А за поясом — кривая сабля.
- 210 Призови ты слуг, скажи юнакам,
Пусть подпруги стягивают крепче,
Пусть медвежьей шкурой покрывают.
Будут шурины как янычары,
Только пусть они не забывают,
Что, когда по Косову поедем
Через войско царское на поле,
Я пред ними буду делибашем,
Пусть они во всем послушны будут,
Будто среди них я самый старший.
Если встретит нас кто в царском войске,
- 220 Если с нами говорить захочет
По-турецки или по-мановски,
С турками я говорить сумею
По-турецки, также по-мановски,
Понимаю я и по-арабски,
А немного и по-арнаутски.
Через Косово я проведу их,
Обману я так все войско турок,
Там найду я недруга-злодея,
Разыщу я турка Влах-Алию,
- 230 У кого жена моя рабыней.
В тяжкий час пусть шурины помогут,
Ибо, тесть, без них могу погибнуть,
С ними вместе я спасусь от смерти
И не буду ранен вместе с ними».
Старый Юг-Богдан услышал это,
Вспыхнул старец, как живое пламя,
И Стражине-бану так ответил:

- «Бан Страхи́ня, ты мой зять любезный!
Встал ты рано, да в уме нездравом,
240 Девять сыновей моих ты просишь,
Увести на Косово их хочешь,
Чтобы там их турки порубили.
Лучше, зять, не говори об этом,
Не пушу я сыновей с тобою,
Пусть я дочки больше не увижу.
Милый зять мой, храбрый бан Страхи́нич,
Отчего ты огорчен так сильно?
Иль, безумный, ты не понимаешь:
Если ночь она проспит с ним вместе,
250 Под шатром с ним ночь одну пробудет,
То не сможет быть твоей женою,
Будет богом проклята, убита.
Пусть с врагом живет, а не с тобою,
Пусть уходит с ним, куда он хочет.
На другой тебя поженем, лучшей.
Буду пить вино с тобой на свадьбе,
Буду другом я тебе навеки,
Но детей не отпущу с тобою». Бан тут вспыхнул, как живое пламя,
260 И от горя и от муки лютой,
Не позвал слугу и не окликнул,
Конюху ни слова не промолвил,
К серому он сам пошел в конюшню.
Как седлал там бан коня поспешно,
Как он крепко затянул подиругу!
Бан ввнуздал коня уздой стальнойю,
По двору коня провел пред домом
И поставил перед белым камнем.
С камня бан вскочил в седло златое,
270 Поглядел на шуринов любезных,
В землю черную все девять смотрят.
Глянул бан на своего свояка,
На Немани́ча на молодого,
А Немани́ч тоже в землю смотрит.
Как вино с ним пили и ракию,
Все себя юнаками считали,
Хвастались пред зятем, клялись богом:
«Бан Страхи́нич, мы тебя так любим,
Больше любим, чем все наше царство!».

- 280 А случилось горе и несчастье,
Утром нет приятелей у бана,
С ним никто на Косово не едет.
Видит бан, что нет друзей надежных,
Сам поехал Крушевацким полем,
А когда он был в широком поле,
Оглянулся на Крушевац белый.
Может быть, одумались юнаки,
Может быть, им зятя жалко стало.
А когда увидел бан Страхиња,
290 Что в несчастье не нашел он друга,
То о псе борзом своем он вспомнил,
О своем любимце Карамане.
Бану пес дороже, чем конь добрый.
Во все горло крикнул, обернувшись,
(Там в конюшне пес борзой остался),
Пес услышал крик, помчался быстро.
Вот борзой догнал коня среди поля,
Рядом с ним бежит, не обгоняет,
Золотым ошейником бряцает,
300 Словно бану молвить что-то хочет.
Долго ехал храбрый бан Страхиња,
Проезжал он чрез поля и горы;
Как на поле Косово приехал,
Как увидел в поле войско турок,
То ему немного страшно стало.
Помянул он истинного бога
И в орду турецкую поехал.
Едет бан по Косову на сером,
А куда он едет, сам не знает.
310 Бан Страхиња ищет Влах-Алию,
Да найти его нигде не может.
А как съехал бан к реке Ситнице,
Диво-дивное там бан увидел:
Был у вод разбит шатер зеленый,
Отражался он в реке Ситнице,
На шатре держава золотая,
Словно солнце, яблоко сияет,
Воткнуто копье в сырую землю,
А к нему конь вороной привязан,
320 Голова коня в стамбульской торбе,
Бьет ногой, то правою, то левой.

- Бан Страхиня, как шатер увидел,
Поразмыслил и потом подумал:
«Вот шатер зеленый Влах-Алии».
На коне юнак подъехал ближе,
Скинул с плеч своих копьё стальное
И завесу приоткрыл у входа,
Чтоб увидеть, кто в шатре зеленом.
Не сидел там сильный Влах-Алия,
330 А сидел один там дервиш старый,
Скрыла пояс борода седая,
Никого там не было другого.
Пил вино один беспутный дервиш,
Турок пил вино большою чашей,
Сам вино нальет, до дна сам выпьёт,
Очи дервиша налиты кровью.
Бан Страхиня, как его увидел,
То «селям» промолвил по-турецки.
Пьяный дервиш посмотрел на бана
340 И в ответ ему с трудом промолвил:
«Будь здоров, Страхиня, бан отважный
С малой Баньской у Косова поля!»
Рассердился бан, перепугался,
По-турецки дервишу он крикнул:
«Матери не принесешь ты счастье!
Напиваешься, дервиш, дерзишь мне,
Во хмелю ты говоришь пустое,
И гяуром турка называешь?
Ты сказал мне о каком-то бане?
350 Не Страхиня-бан перед тобою,
Пред тобою делибаш султанский.
У султана кони посрывались,
Разбежались по орде турецкой,
Делибаша посланы вдогонку,
Чтоб поймали всех коней султанских.
Вот скажу султану иль визирю,
Как сейчас ты говорил со мною,
Старому, тебе, придется плохо!»
Громким смехом дервиш рассмеялся.
360 «Бан Страхиня, ты юнак отважный!
Видно, бан, ты не изведал горя!
Если бы ты был в горах Голеча
И тебя нашел я в царском войске,

Тотчас бы узнал тебя, Страхи́ня,
 И коня узнал и Карамана,
 Этот пес тебе коня дороже.
 Знаешь ли ты, бан из малой Баньской,
 Почему тебя узнал я сразу,
 Под челом узнал твои два глаза
 370 И узнал твои два черных уса.
 Помнишь ли ты, бан, или не помнишь,
 Как попал я на всю жизнь в неволю?
 Воины твои меня схватили
 На Сухаре, на горе высокой,
 И меня в твои отдали руки.
 Бросил ты меня на дно темницы.
 Был я в рабстве и терпел мученья.
 Изнывал я девять лет в неволе,
 Девять лет прошло, пошел десятый,
 380 Сжалился ты, видно, надо мною,
 Приказал ты, чтоб явился Рада,
 Был он стражем у ворот тюремных,
 Он привел меня во двор твой белый,
 Помнишь ли об этом, бан Страхи́ня,
 Как пытал, выпытывал ты строго:
 «Мой невольник, змей турецкий старый,
 Пропадешь ты у меня в темнице!
 Сможешь ли из рабства откупиться?»
 И правдиво я тебе ответил:
 390 «Жизнь мою я выкупить сумею,
 Если ты домой меня отпустишь,
 В дом родимый, к родине любимой.
 Там имею я добра немало,
 Много денег и владений много.
 Соберу я там богатый выкуп.
 Если слову моему не веришь,
 Отпусти меня во двор мой белый,
 Крепкую поруку я оставлю:
 Первый поручитель — бог единый,
 400 А второй — моя святая вера,
 Верный выкуп за меня получишь».

- Одолели там меня несчастья:
На родимый дом, места родные,
На дворы мои чума напала,
Погубила всех мужчин и женщин,
410 Не осталось никого в жилищах.
Все мои разрушились хоромы,
Бузина у стен повырастала,
Бузиною заросли все стены,
А владенья все мои и деньги —
Все забрали турки, чтоб кормиться.
Как увидел я дворы пустые—
Нет добра, так и друзей не стало,
Долго думал и одно придумал:
Раздобыл я лошадей почтовых,
420 И поехал прямо в город Едрен
К самому султану и визирю.
Про меня визирь сказал султану,
Доложил, что я юнак отважный.
Отпустил меня визирь султанский,
Подарил он мне шатер зеленый,
А султан коня дал вороного,
Подарил мне светлое оружие.
Записал меня визирь султанский,
Чтобы я всю жизнь служил султану.
430 Бан Страхиня, ты ко мне приехал,
Долг за выкуп получить желаешь,
У меня ж нет даже и динара,
Отняло все у меня несчастье!
На погибель злую ты приехал,
Ты средь войска царского погибнешь!»
Дервиша признал тут бан Страхиня,
Соскочил он вмиг с коня на землю,
Обнял крепко дервиша седого:
«Старый дервиш, ты мне брат по богу!
440 Подарю тебе твой долг за выкуп!
Не взыщу я с брата ни динара,
Не ищу я денег за твой выкуп,
А ищу я турка Влах-Алию,
Он расхитил все мое богатство,
Он жену мою похитил в рабство!
Ты скажи мне лучше, старый дервиш,
Укажи мне, где мой враг заклятый!

И еще прошу тебя по-братски:
Войску турок ты меня не выдай,
450 Чтоб меня не окружило войско!»
Божьим именем клянется дервиш:
«Сербский сокол, смелый бан Страхинич,
Крепче камня будет моя верность!
Если саблей ты рубить всех станешь,
Половину войска здесь порубишь,
И тогда я братству верен буду,
Хлеба твоего я не забуду;
Как сидел я у тебя в темнице,
Вдоволь ты давал вина напиться,
460 Досыта кормил ты белым хлебом
И на солнце позволял мне греться,
В долг поверил, отпустил на волю.
Нечем было уплатить мне выкуп,
Не предам тебя, врагам не выдам,
Бан Страхиня, ты меня не бойся.
Спрашиваешь ты и знать желаешь
О могучем турке Влах-Алии.
Он поставил свой шатер широкий
470 На вершине Голеча скалистой,
А еще скажу тебе, Страхиня,
Уезжай от Косова подальше,
А не то погибнешь безрассудно.
На себя ты, бан, не полагайся,
На руку и на стальную саблю,
На копьё, отравленное ядом.
На вершину к турку ты приедешь,
А приедешь, целым не уедешь:
Он с твоим копьём, с твоим оружием
И тебя живого вмиг захватит,
480 Он тебе переломает руки,
Очи вырвет у тебя, живого.
Засмеялся Банович Страхиня:
«Старый дервиш, ты мой брат по богу!
Не жалея ты обо мне напрасно,
Только б туркам ты меня не выдал».
Старый дервиш так ему ответил:
«Ты послушай, храбрый бан Страхиня,
Крепче камня будет мое слово.
Если ты коня сейчас разгонишь,

- 490 Если саблей ты рубить всех станешь,
Половину войска турок сгубишь,
И тогда я братству верен буду,
Войску турок я тебя не выдам!»
Отвечает бан и отъезжает,
Сидя на коне, сказал он турку:
«Старый дервиш, ты моим стал братом!
Утро каждое и каждый вечер
Ты поишь коня в реке Ситнице,
Так открой мне и скажи правдиво:
500 Где тут броды чрез речные воды,
Чтоб с конем я не поплыл по глуби».
И правдиво отвечает дервиш:
«Сербский сокол, храбрый бан Страхиня!
Твоему коню, тебе, юнаку,
Всюду броды, где речные воды.
Бан поехал, реку вброд проехал,
Серого коня погнал он быстро,
Быстро скачет на Голеч-вершину,
Он внизу, а наверху там солнце,
510 Поле Косово оно пригрело,
Осветило турецкое войско,
Видно стало там и Влах-Алию!
Целовал всю ночь жену Страхины
Влах-Алия под шатром широким.
А у турка был плохой обычай:
Подремать любил он утром рано.
Рано утром, как пригреет солнце,
Он глаза смыкает, засыпает.
Полюбилась так ему рабыня,
520 А рабыня та жена Страхины.
Голову склонил к ней на колени,
И она покорно держит турка;
У шатра откинула завесу,
Смотрит в поле Косово далеко
И оглядывает войско турок;
Смотрит на шатры в широком поле,
Смотрит на коней и на юнаков,
Да на горе в сторону взглянула,
Посмотрела вниз с Голеч-вершины,
530 Увидала конного юнака.
Как увидела и разглядела,

То ладонью потрепала турка,
Потрепала по щеке по правой,
Потрепала и проговорила:
«Господин мой, сильный Влах-Алия,
Поднимай ты голову скорее!
Подпояшься кушаком широким,
Да бери ты светлое оружие:
Это едет в гору бан Страхиня,
540 Голову твою сейчас отрубит,
Выколет мои глаза, погубит!»
Вспыхнул турок, как живое пламя,
Вспыхнул турок, поглядел далеко,
Поглядел и громко засмеялся:
«Ой, душа моя, жена Страхини,
Ты боишься этого валаха,
Затряслась ты словно в лихорадке!
Как со мной уедешь в город Едрен,
То и там тебе он будет мниться!
550 Не Страхиня-бан вдали там едет,
Это едет делибаш султанский.
Сам султан его ко мне отправил,
Иль визирь Мехмед шлет делибаша,
То султан зовет меня мириться,
Чтоб я войско турок не рассеял.
Испугались царские визири,
Чтоб по ним я саблей не ударил.
Посмотри, да приглядиись получше,
Нечего тебе, душа, пугаться,
560 Вот я выхвачу из ножен саблю
Да ударю саблей делибаша,
Чтоб ко мне другого не послали!»
А жена Страхини отвечала:
«Господин мой, сильный Влах-Алия,
Иль не видишь, иль глаза ослепли,
Это скачет не гонец султана,
Это скачет муж мой, бан Страхиня!
По челу я вмиг его признала,
По глазам его двум соколиным
570 И по черным двум усам признала.
Я и серого коня узнала,
Да и пса борзого Карамана,
Не играй ты с головой своею!»

- Как услышал это Влах-Алия,
Разозлился он и разъярился,
Разом на ноги вскочил проворно,
Затянул он свой кушак широкий,
Острый свой кинжал заткнул за пояс.
К боку саблю острую приладил,
580 А все смотрит он на вороного.
В это время прискакал Страхиня,
Утра доброго не пожелал он.
По-турецки не сказал селяма,
Обратился к турку с бранным словом:
«Вот где встретил я тебя, ублюдка!
Взбунтовался ты, царя покинул.
Чьи дворы ты белые разграбил?
Чьих людей угнал к себе ты в рабство?»
590 Чью жену ты под шатром целуешь?
Выходи со мной на бой юнацкий!»
Разъярился турок и запрыгал,
Раз он прыгнул — до коня допрыгнул,
Снова прыгнул — в седле очутился,
Натянул два повода он туго,
Да не медлил Банович Страхиня,
И на турка он коня направил,
Бросил в турка он копье стальное,
И юнак ударил на юнака.
600 Протянул тут руку Влах-Алия,
Налету схватил копье рукою
И такое слово бану молвил:
«Эй, ублюдок, бан Страхиня лютый!
Что замыслил ты, валах проклятый?
Пред тобой не бабки-шумадинки,
Разогнать их можешь криком, бранью,
Пред тобой могучий Влах-Алия,
Не страшится он царя с визирем,
Не страшится сильного визиря.
Для него султанское все войско
610 Словно муравьи в траве зеленой,
Ты ж со мной вступил в единоборство!»
Так сказал, метнул копье стальное,
Первым он хотел врага поранить;
Видно, бог помог Страхине-бану,
У него был к боку конь приучен:

Как копье над полем засвистело,
Сокол-конь склонился на колени,
И копье над ними пролетело
И ударило в холодный камень,
620 Натрое копье переломилось,
Возле острия и рукояти.
Потеряли конья боевые,
Ухватили оба шестоперы.
Как ударил сильный Влах-Алия,
Как ударил он Страхиню-бана,
Из седла Страхиню-бана вышиб
И к хвосту коня его отбросил.
Видно, бог помог Страхине-бану,
У него был к бою конь приучен,
630 Нет таких коней теперь у сербов,
Нет у сербов, нет их и у турок:
Конь мотнул головой, задом вскинул,
Всадника вперед в седло откинул.
Как ударил крепко бан Страхиња
Злобного дракона Влах-Алию,
Из седла не смог он выбить турка,
По колени вороной увязнул,
Всеми четырьмя ногами в землю.
Шестоперы оба поломали,
640 Поломали, перья растеряли,
Оба сабли острые схватили,
По-юнацки бьются в поединке.
Посмотреть бы на Страхиню-бана!
Сабля у него была такая:
Саблю ту два кузнеца ковали,
Два ковали, трое помогали.
С воскресенья и до воскресенья,
Отливали сталь и закаляли
И точили лезвие у сабли.
650 Выждал бан, когда ударит турок,
И ответил на удар ударом,
Пополам рассек у турка саблю,
И обрадовался бан Страхиња,
Бьет наотмашь саблей так и этак,
Хочет голову отсечь у турка
Или руку правую поранить;
Бьется турок половиной сабли,

- В шею бана метил он ударить,
От удара шею защищает.
660 Саблю бана турок рассекает,
Разбивает саблю по кусочкам.
Оба сабли, наконец, сломали,
Обломили вплоть до рукояти.
Тут юнаки бросили обломки,
И с коней проворно соскочили,
Задушить хотят они друг друга,
Так сцепились, будто два дракона,
На равнине, на Голеч-вершине.
И боролись в летний день до полдня.
- 670 Пена потекла у Влах-Алии,
Пена белая, как снег нагорный,
У Страхины белая да с кровью.
Окровавил бан свою одежду,
Оба сапога он окровавил.
Надоела бану эта мука,
И такое слово бан промолвил:
«Ой жена, пусть бог тебя накажет!
Что за горе видишь на вершине?
Ты возьми один осколок сабли
680 И ударь им иль меня, иль турка!
Ты подумай — кто тебе дороже!»
Влах-Алия ей сказал сердито:
«Ой душа моя, жена Страхины!
Не меня ударь ты, а Страхиню!
Никогда ему не будешь милой!
Укорять тебя всю жизнь он будет,
Все корить он будет, не забудет,
Что была ты под шатром со мною.
Для меня ж всю жизнь ты будешь милой.
- 690 В Едрен-город я с тобой поеду,
Три десятка дам тебе служанок,
Чтоб подол и рукава держали,
Угощали сахаром и медом,
Украшали золотом дукатов
С головы до ног тебя богато.
Ты ударь сейчас Страхиню-бана!»
Женщину ведь обмануть нетрудно:
Словно бешеная подскочила
И обломок сабли ухватила,

- 700 Завернула в свой платок расшитый,
Чтоб руки ей белой не поранить.
Все вокруг да около вертелась,
Турку в голову попасть боялась,
А ударила обломком сабли
Мужа своего, Страхи́ню-бана,
По вертящейся златой челенке
И колпак его пробила белый,
Разрубила золотые перья,
Голову поранила юнаку.
- 710 Кровь струится по лицу Страхи́ни,
Заливает бану оба глаза.
Испугался бан Страхи́ня сильно,
Что погибнет глупо, безрассудно.
А как только бан о том подумал,
Во все горло белое он крикнул,
Пса борзого Карамана кликнул,
Для охоты был борзой обучен.
Крикнул бан и снова громко кликнул,
Пес борзой вскочил и прыгнул сразу,
- 720 И вцепился пес в жену Страхи́ни.
А обычно женщины пугливы,
Каждая из них собак боится.
Бросила жена обломок сабли,
Закричала так, что в поле слышно,
Пса борзого за уши схватила,
Покатилась вниз с горы высокой,
А у турка и глаза навывкат,
Так ему жены Страхи́ни жалко,
Отвернулся посмотреть, что с нею.
- 730 У Страхи́ни стало больше силы,
Больше мужества в юнацком сердце.
Изловчился, завертел он турка,
Да и повалил его на землю.
Бан Страхи́ня сильно разъярился,
Никакого он не взял оружия,
Он схватил за горло Влаха-Алию
И за горло ухватил зубами.
Как ягненка волк, загрыз он турка.
Бан Страхи́ня встал и громко крикнул,
- 740 Пса борзого желтого окликнул,
От него жену свою избавил.

- А жена его бежать пустилась,
Вниз с вершины побежала к туркам,
Да не дал жене уйти Страхиня,
Взял жену за правую он руку
И привел туда, где конь был серый.
Быстро на коня вскочил Страхиня,
Посадил жену свою он сзади
И поехал по Голеч-вершине,
750 По вершине, по дороге длинной.
Уклонился бан от войска турок,
Скоро в ровный Крушевац приехал,
К дому тестя своего подъехал.
Старый Юг-Богдан его увидел,
Девять шуринов навстречу вышли,
Обнимают зятя и целуют,
Спрашивают о его здоровье.
А как старый Юг-Богдан увидел,
Что поранен зять, челенка сбита,
760 То из глаз его скатились слезы:
«Что же веселися, наше царство!
Значит, у царя юнаки сильны,
Значит, турки не перевелися —
Зять моего смогли поранить,
А таких как он вблизи не сыщешь».
Шурины все пожалели зятя,
А Страхиня-бан сказал сердито:
«Понапрасну, тесть, ты растревожен,
Зря вы, шурины, меня жалели.
770 У султана нет еще юнака,
Чтоб он мог меня сразить, поранить.
Вам открою, кто меня поранил,
От кого досталась эта рана!
С турком бился я на поединке,
О мой тесть, о Юг-Богдан премудрый,
Ранила меня жена украдкой,
А жена мне — дочь твоя родная,
Помогала турку, а не мужу!»
Вспыхнул старец, как живое пламя,
780 Сыновьям своим он громко крикнул:
«Вынимайте вы кинжалов девять,
На куски вы порубите суку!»
Сыновья отцу повиновались,

На сестру накнулись с ножами,
Да Страхиня им жены не выдал,
Шуринам сказал такое слово:
«Шурины мои, вас девять братьев!
Что же, братья, вы сейчас срамитесь?
На кого вы занесли кинжалы?
790 Если вы бесстрашные юнаки,
Почему ножи и сабли ваши
Вы на Косове не обнажили,
Храбрость туркам там не показали,
Из беды меня не выручали?
На расправу вам сестру не выдам,
И без вас я мог жену прикончить.
А теперь покончу с домом тестя,
Не с кем мне теперь вино пить вместе,
Но я жизнь моей жене дарую». 800
Мало было ведь таких юнаков,
Как Страхиня-бан — юнак отважный.

СТАРЫЙ ВУЯДИН

Проклинала девушка, вздыхая,
Свои очи она проклинала:
«Вы бы лучше, очи, не глядели,
Из Лиévна не видели б турок.
Злые турки схватили гайдуков,
Вуядина, с ним два милых сына.
На гайдуках дивная одежда.
Златотканый плащ на Вуядине —
На диван в таком паши приходят. 10
На Миличе, сыне Вуядина,
Еще лучше, богаче одежда,
А у Вулича, младшего сына,
Необычные перья на шапке —
Поворачивает ветер перья,
Каждое из золота литого». 20
Вот к Лиевну привели гайдуков.
И увидели город проклятый,
Где белеет высокая башня.
Старый Вуядин сказал, не дрогнув:
«Сыновья, соколики родные,

- Этот город — Лиёвно турецкий,
Где белеет проклятая башня.
Там нас будут бить, пытать и мучить,
Перебьют нам и руки и ноги,
Эти черные выколят очи.
Сыновья, соколики родные,
Ваше сердце не вдовие сердце,
Ваше сердце — юнацкое сердце,
Вы не выдайте друзей и близких,
30 И скрывавших нас не назовите,
У которых зимой зимовали,
Зимовали, добычу скрывали.
Молодых не выдайте хозяек,
В чьих корчмах, с дружиной пировали,
Тайно пили румяные вина».
Так вошли они в город Лиёвно.
Бросили их турки в подземелье.
В погребах три дня они сидели.
В это время совещались турки,
40 Размышляли, как будут их мучить.
Наступил четвертый день неволи.
Вывели старика Вуядина.
Перебили и руки и ноги,
Приготовились выколоть очи.
Тут сказали из Лиёвна турки:
«Говори, старый пес, да не медли,
Кто товарищи твои лихие?
Кто скрывал вас в деревнях зимою?
У кого вы зиму зимовали,
50 У кого вы прятали добычу?
Говори, старый пес, где вы пили,
У каких хозяек пировали
И в каких придорожных харчевнях?»
Отвечает Вуядин не дрогнув:
«Не глупите, турки из Лиёвна,
Если резвых ног не пожалел я,
Тех, что в беге коней обгоняли,
Если этих рук не пожалел я,
Что ломали копыя боевые,
60 Не боялись сабель обнаженных,
Не скажу вам за грешные очи,
Что меня в искушенье вводили,

Глядячи с высоких гор далеко,
Глядячи на ровные дороги,
Где купцы турецкие проходят».

ПОЧЕМУ БАЙО СТАЛ ГАЙДУКОМ

Байо Пивлянин герцеговинец
Посылает в Приморье посланье;
Ришнянину-турку так он пишет:
«Ришнянин-ходжа, ты, верно, помнишь,
Верно, помнишь, что когда-то было —
Я у моря торговал волами,
Ты у моря собирал налоги.
Раз волов пригнал я в край приморский.
Не хотел ты взять с меня, что должно.
10 Ты не взял ни грошей, ни дукатов,—
Стадом ты моим распорядился.
Выбирал волов, да самых лучших,
Цену сбил мне в гавани приморской.
Претерпел я убыток немалый.
Должен был продать и дом и землю,
Вот гайдуцким я стал атаманом.
У меня и приятеля Лимы
Тридцать храбрых и лютых гайдуков.
Тридцать крепких нагрудников сделай
20 Из литого серебра с насечкой,
Тридцать скуп для тридцати юнаков.
Мне и Лиме, другу-есаулу,
Золотые нагрудники сделай —
Атаманам к лицу золотые.
Если ты послать мне не захочешь,
Выходи на смертный поединок.
К одному будет бог благосклонней».
Ришнянин-ходжа письмо читает.
Разбирает он мелкие знаки,
30 Смотрит на письмо, другое пишет:
«Байо Пивлянин, меня послушай,
Тридцать панцирей ты не получишь
Из литого серебра с насечкой
Для твоих, для тридцати гайдуков.
И носить тебе не подобает,

Ни тебе, ни разбойнику Лиме
Панцирей из золота литого.
Выйду я с тобой на поединок,
Приведу с собой мою кадуну.
40 Приведи с собой твою гяурку.
Если бог и судьба мне поможет
И тебя, атаман, одолею,
Уведу твою жену с собою.
Если бог тебе поможет в битве,
И меня ты в битве одолеешь,
Байо, в плен возьми мою кадуну...»

ПЛЕН ЯНКОВИЧА СТОЯНА

Вторглись турки в ровные Котары,
Дворы Янковича разорили,
В плен Смилянича Илью забрали,
Со Стояном Янковичем вместе.
У Ильи-то в доме молодайка,
Дней пятнадцать, как он оженился,
У Стояна в доме молодайка,
Лишь неделя, как он оженился;
Во Стамбул юнаков взяли турки.
10 Подарили славному султану.
Девять лет они пробыли в рабстве
И семь месяцев на год десятый;
Потурчиться их султан заставил,
Близ себя для них дворы поставил.
Раз Илья Стояну молвил слово:
«Ой, Стоян любезный, братец милый,
Завтра пятница — турецкий праздник.
Выйдет царь со свитой на прогулку,
И парица выйдет на прогулку.
20 Ты от погребов ключи достанешь,
Я ключи украду от конюшен,
Вместе мы казны себе награбим,
Добрых двух коней себе достанем,
Убежим мы в ровные Котары,
Неплененных родичей увидим,
Нецелованных жен поцелуем».
И на том договорились братья.

Пятница пришла — турецкий праздник,
Вышел царь со свитой на прогулку.
30 И царица вышла на прогулку.
Взял Стоян ключи от царских ризниц,
А Илья украл ключи конюшен.
Царскую казну они забрали,
Добрых двух коней себе достали,
И помчались в ровные Котары.
А когда приблизились к Котарам,
Янкович сказал такое слово:
«О Илья, мой милый брат любезный!
Ты в свой белый двор ступай скорее,
40 Я ж пойду скорее в виноградник,
К винограду, к зеленому саду,
Погляжу я на свой виноградник,
Кто-то вяжет, кто его лелеет,
В чьи-то руки этот сад достался».
К белому двору пошел Смилянич,
А Стоян пошел в свой виноградник.
Матушку свою Стоян увидел,
С матушкой в саду он повстречался.
Режет волосы свои старуха,
50 И подвязывает виноградник,
И слезами лозы поливает,
Поминает своего Стояна:
«Ой, Стоян мой, яблочко златое,
Матушка твоя тебя забыла,
А невестку позабыть не может,
Нашу Елу, перстень ненадетый».
Поздоровался Стоян со старой:
«Бог на помощь, сирая старушка!
Никого нет, что ли, помоложе,
60 Чтоб ходить за этим виноградом,
Ты-то ноги ведь едва волочишь?»
Горестно старуха отвечает:
«Здравствуй и живи, юнак незнамый!
Никого здесь нету помоложе,
У меня был сын Стоян когда-то,
И того угнали в рабство турки,
Вместе с ним двоюродного брата,
Моего Илью они забрали.
У Ильи-то в доме молодайка,

- 70 Дней пятнадцать, как он оженился.
У Стояна в доме молодайка,
Лишь неделя, как он оженился.
А сноха — адамово колено —
Девять лет Стояна дожидалась
И семь месяцев на год десятый,
А теперь она выходит замуж;
Не глядят глаза мои на это,
Оттого и в сад я убежала».
Как Стоян услышал эти речи,
80 К белому двору поторопился,
Застает он там нарядных сватов,
И Стояна сваты привечают,
И с коня за трапезу сажают.
Как вина Стоян напился вдосталь,
Тихие Стоян заводит речи:
«Ой вы, братья, нарядные сваты,
Не разрешите ли спеть мне песню?»
Отвечают нарядные сваты:
«Отчего же нет, юнак незнамый.
90 Отчего же не попеть немного?»
И запел Стоян высоко, звонко:
«Птица-ластовица хлопотала,
Девять лет она гнездо свивала,
А сегодня гнездо развивает.
Прилетел к ней сизокрылый сокол
От престола славного султана,
И развить гнездо он помешает».
Ничего не понимают сваты,
А жена Стоянова смекнула,
100 Убежала от старшего свата,
В верхней горнице она укрылась
И сестру Стояна призывает:
«Ой, золовка, милая сестрица,
Господин мой, братец твой, вернулся!»
Как сестра про это услышала,
Вниз из верхней горницы сбежала,
Трижды стол очами оглядела,
Наконец она признала брата.
А когда она признала брата,
110 Обнялись они, поцеловались,
Два потока слез перемешались,

- Плачут оба с радости и с горя,
Но тут молвят нарядные сваты:
«Как же, Янкович, с нами-то будет?
Кто теперь нам за добро уплатит?
Ведь покуда сватали мы Елу,
Поистратили добра немало».
Янкович Стоян им отвечает:
«Погодите, нарядные сваты,
120 Дайте на сестрицу наглядеться,
За добро вам заплачу с лихвою,
Человек сочтется с человеком!»
Нагляделся Стоян на сестрицу,
Стал одаривать нарядных сватов —
Тем платок; тем тонкую рубашку,
Жениху родную дал сестрицу.
С тем и отбыли из дома сваты.
А как время вечерять настало,
Матушка идет домой, рыдая,
130 Стонет горько серою кукушкой,
Своего Стояна поминает:
«Ой, Стоян мой, яблочко златое,
Матушка твоя тебя забыла,
А невестку позабыть не может,
Нашу Елу, перстень ненадетый!
Кто-то ждать теперь старуху будет?
Кто-то выйдет матери навстречу?
Кто-то у меня сегодня спросит:
«Матушка, не слишком ли устала?»
140 Услыхала то жена Стояна,
Встала перед белыми дворами,
Матушку в объятья принимала,
Слово доброе ей говорила:
«Не горюй ты, матушка, напрасно!
Солнце наконец тебя пригрело,
Вот он, сын Стоян, перед тобою!»
Как увидела старуха сына,
Как увидела она Стояна,
Так и наземь замертво упала.
150 И Стоян похоронил старуху,
Как положено по царской чести.

**ВОРОНЫ ВЕЩАЮТ О СМЕРТИ
ПЕРЫ ДАНЧИЧА**

- Как два черных вёрона летели
Рано утром через сине море.
Увидала воронов старушка,
Вещим птицам бедная сказала:
«Ой вы, птицы-вороны, скажите!
Вы откуда нынче прилетели?
С гор ли гордых Боснии высокой,
Или снизу из страны Леванта?»
Отвечали вороны несчастной:
- 10 «Мы сегодня утром прилетели
Из Леванта дальнего чрез море».
Вещим птицам бедная сказала:
«Ой вы, птицы-вороны, ответьте!
Только правду скажете ли прямо,
Если вас я попрошу открыто?
Видели ль вы сеньские галеры,
Повстречали ль вы Данчича Перу?»
Отвечали вороны несчастной:
- 20 «Ах, старушка, мать красавца Перы,
Если бы мы правду рассказали,
Не могла бы ты от горя слушать,
И от слез ты верно бы ослепла».
Вещим птицам бедная сказала:
«Ой вы, птицы-вороны, услышьте:
Сердце материнское из камня,
Горе слушать мне не помешает,
И сквозь слезы я смотреть умею».
Тут сказали вороны несчастной:
«Видели мы сеньские галеры,
- 30 Видели мы голову на мачте:
Перу, сына твоего, узнали!»
Как старушка это услышала,
Закричала бедная истошно:
«Писаное яблочко родное!
Где росло ты, где тебя сорвали?
Выросло ты в сердце материнском,
Сорвано ты в злой стране Леванте!»

СМЕРТЬ ИВАНА СЕНЬЯНИНА

Раз приснилось матери Ивана,
Что спустился мрак над градом Сеньем;
Ясный месяц с неба пал на землю,
На Ружицу, церковь городскую;
Устремились звезды к небосклону,
И Денница окрасилась кровью,
И кукует горестно кукушка
В граде Сенье на мраморной церкви.
Мать Ивана о сне необычном
10 Протопопу Недельке сказала.
Поп Неделько выслушал старуху,
Сон чудесный так истолковал он:
«Ты послушай, матушка-старушка,
Злое снилось, злое и случится.
Если мрак окутал башни Сенья,
Если небо вышнее разверзлось,—
Это значит — город опустеет.
То, что месяц ясный пал на церковь,—
Предвещает смертный час Ивана.
20 К небосклону ушедшие звезды
О вдовицах нам пророчат многих,
А Денница в крови означает—
Одинокой останешься вскоре.
Куковала на церкви кукушка —
Будет церковь разрушена эта,
И паду я от руки турецкой».
Только слово успел он промолвить,
Появился Иван перед ними.
Он семнадцать раз в сраженье ранен,
30 В левой держит он правую руку.
Осадил он коня вороного.
Говорит он матери-старухе:
«Ты с коня сними меня скорее,
И умой студеною водою.
Причастите меня перед смертью».
Поспешает матушка-старушка
И снимает сына с вороного,
Умывает студеной водицей,
Заливает вином его раны.

- 40 Спрашивает матушка-старуха:
«Что случилось в стране итальянской?»
Отвечает раненый, вздыхая:
«Повезло нам в стране итальянской,
Мы немало рабов полонили,
И досталось нам много сокровищ,
Возвратились мы живы и здоровы,
Но когда мы почевать собрались,
Нас настигла первая погоня.
Черны кони и черны юнаки,
50 Повязались черными чалмами.
Только раз мы в погоню стреляли:
Не остался в живых ни единый.
Наши люди были невредимы.
Во второй раз мы заночевали,
Нас в другой раз настигла погоня.
Белы кони, бешены юнаки,
И кичатся белыми чалмами.
Только раз мы стреляли в погоню.
Все остались наши люди живы;
60 Из погони никто не остался.
Почевать мы в третий раз собрались.
Настигает нас третья погоня.
Ружья длинные, их кафтаны черны,
Сухощавы до колен их ноги.
Мы стреляли в них, да понапрасну.
Стали биться саблями с врагами.
Из погони — все живы и здоровы;
Наши люди все на поле пали.
Лишь остался Иван твой несчастный.
70 Он вернулся весь в кровавых ранах;
В левой держит он правую руку». —
Так сказал он, с душою простился,
Улетела легкая из тела.
И осталась мать одна на свете.
Пусть он узрит райские селенья.
Нам здоровье бог даст и веселье!

ХАСАНАГИНИЦА

Что белеет средь зеленой чащи?
Снег ли это, лебедей ли стая?
Был бы снег, давно бы он растаял,

Лебеди бы в небо улетели;
Нет, не снег и не лебяжья стая:
Там Хасан-ага лежит в палатке,
Там страдает он от ран жестоких;
Навешают мать его с сестрою,
А любимой стыдно показалось.
10 Затаились раны и закрылись,
И тогда он передал любимой:
«В белом доме ждать меня не нужно,
Ты в семье моей не оставайся».
Услыхала любя речь такую,
Горьких мыслей отогнать не может.
Топот конский слышен возле дома;
Побежала женщина на башню,
И прильнула там она к окошку;
Вслед за нею бросились две дочки:
20 «Что ты, наша матушка родная,
Не отец наш на коне приехал,
А приехал дядя Пинторович».
Воротилась женщина на землю,
Крепко брата обняла и плачет:
«Ой, мой братец, срамота какая!
Прогоняют от пяти малюток!»
Бег спокоен, не сказал ни слова,
Лишь в кармане шелковом пошарил
И дает ей записку о разводе,
30 Чтобы все свое взяла с собою,
Чтоб немедля к матери вернулась.
Прочитала женщина посланье,
Двух сыночков в лоб поцеловала,
А двух дочек в розовые щеки,
Но с меньшим сынком, что в колыбельке,
Слишком трудно было расставаться.
За руки ее взял брат суровый,
И едва лишь оттащил от сына,
Посадил он на коня сестрицу
40 И поехал в белое подворье.
Долго дома жить не удалось ей,
Лишь неделю побыла покойно.
Род хороший, женщина красива,
А такую сразу едут сватать.
Всех упорней был имотский кадий.

Просит брата женщина, тоскует:
«Милый братец, пожалей сестрицу,
Новой свадьбы мне совсем не надо,
Чтобы сердце с горя не разбилось
60 От разлуки с детками моими».
Бег спокоен, ничему не внемлет,
Принимает кадиевых сватов.
Просит брата женщина вторично,
Чтоб послал он белое посланье,
Написал бы просьбу от невесты:
«Поздравление шлет тебе невеста,
Только просьбу выполни такую:
Как поедешь к ней ты на подворье
С господами, сватами своими,
60 Привези ей длинную накидку,
Чтоб она свои закрыла очи,
Не видала бедных сиротинок».
Кадий принял белое посланье,
Собирает он нарядных сватов,
Едет с ними за своей невестой.
Сваты ладно встретили невесту
И счастливо возвращались с нею,
Мимо башни аги проезжали,
Увидали девочек в оконце,
70 А два сына вышли им навстречу
И сказали матери с поклоном:
«Дорогая матушка, зайди к нам,
Вместе с нами нынче пообедай».
Услыхала Хасанагиница,
Обратилась к старшему из сватов:
«Старший сват, прошу я, ради бога,
Возле дома сделай остановку,
Чтоб могла я одарить сироток».
У ворот аги остановились,
80 Матушка одаривает деток:
Двум сыночкам — с золотом кинжалы,
Милым дочкам — дорогие сукна,
А дитяти малому послала
Одеяльце — колыбель закутать.
Тут Хасан-ага ее увидел
И зовет он сыновей обратно:
«Возвратитесь, милые сиротки!

Злая мать не сжалится над вами,
Сердце у нее подобно камню».
90 Услыхала Хасанагиница,
Белой грудью на землю упала
И рассталась со своей душою
От печали по своим сиротам.

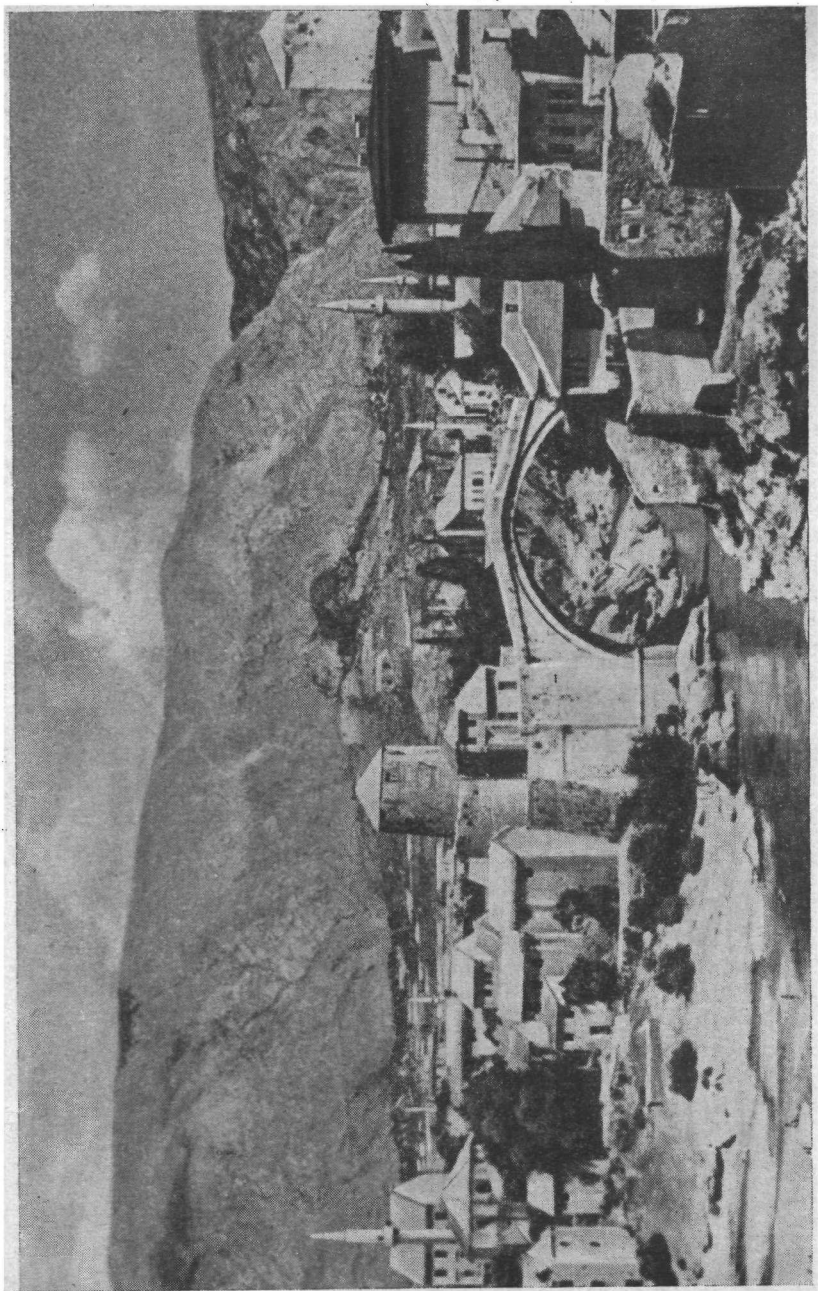
ЖЕНИТЬБА БЕГА ЛЮБОВИЧА

Сватается Любович далеко,
Сватается бег в Загорье ровном.
Люди молвят: хороша девица,
Алим-бега Ченгича сестрица.
Бег посватал, бег другой согласен,
И дарами договор скрепляют.
Золотое яблоко подносит,
Золотые кольца бег дарует,
А с перстнями сто цехинов звонких.
10 Да, немало бег казны истратил
На подарки золовкам и тещам.
Он назначил срок веселой свадьбы:
«Через двадцать дней сыграем свадьбу.
Ворочусь я в град мой Невесинье,
Сватов молодецких соберу я,
Приготовлю шелк и тонкий бархат,
Ожерелья куплю золотые».
Так сказал он, и назад поехал,
В Невесинье, в отчину, вернулся.
20 Лишь поднялся на белую башню,
Приступила мать к нему с вопросом:
«Сын мой милый, все ль благополучно?
Удалось ли девицу просватать,
Дорогую сноху и хозяйку,
Чтоб меня, старуху, заменила?»
Отвечает Любович старухе:
«Я сосватал девицу у бега,
И скрепил наш договор дарами,
И назначил с Ченгичем день свадьбы».
30 Через двадцать дней сыграем свадьбу».
Сыну мать дает благословенье:
«Счастлив будь с девицею прекрасной,

- Бог дарует вам благополучье,
Пусть удача вас не покидает!»
Только долго так не продолжалось.
Три-четыре дня все было мирно,
А на пятый посланье приходит
Из Мостара, торгового града,
От Османа, знаменосца турок.
- 40 Вот что пишет Любовичу турок:
«Невесиньский бег, меня послушай.
Я сосватал дивную девицу,
Ченгич-бега милую сестрицу.
Выбираю сватов для поездки.
В воскресенье первое отправлюсь.
Говорили разные мне люди —
Конь твой борзый всех коней быстрее,
И такого паша не имеет.
Бег, я в сваты тебя приглашаю!
- 50 Ты гнедого поведи с собою.
Повезешь ты на коне девицу.
Коль не сможешь сам ко мне приехать,
То, пошлешь ты верного Гусейна,
С ним отправишь под седлом гнедого,
Разукрасив от копыт до гривы.
Пусть-де знают, чья девица едет!
Если ж в сваты ты не соберешься,
Иль с Гусейном не пошлешь гнедого, —
В чистом поле близ белого Столца
- 60 Будешь биться со мною до смерти,
И погибнешь ты, бег, понапрасну,
Сын единый у матери бедной.
Если ж струсил, и вызов не примешь,
Вместе с прялкой ты кудель получишь,
Чтоб мне пряжу прясти на рубахи,
Чтоб все знали, что трус ты и баба».
Бег читает письмо знаменосца.
Прочитал он письмо, устранился,
И дрожать он стал, как в лихорадке.
- 70 Бег слезами лицо оmyвает.
Льются слезы по бляхам кафтана,
Льются слезы за пояс шелковый.
Смотрит скорбно на него старуха,
Вопрошает Любовича-бега:

- «Что с тобою, сынок мой любимый,
На письмо пусть молния ударит
И на руку, что его писала,
Пусть иссохнет по самые плечи!
Ты читаешь, слезы проливаешь».
- 80 Любович старухе отвечает:
«Не спрашивай, матушка родная,
Прямо в сердце письмо поразило.
Навязался змей лихой и лютый,
Лютый турок Осман-знаменосец.
Из Мостара, торгового града.
Пусть змея змею укусит эту!
Пересватал он мою невесту.
Приглашает Осман меня в сваты,
Чтобы я с конем моим явился
- 90 И повез ему девицу в жены,
Иль Гусейна послал бы в замену.
Не явлюся — на бой вызывает.
Лучше голову я потеряю,
Чем постыдно жить на этом свете.
А еще Осман мне пишет дерзко —
Коль не выйду я на поединок,
Он пошлет мне вместе с прялкой пряжу,
Чтобы прятал на порты и рубахи».
- 100 Одеялся саблю боевую;
На коня вскочить уже собрался —
Не пускает матушка-старуха.
Задрожала земля от заклятий!
Молит сына не драться с Османом.
Только видит — сын не уступает.
Расстегнула на груди застежку,
Распахнула старуха рубашку,
Показала иссохшие груди,
И сказала Любовичу-бегу:
- 110 «Если, сын мой, послушать не хочешь
Понапрасну я тебя вскормила.
Злая доля — ты еще ребенок!
Старый воин Осман из Мостара.
В семи царствах лучшего не сыщешь
Ни средь турок, ни среди гяуров.
Не играй ты буйной головою,

- Сохрани усадьбы и поместья.
Лучшую найду тебе девицу,
Из древнего посватаю рода.
- 120 Прикажи седлать коня Гусейну.
И пошли его в Мостар к Осману.
Пусть Осман не обнимет девицу,
Пусть не будет ему с нею счастья.
Пусть злословят о свадьбе Османа!»
Испугался Любович проклятья,
Испугался матери проклятья.
Он снимает саблю боевую,
Призывает верного Гусейна,
Отправляет с конем к знаменосцу.
- 130 Богу слава, единому богу!
Есть ли в мире лучше конь и краше?
И за чьей невестой он отправлен?
На коне Гусейн в Мостар уехал.
Проливает слезы бег несчастный,
Проклинает гневно знаменосца:
«Чтоб тебе невеста не досталась!»
Едет по горам Гусейн и долам.
Вот спустился в равнину Мостара.
Знаменосец смотрит с белой башни,
- 140 И коня он видит и юнака.
В беломраморном дворе встречает,
Хорошо встречает он Гусейна,
А конем любят все сваты —
Конь-огонь у Любовича-бега!
У Османа переночевали.
Ночь прошла, и рано встали сваты.
Загремели на крепости пушки,
Застучали конские копыта,
Затрубили трубы боевые,
- 150 Взвились в поле до неба знамена,
Раздаются выстрелы из ружей,
Под тамбуру конники запели,
Подхватила их песню пехота.
За Мостаром покрыли все поле.
Их немало — три тысячи сватов!
Так спустились в ровное Загорье.
Их встречает Ченгич-бег радушно.
По конюшням коней размещают.

Город Мостар, основанный в Герцеговине в XV в.

- В башню сватов на ночлег уводят.
160 Слуги ужин господский готовят,
Носят сено и овес в конюшню.
Уж промчалась заря огневая.
Закричали вестовые сватов:
«Подымайтесь, веселые сваты,
В путь готовьте себя и девицу!
Пусть подтянет пехота опанки,
Пусть подтянут конные подпруги.
От Загорья Мостар ведь не близок,
А зимою дни-то сократились,
170 По колено снег в ущельях горных —
Он погубит коней и юнаков». —
Появились два бегова брата,
И всем сватам вынесли подарки.
Как пристало одарен был каждый,
А два сына вывели сестрицу.
Передали сестру знаменосцу.
Дружка к ней коня подвел гнедого.
Вот невеста на коня садится.
Любовича конь забил копытом.
180 Вот поводья вручают Гусейну.
В путь-дорогу отправились сваты.
Только вышли к предгорьям Тимана —
Божьей воле мы будем покорны! —
Пало небо в тучи снеговые.
В страшных тучах — молнии и громы;
И подули северные ветры.
Дождь со снегом падает на землю.
И туман спустился средь полудня,
Так что сваты друг друга не видят.
190 Все смешалось — юнаки и кони.
Не найти им тропинки в теснине.
Ветер хлещет, метель добивает,
По нагорьям сватов разгоняет.
Где несчастье, там близко и счастье.
Божьей воле перечить не можем.
Хваты-сваты свернули с дороги.
Утомились их сильные кони.
Ослабляют на седлах подпруги;
Коченеют, борются с метелью,
200 Вьюга очи им запорошила.

- Конь бывалый Любавича-бега
Все тропинки и стези запомнил.
Повернул он прямо к Невесинью,
И несет он девицу-невесту.
Ухватился за хвост слуга верный.
Перед речкой быстрою Ситницею
Говорит Гусейн красе-девице:
«Если ты еще жива, девица,
Переедешь ты вброд через реку,
210 Только крепко держися за гриву.
Ты доверься коню боевому,
Отнесет он тебя к господину,
И не бойся бурного течения.
Умоляю, богом заклинаю,
Поклонись моему господину
И скажи, что Гусейн еще дышит,
И что ждет у реки господина,
Чтобы спас он Гусейна от смерти,
Коль меня в живых еще застанет».
- 220 Тут с коня промолвила девица:
«Брат Гусейн троекратно названный,
Не могу переплыть через реку.
Сердце в недрах моих замерзает,
И до плеч оледенели руки,
И язык от холода немеет.
Чувствую, что смертный час приходит.
Лучше здесь погибнуть, чем в Ситнице,
Где достанусь на поживу рыбам,
Черным ракам, скорпиям и гадам».
- 230 Умоляет Гусейн, заклинает:
«Ты не бойся, госпожа младая,
Выплывет гнедой и сам на берег
И домчится в короткое время
От реки до замка господина.
Ты не медли, пока еще в силах».
Так сказал он и коня ударил.
Бросился гнедой в реку Ситницу
И доплыл до берега другого.
Боже правый, великое чудо!
- 240 Конь увидел Любавича замок
И знакомые белые башни.
Он помчался по чистому полю,

- Как сквозь тучу молния живая.
И заржал он сколько было силы.
Ты сказал бы — зовет господина!
Конь домчался до ворот тяжелых.
Заперты тяжелые ворота.
Конь заржал и застучал копытом.
Бег услышал ржание и топот.
- 250 Говорит он матери-старухе:
«Кажётся мне, матушка родная,
Ржет мой конь перед высоким замком».
Быстро бег по лестнице спустился,
Открывает тяжкие ворота.
Он коня увидел и девицу.
Узнаёт он коня боевого.
Кто сидит на коне, он не знает.
Всадница не говорит ни слова.
И казалось, что она не дышит.
- 260 Бег откинул покров златотканый,
Увидал, узнал он и воскликнул:
«Счастлив я отныне и до века!
Вот со мной опять моя невеста!»
Хочет снять с седла свою невесту,
А не может — примерзла девица.
Что тут делать — кинжал обнажает,
И подруги он режет кинжалом.
Подхватил он седло и девицу.
И уносит на белую башню.
- 270 Бег кладет на подушки девицу,
В очаге он пламя раздувает.
Мать-старуха черный кофе варит
И приносит заморские сласти.
Возвратилась жизнь к невесте бега.
Мать сноху в черны очи целует.
Вопрошает бег свою невесту:
«Где плутали, где вы погибали?
Где остались нарядные сваты,
Где слуга мой Гусейн, слуга верный.
- 280 Жив ли, умер, борется ль со смертью?»
Рассказала девица как было:
«Господин мой, бег Любович знатный,
И смотреть на тебя я стыжуся,
Говорить с тобой я не решаюсь.

- Но несчастье робости сильнее:
Жив еще твой слуга полумертвый.
Он остался у реки Ситницы.
Если мертвым ты его застанешь,
Верного предай ты погребенью».
- 290 Лишь услышал бег слова девицы,
Вскакивает на коня и мчится,
Мчится во весь дух к реке Ситнице.
Вот уж бег на берегу Ситницы.
На другом заметил он Гусейна
И кричит ему изо всей силы:
«Жив ли ты, мой слуга, слуга верный?»
Отозваться Гусейн был не в силах.
Машет он рукой оледенелой.
Любович заметил эти знаки.
- 300 Он коня дородного ударил,
Плыть его заставил через реку,
Рассекая холодные волны.
Видит бег, что слуга его дышит.
Через седло Гусейна перекинул,
Поясом шелковым привязал он.
На коне плывет назад с Гусейном.
Всюду счастье за ним поспешает.
Невредимыми домой вернулись.
Подбежали, подскочили слуги
- 310 И Гусейна отнесли на башню.
Жизнь вернулась к Гусейну в хоромах.
День прошел, другой ему на смену.
Обвенчался бег с своей невестой.
Хвалит бога Любович веселый.
Зятю пишет и тещам посланье:
«Родственники, свойственники, знайте,
В гости к дочке в первый раз отправьтесь
Не в Мостар к Осману-знаменосцу,
А ко мне в мой город Невесинье.
- 320 Не досталась насильнику дочка,
Суженому девушка досталась».

МОСКОВСКИЕ ПОДАРКИ

- Вот несутся бисерные письма
Через всю турецкую краину.
И в диван пришли турецкий письма
Муезиту, грозному султану,
Это письма из Москвы обширной,
А с посланьем дары дорогие.
Для султана — золотое блюдо,
А на блюде — мечеть золотая,
Обвилась змея вокруг мечети;
10 На ее голове алый яхонт.
Самоцвет и темной ночью светит.
Можно с ним и в полночь в путь-дорогу,
Словно в полдень при солнечном свете.
Для царского сына Ибрагима
Посылают две острые сабли,
Перевязи из чистого злата,
А на них два драгоценных камня.
Получила старшая султанша
Колыбель из золота литого;
20 Крылья распростер над нею сокол.
Полюбились султану подарки.
Только мысли его беспокоят —
Как ему достойно отдариться.
Думает, придумать он не может.
Похваляется султан дарами
Перед всеми своими гостями.
Вот что из Москвы ему прислали!
Сам рассчитывает, может статься
Кто-нибудь его и надоумит,
30 Что послать в Москву, чем отдариться.
Тут паша Соколович приходит.
Похвалился царь ему дарами.
За пашою ходжи и кадии.
Поклонились царю смиренно,
Целовали руку и колено.
Вновь султан дарами похвалялся
И такие им слова промолвил:
«Мои слуги, ходжи и кадии,
Вы скажите вашему султану,
40 Что послать мне в московскую землю.

За подарки чем мне отдариться»?

Отвечают смиренные слуги:

«Вольный царь, государь наш любимый,

Мудростью с тобой нам не сравняться,

И тебя мы поучать не можем.

Позови ты старца патриарха.

Старый, верно, тебя надоумит,

Что послать в Москву, какой подарок

Великому царю-государю».

50 Эти речи слуг своих услыша,

Царь-султан каваза посылает

И зовет он старца патриарха.

Пред султаном старец появился,

И ему султан подарки хвалит.

А затем говорит патриарху:

«Мой слуга, патриарх престарелый,

Может быть, слуга, меня научишь,

Что в Московскую землю послать мне».

Отвечает патриарх смиренно:

60 «Царь-султан, солнце ясное в небе,

Мудростью с тобой мне не сравняться.

Бог тебя научит, сам узнаешь.

В царстве славном своем все имеешь,

Можешь ты достойно отдариться.

Дай ненужное тебе нисколько:

Старый посох Неманича Саввы,

И корону царя Константина,

И одежды Ивана Предтечи,

Князя Лазаря знамя с крестами.

70 Это всё, султан, тебе не нужно,

А в Москве твои дары оценят».

Внял султан советам патриарха,

Приготовил царские подарки,

Дал приезжим московским юнакам.

Москвитян патриарх провожает.

Им дает такое наставленье:

«С богом в путь, московские юнаки!

Не идите вы царской дорогой,

Царскою дорогой прямоезжей,

80 Но скачите окольной дорогой,

По лесу, да по горам скалистым.

Ждите вслед за собою погоню,

- Чтоб отнять у вас дары — святыни.
Не сносить мне головы, я знаю,
Это грешное тело погибнет,
Но душа не погибнет, о боже!»
Так сказал он, и с ними расстался.
Похваляется султан турецкий,
Что Москву отдал он как должно.
- 90 Вот паша Соколович приходит.
Говорит ему царь на диване:
«Знаешь ли, паша, слуга мой верный,
Что послал я в Московскую землю?
Старый посох Неманича Саввы
И царя Константина корону,
Князя Лазаря знамя с крестами
И одежды Ивана Предтечи.
Мне все это, слуга мой, не нужно,
А Москва обрадуется дару».
- 100 Тут спросил Соколович султана:
«Царь-султан, солнце ясное в небе,
Кто тебя научил это сделать?»
Царь ответил по правде, как было:
«Научил патриарх меня старый».
Отвечает Соколович тихо:
«Царь-султан, солнце ясное в небе,
Отдал ты святыни Цареграда.
Почему не послал с ними вместе
Золотые ключи от Стамбула?»
- 110 Силою отдать ключи заставят!
Ведь стояло на этих святынях
И держалось турецкое царство».
Понял царь, что Соколович молвил,
Говорит паше султан турецкий:
«Поспеши, паша, слуга мой верный,
Собери янычар поскорее,
Догони московское посольство,
Отними царьградские святыни,
И московских перебей юнаков!»
- 120 Исполняет паша приказанье.
Он скликает янычар турецких.
Мчатся по дороге прямоезжей,
Чтоб настичь московское посольство.
Но юнаков они не догнали.

- И ни с чем возвратилась погоня.
Тут сказал паше султан турецкий:
«Поспеши, паша, слуга мой верный,
И прикончи старца патриарха».
Исполняет паша приказанье.
- 130 Он немедля схватил патриарха.
Соколовичу старик промолвил:
«Ты помилуй, паша, и помедли,
Не губи меня на твердой суше,
Коль убьешь, то земля обернется
И три года не даст урожая».
Тут паша послушал патриарха
И ведет его к синему морю.
Снова старец его умоляет:
«Ты помилуй, паша, и помедли,
- 140 Не губи меня у синя моря,
Ибо время за мной обернется
И подымет моря и озера,
И поглотит ладьи и галеры,
С четырех сторон нагрянут волны
И зальют и потопят всю землю».
Обмануть хотел пашу владыка,
Но паша не поддался обману.
Он взмахнул своей острою саблей
И убил старика патриарха.
- 150 Дай, господь, ему в раю блаженство,
Нам же, братья, здоровья и счастья.

ПОХОД ТУРОК НА ВЕНУ

- Собирает царь турецкий войско
Из восточных сирийских пределов,
Лютых турок из-под Сегедина,
Цареградских злобных янычаров.
От Святой Горы татар позвал он,
Арнаутов от синего моря,
Храбрых бегов из Герцеговины,
И боснийских витязей славных.
Он идет на кесареву Вену.
- 10 Дал султан на Драве отдых войску;
Восемь дней там войско отдыхало:
Притомились кони и юнаки.

- Настилали турки мост чрез Драву,
Да возили через реку пушки.
Царь оттуда войско отправляет,
Ударяет на немецкий лагерь.
Истребил он в лагере всех немцев.
Но султан добычи там не ищет,
А идет напрямиком на столицу.
- 20 С четырех сторон он бьет по Вене.
Как с одной — палит из тяжких пушек,
Как с другой — идет на приступ турок,
С третьей стороны ведет подкопы,
На четвертой — он ставит мортиры.
Разрушает город, не жалея.
Покарает правый бог злодея!
Было ведро, было ясно небо,
А потом на Вену пала туча,
И святой проговорил из тучи:
- 30 «Ты не бойся, Вена, город крепкий!
Ты не бойся, кесарь, грозных турок!
Меж успеньем матери господней
И ее рождеством будет помощь.
С трех сторон пошлю я вам подмогу.
С облаков польется дождь рекою
И подмочит порох и оружие,
И обозы в лагере турецком.
Ожидай трех королей союзных,
Разобьют под Веной войско турок
- 40 И возьмут они пушки султана».
Пишет письма кесаря супруга
И в Москву те письма посылает.
«О, король московский, мой приятель,
Если ты женить решился сына,
То невеста — кесарева дочка.
Ты пошли нам сына Михаила:
Пусть под Веной разобьет он турок».
Обложил султан войсками Вену,
Половину города забрал он
- 50 До Ружицы и Марьиной церкви.
Уж муллы сзывают правоверных
С колоколен, будто с минаретов.
Тяжело пришлось нам от турок:
Там, где лютых арнаутов лагерь,

- Беспреданно пушки громыхают,
А со стороны анатолийцев
Всадники турецкие тревожат.
Где палат румелийские турки,
Рушатся там стены городские.
- 60 Где боснийские спахи стали,
Нет конца и края нападениям.
Получил письмо король московский.
Сын его Михаил вопрошает:
«Ты скажи, отец, король московский,
Кто прислал письмо нам и откуда?»
Отвечает король Михаилу:
«Михаил мой, чадо дорогое!
Шлет посланье кесаря супруга,
Моя сватья, а твоя-то теща.
- 70 Пишет — если повенчаться хочешь,
Повенчаться с кесаревой дочкой,
Собери ты могучее войско,
И разбей под Веной басурманов».
Королю Михаил отвечает:
«О родитель мой, король московский,
Я непрочь на девушке жениться,
На девушке веры православной.
Только пусть постится венский кесарь
Как следует в пятницу, да в среду,
- 80 И в посты — в году четыре раза.
Разобью под Веной лютых турок,
Чтоб султан не полонил царевну».
Как услышал это кесарь в Вене,
Он вздохнул, однако согласился
Соблюдать и пятницу и среду,
И четыре поста годовые.
Королевич собирает войско.
Он собрал уж триста тысяч войска,
Но ему все кажется, что мало.
- 90 С войском он идет к соседним ляхам,
Подымает ляхов и поляков.
Как дошел до Якубовой церкви,
Тут немного отдохнул он с войском.
Причастил его и перестроил.
В церкви взял священные хоругви.
На хоругвях кресты золотые,
А в крестах играют самоцветы,

- Темной ночью будто днем сверкают.
Вот и к Вене Михаил подходит.
- 100 Вдруг средь ночи под стенами Вены
Засияли берега Дуная.
Это видят визири султана
И султану радостно доносят:
«Оттоманский царь, владыка мира,
Вознесем хваления аллаху
И его святому — Магомету!
В небе солнце с запада восходит!
Отуречили мы город Вену.
Покарали мы землю неверных.
- 110 Вот два солнца ясные родились.
Завтра всей столицей овладеем.
Самого же кесаря погубим
И казну его себе добудем».
Поглядел на запад царь турецкий
И ударил в грудь себя рукою.
«Чүприлич-визирь, сказал ты глупость.
Солнце с запада тебе на горе.
Это помощь кесарю подходит.
Мы ее увидим завтра утром:
- 120 Там блещут московские знамена.
Трижды я сражался с москвичами,
И три раза я бежал пред ними,
Но ни разу гнать их не случалось».
Появился Михаил с войсками.
Вот подходит к Вене королевич.
Вот дошел он до Ружицы-церкви.
Заалелась заря золотая,
Появилась на небе денница,
И кричат глашатаи младые
- 130 По всему по гяурскому войску:
«Не берите вы длинные ружья,
А хватайтесь за острые сабли,
Нападайте на лагерь турецкий!»
Боже правый, честь тебе и слава!
Вот столкнулись два сильные войска:
Оттоманский царь перед турецкой,
Михаил — пред христианской ратью.
Закричали быстрые чауши,
Зазвенели звонкие литавры,

- 140 Понеслись конники-татары,
Вся земля под Веной задрожала.
У гяуров почитай все целы,
А у турок осталось немного;
Лишь султан уцелел в этой битве,
Матери своей на радость спасся!
По Дунаю тихому плывет он,
Озирается трижды на Вену,
Говорит султан турецкий Вене:
«Город Вена, что смотришь сурово,
150 Что хотел ты, то со мной и сделал!
Если стены твои я разрушил,
То за это заплатил сторицей.
Чудный дар тебе оставил, Вена,
Можешь ты отстроиться, столица,
Шестоперами и топорами,
Брошенными в лютой битве нами,
Не считая серебра и злата.
Но клянусь моею крепкой верой
И постом турецким рамазаном,
160 Что покуда солнце в небе светит,
И плывет по небу ясный месяц,
Не пойду я войною на Вену».

НАЧАЛО ВОССТАНИЯ ПРОТИВ ДАХИЕВ

- Что за чудо, боже милосердный!
Все стремилось в Сербии злосчастной
Взбунтоваться и переметнуться,
Чтоб приблизить страшный суд господний.
Лютой ссоре старшины не рады,
И не рады нахлебники-турки —
Радуются бедняки-крестьяне,
Что не в силах заплатить налоги,
И насилья терпеть не желают.
10 Радуются в небесах святые.
Кровь вскипела из земного чрева.
Час наш пробил — воевать должны мы,
Чтобы кровь лилась за крест и веру,
Чтобы предков омыть прегрешенья.
Начинают в небе бой святые.

- Появились знаменья и знаки
В ясном небе над сербской землею.
Продолжалось первое явленье
От Трифона до святого Юрья.
- 20 Каждой ночью месяц затмевался,
Чтобы сербы взялись за оружие;
Только сербы воевать не смели.
И второй раз дали знак святые.
В Юрьев день начались явленья
И до Дмитрова дня продолжались.
Обагранные кровью знамена
Пó небу над Сербией неслися,
Чтобы сербы взялись за оружие;
Только сербы воевать не смели.
- 30 Вот святые в третий раз явились.
Гром раздался в день святого Саввы,
А зимою грозы не бывает.
Наступили честные вериги,
И блеснула молния на небе,
Потряслася земля до востока,
Чтобы сербы взялись за оружие,
Только сербы восстать не посмели.
Знамения снова появились:
Над Сербией в ясном вешнем небе
- 40 Потемнело солнце в поднебесье
На святого Трифона весною,
Помрачилось трижды в ясном небе,
Заблестало трижды на востоке.
Это видят турки из Белграда,
Семь дахийев, что в башне засели:
Аганлия и Кучук Алия,
Молодые Фочичи, два брата,
Магомет-ага с агою Мусой;
Подчинились все' мулле Юсуфу,
- 50 Он прозвался великим дахием.
Жадный Дервиш-ага вместе с ними,
Янычаров обозный начальник;
Вместе с ними и Фочо столетний.
Собрались семь дахийев турецких
У стамбульской заставы в Белграде.
В пурпурных плащах сидят дахии;
Смотрят на небо, слезы роняют.

- «Видишь, кардаш, чудные явления,
Это, йолдаш, не к добру приметы».
- 60 Принесли они большую чашу,
Зачерпнули воды из Дуная,
На Небойшу башню поднялись
И поставили чашу на башню.
Захватили в стеклянную чашу
Отраженье звезд на ясном небе,
И гадают, что судьба пошлет им,
Что им в небе звезды предвещают.
Над стеклянной чашею склонились,
Наклонились дахии и смотрят.
- 70 Каждый в звездной воде отразился;
Видит каждый своими глазами —
Без голов их качаются трупы.
Помрачались, смутились дахии,
Боевые топоры схватили
И разбили стеклянную чашу.
С белой башни бросили осколки
В голубые дунайские воды.
Пусть она не будет на потребу!
Огорчились турки, рассердились.
- 80 Быстро сходят с Небойши дахии,
С белой башни Якшича Стефана.
Близ Небойши — главная кофейня.
Молча входят дахии в кофейню.
Развалились на мягких подушках.
Старец Фоча на месте почетном.
Закричали грозные дахии:
«Поспешите, ходжи и ваизы,
Принесите священные книги,
Посмотрите, что книги пророчат,
90 И узнайте, что судьба готовит!»
Прибегают ходжи и ваизы,
Открывают священные книги;
Смотрят в книги и слезу роняют,
И пророчат дахиям их судьбы:
«Турки, братья, храбрые дахии,
Вот что книги святые вещают:
Знаменья такие объявились
Некогда над сербскою землею.
Пять столетий с тех пор миновало.

- 100 И тогда погибло царство сербов,
И тогда мы царство покорили,
Двух царей неверных мы убили:
Константина среди Цареграда
Возле Шарца, возле речки холодной,
Лазаря на Косове широком.
Тяжко ранил Обилич султана,
Только Милош не убил султана.
И пока мы царство покоряли,
Был в живых Мурат — султан турецкий.
- 110 Перед смертью позвал он визирей.
«Турки, братья, царство покорил я.
Умираю, — вам досталось царство.
Вы запомните, что завещаю,
Чтобы долго длилось ваше царство.
Слишком раю вы не притесняйте,
Хорошо вы обращайтесь с раей.
Дань берите — пятнадцать динаров,
И не больше, чем тридцать динаров, —
А других налогов не взимайте.
- 120 Не дерите с бедняков вы кожу,
Оскорблять не должны их обычай.
Христианских церквей не касайтесь,
И за смерть мою рае не мстите.
Если Милош меня тяжело ранил —
Переменно военное счастье.
Управлять вы не можете царством
Сидючи, раскуривая трубки.
Не должны вы распугивать раю,
Чтоб от вас в лесах скрывались люди.
- 130 Будьте рае как отцы родные —
Ваше царство будет долговечно.
Если вы не внемлете совету,
Притеснять вы подданных начнете,
Потеряете сербское царство».
Умер царь Мурат, а мы остались.
Не послушали его заветов,
Притесняли и мучили раю,
Веру подданных мы попирали,
Умножали с каждым днем несчастья,
- 140 Измышляли новые налоги, —
Согрешили пред богом единым.

- Знаменья на небе появились.
Верно кто-то царство потеряет.
Вы не бойтесь королей гяурских —
На царя король пойти не смеет:
Королевство не справится с царством;
Так устроено богом всевышним.
Опасайтесь неимущей раи.
Коль с киркой подымется мотыга, —
150 Будет тяжело агам и спахиям
От Дуная до Мекки с Мединой!
В Сирии заголосят кадуны,
Огорчит их восставшая рая.
Турки, братья, храбрые дахии,
Предвещают священные книги,
Что сгорят дома и башни ваши,
Прорастет трава среди развалин,
Головы отрубят вам гяуры,
Паутина мечети покроет,
160 И замолкнут навек минареты.
Опустеют царские дороги,
По которым проезжали турки.
Где звучали конские копыта,
Будут травы расти полевые.
След простынет турок на дорогах,
И никто их больше не увидит.
Так сказали священные книги». —
Это слыша, семь дахий турецких
Опустили головы лихие,
170 Молча смотрят пред собою в землю.
Спорить с книгами они не могут,
Ни отвергнуть то, что в них сокрыто.
Бороду столетний Фоча крутит,
Бороду грызет старик зубами.
Не умеет толковать он книги.
Удивился Фоча, убоялся.
Магомет-ага, бесстрашный Фочич,
Не поникнул головой, воскликнул:
«Убирайтесь, ходжи и ваизы,
180 Правоверных зовите к молитве,
Как положено вам ежедневно,
О судьбе вы нашей не заботьтесь.
А пока ума мы не липились

- И владеем белградской твердыней,
Мы способны управлять Белградом
И в нахиях беспомощной раей.
Если короли напасть не смеют,
Нам ли бедной раи опасаться?
Семь дахий в этом граде собралось.
- 190 Мы владеем немалым богатством,
Чем владеем? Золотом червонным!
Мы богаты — в сундуках дукаты.
Всех богаче четыре дахии:
Аганлия и Кучук Алия,
А мулла Юсуф их не беднее.
Мы владеем богатством несметным,
Золотом наполнены подвалы.
Если вчетвером мы сговоримся,
Если встанем, бряцая ключами,
- 200 И откроем склады и подвалы,
Если бросим на улицу деньги,
Мы солдат наберем за дукаты.
Пусть четыре великих дахии
Верных нам наемников поделят
На четыре части, словно братья,
Чтоб пойти из города Белграда
Чрез семнадцать нахий нам подвластных.
Главарей мы сербских уничтожим,
Воевод и вожakov народа,
- 210 Сельских старост на куски изрубим,
Всех попов, учителей погубим.
Пощадим лишь детей несмышленных,
Семилетних детей неразумных, —
Дети будут настоящей раей,
Будут туркам служить, не бунтуя.
Оборкнязя уьем Палалию,
Из деревни Бэгалицы сербской —
Стал пашою, а я субашою! —
Мы погубим старшину Ивана,
- 220 Из Ландова, малого местечка —
Стал пашою, а я субашою!
Мы уьем Станоя из Зебка —
Стал пашою, а я субашою!
Мы погубим Яковлева Стеву
Из Лиёва, гайдуцкого стана —

- Стал пашою, а я субашою!
С ним уьем из Крестницы Ивана
И двух братьев Чарáпичей грозных,
Что гнезятся в селе под Авалой,
230 Ведь напасть на Врачар они могут,
Турок запереть в стенах белградских —
Вот паши, я же стал субашою!
Попадется нам Черный Георгий,
Из Топóлы, гордой и богатой,
Тот, что с венским кесарем торгует;
Он купить всю муницию может
В Варадине, крепости австрийской,
И оружие для своих подручных.
Верно с нами войну замышляет.
- 240 Он царит, — я гяура приказчик!
Мы уьем Николу протопопа
Из села большого Ритапека,
Стал пашою, а я субашою!
Мы казним Георгия Гузоню,
Вместе с братом Арсением дерзким,
Из большого села Железника.
Могут братья Топчидер отрезать.
Мы погубим протопопа Марка
Из села Остружницы большого —
250 Стал пашою, а я субашою!
Двух игуменов с ним обезглавим,
Ходжи Джеру и Ходжи Рувима;
Жидким золотом они умеют
Выводить чуть заметные буквы.
На дахиев доносят султану,
Дерзкие дают советы рае —
Вот паши, а мы, дахии, слуги!
Бирчанина мы Илью погубим,
Оборкнязя в Подгорине ровной,
260 Слишком стал Илья силен и дерзок.
Всюду на коне арабском скачет;
Водит он на поводу другого.
За лукою он палицу прячет.
Длинные усы он отпускает,
Под колпак соболий направляет.
Видеть турок у себя не хочет.
Если турка найдет он в нахии,

- Турку ребра палицей ломает,
А когда умирает несчастный,
270 Он кричит своим лютым гайдукам:
«Бросьте, слуги, пса, да в те овраги,
Где и ворон костей не отыщет!»
А когда он по́дать нам приносит,
На диван он с оружием входит,
Правой держит ручку ятагана,
А рукою левой платит деньги:
«Вот тебе, Мехмед-ага, налоги,
Бедняки приветствуют дахию;
Больше дать тебе они не могут».
- 280 Пересчитывать я стану деньги,
Он начнет стрелять в меня глазами:
«Не к чему, Мехмед-ага, стараться,
Я уже пересчитал налоги».
Я не смею считать, повинуюсь,
Рядом на пол кошелек бросаю.
Только жду, чтоб ушел поскорее.
И смотреть на него мне противно!
Стал пашою, а я субашою!
Мратишичи есть село большое,
- 290 Старшиной там Грбович Никола, —
Стал пашою, а я субашою!
Поскорее убить его нужно.
Двух Ненáдовичей мы погубим,
Что засели в вальевской нахии,
Братьев Якова и Алексея.
Всем известно, когда воевали
Венский кесарь и царь наш великий,
Офицерами кесаря были
И полковниками прозывались,
- 300 Золотыми касками кичились.
Заняли турецкие касабы,
Захватили и огнем спалили.
Только после заключенья мира
Передались султану на милость.
Каждый стал начальником уезда,
И султану доносят на турок.
Семь пашей они оклеветали,
Очернили, а потом убили —
Вот паши, а мы, дахии, слуги!

- 310 Оборкнязя погубим мы Станка
Из посавской Лютицы богатой.
Порешим Мартиновича Лазу,
Главаря Мачванского уезда —
Стал пашою, а я субашою!
Ружичичу голову мы скинем,
Предводителю поцерских сербов —
Стал пашою, а я субашою!
Рачу монастырь сожгу на Дрине,
И хожу Мелентия прикончу,
320 Он в гяурскую ходил Каабу,
Через сине море переплыл он.
Побывал ходжа и у султана,
И фирман получил он в Стамбуле
За сто звонких червонных дукатов,
Чтоб неверным монастырь построить,
За семь лет построить им обитель;
А построил он за год неполный.
С той поры уже шесть лет минуло.
Рядом с церковью он строит башни;
330 Набивает муницией башни.
Темной ночью он подвозит пушки;
Видимо, надеется на что-то.
Проберемся мы в села и веси,
И в нахиях мы старост погубим,
Чтобы рая нам не досаждала». —
Тут вскочили на ноги дахии,
Магомету низко поклонились:
«Магомет-ага, тебе спасибо!
Создан ты аллахом для правленья;
340 Будешь ты главою и пашою.
Слушаться тебя всегда мы будем». —
Старый Фоча говорит дахиям:
«Что за парень, умник и разумник,
Хочет быть пашой, сказав все это!
Магомет-ага, возьми солому,
В руки белые возьми солому
И махни над пламенем соломой.
Разве пламя соломой погасишь?
Нет, сильнее огонь разгорится!
350 Можете вы с помощью аллаха
Храброе набрать за деньги войско

- И с победой пройтись по нахиям.
Одного из главарей плените,
Обманув его ложною клятвой —
Потеряете к туркам доверье.
Одного убьете — два спасутся,
Двух убьете — четыре спасутся.
Беглецы подожгут ваши башни,
И от рук их погибнут дахии.
- 360 Так не делайте, остерегитесь!
И послушайте старца совета.
Я в священное смотрел писанье:
Наше царство долго не продлится.
Не останется нам это царство.
Будьте с раей, сыновья, добрее,
Сбавьте рае тяжкие налоги,
Следуйте словам царя Мурата,
Откажитесь от дани и пени.
Побратайтесь с главарями сербов,
- 370 Подарите им коней арабских,
Старостам — недорогих лошадок,
И с попами сербскими дружите.
С ними рядом так мы уживемся —
Наше царство здесь недолговечно.
А к чему вы копите богатство?
Коль его в муку вы превратите,
Вы до смерти съесть его не в силах».
- Магомет-ага ответил дерзко:
«Понапрасну, отец, говоришь ты!»
- 380 Так сказал он, на ноги вскочил он,
Остальные вместе с ним дахии.
Понаставили пушек на стены,
И за деньги наняли войско,
Поделили на четыре части.
Аганлия и Кучук Алиа,
Старший Фочич с муллою Юсуфом
На-четверо разделили войско.
Городские открыли ворота
И пошли на суд и на расправу
- 390 Чрез семнадцать нахий из Белграда.
Палалию они обманули,
Сербского начальника из Гроцки,
И казнили его близ Дуная.

Погубили в краю колубарском
Старшину Станбя из Зебка,
Обманули его и убили
Во дворе его белом дахии.
Обманули Чарапича Марка,
Заманили турки и убили,
400 И Гагича Янка, командира
Из Болеча, малого селенья.
Погубили они Теофила,
Из Орашья, начальника сербов,
С ним Петра, старшину из Ресавы.
Обманули командира Мату
Близ Крагуевца в славной нахии,
И его, молодого, убили.
В монастырь Моравицу спустились
И прикончили архимандрита,
410 Ходжи Джеру, заступника сербов,
А в Белград отправили Рувима.
Там, в Белграде, Рувима казнили.
Рыщут турки в вальевской нахии;
Грбович почувствовал опасность —
Магомету-аге не попался.
Турок встретил оборкнязь Алекса.
Бирчанин Илья навстречу вышел.
Магомет-ага связал им руки
И на мост на реку Колубаре
420 Приказал он отвести старейшин.
Тут увидел оборкнязь Алекса,
Что решился турок их прикончить,
Магомету Фочичу сказал он:
«Магомет-ага, твое господство,
Подари мне жизнь, как в битве дарят.
Шестьдесят дам кошельков цехинов».
Магомет-ага ему ответил:
«Не пущу я Алексу на волю
И за сто кошельков с золотыми».
430 Бирчанин Илья тогда взмолился:
«Магомет-ага, твое господство,
Вот тебе сто кошелеев дукатов!
Подари мне жизнь, как в битве дарят».
Отвечает Бирчанину Фочич:
«Эй, Илья, не говори пустое!

- Кто отпустит волка в лес и горы.
Палачу тут крикнул лютый Фочич.
Обнажил палач кривую саблю,
Голову отсек Илье проклятый.
- 440 Сел на мост Алекса и воскликнул:
«Пусть господь тех христиан накажет,
Кто поверит турецкому слову!
Яков, брат мой, не верь басурманам,
А готовься, напади на турок!»
Он хотел еще слово промолвить,
Но палач не позволил Алексе;
Голову Алексе отрубил он.
Так погибли старейшины сербов
На середине реки Колубары,
- 450 Бірчанин с Ненадовичем вместе.
А Рувима в твердыне белградской
В тот же день, в тот же час порешили,
И померкло солнце над вождами.
Магомет-ага спешит к деревням,
Чтоб еще кого-нибудь прикончить.
Только сербы, узнав о несчастье,
Убежали из сел и предместий.
К Магомету никто не явился.
Это видя, белградский дахия
- 460 Тотчас понял — поступил он глупо.
Пожалел он обо всем, что сделал,
Только каяться было уж поздно.
Он позвал двенадцать делибашей
И слугу любимого Узуна:
«Слушайте, о соколы степные,
Самых лучших коней оседлайте,
Поспешите вы в село Тополу,
Черного Георгия убейте!
Если убежит от нас Георгий,
Нас большая беда ожидает».
- 470 Поклонились ему делибаши.
Самых лучших коней оседлали.
Перед ними — Узун, слуга верный,
И помчались в селенье Тополу
Вечером пред самым воскресеньем.
Прискакали в воскресенье утром,
Только в небе заря заалела.

- Окружили дома и усадьбу,
Черного Георгия владенья.
- 480 Закричали турки во всю глотку:
«Выходи скорей, Карагеоргий!»
Змея лютото ты не обманешь!
Приучился-то Черный Георгий
До зари всегда вставать с постели,
Умываться и молиться богу,
Также выпить стаканчик ракии.
В погреба спустился он под домом.
Турок он увидел и услышал.
Не хотел он выйти им навстречу.
- 490 А жена его туркам сказала:
«Дома был он, турки, этой ночью.
Что вы ищете здесь в это время?
Лишь недавно гулял перед домом
И куда-то ушел мой Георгий,
Но куда ушел он, я не знаю».
Слышит это Георгий и видит,
А когда пересчитал злодеев,
В полку он ружья подсыпал порох,
Взял свинца и выпил чашу водки
И к жилищам пастухов прокрался.
- 500 У хлевов нашел своих чабанов,
Разбудил он двенадцать чабанов,
И такое им слово промолвил:
«Мои братья, двенадцать чабанов!
Поспешите, хлевы отворите,
Выпустите всех свиней на волю,
Пусть повсюду разбредутся свиньи.
Вы приказ мой исполните, братья,
Пороха подсыньте в полки ружей.
- 510 Если бог мне сегодня поможет
В том, что сделать я намереваюсь,
Вознесу я вас, братья, высоко,
Окую вас в серебро и золото,
А одену в шелк и тонкий бархат».
Поспешили охотно чабаны,
Из хлевов свиней повыгоняли,
В полку ружей подсыпали порох,
И пошли за Георгием Черным
Прямо к дому, за кустами прячась.

- 520 А как только увидели турок,
Чабанам сказал Георгий Черный:
«Наведите вы ружья на турок,
Только в турок, братья, не стреляйте
Раньше, чем я выстрелю в Узуна.
Вы увидите, что с ним случится!»
Слугам так сказал Георгий Черный,
Лег на землю и выстрелил в турка.
Загремело ружье боевое —
Для ружья всегда найдется порох!
- 530 Мертвый пал Узун с коня на землю.
Это видя, двенадцать чабанов
Ружья навели свои на турок:
Шесть упало всадников Узуна,
Шесть успело ускакать и скрыться.
Собирает Георгий дружину,
По Топóле народ созывает,
Мчится он за турками в погоню.
В Сибнице настигли турок сербы,
Там в харчевне заперлися турки.
- 540 Не увидят их матери больше!
Окружил их Георгий с дружиной.
Кликнул клич по Сибнице богатой.
Все крестьяне к нему прибежали.
Сто юнаков вступило в дружину.
Окружили, подожгли харчевню.
Трое турок там живьем сгорело,
Выскочили на улицу трое.
Их прикончили саблями сербы.
На все стороны Черный Георгий
- 550 Посылает главарям посланье,
Сельским старостам во все нахии:
«Субашу своего вы убейте,
Жен, детей сокройте в чащу леса».
Прочитали старшины посланье, —
Как сказал Георгий, поступили.
Не сидели они, выжидая,
Опоясались саблями сербы.
Субашей по селам перебили
И сокрыли семьи в чащах леса.
- 560 Сербов взбунтовал Георгий Черный,
Начал с турками лютую свару.

- Проскакал по нахиям Георгий.
Сжег посты сторожевые турок,
Разорил турецкие именья.
Не падал он ни мужчин, ни женщин.
На-смерть турки с сербами схватились.
Турки думали — бессильна рая —
Крепостями рая завладела!
Из земли, как трава, возникает.
- 570 В города попряталися турки,
К городам Георгий подступает.
И кричит его глашатай громко:
«Слушайте, о турки-горожане!
Отворите тяжкие ворота,
Выдайте насильников турецких;
Если мирно дальше жить хотите,
Чтобы царских городов не рушить,
Если ж выдать их не захотите —
Рая эти стены подымала,
- 580 Девять лет их строила с терпением,
А за день их может уничтожить.
И с царем самим затеем ссору!
Если же с царем начнем мы ссору,
Семь нас королей смирить не смогут,
Хоть бы все они мирить нас стали —
Будем биться, пока не погибнем».
Проливали слезы горожане,
Говорили Георгию турки:
«Бег Георгий, сербский предводитель,
- 590 Все дадим, что только просит рая.
Городá пощадите султана,
И не ссорьтесь с царем и Стамбулом!
Выдадим мы насильников-турок».
Горожане-турки раскрывают,
Раскрывают широко ворота,
Выдают насильников-злодеев,
Насильников, турок-дармоедов.
Передали их в сербские руки.
Богородица и боже правый!
- 600 Ухватили сербы злобных турок,
Повели их по чистому полю,
А одежду с насильников сняли.
Сняли шубы и полукафтаны,

- И чалмы, оставив тюбетейки.
 Без сапог и без туфель вели их,
 И босых шестоперами били —
 «Эй, баша, куда ты дел налоги?!»
 С обнаженной саблею Георгий
 Посредь поля им головы рубит.
- 610 А когда всех турок перебил он,
 Всех насильников-турок прикончил,
 В городские вошел он ворота.
 В городах судил Георгий турок.
 Тех, кто казнь заслужил, казнил он,
 Тех, кто сдались в полон, полонил он,
 А желавших креститься — крестил он.
 Завладел всей Сербией Георгий.
 Окрестил он сербские пределы,
 И своим крылом от бед прикрыв он —
- 620 От Видина до широкой Дрины,
 От Косова поля до Белграда.
 Дрине так сказал Георгий Черный:
 «Дрина, благородная граница,
 Сербии и Боснии богатой,
 Верно вскоре приблизится время,
 Через твои переправлюсь я волны,
 Разгуляюсь по Боснии славной».

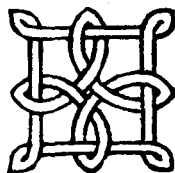
БОЙ НА МИШАРЕ

- Полетели два ворона черных,
 Полетели с мишарского поля;
 Миновали Шабац, город белый.
 Птичьи клювы до очей кровавы,
 Птичьи ноги до колен кровавы.
 Пролетели над Мачвой богатой,
 Пролетели над бурною Дриной,
 Пролетели над Боснией славной,
 Опустились в области проклятой,
- 10 Там, где Вакуп, злое городище,
 На Кулина-капитана башню.
 Появилась кадуна Кулина,
 Появилась, так им говорила:
 «Побратимы, вороны степные,

- Вы давно ли от сербской границы,
От Мишара широкого поля,
И от Шабца, от белого града?
Вы видали ль турецкое войско,
Там близ Шабца, близ белого града,
- 20 И средь войска старейшин турецких?
Господина видели ль Кулина,
Капитана храброго Кулина,
Начальника стотысячной рати?
Он поклялся царю и владыке,
Что смирит он сербские нахии,
И от раи соберет налоги,
Черного Георгия поймают
И живого привезет к султану;
Что казнит он начальников сербских,
- 30 Тех, что ссору начали и драку.
Черного Георгия поймал ли?
Посадил ли он Якова на кол?
Ободрал ли Кулин с Луки кожу?
И живьем ли Цинцара изжарил?
Зарубил ли Чупича ханджаром?
Растерзал ли Милоша конями?
Усмирил ли землю злобных сербов?
Войско скоро ль в Боснию вернется
Капитана храброго Кулина,
- 40 Скоро ли увижу господина?
Скот из Мачвы гонят ли рогатый?
Сербских пленниц водят ли покорных,
Чтоб мне верно служили до смерти?
Мне скажите, когда он вернется,
Чтобы вышла к нему я навстречу!»
Отвечают две черные птицы:
«Ой, кадуна милая Кулина,
Добрбе поведать мы хотели б,
Но не можем, а скажем как было.
- 50 Мы недавно от нижней границы,
Прилетели от белого Шабца,
Миновали мишарское поле,
Мы видали турецкое войско,
Что собралось у белого Шабца.
Мы видали старейшин турецких,
Средь старейшин твоего владыку,

Капитана храброго Кулина.
Черного Георгия застали
На мишарском на широком поле.
60 С ним пятнадцать тысяч храбрых сербов,
А сто тысяч турок у Кулина.
Мы там были и видели сами,
Как два войска столкнулись на поле,
На широком на мишарском поле,
И как сербы с турками рубились.
Пред турецким — был Кулин твой храбрый,
А пред сербским — Георгий Петрович.
Сербы турок в битве одолели.
Пал Кулин-капитан на Мишаре,
70 Поразил его Черный Георгий;
Тридцать тысяч с ним убито турок.
Там погибли старшины боснийцев,
Избранные лучшие делии
Из пределов Боснии скалистой.
В путь обратно Кулин не сберется,
Не вернется никогда обратно,
Не надейся — его не увидишь.
Ты для войска корми, пои сына —
Усмириться Сербия не может...»

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЭПОС СЕРБСКОГО НАРОДА

Так проходят годы за годами.
Время башни возводит в Котарах.
Время строит, время разрушает.
Пусть же длится пляска круговая!

(Песня о Джержелез-Али)

1. История и эпическая память

Древнейший период истории южных славян на Балканах не отразился в сербском народном эпосе. Гусляры почти не упоминают первых правителей из рода Неманьичей (конец XII—XIV вв.). Мы не знаем песен о борьбе сербов с Византией, Венгрией и Болгарией. Воеводы, вельможи, юнаки эпохи средневековья были забыты. Если и упоминаются имена Неманьичей, то почти исключительно как основателей и ктиторов монастырей и храмов. Эти перечисления несомненно книжного и, вероятно, позднего происхождения¹. Равным образом к церковным источникам восходят сюжеты песен о святом Савве Сербском (ок. 1174—1235 гг.), сыне основателя династии Стефана Неманьи.

В бурной и кровавой истории Неманьичей можно найти «дантовские» и «шекспировские» образы, которые могли бы вдохновить народного певца и вызвать интерес его слушателей. Вспомним хотя бы короля Милутина (1282—1321 гг.), современника автора «Божественной комедии». Данте упомянул его как фальшивомонетчика, фабриковавшего низкопробные дукаты по венецианскому образцу —

... или серб,

завистник венецейского чекана.

(«Рай», XIX, 140—141, пер. М. Лозинского)

¹ Ст. Станојевић. Неколико бележка о народној традицији. — «Прилози проучавању народне поезије». Београд, 1935, св. 1.

Военные успехи Милутина, особенно в Македонии, заложили основу сербского царства².

В народном эпосе не отразился трагический образ Стефана Дечанского, наследника Милутина, ослепленного отцом и убитого сыном. Только его сын — Стефан Сильный, провозгласивший себя в 1346 г. «царем сербов и греков», вошел в народную песню. Мотивы о Стефане Сильном и его сыне, царе Уроше (1355—1371 гг.), свидетельствуют о распространении традиции, связанной с темою распада и гибели сербского государства. Стефан Сильный завоевал всю Македонию и северную Грецию. Он основал сербскую патриархию и тем самым навлек на себя проклятие константинопольской церкви. Стефан собирался было покорить Царьград, но скоропостижно умер близ Призрена. В это время царевичу Урошу было 18 лет. При нем феодальная раздробленность, начавшаяся уже в царствование Стефана, достигла своего апогея. Брат Стефана Сильного Симеон (Синиша) в 1356 г. объявил себя царем. В его владениях были Албания и Северная Греция. Смута на юге царства окончилась смертью Симеона и пострижением его сына в монахи.

В это смутное время вошли в силу три брата Мрнявчевичи — из малых феодалов заданных приморских краев. Неизвестно даже точно, кто был отцом Мрнявчевичей — короля Вукашина и деспота Углеши (о третьем брате, упомянутом в эпосе, воеводе Гойко, исторические документы молчат). В 1346 г. при царе Стефане Углеша был наместником г.Требинья в Герцеговине. Затем Углеша стал правителем (деспотом) юго-восточной Македонии. Углеша вел совершенно независимую от сербского царя политику, помирился с греческой церковью и в борьбе с турками опирался на византийцев. В 1350 г. Вукашин упомянут как жупан (правитель области) города Прилепа в Македонии. Постепенно Мрнявчевичи завладели западной Македонией от Вардара до Албанских гор, захватили Скопле, бывшую столицу царства, и старый архиепископский центр Охрид. Вукашин, не удовлетворившись титулом деспота, который даровал ему Урош, объявил себя «королем сербов и греков», т. е. соправителем царя. Когда турки укрепились в Адрианополе и стали угрожать Македонии, Вукашин вместе с братом Углешей отправился в поход на врага. 26 сентября 1371 г. на правом берегу реки Марицы войско Вукашина и Углеши было разбито внезапно напавшими турками. В этой битве пали и король и деспот. Турки вторглись в Македонию, грабили, жгли, убивали, уводили в плен мирных жителей. С тех пор Македония оставалась под турецким игом до балканских войн начала XX в., т. е. более 500 лет.

² Исторические сведения в этой части вступления мы почерпнули, главным образом, из следующих источников: «Историја народа Југославије», т. I—II. Београд, 1953—1960; К. И р е ч е к и Ј. Р а д о н и ћ. Историја Срба, т. I—II. Београд, 1952.

После битвы на Марице в Македонии правил как турецкий вассал сын Вукашина Марко — «Королевич Марко», самый известный герой сербского эпоса. Пользуясь слабостью короля Марка, его родственники Балшичи, правители Зеты (Черногория), захватили город Призрен. Вук Бранкович, владевший Косовской областью, вытеснил Марка из Скопле. Марко и братья Деяновичи, — деспот Драгаш и Константин, правители восточной Македонии, — были первыми турецкими вассалами из числа сербских феодалов. Они должны были платить туркам дань и выставять вспомогательные отряды воинов. Перед Косовским боем (1389) Константин Деянович пропустил турецкие войска через свои земли. Король Марко и Константин Деянович погибли в 1395 г. в битве при Ровинах, сражаясь на стороне турок против валашского воеводы Мирчи. После смерти Марка турки завладели остатками его «королевства». Братья Марка, Андрей и Димитрий, бежали в Дубровник. Оттуда они направились в Венгрию к королю Сигизмунду. Димитрий с 1407 г. находился на венгерской службе.

История возвышения и падения семьи Мрнявчевичей примечательна для нас потому, что сам Вукашин, его брат Угleshа, его сыновья Марко и Андрей известны каждому южнославянскому гусляру. Народная традиция создала образ Ефросимы, матери Королевича Марка, о которой мы почти ничего не знаем из исторических источников.

Князь (в сербских песнях часто «царь») Лазарь Хребельянович был сыном логофета (канцлера, советника) царя Стефана. Он родился в 1329 г. Царь Стефан дал ему в жены Милицу, дочь князя Вратка, из старшей, но не царствовавшей ветви Неманьичей. После смерти царя Уроша (1371) Лазарь из областного правителя стал князем Сербии, первоначально управляя землями на северо-востоке и признавая верховную власть венгров. Он породнился с крупными сербскими феодалами: одна из его дочерей — Мара — стала женою Вука Бранковича, другая, Елена, была замужем за Джуро Балшичем, правителем Зеты. В это время сильно возвысился также Вук Бранкович, управлявший центральной Косовской областью и захвативший бывшую столицу Стефана Скопле³.

Самым трагическим событием в средневековой истории сербов была битва на Косове 15 июня 1389 г., в которой погиб князь Лазарь, прославленный сербской народной традицией как герой и мученик. Некий сербский «благородный муж», который впоследствии получил имя Милоша Кобилича, пробрался в турецкий лагерь и убил султана Мурата. В начале битвы сербы, вероятно, имели успех, как свидетельствует автор «Жития» Стефана Лазаревича, Константин Философ. Затем турки одолели.

³ М. Д и н и ћ. Област Бранковића. — «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор». Београд, 1960, књ. 26, св. 1—2, стр. 5—29.

Во время боя Баязет, сын Мурата, командовавший правым крылом турецкого войска, приказал убить своего брата Якуба, находившегося во главе левого, азиатского крыла и провозгласил себя султаном. Вук Бранкович, который противостоял Якубу, и боснийский воевода Влатко Вукович, командовавший левым крылом сербов, видя поражение сербского центра, которым командовал князь Лазарь, обратились в бегство.

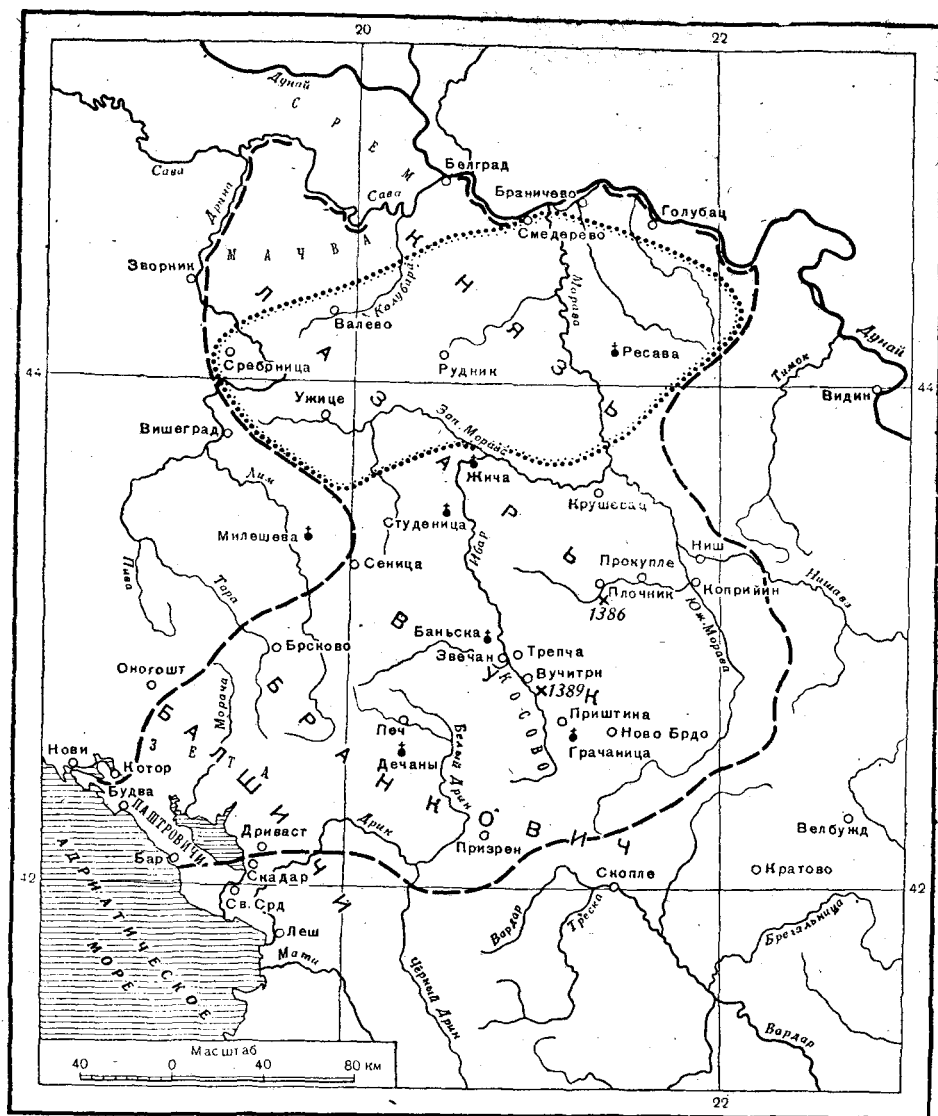
Последствия Косовской битвы были тяжки для Сербии. Вдова Лазаря Милица и сын Стефан (1370—1427 гг.) должны были признать верховную власть султана Баязета. Младшая дочь Лазаря Оливера была послана в гарем султана. Турки утвердились в самом центре Балканского полуострова. С этого времени начинается период вассальной зависимости сербских феодалов от турецкого султана, который по-сербски именуется «царем».

Вук Бранкович продолжал некоторое время сопротивление, рассчитывая на поддержку венгерского короля Сигизмунда, но в 1392 г. он должен был подчиниться и уступить Скопле завоевателям. Отношения Вука Бранковича с турками были плохи, несмотря на перемирие и изъявление покорности. Вук не участвовал в походе против воеводы Мирчи и занял по отношению к туркам выжидательную и враждебную позицию. Еще до Никопольской битвы, в начале 1396 г. турки вторглись в области Бранковича. Вук продолжал оказывать сопротивление из западной части своих владений, но безуспешно. Он умер в октябре 1398 г.

Для периода вассальной зависимости сербских князей примечательно, что знаменитую в европейской истории Никопольскую битву (26 сентября 1396 г.), в которой Баязет «Молния» наголову разбил Сигизмунда и цвет бургундского рыцарства, помог выиграть князь Стефан Лазаревич. Сербь под предводительством сербского князя взяли венгерское знамя и обратили западных рыцарей в бегство. Эта победа дала возможность Баязету покорить видинскую Болгарию, опустошить южную Венгрию и часть Славонии. В благодарность за помощь Баязет отдал Стефану Лазаревичу почти все земли Вука Бранковича, оставив вдове и сыновьям Вука лишь небольшой удел около Вучитёрна и Трешчи.

Известно, что Вук Бранкович в песнях Косовского цикла проклинается как изменник; «предавший царя Лазаря на Косове». Традиция эта была настолько сильна, что кости Вука Бранковича в начале XIX в. были выкопаны воинами Карагеоргия, захватившими Крушевац, сожжены, пепел «изменника» развеян по ветру, а могила его осквернена. Лишь во второй половине XIX в. сербский историк Илларион Руvaraц показал, что Бранкович не был злодеем, виновным в поражении сербов.

Стефан Лазаревич продолжал служить султану, участвовал в турецком походе против Боснии. В битве у Ангоры (28 июля 1402 г.) при содействии малоазиатских эмиров, перешедших на сторону Тамерлана,

**КНЯЗЬ
ЛАЗАРЬ**

Владения крупных сербских
феодалов перед Навской
битвой 1389 г.

— Граница Сербской деспотины к 1427 г.

..... Граница Сербской деспотины к 1455 г.

КОСОВО Названия отдельных областей

1389x Места и даты сражений с турками

⬮ Монастыри

Сербия в конце XIV — начале XV в.

войска Баязета были побеждены среднеазиатскими полчищами. Баязет попал в плен и погиб в заточении. Стефан Лазаревич и его брат Вук Лазаревич во главе пяти тысяч сербских латников напрасно пытались отбить турецкого султана. Сыновья князя Лазаря принуждены были спасаться бегством. В битве на турецкой стороне участвовали также сыновья Вука Бранковича, Гргур и Джурадж. Следует предположить, что незадолго до битвы Бранковичи были восстановлены султаном в своих правах и у Стефана Лазаревича (может быть за выкуп) были отобраны назад дарованные ему земли.

После смерти Баязета между наследниками началась борьба за престол. В эту династическую распрю немедленно вмешались сербские вассальные князья. Вук Лазаревич стал на сторону султана Сулеймана. После гибели этого султана (1410) он поддерживал сначала брата Сулеймана Мусу. Перед решительным боем с главным претендентом — Магометом I Вук Лазаревич ушел с поля сражения и увел свои войска, за что был убит приверженцами Мусы.

Вук Лазаревич действовал сначала в полном согласии с противником своего старшего брата Джурджем Бранковичем в стане Сулеймана. Бранковичи вместе с турками Сулеймана пытались воспрепятствовать возвращению Стефана Лазаревича в Сербию после битвы под Ангорой, но были побеждены.

Заметим, что во времена феодальных усобиц XIV—XV вв. вряд ли возможно обнаружить «патриотическую идею», свойственную Косовскому циклу. В узком эгоизме феодальных правителей, готовых в любую минуту перейти из одного лагеря в другой — от турок к христианам и обратно, — не могла возникнуть мысль о единстве сербского народа, выраженная в эпическом заклятии князя Лазаря:

«Каждый сербин сербского колена,
Сербской крови и сербского рода,
Кто не выйдет на Косово поле,
И не будет на Косове биться,
Пусть наследников не ожидает.
Сыновей, дочерей не увидит.
От руки его не уродятся
Красное вино и хлеб пшеничный;
Пусть иссохнет род его проклятый!»

(«Стефан Мусич», 21—28) *

Такие идеи вряд ли существовали в XIV—XV вв. в народных массах. Они могли возникнуть лишь в другой среде и в более позднюю эпоху. Весьма вероятно, что первоначальная легенда об измене Вука Бранковича на Косове создавалась в окружении Стефана Лазаревича для

* Здесь и далее переводы без указания переводчика принадлежат И. Н. Голенищеву-Кутузову.

очернения его противников, сыновей Вука. История Вука Лазаревича, напавшего на Сербию вместе с турками и бежавшего с поля брани, могла (по смешению) дать пищу народной фантазии. Ненависть народа к Джуреджу Бранковичу, последнему деспоту Сербии, и его жене Ирине Кантакузин («Проклятая Ирина» народных песен) также способствовала созданию легенды, которую подхватили враги деспота из венгерско-хорватского королевства.

Джурадж помирился со своим дядей Стефаном Лазаревичем; оба они, люди умные и ловкие, оказались на стороне победившего султана. Джурадж стал наследником дяди. Венгры согласились на его кандидатуру при условии, что он передаст им Белград. Став деспотом Сербии, Джурадж приступил к строительству новой столицы — Смедерева.

Бранкович постоянно колебался между турками и венграми. Его дочь Мара стала женой Мурата II, что, впрочем, не помешало султану в 1437 г. вторгнуться в Сербию и взять Смедерево. Джурадж бежал в Дубровник. Его сыновья Гргур и Стефан были ослеплены. Деспот принял участие в лиге христианских государей против турок, которую возглавлял Владислав, король Польши и Венгрии. Войска лиги дошли до Софии. Джурадж снова получил свои владения. Однако в новом походе лиги против турок 1444 г. — на этот раз неудачном — он не участвовал. Христианское войско было разбито под Варной 10 ноября 1444 г., король Владислав был убит. Джурадж остался в стороне и во время войны венгров с турками 1448 г. После поражения венгров на Косовом поле 17—19 октября 1448 г. («второе Косово») сербский деспот бросил в тюрьму бежавшего венгерского полководца Яноша Гуньяди (отца короля Матвея Корвина) и выпустил его за большой выкуп. Это событие в романсированном виде передает песня (№ 10 изд. Богишича, см. ниже), составитель которой весьма враждебно относился к смедеревскому деспоту и сочувственно к венграм. На Косовское предание повлияло, по всей вероятности, и «второе Косово». Это влияние особенно заметно в песнях, возникших на побережье Адриатики, где Джурадж Бранкович пользовался дурной славой.

Джурадж Бранкович как турецкий вассал продолжал помогать султану. В 1453 г. сербский отряд под командой воеводы Якши, родоначальника эпических Якшичей, принимал участие в осаде Магометом II Завоевателем Константинополя. После гибели Византии Магомет II напал на своего сербского вассала. Джурадж бежал в Венгрию, где и умер в 1456 г. Наступил конец полунезависимому существованию Сербии. В течение десятилетий венгры еще обороняли Белград и придунайские земли. 29 августа 1526 г. в битве при Мохаче погиб последний король Венгрии Людовик II, и турки превратили значительную часть страны в свое вассальное владение.

В XV и XVI вв. много сербов перебежало к венграм и венецианцам. Эта миграция усилилась после гибели смедеревской деспотии. В XVII и XVIII вв. сербы неизменно участвовали в походах Австрии против турок. Венгерские пограничные земли вместе с Белградом были форпостом центральной Европы против турок.

Внук Джураджа Бранковича, сын ослепленного Гргура, Вук, прозванный Огненным Змеем, в 1465 г. отъехал к венграм. Он воевал в венгерском войске не только против турок, но также против чехов, поляков и австрийцев. От венгерского короля Вук вместе со значительными имениями получил титул деспота Сербии. Впрочем, и он отличался непостоянством, родовым свойством Бранковичей, и был обвинен венграми в измене. Вторгшись в турецкую Сербию в 1481 г., он вывел из-под города Крушевац 50 тысяч сербов, которых венгры поселили около Темешвара. Сербь были нужны венграм как военная сила в пограничных областях. Вук Огненный Змей умер в 1485 г. Он прославлен в эпических песнях. В одной из них Вуку приписывается знакомство с вилами и драконами.

В народном эпосе южных провинций Венгрии, населенных сербами, появились антитурецкие мотивы. Там начался «великий плач о гибели сербской земли» — один из основных мотивов народной песни. Эпическими героями антитурецкой песни стали также братья Якшичи — Димитрий и Стефан, которые вместе со своими воинами перешли из Сербии в Венгрию. Димитрий был участником всех войн Матвея Корвина и умер от ран, полученных в стычке с Гази Мустафой близ Смедерева в 1486 г. Потомки братьев Якшичей стали венгерскими вельможами. Из семьи Якшичей происходила Анна Глинская, бабка Ивана Грозного по матери.

Нельзя не отметить разницы между песнями о Королевиче Марке, изображающими его «приемным сыном султана», и песнями, сложенными на хорватско-венгерской территории, резко враждебными ко всему турецкому.

Таким образом, с XV в. до конца XVIII в. сербы были в обоих лагерях, сражались за дело христианских государей и турецких султанов. Одно не подлежит сомнению: со времен Лазаревичей и Бранковичей до восстания Карагеоргия в 1804 г. не было периода, в котором сербский народ не имел бы оружия. Представление об аморфной сербской крестьянской массе — покорной рае, не соответствует исторической действительности.

Турецкое завоевание Балкан и Венгрии продолжалось и во второй половине XV — начале XVI вв. при султанах Магомете II, Баязете II и Сулеймане Великолепном. В 1463 г. турки завладели Боснией. Королю Матвею Корвину удалось временно удержать во владении венгров северо-западную часть Боснии. Однако турецкие акынджи (регулярная кавалерия) вторглись в Хорватию, Славонию, Далмацию, грабили и угоняли в плен население. После смерти Матвея Корвина в 1490 г. положение

пограничных венгерско-хорватских областей стало невыносимым. 9 сентября 1493 г. в битве на Крбавском поле турки наголову разбили хорватов. По традиции — несколько преувеличенной — там polegло все хорватское феодальное дворянство. Об этой битве сохранилась память в народной песне, стилизовавшей события в рамках эпической композиции. Города венецианской Далмации: Трогир, Сплит, Шибеник были окружены кольцом турецких владений. После битвы при Мохаче (1526) под властью Габсбургов (к которым перешла венгерская и хорватская корона) были лишь небольшие территории Венгрии и Хорватии. Для защиты Словении и Загреба была образована «военная граница». Живую силу этих пограничных районов составляли сербы, особенно волохискотоводы, остатки древних романизированных иллиров, перешедшие в православие и усвоившие сербскую речь.

Следует отметить, что в покоренной Сербии на территории султана жили сербы, входившие в состав турецких войск — конники (джебели), сокольничьи, пушкарки, оружейники и пограничники (шайкаши), нападавшие на венгерские земли в лодках по Дунаю и Саве. Они не считались податным сословием — «раей» — были полностью или частично освобождены от налогов, получали жалование, иногда награждались земельными угодиями и имели право грабить врагов султана наравне с турками.

Во всех областях (санджаках) Сербии во второй половине XV и первой половине XVI в. находились так называемые «войнуки». Основой этой социальной группы были волохи, но в нее вошли и мелкие сербские феодалы, привыкшие к малым должностям на военной службе и к доходам от грабежей. Турки вынуждены были доверять целый ряд военных должностей в крепостях и на границе сербам. Гражданское население крепостей, пригородов, а также соседних сел пользовалось известными правами. За это оно было обязано поправлять крепостные стены, ковать оружие, чинить сторожевые лодки, делать стрелы. В турецких крепостях кузнецами, столярами, кожевниками были главным образом христиане. Отряды сербов, турецких солдат, так называемые марталосы (вооруженные люди, от итальянского *armato*, или *armatore*, греч. *ἀρμάτωλος*) в начале XVI в. квартировали в пограничных крепостях. Вторжения марталосов в венгерские земли мало чем отличались от наездов турецких акынджи.

По всей территории Сербии, особенно в горных и трудно проходимых местах, а также на главных больших дорогах расположены были села стражников (дербенджи), освобожденных от всех или от значительной части налогов. Села эти должны были давать лошадей и телеги, чинить мосты, охранять пути, а в некоторых случаях вместе с марталосами преследовать гайдуков. За выполнение этих повинностей села несли коллективную ответственность. Таким образом, существовало сербское насе-

ние, и при этом довольно многочисленное, туркофильски настроенное, так как пользовалось известными правами и преимуществами. Сохранилась песня о старом Балибеге (санджакбеге Смедерева в XV в.), который поручил воеводе Кайице Радонье и его тридцати марталосам освободить сына из христианского плена. Впоследствии значительная часть марталосов смешалась с гайдуками. Этот процесс, по-видимому, начался после битвы при Мохаче, когда султан Сулейман отнял привилегии у многих сел и разоружил некоторые отряды марталосов. Турецкие власти в XVI в. стремились превратить население Сербии в раю. Привыкшие к оружию и вольной жизни, люди стали уходить в горы.

В XV—XVII вв. в Сербии, Боснии, Герцеговине, Черногории и Далмации не было ни одной области, в которой не действовали бы гайдуки. Их делят на две основные группы: горных и племенных гайдуков. Среди горных гайдуков не всегда возможно отличить политических мятежников от обычных разбойников: и те и другие жили грабежом. Из горных областей Черногории и Боснии хорошо организованные отряды спускались в богатые плодородные долины. Югославские историки считают, что эти отряды, сохранявшие родовую организацию, имели «грабительско-экономический характер». С Динарских гор отряды гайдуков доходили до Софии. Постепенно произошло смешение горных гайдуков с племенными, а также с пограничниками, находившимися на венецианской или австрийской службе. Пограничники пополнялись гайдуками, перебежчиками из Турции; они поддерживали постоянные сношения с гайдуцкими отрядами, действовавшими в Боснии, Герцеговине и турецкой Далмации.

Гайдуки нападали на сборщиков налогов, на купеческие караваны в горах. Ночью они поджигали и грабили дома богатых крестьян и башни бегов, угоняли скот, брали заложников для выкупа, посылали письма с требованием денег, терроризируя целые области. Гайдуки не всегда ограничивались нападениями на турок, зачастую они нападали и на христиан. В XVII в. они подвергли страшному опустошению окрестности Дубровника (дубровчане были католиками, к тому же поддерживали оживленные торговые отношения с турками и поэтому могли рассматриваться православными гайдуками как «естественные враги»).

Соучастниками гайдуков становились не только сербы, но и мусульмане, среди которых были и правительственные чиновники, получавшие часть добычи. В некоторых народных песнях упомянуты мусульмане и даже черные арапы, побратимы знаменитых харамбашей (вождей гайдуков). Из архивных документов известно, что Груица Вукович, известный гайдуцкий харамбаша, вместе с турками из Требинья и Эрцег-Нови нападал на караваны дубровницких купцов и села на территории Дубровницкой республики. Погиб этот «честный атаман» от руки православных

же гайдуков из Пераста, находившихся на венецианской службе и нанятых Дубровником⁴.

Гайдуки должны были беспрекословно подчиняться своему атаману. Выработалась своеобразная гайдуцкая этика: гайдук должен был погибнуть, но не выдать товарищей и сообщников, укрывавших его зимой и помогавших ему сбывать награбленное. Если сообщники выдавали гайдука туркам, за погибшего мстил весь отряд. Жизнь гайдука была бурной и обычно краткой. Он любил рядиться в блестящую, вышитую золотом одежду из шелка, бархата и тонкого сукна и особенно ценил украшенное серебром, золотом и драгоценными камнями оружие.

Для того, чтобы утратить гайдуков, турки прибегали к самым крутым мерам. Головы непокорных украшали стены турецких замков и городов. Турки изощрялись в жестоких пытках: сажали на кол, сдирали кожу, сжигали на медленном огне, подвешивали на железные крюки. Эта борьба и расправы продолжались в течение пяти веков и привели к страшной ненависти и ожесточению. Понятно, что многие сцены сербских юнацких песен шокировали веймарского министра Гёте, который как поэт глубоко почувствовал силу и выразительность ярких и безжалостных образов сербского эпоса.

Песни о гайдуках часто следуют условным эпическим схемам. Иногда они достигают большой поэтической выразительности. Некоторые напоминают стихотворную хронику, приближаясь к прозаическим рассказам в стихах о событиях, часто мало значительных, которыми отличается черногорский эпос XVIII—XIX вв. Переходя из уст в уста, предания смешивались; нередко несколько героев сливались в одного, фантазия развивала, приукрашивала, искажала действительные происшествия.

На северо-востоке от далматинского города Задра и хорватского Приморья в течение XVI—XVII вв. не прекращались вооруженные стычки между пограничными турецкими бегами и отрядами ускоков, находившимися на службе у Австрии и состоявшими главным образом из бежавших сербов. Ускоки не очень считались с распоряжениями австрийских властей, тревожили турецкую границу и во время мира.

Из Македонии и центральных областей Сербии и Герцеговины население двигалось в двух направлениях: на север и на северо-запад. Миграцией совершенно опустошены были области Косова и Старой Рашки, некогда центра сербского государства. Туда переселялись албанцы, принявшие мусульманство, которым покровительствовали турки. В течение XV—XVII вв. сербы из Мачвы (по рекам Саве и Дрине) и придунайских областей уходили во владения венгров, продвигаясь к Буде.

⁴ С. Н а з е ч и ћ. Хајдучке борбе око Дубровника у другој половини 17 вијека и наша народна пјесма. — «Питања књижевности и језика». Сарајево, 1955, II, стр. 5—71.

Этнические изменения произошли не только в Сербии, но и в других югославских землях. С XIV в. в Македонию переселилось много турок. Албанцы заняли южное побережье Скадарского озера, где раньше жили сербы. Народ из континентальной Далмации переселялся на острова и даже в Италию. Богатая Славония в XVI в. превратилась в пустыню.

Вырезая или уводя в плен жителей, турки заселяли затем опустевшие области Балканского полуострова. Они приводили тюркское население из Малой Азии и Македонии, переселяли скотоводов-волохов из Динарских гор в плодородные равнины южной Боснии, Сербии и Баната. В XVI—XVII вв. мусульманское население продвинулось с юга в Славонию и Венгрию. Однако венгерские «турки» (главным образом потурицы из Боснии) после польских и австрийских побед 1683—1699 гг. принуждены были отхлынуть назад в Боснию и Герцеговину.

Динарское население двигалось на северо-запад и заняло северную Далмацию и близлежащие провинции. Кочующие скотоводы часто не оставались в этих пределах и переходили в австрийскую Хорватию. В городах, где христианское население убывало, поселились мусульмане как турецкого, так и южнославянского происхождения. Турецкие города возникли на самой границе Венеции и Австрии. На рубежах турки возводили замки и укрепления. В песнях сербов-мусульман особенно прославилась боснийская Краина («турецкая Хорватия»). Боснийская Краина была эпической областью, где происходили непрерывные стычки и сражения, набеги, грабежи, угон скота и умыкание невест. Этими подвигами одинаково прославились и мусульманские беги и сербские гайдуки. «Лютая Краина» была гнездом самовольных мусульманских бегов.

Население, оставшееся в западных пределах бывшего государства Неманьичей (Черногория, Герцеговина, часть Далмации), с приходом турок оказалось на особом положении. Основой экономики племен, населявших эти горные края, было скотоводство, требовавшее обширных пастбищ и полукочевое образа жизни. Скот летом пасся в горах. Зимой его перегоняли в долины, а иногда в Приморье. В Черногории и Герцеговине дольше и в более архаическом виде сохранялось племенное устройство и патриархальный уклад жизни. Своеобразная «военная демократия» царила в этих горных краях. Дела решали родовые старшины и общее собрание мужчин. Все имущество принадлежало общине (задруге). Сколь сильно родовое устройство было еще в конце XIX в. в средней Далмации, свидетельствуют красочные рассказы Динко Шимуновича, выросшего в этой эпической среде⁵. Даже православные священники в Черногории и Герцеговине еще в начале XX в. ходили с пистолетами и кинжалами за поясом.

⁵ Динко Шимунович. Избранное. Сост. и предисл. И. Н. Голенищева-Кутузова. М., 1962.

Весьма вероятно, что турецкая власть, особенно в XV в., косвенно способствовала укреплению родового и племенного устройства, которое не исчезло при Неманьичах. Феодалные обязательства в труднодоступных краях были мало ощутимы. Турки не включили горных скотоводов Герцеговины и Черногории в основную аграрную систему турецкого царства. Племя свободно использовало горные пастбища. Туркам платился лишь небольшой налог. Как и в эпоху Неманьичей, продолжалась борьба между долинами, более или менее подчиненными центральной администрации, и труднодоступными горными районами. Турецкие власти не смогли поработить жителей горных областей, хотя паши и беги постоянно стремились наложить руку на полунезависимые племена. В XVIII в. значительная часть Черногории освободилась от турок, в то время как Герцеговина находилась под турецкой властью и в XIX в.

Патриархальное общество выработало свою мораль и строгие взгляды на жизнь. Герои этой среды должны были быть носителями характерных качеств и добродетелей своего окружения. Интересы племен были замкнуты пределами гор. Но все же традиции из времен Лазаревичей, Бранковичей и Балшичей забывались. Новые темы вытесняли старые. Об этом свидетельствует ограниченность тем черногорского эпоса, записанного Караджичем. Быть может, наиболее примечательно в развитии сербской эпической традиции западносербских областей полное забвение песен Косовского цикла на рубеже XVIII и XIX вв.

Для исследователя эпической среды в сербских областях Османской империи значительный интерес представляют отношения между турецким государством и православной церковью. В течение многих веков сербская церковь была единственным центром сербской письменности. Она сохраняла и передавала наследие прошлого⁶. После того как турки завладели Смедеревом, сербская церковь утратила свою самостоятельность. Однако сербская церковь и при турках не лишилась всех своих угодий и доходов. На землях, оставшихся монастырям, в значительной степени сохранились феодалные отношения. Они обрабатывались монастырскими слугами и крестьянами. За рабочую силу монастыри платили султану подать.

Помощь сербов туркам в период их продвижения в Венгрию способствовала обновлению патриархии в Пече в 1557 г. Значительным было участие в этой реставрации визиря Мехмеда Соколовича, родом серба, который не упустил из виду и свои семейные интересы. Первым патриархом возобновленной сербской патриархии стал брат визиря Макарий. Мехмед

⁶ См. статью Джурджева о сербской церкви в упомянутой «Истории народа Югославии» (т. II) и L. Hadrovics. L'église serbe sous la domination turque. Budapest — Paris, 1947.

Соколович стремился снискать расположение сербов для того, чтобы утвердить турецкую власть на среднем Дунае. Печской патриархии стали подвластны не только Сербия и провинции южной Венгрии, но также восточная Болгария, Черногория, Герцеговина и Босния. После смерти патриарха Макария ему наследовал его племянник Антоний, а затем другие представители рода Соколовичей. Сербская церковь стала самым крупным христианским землевладельцем в Сербии и юго-западных областях бывшего Сербского царства. Все православные дома были обложены налогом в пользу патриарха. Сербская церковь в теократической системе мусульманской империи образовала как бы «государство в государстве». Она представляла единственную политическую силу, объединявшую всех сербов от Дуная до Адриатики, и в значительной степени способствовала сохранению единства сербского народа в самые мрачные века его существования, не давала угаснуть культурным очагам, сосредоточенным главным образом в монастырях.

В XVII в. церковь постепенно заняла враждебные позиции по отношению к туркам. Причины этой перемены следует искать прежде всего в ослаблении турецкой империи. Все новые налоги, расстройство государственного аппарата, самоволие местных властей, притеснявших христианское население, заставляли сербскую церковь, опиравшуюся на широкие народные массы, нарушить договоры с турецкой империей. Внутреннее сопротивление началось при патриархе Иоанне (1592—1614 гг.). Сербская церковь обращалась за помощью к Габсбургам, итальянским князьям, вела переговоры с папой об унии, стремилась завязать более тесные сношения с Москвой. Очевидно именно к этому времени следует отнести возвеличение церковными кругами царства Неманьичей и осуждение тех князей, которые способствовали его распаду и гибели.

Победа Яна Собеского под Веной, контрнаступление Австрии и Венеции во второй половине XVII в. содействовали укреплению мятежных настроений турецких сербов. В 1690 г. произошло новое, и на этот раз самое многочисленное переселение сербов в Венгрию после того, как вторгшееся в Сербию войско австрийцев должно было отступить. Турки, мстя за помощь австрийцам, начали вырезать сербское население. Тогда из Печа и Нового Базара двинулась на север масса народа под водительством патриарха Арсения III Црноевича. К ним присоединились беженцы из Македонии и Косова поля. Сербь населили пустующие земли в южной Венгрии. Продвигаясь вверх по Дунаю, они основали свои колонии в Буде и в городе Сент-Андрии близ венгерской столицы.

Эта миграция имела огромное значение для общественного развития сербского народа. Сербь в империи Габсбургов подверглись влиянию русской и западноевропейской культуры XVIII в. Религиозный и культурный центр сербского народа переместился из Турции в Венгрию.

Патриарх и священство имели большое влияние на венгерских сербов. Во второй половине XVIII в. в сербскую среду проникли идеи просвещения.

В габсбургской сословной монархии сербское общество дифференцировалось. Некоторые вожди и военачальники получили дворянство и поместья, многие горожане разбогатели и захватили в свои руки значительную часть торговли. Появились европейски образованные сербы: адвокаты, врачи, педагоги, литераторы. Просвещению были также не чужды сербские офицеры на австрийской и русской службе. Русский консул в Неаполе Павле Юлинац, по происхождению серб, издал в Венеции в 1761 г. первую историю сербского народа, которая весьма интересна для сербской эпической традиции. Юлинац — задолго до Вука Караджича — был собирателем сербских народных песен.

В сербской школе в Сремских Карловцах преподавали русские учителя. Сербские священники учились в Киеве. Один из первых сербских писателей нового времени Захарий Орфелин издал в Венеции чрезвычайно осведомленную для его времени и весьма живо написанную книгу о Петре I на «славяно-сербском» языке (смеси церковно-славянского, сербского и русского⁷ с явным преобладанием русского). При Петре I начался переход сербов из Венгрии в Россию.

Войны России и Австрии с турками способствовали пробуждению национального самосознания задунайских сербов. В течение двадцати лет австрийцы управляли Белградом и северной Сербией (1718—1739 гг.). Сербь в бывшей деспотовине привыкли братья за оружие и принимать участие в военных действиях против своих угнетателей. Некоторое местное самоуправление турецкие сербы получили в конце XVIII в. Сельские местности были под началом «оборкнязей» и «князей», из которых многие, как, например, Карагеоргий, торговали с Австрией и участвовали в экспедициях против турок. Образовался слой сельских старейшин, которые при первом благоприятном случае готовы были возглавить антитурецкое восстание. Это восстание и было поднято Карагеоргием в 1804 г. Начался новый период сербской истории.

* * *

От XV в. до начала XIX в. в сербском народе возникали различные социальные группировки, в каждой из которых развивалась своя эпическая поэзия. Они не были и не могли быть постоянными в процессе четырех-

---

⁷ П. Кулаковский. Начало русской школы у сербов в XVIII в. СПб. 1903; Ј. Скерлић. Српска књижевност у XVIII в. Београд, 1923.

сотлетних исторических изменений. Мы различаем следующие основные разновидности «эпической среды» южных славян:

1. Протурецкая сербская среда XIV—XVI вв., в которой лояльность по отношению к султану соединялась с противодействием местным властям. Эта среда в своих стремлениях опиралась на православную церковь, которая пошла на примирение со Стамбулом. В этом обществе постепенно утрачивался интерес к стародавним временам и возникали новые темы, порожденные событиями после битвы на Марице и Косова. Любимым героем становился — как отметил уже известный французский славист Андре Вайян — Королевич Марко, «приемный сын султана», боровшийся с разбойниками и с врагами «царя Сулеймана». В то же время Королевич Марко в песнях гусяров проявлял независимость и своеволие по отношению к пашам, агам и черным арапам.

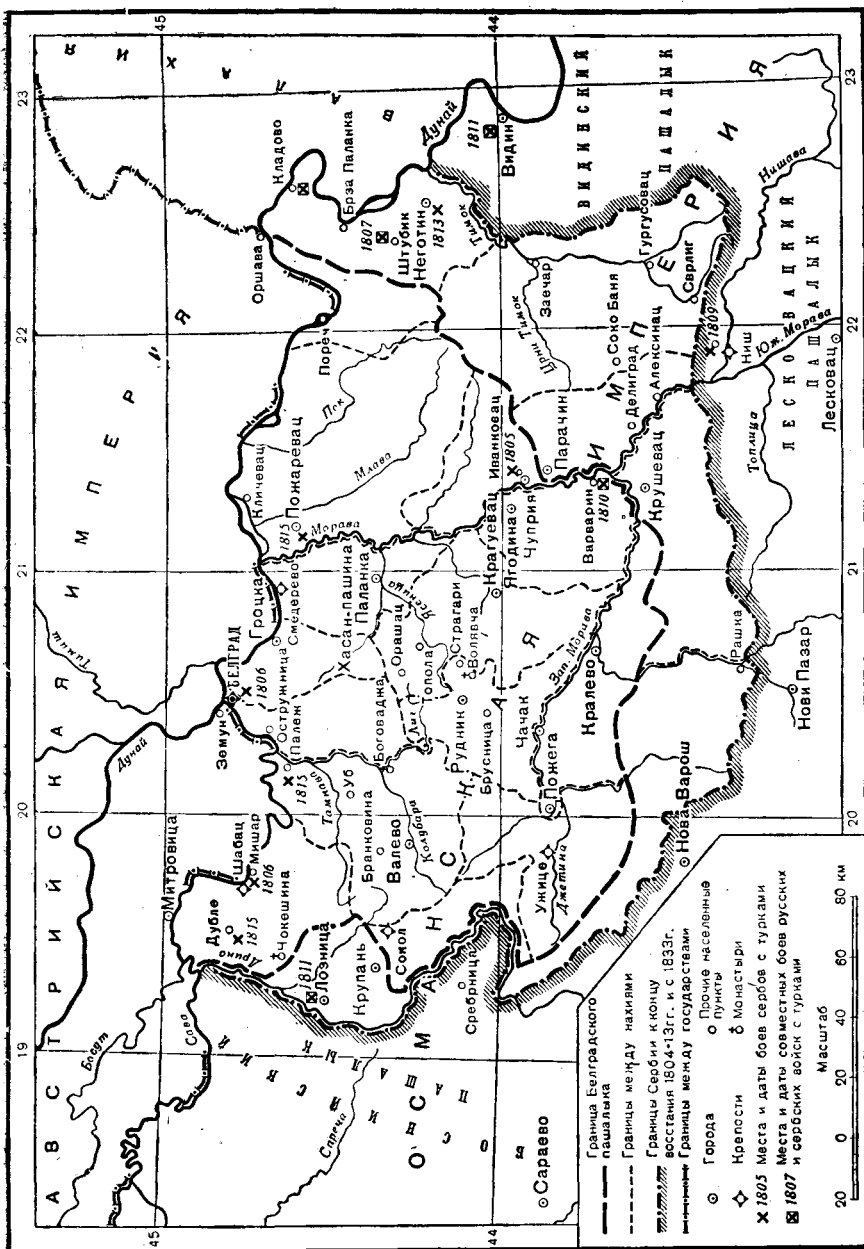
2. Антитурецкая (провенгерская) среда в южной Венгрии второй половины XV—XVI вв., которая после падения Смедерева начала «великий плач» о гибели сербского царства. Героями этой среды были Вук Огненный Змей, Якшичи, венгерские полководцы. По настроениям к ней близки провенгерские полународные, полулитературные песни, возникшие в Приморье; они примечательны враждой к Джураджу Бранковичу, последнему деспоту Сербии.

3. Среда гайдуков и ускоков, создавшая новые песни, направленные не только против турецких угнетателей, но и против своих феодалов. Следует заметить, что в гайдуцком цикле встречаются также песни просто разбойничьи.

4. Черногорско-герцеговинская патриархальная среда полукочевых скотоводов. Их постоянная борьба с местными мусульманами и общение с гайдуками породили песни, в которых воспевались новые события местного значения. Эта среда сохранила (или приняла) песни о Королевиче Марке и многие архаические легендарные сюжеты. Песни о Косовской битве в этой среде были, по-видимому, забыты уже в XVIII в.

5. Крайне консервативная, фанатически правоверная среда сербов-мусульман с центром в турецкой Краине (северо-западная Босния). Среда турецких феодалов, живших в непрестанной войне с гайдуками и ускоками. Для нее характерна мусульманская эпическая песня, происходящая от сербской (христианской) народной поэзии, но обнаруживающая новую сложную архитектуру. В мусульманских песнях встречаются «венгерские» темы (из эпохи покорения Венгрии турками) и восточные сказочные мотивы. Эпос Краины оказал сильное влияние на песни мусульман Герцеговины и Новобазарского санджака; он лег в основу многих героических песен албанцев.

6. Среда венгерских сербов, эпос которых сохранил реликты Косовских песен, после великого переселения в конце XVII в. Косовские предания были в этой среде переработаны, развиты и в значительной степени

созданы заново (с включением традиционных мотивов). Русофильские симпатии венгерских сербов нашли выражение в песнях о русско-турецких войнах.

7. Православная среда в турецкой (придунайской) Сербии XVIII в. Эта среда испытала влияние с одной стороны Черногории и Герцеговины, с другой — Воеводины. В период восстания Карагеоргия в Сербии появилось несколько одаренных гуслиров, сочетавших традиционные приемы композиции с новой тематикой.

Таково было положение во времена Вука Караджича. Эпические песни южной Сербии и Македонии в начале XIX в. были менее известны*.

* * *

Героическая сербская поэзия зародилась в глубокой древности в период полуфеодального государства с неизжитым племенным и родовым устройством. Усиление сословных различий в эпоху Неманьичей не уничтожило патриархальный строй балканских славян и примитивный кочевой уклад жизни сербизированных потомков иллиров, фракийцев и римлян.

Турецкое нашествие обострило внутренние противоречия в сербском государстве и, сковав одни силы, высвободило другие. Насилия турок вызвали противодействие, постоянно нависшая угроза рабства оживила стародавние формы военной демократии. Эпическую поэзию, конечно, не изобрели феодалы и церковные книжники; ее также не выдумали гайдуки или крестьяне-скотоводы⁸. Народную поэзию создали народные поэты, имена которых в большинстве случаев нам неизвестны. Она подчинена особым законам устной композиции.

Если сюжеты возникали и забывались, ритмика, эпитеты, композиционные схемы, а также некоторые образы и сравнения были устойчивым элементом народной поэзии, подвергаясь лишь весьма медленному изменению. Устная передача требовала особого развития памяти. Эта память не была постоянной в течение веков и сочеталась с непрестанными изменениями.

В обществе существует память о предках, которую можно было бы

* О дальнейшем развитии сербского эпоса после восстания Карагеоргия см. ниже.

⁸ Гипотеза современного югославского исследователя Воислава Джурича о возникновении сербского эпоса исключительно в крестьянской среде так же неверна, как и пресловутая «феодалная теория». Мнения Джурича о генезисе сербского эпоса см. в его книге «Српскохрватска народна епика». Сарајево, 1955, и в «Антологији народних јуначких песама». Београд, 1954. Не совсем понятно, почему В. Джурич приписывает Н. Кравцову («Сербский эпос». М.—Л., 1933) изобретение «феодалной теории», существовавшей и в XIX в. С. Назечич («Еписке народне пјесме». Сарајево, 1954) справедливо заметил, что подобные мнения встречались и у югославских ученых (Прохаска, Водник). Следовало бы также упомянуть имена В. Миллера, Халанского, Бедье, Вайяна, Чадвиков и многих других.

назвать природной. Она обычно охватывает сына, отца, деда, иногда и прадеда, и длится около полутора столетий. В семьях, в которых по причинам социальным, экономическим или историческим проявляется интерес к более отдаленным предкам, наблюдается генеалогическая память, основанная или на документах, или же на более или менее точном запоминании некоторых традиций. Эта генеалогическая память обычно передает лишь перечень имен отдаленных предков, иногда с кратким упоминанием их деяний и владений, имеющим практическое значение для потомков. Генеалогическая память может сочетаться с памятью о некоторых выдающихся исторических личностях. Историческая память обычно поддерживается письменностью, а если имеет исключительно устный характер, то — в большей степени, чем писанная традиция — превращается в легенду и миф.

К этим общим выводам следует добавить, что не у всех народов и не во все периоды истории способность помнить прошлое была одинаковой. Эта способность обуславливается большей или меньшей изолированностью народа или племени, большими или меньшими историческими и социальными переменами. Чем этническая группа географически изолированнее, чем консервативнее (традиционнее) ее общественный строй, чем меньше исторических потрясений она испытала, тем длительнее ее память о прошлом. Резкие перемены заставляют народных певцов обращаться к более новым темам, набрасывают пелену забвения на старые события; миграции могут способствовать сохранению памяти о предках, но часто сглаживают эту память. Перемена географического окружения делает непонятными старые местные названия в песнях и преданиях; эти названия обычно искажаются.

Язык любого народа на земном шаре эволюционирует непрерывно и незаметно. Через пять веков, иногда даже раньше, многие слова и выражения становятся непонятны. Они подвергаются переосмыслению или же произносятся как священные заклинания. Примеры такого полужабвения находим у разных народов и в разное время. Так, например, по свидетельству Горация («Послания», II, 1, 86—89) и Квинтилиана («Об образовании оратора», I, 640), гимны жреческой коллегии салиев не были понятны не только непосвященным, но и самим жрецам⁹. Исследователь якутского эпоса И. В. Пухов отмечает, что первоначальный смысл слов (особенно эпитетов) часто непонятен современным исполнителям олонхо и тем более их слушателям¹⁰. Подобное же явление наблюдается среди русских переселенцев, живущих изолированно на побережье Восточно-Сибирского моря в течение столетий¹¹. Былины (в отличие от сказок) этих

⁹ История римской литературы, т. I. М., 1959, стр. 36.

¹⁰ И. В. Пухов. Якутский героический эпос Олонхо. М., 1962.

¹¹ Т. А. Шуб. Былины русских старожилов низовья реки Индигирки. — «Русский фольклор». М., 1950, т. I, стр. 211.

жителей Крайнего Севера не приспособлялись к местным темам, и новые не возникали. Сказители повторяли названия уже не существующих в обиходе предметов; былина начинает терять свой размер, напевность, поэтические средства и превращается в бывальщину.

Если мы обратимся к сербскому эпосу, то не трудно убедиться в том, что древнейшая история южных славян на Балканах народными гуслярами забыта. Как мы уже сказали, все, что сохранилось от событий в царствование последних Неманьичей, а также от деятельности св. Саввы, покровителя сербской церкви, носит отпечаток книжного влияния и принадлежит, по-видимому, более позднему периоду истории. Косовские песни, соединяющие исторические события с фантастическими, содержат имена героев, как действительно существовавших, так и легендарных. Некоторые высказывания Косовских песен трудно согласовать с идеалами и воззрениями сербов времен князя Лазаря и Стефана Лазаревича. В том виде, в каком Косовский цикл дошел до нас, он гораздо более является творением XVIII в., чем XIV в.¹²

Ближе к историческим событиям песни о Королевиче Марке. В отличие от Косовских песен, распространенных в начале XIX в. главным образом в Среме, цикл Королевича Марка распространился от восточной Болгарии и Македонии до Адриатического моря и от Черногории до среднего Дуная, проникнув в Хорватию и Словению. Эти песни кочевали из области в область вместе с передвижением сербов на север и северо-запад, переходили из одной эпической среды в другую, подвергались разным идеологическим обработкам, в них проникали мотивы из западной литературы, распространенной в венецианской Далмации (влияние это не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать).

Довольно правдоподобно народное предание о том, что Королевича Марка любил и жаловал султан Баязет I. Весьма вероятно, что, будучи турецким вассалом, Марко усмирал мятежников, восставших против султана; можно также предположить, что Марко выступал на защиту своих соплеменников, которых угнетали насильники-турки, и весьма решительно с ними расправлялся, оставаясь безнаказанным, так как пользовался расположением султана. Песни о Королевиче Марке с этими мотивами могли возникнуть уже в XV в. Они были подхвачены лояльными по отношению к султану сербами, особенно теми, которые были на турецкой военной службе, ибо вполне соответствовали их идеологии.

Совершенно недостоверны сведения народной песни о том, что Марко был заступником малолетнего царевича Уроша. Эта роль была, по-видимому, приписана Марку позже, когда в XVI—XVII вв. появились

¹² С. М а т и ћ. Порекло косовских песама кратког стиха. — «Зборник Матице Српске за књижевност и језик», 1. [Нови Сад], 1954, стр. 7—25.

предания о гибели царства Неманьичей и были осуждены князья и вельможи, погубившие своими раздорами сербское государство. Нельзя сомневаться в исторической основе некоторых песен и легенд о Королевиче Марке, но сама передача событий не соответствует тому, «что было».

Кроме событий, не нарушающих границ достоверного, которые, если и не произошли, то могли бы произойти, в песнях о Королевиче Марке встречаются рассказы о крылатых конях, говорящих человеческим голосом, о змиях и горных волшебницах — вилах. Эти рассказы, конечно, не поддаются «исторической идентификации», хотя и воспринимаются слушателями часто как события вполне реальные: вера в существованиевил глубоко укоренилась в народном сознании.

То же явление наблюдаем мы и в эпосе других народов. «Даже песни, которые, кажется, относятся к историческим лицам и стремятся передать исторические события, повествуют о вещах вполне сказочных», — писал профессор Баура¹³. Гуннар в «Старой Эдде» вероятно восходит к бургундскому королю Гундахари, упомянутому Сидонием Аполлинарием (*Sidonia VII, 234*), а также латинскими историками того времени, но вряд ли он вошел в тело Сигурда, добывая Брунгильду.

Если даже предположить, продолжает Баура, что вавилонский Гильгамеш действительно существовал, вряд ли он сражался с чудовищем Хумбаба. Вымышленное и реально существовавшее так тесно переплетены в поэтическом повествовании народных певцов, что отделить бывшее от не бывшего не всегда возможно.

Во французском средневековом эпосе Роланд — несомненно центральная фигура. Однако истории он почти неизвестен. «Исторические источники, точно по уговору, молчат о маркграфе Хруодланде, — пишет Б. И. Ярхо. — Он не издал ни одного распоряжения, не засвидетельствовал ни одной грамоты, не сделал ни одного пожертвования на церковь, ничем не проявил себя в делах управления. Ни до, ни после Эйнхарда никто о нем не упоминает»¹⁴.

В XI в. Роланд становится героем знаменитой песни, которая все события представляет совсем в ином свете, чем у историка Эйнхарда. В песне поход Карла Великого в Испанию 778 г. превращен в семилетнюю войну. Небольшая стычка, произошедшая ночью с басками, а не с арабами, превратилась в славную битву. Даже самые известные участники исторического побоища (королевский стольник Эггихард и пфальцграф Ансельм) были забыты, хотя по положению они были выше Роланда. Никому не известный Роланд, упомянутый лишь в нескольких словах

¹³ С. М. Bowra. *Heroic Poetry*. London, 1952, p. 510.

¹⁴ Песнь о Роланде. По оксфордскому тексту. Перевод со старофранцузского. Гостеприимная статья Б. И. Ярхо. М.—Л., 1934, стр. 20—21.

Эйнхардом как современник и приближенный Карла Великого, был превращен в покорителя почти всей Европы и в племянника императора.

Нельзя не согласиться с проф. Баура, что ничто так не разрушительно для исторического происхождения, воспринятого эпосом, как фантазия ода-ренного певца. Он комбинирует мотивы, изменяет действие так, как ему кажется лучше для повествования. Будучи поэтом устной системы, гу-сляр должен подчиняться законам устной композиции. Композиционная схема весьма часто видоизменяет до неузнаваемости то, что могло бы быть историческим событием.

Разочаровавшись в исторических идентификациях¹⁵, многие фолькло-ристы Запада обратились к казалось бы обанкротившейся теории мифо-логического происхождения эпоса. Нельзя не вспомнить слова исследо-вателя германских сказаний Свенда Грундтвига, уверявшего, что «немец-кие ученые терпят крушение о Сциллу мифологических толкований, в то время как скандинавским исследователям непрерывно угрожает Харибда исторических интерпретаций»¹⁶.

Героическое сказание не является, конечно, смешением мифа и исто-рии; сущность народного эпоса — поэтическое выражение событий, пре-ображенных фантазией и подчиненных традиционной устной эпической технике¹ и нормам эпических воззрений коллектива. Поэтому для понима-ния эпических песен важнее всего свидетельство о верованиях и поли-тических воззрениях народных масс. Всякий народный певец стремится сообщить своим слушателям занимательное повествование. Вук Карад-жич писал: «Истиною является то, что в народных песнях (как, впрочем, и во всех остальных) не следует искать *подлинной истории*; но *повество-вание*, которое в юнацких песнях самое главное, и в песнях хорошего певца никогда не противно здравому народному, ему свойственному, ра-зуму»¹⁷.

Герхард Геземанн, исходя из наблюдений Радлова, И. Майера, Хойс-лера и Мурко, показал на многих примерах, что песни южнославянских гуслиаров подвергаются определенной стилизации. Исторические события стесняются рамками эпической техники. Так, например, в начале первой мировой войны в сербском военном госпитале в Карагуевце гуслиар воспел смерть на поле брани сына одного из врачей. В начале песни два вбрана

¹⁵ Идентификация исторических личностей в эпосе нередко происходит по следую-щей схеме: *А* (историческое лицо) не есть *В* (герой эпоса), но, быть может, $B = C$, что же касается *С*, то оно *вероятно* равно *А*, следовательно, $A = B$. Примеры таких «идентификаций» можно найти в изобилии у В. Иорданова («Крали-Марко в българска-та народна епика». София, 1901).

¹⁶ А. Х о й с л е р. История и миф в германских героических сказаниях. — В кн.: «Германский героический эпос и сказание о Нибелунгах». М., 1960, стр. 345.

¹⁷ В. К а р а д ж и ч. Српске народне пјесме, т. IV. Београд, 1954, стр. XXX.

с окровавленными крыльями и клювами опускаются на крышу казармы. Полковник спрашивает зловещих птиц, откуда они прилетели¹⁸.

Реальные события подчиняются схемам, которые весьма медленно эволюционируют. Эта стилизация песни «может затронуть самую структуру исторических происшествий»¹⁹. Филипп Вишнич, знаменитый гусляр времен Вука Караджича, несомненно прекрасно был осведомлен о битве на Мишаре, однако вместо Сулеймана Паши Скопняка, командовавшего турецкими войсками, Вишнич говорит о Кулине-капитане (Мехмеде Куленовиче из Боснии), который в противоречии с исторической истиной якобы пал на поле брани, пораженный рукой сербского вождя Карагеоргия. Куленович был известен в сербских кругах и более «типичен» как беспощадный враг сербов, чем Сулейман Паша. Несомненно, такие трансформации происходили и в старых песнях, подвергавшихся к тому же целому ряду изменений при устной передаче в течение долгого времени. Над гусляром тяготеет традиция, заставляющая его представлять события такими, какими они должны были быть, а не какими они были в действительности.

Нельзя не согласиться с тем, что исследование структуры народных песен чрезвычайно важно для лучшего понимания эпоса, однако не следует преувеличивать значение «композиционной схемы». Особенно вызывают сомнения попытки отыскать «прасхемы» — занятие столь же бесплодное, как и теоретические восхождения исследователей старой школы к «первоначальному сюжету» при помощи мозаики различных вариантов.

Исследователь, стремящийся идентифицировать героев эпоса с историческими лицами, встречает на пути своем еще одно затруднение. Хроники, летописи, отчеты о путешествиях и даже архивные документы XV—XVIII вв. на Балканах нередко содержат сведения, почерпнутые из народных песен или устного прозаического предания (процесс: «из народа в книгу»).

Для людей средневековья не существовало резкого различия между летописью, преданием и героической песней²⁰.

Сведения как из устных, так и из письменных источников могли рассматриваться как одинаково достоверные и дополняющие друг друга. Весьма вероятно также, что некоторые летописные повествования проникли в эпическую народную песню, что было необходимо для обновления

¹⁸ G. Gesemann. Studien zur südslawischen Volksepik. Reichenberg, 1926, S. 65.

¹⁹ М. Браун. Историческая действительность в южнославянской народной эпической поэзии. — «Известия АН СССР, Отд. лит-ры и языка». М., 1958, вып. 6, стр. 527—533.

²⁰ М. Браун. Связь между эпосом и летописью. — «Русский фольклор». М.—Л., 1960, т. 5, стр. 324—326.

памяти, особенно когда гуслар стремился перечислить королей из рода Неманьичей, или воскрешал предания о гибели сербского царства. Эти сведения он в большинстве случаев получал устно, от грамотных людей, каковых в сербском народе было гораздо больше, чем обычно предполагается (процесс «из книги в народ»). При этом сами летописные сведения нередко были окрашены эпической традицией. Легко доступная народу кириллическая письменность не создавала той бездны между грамотеем и неучем, которую мы наблюдаем — при латинской письменности — в странах германских. Эти взаимосвязи важны для истории мотивов и сюжетов, однако заимствование книжных тем еще не определяет древности песен. Мы вполне уверены в том, что монахи и книжники не создали народного эпоса, хотя и оказывали на него некоторое влияние. Поэтому теория Бедье при современном знании техники устного творчества показала свою полную несостоятельность не только в ее применении к сербской героической песне, но и в границах старофранцузского устного эпоса.

* * *

Мы приходим к заключению, что, дошедшая до нас, героическая народная песня южных славян насчитывает не более 500 лет.

Более древние мотивы следует рассматривать как реликты, вставленные в новые композиции, или продукты книжного влияния. В предисловии к изданию 1824 г. Вук Караджич писал: «Что же касается древности наших песен, я сказал бы, что наши женские (т. е. лирические и бытовые) песни старше юнацких, так как мало сохранилось юнацких песен древнее Косова, а от времен Неманьичей нет ни одной старой песни, в то время как среди женских может быть существуют песни, насчитывающие тысячу лет... Я думаю, что у сербов и до Косова существовали юнацкие песни старых времен, но эта перемена [турецкое иго. — И. Г.-К.] тем сильнее потрясла народ, что почти все забылось, что существовало раньше, и лишь от этой поры люди начали снова рассказывать и петь». Заметим, что в этом процессе следует учесть закон «эпической памяти» с ограничениями, о которых мы уже говорили. Утрата старых и рождение новых тем объясняются в значительной степени также миграцией южнославянского населения в XV—XVII вв. Однако темы и мотивы — лишь часть эпической поэзии. Основа эпоса — система устной композиции — была древнее всех дошедших до нас сюжетов.

II. Циклы и сюжеты. Мусульманский эпос

Вук Караджич в своих изданиях не делил героические песни на циклы. Он довольствовался тем, что, следуя сюжету, а также именам героев, относил эпические песни к «древним, средним и новым временам». Песни

легендарные и мифологические он причислял к древним. Впоследствииистики литературы стали различать в сербском эпосе циклы. Один из самых авторитетных сербских литературоведов начала XX в. Павел Попович писал, что юнацкие песни следует прежде всего разделить на «исторические» и «неисторические». Первые распадаются на девять циклов: Неманьичей, Косовский, Королевича Марко, Бранковичей, Црноевичей, гайдуджий, ускоков, освобождения Черногории, освобождения Сербии¹. Он указывал также на то, что существуют еще «группы и подгруппы, охватывающие те песни, которые не смогли войти в вышеприведенную классификацию». К «неисторическому» циклу Попович относил сказки в стихах, легенды, апокрифы и «романтические истории» с мотивами средневековых романов и повестей. После классификации П. Поповича циклы не раз подвергались изменениям.

Условность циклизации очевидна. Песнь «Женитьба царя Степана» по определению П. Поповича входит в довольно тощий цикл Неманьичей. Действительно, она содержит имена известного сербского правителя и его племянника Милоша Войновича, едва ли поддающегося исторической идентификации. Имена эти можно было бы заменить другими. Остальные герои — персонажи легендарные. Песню эту можно отнести и к «неисторическому» циклу вместе с другими сказками, тем более что в конце рассказа появляется трехголовый змий-оборотень. Не менее известная песнь «Женитьба царя Вукашина» лишь с большими натяжками может быть связана с историческими лицами, жившими в XIV в.; литературоведы обнаруживают в ней также разработку на южнославянской территории одного из эпизодов романа о Буово д'Антонио (нашего Бовы Королевича).

«Женитьба царя Вукашина» является типичной песней о происхождении героя, его предках, или его «детстве» (*enfance*, в терминологии старофранцузского эпоса²); песни этого характера обычно сочинялись после того как герой становился широко известным в народном предании.

Слушатели нередко обращаются к гуслиарю с определенным заказом: спой песню о Королевиче Марке, о балканских войнах, о черногорцах и т. д. В их представлении песни объединяются тематически, хотя и не озаглавлены точно. Нельзя не заметить, что герои, особенно главные, имеют сложившийся характер, действуют в определенных условиях, одеваются так, как им надлежит одеваться, употребляют или не употребляют огнестрельное оружие, мирятся с верховной властью султана или не идут с турками ни на какие сговоры. Циклизация поэтому не является

¹ П. Попович. Обзор истории сербской литературы. СПб., 1912, стр. 68—69 и сл.

² Н. Банашевич. Циклус Марка Краљевића и одједи француско-талијанске витешке књижевности. Скопље, 1935.

досужим вымыслом историков литературы, а зиждется на народной традиции. Однако я считаю, что не следует бесконечно дробить циклы или стараться ими охватить все песни. Замечу также, что при несомненном существовании ярко выраженных легендарных и сказочных песен, разграничение их на «исторические» и «неисторические» отличается некоторой наивностью, ибо герои «исторических циклов» парят в воздухе на крылатых конях, якшаются с горными феями и от них имеют детей, рубят не только турецкие головы, но и змиевы. В сущности все циклы охватываются одним циклом — *повествовательным*.

Рассмотрим песни несомненно фантастического склада, которые восходят к легенде, сказке, апокрифу или к устным версиям византийских или западных повестей, романов, новелл.

Возникает вопрос: следует ли считать песни с мифологическим сюжетом или мифологическими мотивами наиболее старыми, восходящими к отдаленнейшей истории южных славян? Рассказы о змееборстве, свадебных путешествиях с преодолением сверхъестественных препятствий, о вилах, конях, говорящих человеческим голосом — несомненно весьма почтенного возраста. Равным образом связи юнака-чародея с чудесными существами восходят к седой древности. Возможно сопоставление Вука Огненного Змея, исторически существовавшего, с Всеславом, князем-оборотнем русского эпоса³. Былина о князе-кудеснике, по словам В. М. Жирмунского, «позволяет восстановить типичный сюжет древней богатырской сказки, очень мало видоизмененной и восходящей к дохристианскому времени — с характерным для богатырской сказки «задним фоном» мифологических представлений»⁴. На князя Всеслава, по-видимому, были перенесены черты героя древнейшей дохристианской богатырской сказки о князе-оборотне. Такое же перенесение мифологических свойств на героев XV в. произошло и в сербском эпосе (Вук Огненный Змей, Банович Секула). Мотивы из сказок могли постоянно вплетаться в эпическое повествование, нарушая правдоподобие и усиливая занимательность песни. Обычно гуслиры и их слушатели допускали существование в природе чудовищ и вил, но порой появлялись и скептические замечания. Так, песня «Змей-жених» (мотивы которой восходят к Панчатантре) кончается:

Как нам лгали — так вам рассказали.

(Пер. Н. Гальковского)

(Ср. у Пушкина: Сказка ложь, да в ней намек...).

³ Russian Epic Studies. Philadelphia, 1949, p. 13—86.

⁴ В. М. Ж и р м у н с к и й. Эпическое творчество славянских народов и проблема сравнительного изучения эпоса. — «IV Международный съезд славистов. Доклады». М., 1958, стр. 73. Автор считает, что между мифом и эпосом обычно стоит — как переходная форма — богатырская сказка.

Можно также предположить, что мотивы сказочного, легендарного, агиографического характера проникали из книги в народ. Конечно, не следует думать, что монах или простонародный грамотей читал, а гуслиры слушали и тут же сочиняли песню. Между книгой (рукописью) и гуслиром мог быть посредник — человек с хорошей памятью, одаренный повествовательными способностями, который рассказывал о том, что случилось в стародавние времена. Впрочем, не будем преувеличивать значение сказочных элементов в сербском эпосе. Свадебные поездки, столь многочисленные, вряд ли отражают схемы и «цепочки мотивов» предполагаемого празноса. Их красочные подробности отражают реальные условия балканской жизни XV—XVII вв., когда провезти невесту и свадебные дары из Приморья в центральные области Боснии или из Буды к нижнему Дунаю было делом весьма опасным, требовавшим значительной вооруженной свиты и тщательного выбора деверя и верных сватов.

В сербских мифологических песнях встречаются отзвуки легенд Запада и сказок Востока. Остановимся на одном из сюжетов, вероятно более древнем, чем все песни так называемых «исторических» циклов. В песне «Царь Дуклиян и Иван Креститель» (см. перевод в этом сборнике) рассказывается, как два побратима играли у синя моря. Дуклиян подбрасывал золотую корону, Иван Креститель — яблоко. Яблоко упало в море. Дуклиян, чтобы утешить плачущего побратима, вызвался достать яблоко из морской пучины. Иван тотчас же полетел на небо и спросил у бога, смеет ли он поклясться его именем лживо, чтобы отнять корону у царя. Бог ответил, что может клясться, но не его именем. Когда Дуклиян вынес побратиму яблоко на берег и они возобновили игру, Иван нарочно бросил яблоко в море и снова стал жаловаться и причитать. Дуклиян и на этот раз согласился нырнуть на дно морское, но просил Ивана трижды поклясться, что он не тронет его короны. Иван поклялся именем божьим. Царь Дуклиян положил корону под шапку и приставил к ней ворона на стражу. Когда он погрузился в море, Иван заморозил воду и схватил золотую корону. Ворон закаркал. Дуклиян его услышал и, проломив двенадцать слоев льда, появился на суше. Распустив огненные крылья, он погнался за Иваном Крестителем и настиг его у небесных врат. Дуклиян схватил похитителя за ногу — с тех пор у людей на ноге выемка.

Симпатии певца скорее на стороне царя с огненными крыльями, который помогает побратиму в беде. Иван Креститель выведен как обманщик, вор и нарушитель клятвы. Похищенная корона называлась в конце песни солнцем, что указывает на космический характер этого мифа. Имя царя Дуклияна восходит несомненно к Диоклетиану (примечательно и то, что она возникла в Черногории, средневековая Дукля, родина римского императора). Однако связь с императором Диоклетианом скорее внешняя

(влияние местных поверий). Вся песня-легенда пронизана неоманихейскими (богумильскими) воззрениями, распространенными в средневековой Боснии⁶. В представлении неоманихеев сатана помогал богу творить мир и от ангелов получил «космический материал» — солнце, месяц, звезды. Вода (море) обозначает первоначальный хаос. Из этого хаоса ангел воздвиг солнце. В более строгих и древних манихейских легендах Сатана — единственный творец материального мира. Уже А. Н. Веселовский⁶ связывал космическую корону с построением вселенной и солнечным символом, который находился и в знаменитом иудейском «Откровении Баруха», весьма ценимом богумилами. Известно, что по манихейской традиции Иван Креститель — лжепророк и ангел зла (может быть, отсюда в песне его козни и обманы). Весьма вероятно также, что песня представляет более новую фазу первоначальной легенды. В поздних богумильских текстах боснийские «еретики» относятся к Иоанну более терпимо. Быть может также, что некогда в легенде вместо Иоанна Крестителя был излюбленный богумилами евангелист Иоанн — как предполагал Веселовский. В разных версиях легенда эта распространена среди всех славянских народов и на северо-востоке Азии (у якутов, тюрков Алтая, тунгусов, бурят). Мы не считаем верным утверждение Веселовского, что она возникла первоначально в Сибири «независимо от Ирана». Веселовскому еще неизвестны были манихейские центры в Средней Азии⁷ и на Алтае, и в Восточном Туркестане, погибшие во времена нашествия монголов. Таким образом было несколько центров, откуда распространялась легенда, и балканский не зависел от среднеазиатского (сообщаясь с Сирией, Арменией и влияя на Италию и Южную Францию).

Рассмотрев несколько версий славянских и северо-восточных (азиатских) легенд о похищении солнца, брошенного в море, мы убедимся, что целый ряд мотивов совпадает с мотивом сербской песни, однако ни одна из версий не поднимается на художественную высоту «Царя Дуклияна и Иоанна Крестителя», не достигает выразительности и драматичности этой песни южных славян. Следовательно, дело не в «сравнительном ме-

⁶ F. Rački. Bogomili i Patareni. — «Rad» Jugoslavenske Akademije, X, Zagreb, 1870; A. V. Solov'ev. Bogomili. — «Jugoslavenske Enciklopedija», I, 1955. Специально сербской легенде посвящена обстоятельная статья: А. Савич-Ревац. О народной песни «Цар Дуклиян и Креститель Јован». — «Зборник-радova Српске Академије Наука, књ. X. Институт за проучавање књижевности, књ. 1. Београд, 1951, стр. 253—273.

⁶ Разыскания в области русского духовного стиха. — Сб. Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 46, стр. 1—117, стр. 360—366; Сб., т. 53, стр. 105—136. См. также Г. Н. Потанин. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899, стр. 366—371.

⁷ H. N. Schaefer. Urform und Fortbildungen des manichäischen Systems. — «Vorträge der Bibliothek Warburg», 1924—1925, S. 84 (манихейские миниатюры из Восточного Туркестана. Изд. A. von Le Coq. Берлин, 1923).

тоде исследования», а в чем-то более существенном для народной поэзии — в *самой поэзии*. Неоманихейские мотивы сербский гусляр использовал так, как ему было необходимо для того, чтобы достигнуть эпической напряженности краткого повествования.

Обработка легендарных мотивов фантазией гусляра едва ли поддается учету. Следует, конечно, указывать на всевозможные источники, особенно когда они так ярки и очевидны, как в песне, которую мы рассмотрели, но заимствованные из прозаических повествований подробности весьма редко могут помочь датировать песню. Легендарные мотивы и сюжеты могли проникнуть в сербский эпос в XV и в XVI, в XVII и в XVIII вв. из письменных источников (или устных их пересказов) и отразиться в более новых представлениях и образах гусляров (так, например, косовские юнаки предстают в одеждах барокко, с патетическими жестами этой эпохи и выражают патристические идеи, присущие сербскому гражданскому обществу времен Марии Терезии). Эпос течет, меняется непрестанно, как река Гераклита, и застывает лишь в искусственных схемах и классификациях.

Если мы оставим в стороне мифологические сюжеты и мотивы, которые справедливо рассматриваются в сербском эпосе как древнейшие, если мы также выделим песни, содержащие стародавние легенды и притчи Византии и Запада, наиболее древним из «исторических» циклов является цикл Королевича Марка.

Исследователи сербского эпоса охотно занимаются неразрешимой проблемой: почему гусляры сделали общеславянским героем вассала турецкого султана, не слишком удачливого в военных и политических делах македонского князька, сына непопулярного короля Вукашина? В течение последнего столетия гипотезы громоздились одна на другую, как Осса на Пелион: Марко был могучим богатырем, поражавшим своей физической силой, Марко покровительствовал гуслярам и каликам переходим, Марко защищал сирот и вдов от насильников, Марко пользовался особым расположением султана и поэтому мог своевольничать и расправляться с турками. Бросается в глаза, что все эти свойства, которые можно было бы изложить в десятисложных стихах по образцу —

Марко носит кованую саблю...

В рамазан винице распивает...

(«Марко пьет в рамазан вино» 7, 9; пер. Н. Заболоцкого)

взяты фольклористами из самих песен или прозаических легенд о Королевиче. Поэтические биографии эпических героев других народов приводят к заключению, что выбор малоизвестного исторического лица как центральной фигуры, вокруг которой складываются легенды, песни, предания —

явление не редкое, сравнить хотя бы французского Роланда или тибетско-монгольского Гэсэра⁸.

Эпический Королевич Марко создан не событиями, а творческой фантазией певцов в течение долгого времени. Судьба песенного Марка — судьба трагическая, полная неразрешимых противоречий. Любовь к правде заставляет его высказаться в пользу законного наследника царя Стефана Уроша против притязаний на царскую корону его отца и дядей. В проклятии отца содержится как бы вся судьба Марка (песнь «Урош и Мриявчевичи»). Он станет слугою чужеземного владыки — турецкого султана, будет скитаться по свету, само место могилы его останется неизвестным. Исполнится также предсказание «царевича» Уроша о том, что имя Марка будет прославляться среди сербов, «пока солнце и луна светят на небе», что сабля его будет всегда сиять в бою, а мудрое слово повторяться за трапезой, и что его благословят слабые и угнетенные.

Справедливость Марка проявляется и тогда, когда он осуждает три недостойные человека поступка своего побратима бега Костадина, который у себя на пиршестве принимал людей не по заслугам, а по одежде, гнал со двора сирых и убогих и не почитал родителей. К Марку приходят обиженные турками люди из народа. Он освобождает Косово поле от Черного Арапина, который самовольно ввел большой налог на всех, собирающихся здесь жениться. Он освобождает детей и женщин, угнанных турками в полон.

Образ Марка, созданный легендой, стал настолько живым, что в разных пределах Балканского полуострова народ связывает его имя с горами, колодцами, руинами, ручьями, лесами. Рассказы о Марке и его огромном пегом коне Шарце, который пьет вино как добрый юнак, обгоняет горных вил, и в битве страшен как лев, были у всех на устах. Даже слабости Марка стали дороги народу. Марко любит выпить; с одной стороны седла юнак вешает свою многопудовую палицу, а с другой «для равновесия» бурдюк с вином. Что с пьяным Марком разговаривать опасно, знает прекрасно и сам султан, который не раз должен откупаться золотой казной от своего строптивого и грозного во хмелю «пасынка». Сильнее Марка лишь албанский разбойник Муса, державший в страхе все турецкое царство, да еще турок Алил, но и с ними Марко справляется не силой, а лукавством; он хитроумен, как Одиссей. Поэтому в случае нужды прибегают не только к его силе, но и к его разумному совету. Ему свойственен также несколько грубоватый, но живой юмор; его острое слово часто разит, как меч. Если Марко жесток, то иным он и не мог быть в народном представлении в эпоху угнетений и насилий. Впрочем, в некоторых рассказах о его свирепых поступках и грабежах несомненно отразились

⁸ Ц Д а м д и н с у р э н. Исторические корни «Гэсэриады». М., 1957.

обычаи и нравы гайдуков, которые в более поздних песнях придали Марку черты предводителя разбойничьей шайки.

От островов Адриатики до Родопских гор народ продолжал непрестанно творить легенды о Королевиче Марке⁹. В синем утреннем тумане и в ясные ночи можно было слышать удары копыт маркова Шарца по отрогам балканских гор. В колодцах, лесных источниках и лесных озерах отражалось его лицо. Слышно было, как он бросил в море свой крылатый пестопер, чтобы его вытащил тот юнак, который будет ему равен.

Фантазия гусяров создала образ матери Марка, старухи Ефросимы, верной сестры воеводы Момчилы. Она ничем не похожа на королеву: сама стирает кровавые рубахи Марка и склоняется над очагом, приготовляя пищу. Иные гусяры рассказывают, что король Вукашин взял в жены вилу Мандалину, которая родила Марка и его брата Андрея («Матица Хорватская» II, II, 4). По рассказу других, Марко сам женился на королеве горных волшебниц Наданойле («Матица Хорватская» I, II, 61). Таким образом, по одной традиции Марко — сын, а по другой — муж вилы¹⁰. С вилами Марко водит знакомство всю жизнь. Вила предупреждает его о неминуемой смерти. Однако мифологические элементы в песнях о Королевиче Марке сводятся к общим для всех гусяров и их слушателей поверьям, которые вилетены в канву повествования, не составляя ее основы.

Известно, что исследователи сербского эпоса немало потрудились, разыскивая источники сюжетов песен о Королевиче Марке. За последнее время становится все более ясным, что многие мотивы и сюжеты, которые считались заимствованными, свойственны разным народам на определенной стадии развития и возникли независимо друг от друга. Эти типические схождения, как справедливо заметил В. М. Жирмунский, не снимают вопроса о возможности культурных и литературных взаимодействий — «напротив, именно сходство общественной ситуации является предпосылкой подобных взаимодействий»¹¹. Однако сопоставления и особенно сравнения должны производиться с должной осторожностью, учитывая материалы не только западного, но и восточного эпоса.

Не приходится сомневаться в том, что некоторые мотивы могли проникнуть в сербский эпос из венецианской Далмации и Дубровника, а также

⁹ В XVI в. чех Вратислав из Митровиц, ездивший по посольским делам в Турцию, видел на пути между Софией и Филиппополем (Пловдивом) развалины Дервент-капи, и он слышал, что там жил некогда последний деспот болгар «Марек Карлович» (Марко Королевич). См. Вратислав Вацлав. Приключение чешского дворянина Вратислава в Константинополе и в тяжелой неволе у турок с австрийским посольством 1591 г. СПб., 1877 (новое издание. М., 1904).

¹⁰ H. M. Chadwick and N. K. Chadwick. The Growth of Literature, vol. II. Cambridge, 1936, p. 312—313.

¹¹ В. М. Ж и р м у н с к и й. Народный героический эпос. М.—Л., 1962, стр. 150.

заносились через Константинополь на Балканы с Востока, но Халанский в конце прошлого века слишком поспешно сближал роман о Бове с «Женитьбой короля Вукашина». В «Бове» неверная жена Меретриса выдает с головой своего мужа.

Эта тема с еще большей сюжетной близостью находится не только в франко-итальянских и славянских, но и в грузинских преданиях. Грузинское сказание повествует о царе Вахтанге, который пал жертвой измены своей жены. Мусульманский царь обещал жениться на ней после смерти противника. Однако когда Вахтанг погиб на охоте, чужеземный царь приказал привязать жену-изменницу к хвосту коня, приговаривая: «Если ты не смогла оценить такого героя и прославленного мужа, как же меня оценишь»¹². Ср. с сербской песней:

Тут король Вукашин молвил слово:
«Горе мне, клянусь я вышним богом!
Видосава, ну и потаскуха!
Коль такого предала юнака —
Нет на свете равного Момчиле —
То меня предаст, наверно, завтра!»
Верных слуг Вукашин призывает.
Схватывают суку Видосаву,
Привязали к хвостам лошадиным,
Гонят слуги коней по нагорьям.
Растерзали кони Видосаву.

(«Женитьба короля Вукашина», 281—291)

Не приходится сомневаться в том, что расправляться с «Меретрисами» подобным образом было некогда распространенным и освященным веками обычаем, и что дело идет не о влиянии французского или грузинского предания на сербское.

В той же сербской песне говорится о крылатом коне Ябучиле, который носит своего хозяина, воеводу Момчилу, над герцеговинскими горами. Видосава опалила крылья волшебного коня, чтобы погубить своего мужа. Этот мотив — как можно с достаточной вероятностью предположить — заимствован с Востока. Известно, что он распространен от Якутии до Боснии. Ср. поверья о крылатом коне (тулпаре) в среднеазиатском эпосе¹³.

Поэтому следует обращать особое внимание на типологическое сходство, которое позволяет раскрыть общее в жизни разных народов, обусловленное самой закономерностью их развития.

Вуку Караджичу удалось записать лишь немного песен, относящихся к битве на Косовом поле. Центральное место в этих записях занимают отрывки («Фрагменты»), которые исполнял Стефан Караджич, отец

¹² В. М. Жирмунский. Народный героический эпос, стр. 146.

¹³ Там же, стр. 30.

Вука¹⁴. Из пяти фрагментов первый говорит о походе царя Мурата на Сербию. Второй, самый краткий и самый известный, содержит заклятие Лазаря, обращенное ко всем сербам, угрожавшее бесплодием тому, кто не выйдет на бой. Более чем вероятно, что этот отрывок взят Вуком из песни «Стефан Мусич» (где текст полнее). Третий отрывок повествует о пире Лазаря в Крушевце перед битвой. На пиру Лазарь обращается к Милошу Обиличу:

«И сегодня за твое здоровье,
Милош Обилич, хочу я выпить:
Будь здоров и верный и неверный!
Прежде верный, а потом неверный!
Утром мне на Косове изменишь,
Убежишь к турецкому султану.
Будь здоров и за здоровье выпей,
Пей вино из чаши золоченой».

(«Няжский ужин», 29—36, пер. А. Ахматовой)

На это приветствие князя Милош отвечает, что он не изменник и завтра погибнет за христову веру. Не он, а Вук Бранкович — предатель. Милош клянется, что на следующий день он убьет турецкого царя и, если останется жив, жестоко покарает Вука Бранковича. Четвертый «фрагмент» повествует о том, как Милош Обилич расспрашивает о вражеской силе своего побратима Ивана Косанчича, который в течение пятнадцати дней как лазутчик осматривал турецкий лагерь:

«Я брожу по вражескому стану,
Не нашел я ни конца ни края:
От Мрамора до песков Явора,
От Явора, брат мой, до Сазли,
От Сазли до Чемер-Чуприи,
От Чуприи до Звечана-града,
От Звечана, брат мой, до Чечана,
От Чечана до вершины горной —
Все покрылось войском басурманским...»

(13—21; пер. А. Ахматовой)

Известно, что это перечисление географических названий Косовской области, придающее повествованию местный колорит, Вук вставил из песни «Банович Страхиња», исполненной старцем Милией, родом из Колашина¹⁵. Милии, конечно, были ведомы пути и перепутья Косова и Старой Сербии.

¹⁴ Предполагалось еще во времена Вука, что эти отрывки составляют части некогда единой поэмы «Лазарица». Имитаторы и фальсификаторы XIX в. создали несколько таких «Лазариц», не имевших успеха.

¹⁵ См. примечания С. Матича к стихам 105—110 песни «Банович Страхиња». Вук, II, 43 (стр. 707, изд. 1958).

Милош просит Ивана Косанчича указать ему, где стоит шатер царя Мурата. Косанчич замечает весьма резонно:

«Если бы умел летать, как сокол,
И на турок пал бы с небесей,
Ты не мог бы улететь обратно».

(41—43; пер. А. Ахматовой)

Тогда Милош убеждает Ивана Косанчича скрыть правду от князя и приуменьшить силу турок. Наконец, в последнем фрагменте (всего 15 стихов) в кратких вопросах («Как зовется тот юнак бесстрашный?») и кратких ответах («Это Сергей Злоглядящий, Бошко Югович, Банович. Страхины поражают турок...») изображена сама Косовская битва.

Следует заметить, что сербская классическая песня не выработала описания массового боя. Народной эпике (и не только южных славян) свойственны описания поединков отдельных героев (сравнить поединок Милоша Войновича, племянника царя Степана, с латынским витязем из города Леджана, или единоборство Королевича Марка с Мусой разбойником). Обычный прием гусляров, описывающих вооруженное столкновение, несколько изменен в Косовских песнях (которые, однако, саму битву никогда не ставят в центр событий). Батальные сцены косовских песен исполнены техникой перечисления. — Ср. песни: «Царица Милица и воевода Владета», «Царь Лазарь и царица Милица» (2-я часть), «Гибель царства Сербского». В этой последней песне Косовская битва воспроизводится наиболее подробно (48 стихов). Манера передачи в ней по существу та же, что и в пятом отрывке Стефана Караджича. Перечисляются отдельные подвиги: Вукашина, Углеши и Гойко, Юга Богдана и девяти Юговичей, герцога Степана, князя Лазаря. Лазарь побил бы турок, если бы не измена:

Поразил бы Лазарь войско турок —
Бранковича покарай, о боже!
Предал Вук государя и тестя,
Одолели проклятые турки.
Сербские дружины в битве пали —
Семьдесят семь тысяч храброй рати,
И погиб князь Лазарь вместе с ними.
Был их подвиг хваленый достоин.
Все случилось по воле господней.

(«Гибель сербского царства», 78—86; пер. Н. Гальковского)

Конечно, Вукашин и деспот Углеша, погибшие в бою на Марице (1371), в Косовской битве (1389) участвовать не могли. Равным образом на Косове не сражался и герцог Степан, который родился в 1435 г. Бранкович, как известно, не изменил Лазарю и не был виновником поражения сербов. Не только смешение героев, но также нарочито церковный при-

звук в этой песне указывает на ее позднее происхождение и сближает с песней «Обретение главы князя Лазаря» из Срема, сочиненной в окружении монастыря Раваница, куда были перенесены из Сербии мощи князя-мученика.

Гусляры времен Вука Караджича обычно избегали прямого описания Косовской битвы. В песне «Царь Лазарь и царица Милица» вести о битве приносят сначала эпические вѣроны, затем не менее традиционный слуга. Сведения сообщаются обычным приемом — при помощи вопросов и ответов. После упоминания подвигов Юга Богдана и девяти Юговичей, Бановича Страхины, Милоша, следует проклятье «злодею» Вуку Бранковичу:

А зачем о Вуке ты спросила?
На родителях его проклятье.
Будь он проклят и все его племя!
Изменил он на Косове князю
И увел с собой двенадцать тысяч
Лютых латников с поля сраженья.

(196—201; пер. Н. Гальковского)

В песне «Царица Милица и воевода Владета» применена схема «рассказ очевидца» с перечислением отдельных подвигов. Особенно следует отметить, что в песнях краткого стиха¹⁶ не встречается описания убийства султана Мурата, столь подробного в письменных источниках косовской легенды. Это героическое деяние лишь предвозвещается в третьем фрагменте («Пир у князя Лазаря»). В четвертом отрывке Милош спрашивает Ивана Косанчича, где стоит шатер султана. В песне «Царица Милица и воевода Владета» Милош погибает на поле брани:

«Я по полю Косову проехал,
Обилича Милоша я видел,
Он стоял на Косове широко,
На копы оперся боевое,
Но копы его переломилось,
Турки навалились на юнака,
Думаю, теперь его убили.

(44—50; пер. Б. Слуцкого)

В песне «Царь Лазарь и царица Милица» сказано:

Милош поразил царя Мурата
И еще двенадцать тысяч турок.

(189, 190; пер. Н. Гальковского)

История убийства султана Мурата несомненно была известна гуслярам в разных версиях книжного происхождения. Но эти версии или не

¹⁶ См. ниже, стр. 255—257.

подверглись поэтической обработке, или забылись; сохранились лишь аллюзии и краткие упоминания. Две прославленные песни Косовского цикла — «Смерть матери Юговичей» и «Девушка с Косова поля» повествуют о событиях после боя. Женские образы в них, по-видимому, созданы в сербской среде в более позднюю и гуманную эпоху, в тот период, когда у южнославянских мусульман возникла «Хасанагиница» (XVII—XVIII вв.). Одежда и оружие, сам торжественный выход юнаков в рассказе косовской девушки напоминают костюмы и шествия героев средневропейского балетно-рокового.

В некоторых песнях, причисляемых обычно к Косовскому циклу, имена Милоша Обилича, Юговичей, Бановича Страхины могли бы быть легко заменены другими без ущерба для смысла и действия.

Самое сильное книжное влияние среди Косовских песен испытала песня «Стефан Мусич», в которой рассказывается история героя, запоздавшего на битву. Бросаются в глаза в этой песне формулы вежливости (обращение на «вы», несвойственное народным певцам). Весьма вероятно, что Вук нашел ее в рукописи из Срема.

Только исходя из формальных соображений, можно причислить одну из известнейших сербских песен «Банович Страхиня» к Косовским. До сих пор исследователям не удалось идентифицировать Бановича Страхины с каким-либо историческим лицом. Сама атмосфера песни не имеет ничего общего с докосовским периодом. Все же это весьма старая песня, по мотивам восходящая к первой половине XV в. (вместе с древнейшими сказаниями о Королевиче Марке). В этот период еще сохранялись остатки сербских феодалов, но турки уже были господами положения в центральных областях Балканского полуострова и сосредоточили на Косовом поле свои войска для дальнейших продвижений на север и на северо-запад. Обидчик Бановича Страхины — Влаха Алиа (судя по его имени, потурица) осуждается певцом не только как насильник, но и как бунтовщик против турецкого царя, ставшего уже «законным государем». Имя «Банович Страхиня» соответствует «Королевичу Марку»: первый не бан, а сын бана, второй не король, а сын короля (отражение вассальной зависимости от турок). Переодевание героя в турецкие одежды, а также его умение говорить на разных языках — напоминают повадки героев крайнего эпоса. Мотив о наказании или прощении неверной жены в конце песни менялся в течение веков, на что указывает песня долгого стиха у Богишича (№ 40), в которой изменницу казнят ее же родные братья.

Во времена Вука Караджича песни о Королевиче Марке были известны от Западной Болгарии до Адриатики и от Эгейского моря до гор Словении, в то время как косовское предание заглохло в большинстве областей Балкан, населенных сербами. Песни о Косове не пелись и на самом Косовом поле (через полвека там их напрасно искал Гильфердинг). Их можно

было услышать в начале XIX в. главным образом в Среме (на территории Венгрии). Из этих мест они распространялись вверх по Дунаю и в Северную Сербию. Исполнялись эти песни нищими слепцами в дни церковных праздников, а также на ярмарках. Гуслеры не пользовались в пределах Воеводины таким почетом и уважением, как в Герцеговине или Черногории. Это было занятие «божьих людей», слепцов. В городке Ириге они имели свою гуслерскую школу («академию»). Среди исполнителей Косовского цикла было много женщин как местных, так и беженок из Сербии. Быть может, эти последние и занесли некоторые мотивы косовского предания в стихи или в прозаическом рассказе. Отрывки были плохо связаны, фрагментарны. Возникший в Воеводине XVIII в. интерес к косовским событиям под влиянием ученых мужей, из которых многие были лицами духовными, занявшимися прошлым своего народа, несомненно повлиял на сказителей новых песен о Косове. Песни эти стали менее кровавыми и жестокими, чем старые героические песни, приобрели налет «гражданственности» и патриотизма, столь свойственных сербскому обществу XVIII в. в пределах австрийской монархии.

Косовские песни гораздо более нравились просвещенным европейским критикам, чем «варварская» эпопея о Марке и гайдуках. Приведем мнение современных исследователей эпоса — Чадвиков: «...Песни о Косове по-видимому созданы более прогрессивной и культурной средой. В них выведены люди героического типа, но вместе с тем вполне человеческие; грубый и людоедский элемент (*ogre-like element*) в них отсутствует»¹⁷. Напомним, что весьма нелестное мнение о Королевиче Марке высказал сербский историк XVIII в. архимандрит Иован Раич (1726—1801), учившийся в Киеве, последователь и поклонник Феофана Прокоповича: «Многая о сем кралевице помежду народом повествуются, — писал Раич, — и в песнях поются, обаче множайшая от тех басни суть: зане суеверны и легкомысленны суть, яко же и оно еже о мече его из земли исходящем баснословится. Аще ли же за истину почитется еже о нем в простых песнях поется, обретаем его быти прoderзливим насильником и подлым пияницом кроме прочих бесстудий»¹⁸. Напротив, персонажи Косовского цикла были для Раича мучениками за православную веру, национальными героями, а не «дерзкими пьяницами и насильниками», как Королевич Марко и его соратники.

Косовская легенда в среде венгерских сербов подверглась обработке, и обработка эта повлияла на те немногие песни о Косове, которые до нас дошли благодаря Вуку Караджичу. Почти все записи косовских песен

¹⁷ H. M. Chadwick and N. K. Chadwick. *The Growth of Literature*, v. II. Cambridge, 1936, p. 314.

¹⁸ V. Jagić. *Gradja za slavinsku narodnu poeziju*—«Rad», JAZU, XXXVII, str. 137; Н. Банашевич. Циклус Марка Краљевића, стр. 36.

Вука произведены в Среме (Воеводина) ¹⁹. Вук Караджич был осведомлен о том, что вне Срема сказания о Косове найти весьма трудно. От своих помощников, собиравших эпические песни в Черногории и Герцеговине, он не смог получить ни одной песни о Косове. Известно, что от своего отца Вук записал так называемые «фрагменты» Косовских песен в городе Сремские Карловцы в 1815 г.; более чем вероятно, что Стефан Караджич слышал эти песни от сремских слепых певцов. Это мнение подкрепляют и цитаты из песни о Косове — «История князя Лазаря» Аврама Милетича (ок. 1780 г.), несомненно сремского происхождения ²⁰. Знаменитое проклятие князя Лазаря встречаем у нескольких авторов XVIII в. из Срема, в том числе у Досифея Обрадовича (который был монахом в Среме). Следует также предположить, что Подругович, диктовавший Вуку свои песни, выучил песню «Царь Лазарь и царица Милица» в Среме у слепых певцов (на что указывают не свойственные Подруговичу церковные элементы в этой песне). Не следует, конечно, думать, что Косовские песни сочинены благочестивыми литераторами духовного звания. Дело идет о влиянии (скорее устном, чем письменном) образованных людей на народных исполнителей песен. Идеализация косовских событий в XVIII в. характерна для графа Джорджа Бранковича, Павла Юлинаца (в его истории сербов), «Плача» Захария Орфелина, «Повести о битве на Косове» (где несомненно влияние Мавра Орбини). Пир Лазаря перед боем изображали в это время в церквах Срема так, что он напоминал евангельскую тайную вечерю. Такую картину работы живописца монаха Амвросия Янковича (70-е годы XVIII в.) Вук Караджич видел в монастыре Раваница, где находились мощи князя Лазаря.

Можно с достаточной степенью правдоподобия предположить, что полузабытые песни о Косове в конце XVII в. были занесены в Венгрию сербами-эмигрантами. Позже в Воеводину из Сербии могли также проникнуть

¹⁹ С. М а т и ћ. Порекло косовских песама краткого стиха. — «Зборник Матице српске за књижевност и језик». Нови Сад, 1954, књ. 1, стр. 7—25. Ср. рец. Н. Банашевича в журнале «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», 1954, XX, св. 3—4, стр. 328—329. Замечено, что в эрлангенской рукописи народных сербских песен (начало XVIII в.) нет ни одной песни «косовского цикла».

²⁰ А. М и л е т и ч (дед известного политического деятеля XIX в. Светозара Милетича) записал следующие стихи:

Часто письма из Косова шлются.
Кто их пишет, кому посылает?
От царя турецкого Мурата
К Лазарю царю в Крушевац белый.

Т. О с т о ј и ћ и В. Ћ о р о в и ћ. Српска грађанска лирика XVIII в. — «Зборник за историју, књижевност и језик». САН, књ. 13, стр. 5. Ср. Б. К р с т и ћ. Постанак и развој народних песама о Косовском боју. — «Трећи конгрес фолклориста Југославије». Цетиње, 1958, стр. 91.

обрывки песен и прозаических народных легенд. Они вошли в репертуар сремской нищей братии и подверглись обработке. В Воеводине слепцами были сочинены заново некоторые песни, например, «Обретение главы князя Лазаря», а досуужими литераторами, прислушивавшимися к народной песне, — «Мусич Стефан». Весьма вероятно, что в этой среде была сложена песня о косовской девушке. Таким образом, Косовский цикл — в том виде, в каком он передан грядущим поколениям Вуком Караджичем — состоит из песен, сочиненных в народном духе при помощи устной эпической техники и песен народных, испытавших книжное влияние. Ограниченность распространения и сравнительно небольшое число песен косовского цикла свидетельствуют о том, что на рубеже XVIII и XIX вв. старые темы забывались, уступая место более современным сюжетам.

Косовские песни обрели новую жизнь в освободившейся и освобожденной Сербии XIX в. Они вскоре стали почитаться национальным сокровищем. Их воздействие на культурную и общественно-политическую историю южных славян было огромным. Вука Бранковича проклинали поколения. Милоша ставили себе в пример молодые герои, боровшиеся за народную независимость. Черногорского поэта Негоша, автора «Горного венца», Иво Андрич назвал «трагическим юнаком косовской идеи». Косовым сербы клялись во времена балканских войн. Косовский мавзолей работы знаменитого хорватско-далматинского скульптора Ивана Мештровича в XX в. стал памятником народной славы и символом единства народов Югославии.

В нашем сборнике под названием «Песни из времен турецкого ига» помещены эпические произведения, которые можно было бы разделить на песни с тематикой, характерной для XV в., песни гайдуков и ускоков, и на песни из времен восстания Карагеоргия. Впрочем при таком разделении остались бы еще вне рубрик три мусульманские песни: «Омер и Мейри-ма», «Хасанагиница» и «Женитьба бега Любовича», и две песни о русско-сербских отношениях: «Московские подарки» и «Поход турок на Вену».

В анализах сербских народных песен не уделялось достаточного внимания тем мотивам, которые понятны лишь из наблюдений над процессом распада сербской деспотовины и последней фазы христианского феодализма на Балканах (период вассальной зависимости от турецкого царя). В это время — от гибели Лазаря до смерти Джураджа Бранковича — в течение около 70 лет происходили значительные общественно-социальные сдвиги. Сербские феодалы были еще сильны, но рядом с наследственной аристократией подымались и достигали ответственных военных и административных должностей простолудины, наемные солдаты, люди не связанные с традициями Неманьичей. В этом пестром обществе в эпоху переворотов, войн, усобиц и турецких нашествий рождалась новая

эпическая песня, которая в известной своей части дошла до нашего времени. Сказать, что сербская эпика совершенно не зависела от феодального общества и что эпос создали только крестьяне в глухих урочищах Балкан — так же неверно, как приписывать разлагающемуся феодальному обществу главную роль в создании народной эпики. Несомненные реликты феодальных отношений в песнях о Королевиче Марке. Вспомним об аристократическом презрении разборчивой невесты Роксанды, сестры Леки-капитана, к витязям без рода и племени, крылатому Релье и Милошу, вскормленному кобылой, и ее презрительные упреки Марку, который, будучи королевским сыном, стал турецким прислужником. Гусляр, сложивший эту песнь, принадлежал, несомненно, к другой (гайдуцкой) среде, но отразил некоторые воззрения феодалов. В те времена по сербской земле еще ездили воеводы-богатыри «господского происхождения», как королевич Марко, бег Костадин, Лютица Богдан, Черноевичи, но дни их были сочтены не только в действительности, но и в эпических сказаниях. Кроме того, оставались еще сербские феодалы, которые не примирились с властью турок и, отъехав к венграм, продолжали неравную битву с мусульманами и даже наносили им удары, как наследник Бранковичей Вук Огненный Змей. В песне, весьма примечательной для историка — «Девушка Маргита и воевода Райко», записанной Вуком от старца Рашки (Вук, III, 10), перечисляется целый список сербских военачальников, исторических и легендарных, которые в XIV и XV вв. боролись с турками. Они или убиты, или умерли, или перешли в турецкую веру. Остался один воевода Райко в Среме — «как сухое дерево среди скал». Райко кончает жизнь самоубийством, и его кинжалом убивает себя и девушка Маргита — ибо все кончено, и всякое сопротивление бесполезно.

Тот же стоический пессимизм характерен для песни «Смерть воеводы Приезды», дошедшей в нескольких вариантах (ср. эрлангенскую рукопись и издание Вука). Константин Философ записал, что в 1413 г. воевода города Сталача в Сербии — «елико кто от древних» — сгорел в крепости, защищаясь до последнего издыхания от турок. Сербские герои из феодалов, такие как воевода Дойчин, платили жизнью за последний героический подвиг. Когда миновало время последних сербских аристократов и погибли новые воеводы из простого народа, в народе появились вожди гайдуков, которые продолжали сопротивление завоевателям, применяя новую тактику.

Гайдуки в Сербии, Боснии, Герцеговине, Далмации и хорватском Приморье создали своеобразный обширный цикл песен, приспособив к своим запросам и чаяниям некоторые старые песни, например, песни о Королевиче Марке.

Среди гайдуцких атаманов гусляры особенно прославляют Старину

Новака, грабившего на горе Романьи близ Сараева в XVI в., а также его сына, красавца Груицу, и брата или побратима Дели — Радивоя. Не менее знаменит в гайдуцкой среде был Байо из Пивы (Герцеговина), действовавший в XVII в. в окрестностях Боки Которской вместе со своим есаулом Лимуном. Об этих гайдуках сочинено немало песен, сюжетами которых были стычки, грабежи, убийства турок, похищение красавиц. В настоящее время благодаря архивным документам мы знаем гораздо больше, чем 20—30 лет тому назад, о деятельности — далеко не всегда похвальной — гайдуцких атаманов, идеализированных народными певцами. Нередки случаи, когда певцы сводили в одну эпическую личность несколько реально существовавших гайдуцких предводителей, например, Новака Дебеляка и Баба Новака из Подунавля.

Герцеговинцы, эмигрировавшие после 1482 г. в Далмацию и в Хорватское Приморье, обороняли венецианские и австрийские границы от турецких вторжений. Они были одновременно пограничниками и пиратами. Ускоки из города Сенья (австрийские владения) на быстроходных лодках нападали на венецианские корабли и на территорию Дубровницкой республики.

Самым знаменитым вождем ускоков был Иво Сеньянин (Иван Новачевич Влаткович), личность историческая. Он воевал и грабил в конце XVI и начале XVII вв. Его смерти посвящена замечательная песня, в которой обычная схема — вещей сон матери — получает неожиданное осуществление и превращается в красочный рассказ с деталями, достойными большого поэта (см. описание погони, стр. 180). На самом деле Иво Сеньянин погиб не так романтически, а был казнен в Карловце по приговору австрийского военного суда.

Песни пели и о Тадии из города Сенья, известном вожде ускоков. Гуслиры воспели также семерых Данчичей. Голова одного из них, Перы, в рассказе гуслира украсила мачту галеры из Сенья «в злой стране Леванта». В песнях далматинских ускоков все время встречаются упоминания о их противниках, турках из Краины, среди которых называются известные герои мусульманского эпоса — Мустай-бег из Удбины, Мустафа Хрница и его брат Алил. Наблюдается немало общего в некоторых песнях ускоков и в мусульманской эпической традиции. Эта общность порою выражается в более сложном построении песен, в обилии авантюрных и романтических приключений с переодеваниями и посредниками. Я осмеливаюсь также говорить о далматинско-боснийском барокко в эпосе XVII в. — особенно отразившемся в описании одежды, вооружения, раззолоченных и бархатных карет, свадебных шествий. О влиянии стиля барокко свидетельствует также гиперболизированный героизм, рассказы о подвигах, построенные на принципе «игра света и тени», любовь к маскарадам и жестам, а также патетика в психологических портретах.

Необходимо сопоставить приморско-краинский эпос XVII в. с «Османом» Гундулича, чтобы эти стилевые приемы стали более ясными.

Вожди гайдуков и ускоков появляются в венгерско-хорватской литературе эпохи барокко. Граф Николай Зринский Младший (Зрини), по отцу хорват, по матери венгр, военачальник и поэт, представитель *humanitas heroica* XVII в., воспел деяния своего прадеда Николая Зринского Старшего, который в 1566 г. со своими хорватами и венграми до смертного часа оборонял город Сигет от турок. Правнук сочинил по-венгерски поэму «Падение Сигета», которую его брат Петр Зринский (казненный австрийцами в 1671 г.) вольно переложил на хорватский под заглавием «Сирена Адриатического моря». Николай Зринский Младший учился в Италии, где воспринял культуру позднего гуманизма в ее барочных формах. Поэт повествует, что среди защитников Сигета под командой его прадеда были гайдуцкие вожди — Иван Новакович, Андриян Радован и Стипан «Големи» (что значит «Большой»). Иван Новакович был потомком знаменитого гайдука Новака Дебеляка. Венгерский поэт сравнивает Радована с яростным львом, который рычит, завидя врага. Радован уже отрубил 600 турецких голов и пошлет в ад еще добрую тысячу турок. Тело гайдука покрыто ранами, он долго томился в турецкой темнице, но ничто не смогло поколебать его силы. Гайдук Стипан — гигант высотой с гору; он владеет всеми видами оружия, но оно неспособно повредить герою, ибо кожа его тверда, как железо и камень ²¹.

Из приморских ускоков наиболее известен Стоян Янкович, сын Янка Митровича из Котора, который прославился во времена завоевания Удбины, Лики и Крбавы (Западная Босния). Песни о нем исторической верностью не отличаются. Стоян Янкович похищает турецких красавиц, бьется на поединках с мусульманскими юнаками, попадает в плен к султану. Песню «Плен Стояна Янковича» не раз сравнивали с песней о возвращении Одиссея (мотив «муж на свадьбе своей жены»), хотя в те времена не только на Балканах, но и в Средней Азии многие богатыри попадали в плен и, возвращаясь, оказывались в положении знаменитого приморского гайдука. Дело идет о типическом сходстве ²².

Песни о борьбе черногорцев с турками и об освобождении Черногории от турецкого ига в начале XVIII в. воспевают героев восстания: архиепископа Данилу, Вука Мичуновича, братьев Мартиновичей. В этих песнях

²¹ См. немецкий перевод поэмы Арпада Гийома (Arpad Guilleaume. Budapest, 1944). Цит. по книге Андреаса Андьяла «Славянский мир эпохи барокко» (*Slawische Barockwelt*). Leipzig, 1961, S. 234—235.

²² Сравнение южнославянского эпоса с Гомером — от Якова Гримма до наших дней — уместно лишь для выяснения общих черт героики у разных народов в разные эпохи. См. В. М. Ж и р м у н с к и й. Эпическое творчество славянских народов и проблема сравнительного изучения эпоса, стр. 14—15.

говорится о страшном походе Чуприлич-визиря в 1714 г. на Черногорию, о славной битве на Царевом Лазе в 1712 г. Песни черногорцев содержат интересные эпизоды, но, по меткому выражению Вука Караджича, в них больше истории, чем поэзии. Сюжеты в черногорских эпических песнях мельчают, зачастую сводятся к пограничным стычкам; в них рассказывается об угоне овец, убийстве турецких пашей, походах на турецкую территорию Герцеговины. Исчезает тот широкий эпический размах, который создал некогда народную поэму «Женитьба Максима Црноевича». П. Попович верно заметил о черногорских песнях: «В них нет полета фантазии, как нет и юмора; в них есть только известный трезвый реализм в описании». Однако нельзя согласиться с его мнением о том, что черногорцы всегда излагают свои песни просто и сжато. В некоторых черногорских песнях несомненно влияние архитектоники краинского эпоса. Для историка литературы одной из самых интересных черногорских песен является «Смерть Смаил-аги Ченгича» (убитого черногорцами в 1840 г.). Эта песня побудила известного хорватского поэта Ивана Мажуранича (1814—1890) создать свою поэму под тем же заглавием, которая была бы лучшим стихотворным произведением на народную тему в сербско-хорватской литературе XIX в., если бы Негош не написал свой «Горный венец»²³.

Восстание Карагеоргия было воспето гуслеями, среди которых знаменитый слепец Филипп Вишнич особенно прославился как автор песен «Начало восстания против дахийев» и «Бой на Мишаре». Вишнич воспел великодушный поступок сербского вождя Ивана Кнежевича из Семберии (Босния), который отдал все свое богатство Кулину-капитану, чтобы выкупить пленных сербов. Песни о восстании Карагеоргия, об его бегстве в Россию²⁴, смерти, об убийстве Карагеоргием своего отца²⁵ создавались еще при жизни Вука Караджича. Гуслеи, воспевавшие «новые времена», пользовались традиционными схемами, мешали быль с фантазией, однако нередко воссоздавали историческую атмосферу событий тех героических лет, когда сербы с оружием в руках поднялись против вековых угнетателей. Гуслеи сочиняли также песни о более удачном для сербов

²³ См. русский перевод М. Зенкевича. М., 1935.

²⁴ Песня «Расставание Карагеоргия с Сербией» начинается традиционным разговором вилы, которая зовет героя с горы (гуслеи Сава Матов Мартинович).

²⁵ В черногорском варианте песни о восстании против дахийев (Вук, IV, 25) гуслеи рассказывает, что Карагеоргий убил отца, который защищал турка в своем доме. Не так в известном стихотворении Пушкина. Убийство отца Карагеоргием, по-видимому, не было выдуманно певцами. Есть сведения о том, что Карагеоргий ранил Петра и приказал своим людям его убить, чтобы он не мучился. См. С. М а т и ч. Комментарий к песням Вука, IV, 25, стр. 534, и статью: А. В. С о л о вьев. — «Белградский Пушкинский сборник». Белград, 1937.

восстании Милоша Обреновича и о войнах черногорцев с турками в XIX в. («Бой на Грахове» 1836 г.).

Говоря о циклах, я не касался вопроса, который еще недавно занимал в самой сильной степени литературоведов и фольклористов — вопроса о древности сербского народного эпоса. Умозрительно можно возвести сербскую эпическую песню к тем отдаленным временам, когда предки южных славян спустились с Карпат к Дунаю и расселились затем по Балканам. Можно также предположить, что в народе всегда слагались и пелись песни. Известны упоминания гимнов, посвященных св. Савве (XIII в.), и каких-то напевов (неизвестно, впрочем, на каком языке), которые исполняли люди, сопровождавшие Никифора Григора и византийских послов в Сербию (XIV в.). Однако все эти свидетельства смутны²⁶.

С достаточной вероятностью можно считать, что устные рассказы о событиях (анекдоты, повести, легенды, сказки) предшествовали героическим песням XV—XVI вв. на ту же тему. Были и небылицы воспринимались народными певцами, подчинившими повествование законам устной поэзии, которая могла быть до XV в. лирической и лиро-эпической. Но затем были найдены первоначальные схемы поэтического рассказа, отличающиеся от схем прозаического повествования. Вук Караджич считал лирические песни более старыми, чем юнацкие. Исходя из этого мнения, Т. Маретич утверждал, что именно лирические песни были формообразующими для более поздних, эпических. От лирики был воспринят и десятисложный, хореический в своей основе, стих и система сравнений, антитез, повторов и т. д. Маретич подкрепляет свое мнение и тем, что в народе параллельно существуют однотемные песни и прозаические рассказы (например, о Королевиче Марке). Таким образом, по Маретичу, эпическая песня развилась лишь в XV в. Эта гипотеза — несколько скептическая — все же более удовлетворительна, чем попытки обновить романтическую теорию, утверждавшую, что «кантилены» создавались тут же после боя²⁷. Нам, конечно, известны случаи в XX в., когда гуслеры «по горячим следам» воспевали подвиги героев, однако распространять примеры (обычно художественно слабые) из времен упадка и вырождения сербского эпоса на древние времена вряд ли верно. Я не верю, что «песенные

²⁶ В сравнительно недавно появившейся статье А. Балотэ — Исторические источники (XII—XIV вв.) о древности и происхождении южнославянской эпической песни (в кн.: «Romanoslavica», II, București, 1958, стр. 273—284) я не нашел новых сведений о «древнейшем периоде» сербского эпоса.

²⁷ Так свято верил в XIX в. А. Павич. Его мнение повторено с незначительными вариантами в статье: Б. К р с т и ћ. Постапак и развој народних песама о Косовском боју. — Трећи конгрес фолклориста Југославије». Цетиње, 1958, стр. 83—99. См. основательную критику этого мнения в рецензии Н. Банашевича в журнале «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», кн. 25, "с. 3—4. Београд, 1959, стр. 315—316.

сообщения» (Berichte) создались тут же на Косовом поле или у берегов Марицы. Побежденные бежали в беспорядке и, вероятно, не имели досуга для сочинения эпических песен. Для создания легенды и песни необходима не только эпическая память, но и «эпическое забвение». События должны отодвинуться в прошлое. Об этом прекрасно знают гуслеры, беседовавшие с Мурко, Парри и автором этих строк. Сюжет должен долго бродить по свету, обрастать мотивами (или терять их), пока не натолкнется на одаренного гуслера, чтобы из сказания стать песней, из притчи — поэзией.

В заключение следует обратить внимание на менее известные у нас южнославянские мусульманские песни, которые сербские литературоведы долгое время просто включали в мусульманский цикл. На самом деле эпос балканских мусульман сербского происхождения по «эпическому пространству» и художественному значению едва ли не равен христианскому эпосу и содержит сам несколько «циклов».

Песни южнославянских мусульман весьма часто содержат те же сюжеты, что и сербские, но они как бы «вывернуты наизнанку» (при подходе с христианской стороны). В эпосе Краины (Босния) мусульманские юнаки преследуют, берут в плен и убивают сербских юнаков. Если Марко Кроролевич встречается с Мусой разбойником — он побежден, если Джержелез-Алия выехал по большой торговой дороге из Сараева, то можно быть уверенным, что он переловит и перевяжет на горе Романии всех гайдуков, начиная от самого Старины Новака. В песнях гайдуков и ускоков весьма излюблен мотив о том, как пленного юнака освобождает сестра или дочь турецкого бега и убегает вместе с ним. В мусульманских песнях, напротив, прекрасные христианки избавляют от неволи турецких юношей и делают их женами. Но ни одна лишь идеологическая «перелицовка» примечательна в поэзии боснийских мусульман. Ее отличительная особенность — любовь к деталям, многословное и тщательное описание оружия, нарядов, коней, пиров. В ней встречаются эротические сцены, сербскому «классическому» эпосу не свойственные, чувствуется проникновение мотивов из восточной (преимущественно турецкой) сказки, из вариантов — известных и неизвестных — «1001 ночи». Особенности мусульманской эпической песни является также некоторая вольность в размере (количество слогов в «десетерце» не всегда выдержано), а также изобилие турецких и арабских слов, которые, впрочем, встречаются в достаточной, хотя и в меньшей степени и в сербских песнях. Однако славянские антитезы, постоянные эпитеты, некоторые метафоры, наконец, традиционное для южнославянского эпоса повторение тесно связывают мусульманскую песнь с сербской. Не приходится сомневаться в том, что мусульманская эпика — явление более позднее, чем сербская. Она восходит к XVI в.

Исследователи мусульманской эпической песни (Мурко, Шмаус) настаивают на ее феодальном характере. Известно, что еще в начале XX в. у многих боснийских бегов, сохранивших при Габсбургах имения и даже известную власть над крестьянами, существовали свои гуслары. «Эпическая среда» в мусульманских областях до самого конца XIX в. и даже начала XX в. поддерживалась среди непрерывных стычек с черногорцами, мятежей, гайдуцких подвигов и междоусобных войн. Однако легендарные времена юнацкой славы, когда верные бойцы султана гордо говорили —

Охранять нелегко нам Краину,
Утираясь кровавой рукою...

(Сб. «Матицы хорватской», III)

отошли в безвозвратное прошлое. Остались одни воспоминания о турецком могуществе и боснийской славе.

Современный югославский исследователь мусульманского эпоса С. Назечич считает ошибочным принимать всю мусульманскую эпiku за феодальную (при несомненном существовании феодальных черт) и полагает, что необходимо песни из Краины рассматривать параллельно с циклом ускоков, а некоторые другие — вместе с песнями о Бранковичах, Якшичах и венгерско-хорватских героях XV—XVI вв. Он обращает внимание на те песни, в которых описываются столкновения между бедняками мусульманами и бегами. Певцы (в большинстве крестьяне) нередко прославляют простонародных юнаков, причем почти исключительно югославянского, а не турецкого происхождения²⁸. Особенно примечательно в мусульманском эпосе появление женщин, переодевающихся в мужское платье и совершающих подвиги на поле брани. Они напоминают героинь Ариосто и Гундулича, а также богатырских девиц среднеазиатского и кавказского эпоса²⁹. Интересно также отметить, что в мусульманских песнях образованность считается добродетелью; особенно хорошо знали иностранные языки венгерские мусульмане (родом из Боснии). Так, Мустафа Орланович, их представитель, говорит:

Изучил я много книг и грамот,
И семью владею языками³⁰.

(К. Херман, I, 21)

²⁸ С. Назечич. О неким питањима муслиманских епских пјесама. — «Избор књижевних радова 1941—1951». Сарајево, 1951, стр. 252—267.

²⁹ Сравнить образ богатырской девицы в «Песне о Баязете» (см. изд. Парри—Лорд) с невестой-богатыршей в огузской поэме «Деде Коркут». Перевод В. В. Бартольда. Изд. Академии наук Азербайджанской ССР. Баку, 1950 (песнь VI). См. В. М. Жирмунский. Китаби Коркут и огузская эпическая традиция. — «Советское востоковедение». М., 1958, № 4, стр. 90—101.

³⁰ Народные пјесме Мухамедоваца у Босни и Херцеговини. Сабрао К. Херман. Т. I, 21. Сарајево, 1888.

Назечич отмечает также, что героини мусульманских песен обычно умеют читать и писать, и что в христианской (сербской) эпике не встречается такого протеста против угнетения женщины, как в мусульманской (см. «Хасанагиницу»).

Собиратели и исследователи мусульманского эпоса иногда удовлетворялись тем, что, обнаружив «новую» и весьма своеобразную эпическую среду, стремились описать ее и приблизить к нашему пониманию. Они обычно сетовали и на то, что мусульманский эпос в югославской народной поэзии — Золушка, о которой все забыли, интересуясь лишь сербской песней. Некоторые не только на материале сербского эпоса, но также и мусульманского изучали процесс разрушения и отмирания боснийской эпической среды в XX в. Иные же устремились на поиски магометанского Гомера, который якобы должен воссиять в самом конце развития южнославянского эпоса. Пэрри предполагал сначала, что слепым Гомером был кривой Гуссейн, родом албанец, певший на двух языках в конце XIX в. Но о Гуссейне сохранились лишь скудные сведения. Наконец «Гомер» был открыт в лице Авда Меджедовича из Биела Поля (быв. Новобазарского Санджака). «В гусляре Авдо Меджедовиче Пэрри нашел то, что он искал по всей стране — певца сказаний (the singer of tales), который мог спеть песни столь же длинные, как «Илиада» и «Одиссея», — пишет проф. Лорд³¹. Действительно, летом 1935 г. Авдо Меджедович по заказу М. Пэрри спел песню «Свадьба Смаилагича Мехо» в 12 323 стиха. Он повторил эту же композицию для А. Лорда в 1950 г. — песня сократилась до 8488 стихов.

Не слишком убедителен аргумент проф. Лорда, который считает, что мусульмане сочиняли песни более длинные, чем христиане, «прежде всего потому, что в течение столетий они были правящим классом (?) и имели больше свободного времени слушать разные песни и рассказы». Причина длиннот в мусульманских песнях может быть, конечно, объяснена склонностью певцов к детальным описаниям — явление это также характерно и для среднеазиатского эпоса. Однако объяснение это несколько поверхностно. Основа несомненно кроется в изменении самих композиционных принципов, что достаточно ясно показал А. Шмаус³² в весьма обстоятельном исследовании о мусульманском эпосе южных славян.

Уже Мурко различал два основных стиля мусульманской песни: герцеговинский и краинский. Герцеговинская мусульманская композиция отличается от сербской главным образом длиннотами и развитием второстепенных действий, не нарушающими, впрочем, единства действия (см. в нашем сборнике песню «Женитьба бега Любовича»). Северо-западная

³¹ M. P a r r y, A. B. L o r d. Serbo-croatian heroic songs, v. I. Cambridge, 1954, p. 16.

³² A. S c h m a u s. Studije o krajinskoj epici. — «Rad» Jugoslavenske Akademije Znanosti i Umjetnosti. Zagreb, 1953, knj. 297, st. 89—247.

Босния выработала новую структуру. Краинские песни распространились и в Герцеговине, затем в Новобазарском Санджаке и Албании³³. Боснийцы сами утверждают, что «лучшие песни» следует искать в Краине; они считают, что чем дальше песня от Краины, тем она «хуже».

Хойслер писал о том, что «набухание» (*Anschwellung*), растягивание песни порождается часто новыми художественными подробностями³⁴. Шмаус, исходя из теоретических построений Хойслера, полагает, что краинские юнацкие песни не становятся эпосом, а пребывают в некоем переходном состоянии между двумя жанрами. Сербская героическая песня обычно кратка. Она ограничивается одним действием, развивающимся равномерно. Гусляр не говорит от своего имени, разве что иногда вставляет краткие замечания или восклицания. Он преднамеренно концентрирует действие, избегая многопланности композиции. От этого выигрывает эпическая напряженность. Певец обращает внимание на самое главное, не вдаваясь в излишние детали. Сами повторения не «расширяют» песню, а способствуют (особенно у искусных певцов) стилистическим эффектам (как, например, в «Смерти матери Юговичей» или «Марко пьет вино в рамазан»). Строгий стиль «классической» сербской эпики избегает новшеств. Однако стилизация сербского эпоса у плохих певцов ведет к шаблону.

Совсем иные принципы Шмаус усматривает в эпике Краины. Певцы северо-западной Боснии охотно воспевают события большого объема. Они показывают не только отдельных юнаков и ближайшее их сопровождение, но и массы, например, «царское войско». Они изощряются в сложных описаниях, вводят все новых и новых действующих лиц, любят романтические авантюры (как в итальянском литературном эпосе XVI в.). Любовные сцены часто вытесняют военные события — везде раскинуты «сады Армиды». Содержание осложняется интригами. Происходит распад строго эпического стиля. Действие краинской песни — двустороннее (например, в лагере турок и в лагере христиан — как в «Песне о Роланде») и переносится из одного центра в другой. Песня содержит целый ряд симметрически расположенных картин (синхронистые событий). Между обоими мирами — на некоем «среднем плане» — происходят события, необходимые для связи повествования. «Средний план» приобретает особую важность. Там действуют вестники султана («царские татары»), разные посредники, хозяйки пограничных трактиров, переде-

³³ Краинские сюжеты, имена героев, ритмику переняли в XVIII в. северные албанцы (Гегя). Песни «краинские» (*krahinë*) исполняются под аккомпанемент гуслей (*lahutë*); эпический герой зовется «краишник» (*kreshnik*). Упоминаются географические югославские названия, особенно Удбина и Кладуша в Лике. См. S. S k e n d i. *Albanian and South Slavic Oral Epic Poetry*. Philadelphia, 1954, p. 99—100.

³⁴ A. H e u s l e r. *Kleine Schriften*, Bd. I. Berlin, 1943, S. 135.

тые и подслушивающие лица ³⁵. Внимание привлекают персонажи, ведущие двойную игру. Создаются напряженные ситуации. Герои появляются в землях неприятеля. Переодетые лица сталкиваются на своем пути; это порождает неожиданные ситуации.

Сценические элементы крайнского эпоса столь ярки, что возникает вопрос — не свидетельствуют ли они о близком знакомстве крайнских певцов с театральными представлениями в соседних приморских городах Далмации?

В конце XIX в. крайнские певцы перестали сочинять новые песни, а только худо или хорошо исполняли старые. Крайнские юнацкие песни все же не породили «эпоса для чтения» и остановились на предварительной ступени ³⁶.

Не следовало бы забывать мнения Радлова о том, что «большой эпос может составить человек, вышедший из народной среды и сам владеющий техникой певца, который в то же время приобщился к культуре и обладает ярким индивидуальным талантом. Большой эпос (от «Илиады» до «Калевалы») возникает только на стыке эпического периода с культурным и требует от поэта принадлежности к «обоим мирам»»³⁷.

Все это заставляет нас сомневаться в том, что Авдо Меджедович, новоявленный «албанско-югославский Гомер», действительно слагал «Эпос». Известно, что Меджедович в основу своей песни взял печатное издание ³⁸ и растянул его более чем на 12 000 стихов. Но для перемены стиля (а в этом главное) необходимо (как показали Хойслер и Баура, а для югославской эпики Шмаус) сильное развитие двухстороннего действия («два лагеря»).

Поскольку песня Меджедовича нам известна, можно заключить, что она не образует новых структурных особенностей (по сравнению с крайнскими). Сама ее долгота может быть лишь свойственной мусульманским гуслирам склонностью, далеко не всегда похвальной, к амплификации ³⁹.

³⁵ В сербском эпосе переодевания встречаются, но редко; быть может, под влиянием магометанских песен (см. «Королевич Марко и Мина из Костура» и «Банович Страхиња»).

³⁶ Заслуживают внимания свидетельства некоторых мусульманских певцов о том, что в их среде были в ходу рукописные сборники песен (что напоминает о манускриптах жонглеров французского средневековья). Певцы, исполнившие свои песни для «Матицы Хорватской» в Загребе, называли своих учителей, имевших «книги», которые восходили будто бы к «бледнолицей Айке», записывавшей от самих участников битв и подвигов их подвиги. Марьянович и его помощники не смогли отыскать таких рукописей.

³⁷ В. В. Р а д л о в. Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. V. СПб., 1883, стр. XXII—XXIII.

³⁸ «Matica Hrvatska», IV, № 49 — песня Мехи Колаковича из Краины. Эту песню Меджедович перенял от грамотея. Особенно развита у Меджедовича экспозиция (в мапере Колаковича).

³⁹ См. A. S c h m a u s. Ein epenkundliches Experiment — «Die Welt der Slaven», I, 3. München, 1936; A. S c h m a u s. O uporednom proučavanju narodnih epika. — «Beo-

Не имея возможности в этой работе посвятить больше места проблемам мусульманской югославской эпикки, скажем в заключение, что ее основной проблемой является художественный выбор. С мусульманскими песнями надлежит поступать так, как Вук Караджич поступал с сербскими. С этой задачей — как я полагаю — должен справиться в полной мере югославский исследователь, одаренный необходимыми литературными качествами, которому доступны хранилища неизданных записей народного творчества. Частично такое задание могут выполнить иностранные составители переводных антологий. Именно в сборнике мусульманских югославских песен ощущается недостаток у нас; недостаток этот следовало бы восполнить.

III. Исследователи эпоса и народные певцы

В 1774 г. аббат Фортис издал в Венеции историю своего путешествия по Далмации. В книге этого эрудита XVIII в. содержатся сведения об истории, географии и этнографии Далмации, описание ее городов и достопримечательностей, сведения о далматинских гуманистах и, наконец, запись на сербско-хорватском языке народной эпической песни — знаменитой «Хасанагиницы». Фортис дал также итальянский перевод песни. Его сочинение свидетельствует об интересе к странам «восточным и живописным» (к которым причисляются в это время и Балканы), столь свойственном европейскому предромантизму.

Известно, что Гёте перевел «Хасанагиницу» и Гердер поместил этот перевод в 1778 г. в своем сборнике «Голоса народов» вместе с несколькими переводами песен Андрия Качича-Миошича (из его книги «Приятный разговор славянского народа», 1756 г.). «Хасанагиницу» переводили Вальтер Скотт и Пушкин (лишь начало). Мериме переложил «Хасанагиницу» на французский язык и создал знаменитый пастись «Гюзла» (La Guzla, 1827), который ввел в заблуждение и Пушкина («Песни западных славян»).

В 1824 г. Яков Гримм писал: «Мы могли бы поставить их [сербские песни] прежде всего на ряду с испанскими песнями о героях, но мы их ставим даже выше последних». В 1827 г. в другом сочинении Гримм утверждал, что «со времени гомеровских поэм до настоящего времени нет по всей Европе ни одного явления, которое могло бы так ясно представить сущность и возникновение эпоса, как сербские народные песни»¹.

gradski Medjunarodni Slavistički sastanak». Beograd, 1957, st. 617—618. Интересны параллели Шмауса между мусульманской югославской эпиккой и «Манасом». Справедливо его пожелание выйти на более широкие пути изучения структур югославской героической песни путем сравнения с эпосом среднеазиатским.

¹ П. П о п о в и ч. Обзор истории сербской литературы. СПб., 1912, стр. 98.

Первый начал систематически записывать и издавать сербские народные песни Вук Стефанович Караджич (1787—1864). Его деятельность протекала в благоприятную для изучения сербского фольклора эпоху романтизма. После частичных публикаций своих записей, с 1824 до 1833 г. Вук издал в Лейпциге и Вене четыре книги народных песен. Так называемое 3-е издание вышло в Вене в шести книгах (1841—1866); 4-е (государственное) издание появилось в Белграде в девяти книгах (1887—1902), охватывая и рукописное наследие Караджича. В настоящее время печатается второе государственное издание (еще незаконченное).

Сборники Вука Караджича справедливо считаются классическими. В них напечатано подавляющее большинство художественно наиболее ярких песен, нам известных. Отбор, произведенный Вуком Караджичем, свидетельствует о его прекрасном понимании репертуара современных ему гуслей.

Вук довольно точно установил географические границы распространения народной песни, которые, несколько сузившись с XIV в., оставались теми же и в конце XIX в. В западной части Сербии (ближе к Боснии) народная традиция в эпоху Вука была жива и поддерживала свободлюбивые настроения угнетенного народа, готовившего восстание против турок. На запад от реки Дрины по направлению к Адриатическому морю гуслей было больше; гусли встречались повсеместно.

Значительным центром эпической песни были Герцеговина и Черногория, где юнацкие песни пелись едва ли не в каждом доме. В южной и средней Далмации, в том числе и на островах, гусли также не были редкостью, и не только в сербской православной, но и в хорватской католической среде; юнацкие песни пели и священники обоих вероисповеданий. В северо-западных, примыкающих к Далмации провинциях, в мусульманских областях Краины, в Ровных Котарах эпические песни бытовали не только у католиков, но и у югославских мусульман.

Новейшие исследования показали, что сербский эпос был распространен в большей степени, чем об этом писал Вук, на северо-востоке, вверх по Дунаю, среди венгерских сербов. Эпические песни были записаны в северо-западной Боснии, в Санджаке, Македонии и Словении, что указывает на общее южнославянское распространение героического эпоса. Он был частично воспринят иноязычной средой — албанцами от сербов мусульман Боснии и Герцеговины.

Первой книгой, которую издал в 1814 г. в Вене Вук Караджич, был «Малый простонародный славяно-сербский песенник». В предисловии к этому сборнику составитель рассказывает о том, как славяно-сербский поэт Лукиан Мушицкий (1777—1837) предлагал своим ученикам в Карловцах — одном из центров сербского просвещения — записывать те песни, которые они знали наизусть. Слова ученого архимандрита

показались молодому Вуку насмешкой². Разве пастушеские песни могли интересовать Мушицкого, воспарившего на выси Парнаса, соперника Горация и Державина?

Перейдя из Венгрии в Сербию, Вук нашел сборник песен Качича — Миошича «Приятный разговор народа славянского» (1756). Не лишённые таланта подражания народной эпике, этого далматинского автора XVIII в. показали Вуку, что народная поэзия достойна благосклонного внимания образованных людей. С собою из Венгрии Вук захватил некий русский песенник. «Читая сборник, — вспоминает Вук, — я захотел узнать: одни лишь русские имеют такую и притом столь большую книгу песен? Или и другие народы также имеют, и лишь мы, сербы, не имеем?»

Этот «большой русский песенник» — несомненно, сборник Кирши Данилова. Вук не расставался с ним и в Вене. Весьма вероятно, что сборник Кирши Данилова привез из России в 1811 г. Савва Текелия, меценат венгерских сербов³. Именно Текелия, будучи в Карловцах в 1813 г., рекомендовал Мушицкому собирать сербские песни «по российскому примеру».

Не исключена также возможность, что Вук получил русский песенник от Стефана Живковича, сербского деятеля просвещения, состоявшего на русской службе. Напомним, что Живкович содействовал переезду Вука из Панчева в Вену.

Давно уже следовало обратить внимание на систему записи и принципы издания, которые выработал Вук. За последнее время югославские исследователи изучили рукописи Вука, хранящиеся в архиве Сербской Академии наук в Белграде. Обычно Вук, издав тексты, уничтожал свои и чужие записи, которые ему присылали его сотрудники. Он постоянно искал «лучших певцов» и часто годами не печатал те варианты песен, которые не считал достаточно совершенными. Сам Вук происходил из области, давшей несколько известных гусяров. «Я родился и вырос, — пишет Вук, — в доме, где и дед, и дядя, и другие герцеговинцы, приходившие к нам зимовать, всю зиму пели песни или их сказывали; затем я слушал с большой охотой и радостью песни в лагерях (Карагеоргия. — И. Г.-К.) на Дрине и Лозинце (1804—1807 гг.), а также в Кладове (1811 г.), в Неготине и Брзой Паланке (1812—1813 гг.), разыскивал гусяров и приглашал их к себе»⁴.

² П. Кулаковский. Вук Караджич. М., 1882, стр. 55.

³ Н. Банашевич. Како је Вук постао књижевник.—Сб. «Ковчежић». Београд, 1958, кн. 1, стр. 50—53. Банашевич указывает на то, что «чудотворное преобразование» Вука под влиянием Копитара в Вене измыслено его биографами (особенно Л. Стояновичем). Банашевич считает, что Вук приехал в Вену уже с готовыми планами и намерениями, ознакомившись со сборниками Кирши Данилова, Качича, немецкими песенниками.

⁴ Српске народно песме. Београд, 1954, IV, стр. XXIII (предговор).

Из собранных рукописей Вук выбирал для печати лишь те песни, которые он считал лучшими («добре песме»), «всегда постуная как строгий в своих суждениях составитель антологии»⁵. Для некоторых песен он не находил вариантов близких к тем, которые он слышал в молодости. Менее художественные варианты Вук публиковал лишь в тех случаях, когда песня представляла значительный исторический интерес. Он считал, что было бы неразумно печатать «скверные и глупые песни» («песме рђаве и луде»). Таким образом, песнями, заслужившими полное одобрение Вука, можно считать лишь те, которые он сам подготовил к печати и опубликовал в первых четырех книгах венского издания 1841—1862 гг., а также отредактированную им пятую книгу.

После Вука осталось столько неизданных материалов, что кроме этих пяти книг в новом издании присоединили еще четыре — без особого разбора и критики. Следует заметить, что в рукописях Вука сохранились лишь песни, которыми он не был вполне доволен, или же те, которые он еще не успел хорошенько просмотреть и обработать. На основании сохранившихся материалов и свидетельства самого Вука можно прийти к заключению, что Вук ни одну народную песню не считал чем-то законченным, прекрасно зная, что хорошие гуслеры поправляют плохие песни, а плохие искажают хорошие. Песня в его представлении была произведением определенного гуслера, которого он, не стесняясь, квалифицировал как хорошего, среднего или плохого. Поэтому у Вука нет того «бережного отношения» к народному тексту, того фетишизма, который так свойственен новейшим ученым фольклористам. Он сам знал ремесло не хуже любого гуслера. Пропуски он заполнял из других записей, ошибки в ритме, и в диалекте и непоследовательность в повествовании исправлял. Редкое чувство меры и глубокое понимание народной поэзии способствовали тому, что Вук создал единственный памятник сербской народной поэзии. Мы должны простить Вуку, что он (правда, в редких случаях), не найдя хорошего песенного варианта, перелагал прозаическое повествование в стихи (как, например, в песне «Змей-жених»). Вуку следует также простить и некоторые неточности в сведениях, которые он давал о своих источниках; верно также, что он умалывал или замалчивал заслуги своих сотрудников. Нам остается также пожалеть, что, сообщив чрезвычайно интересные сведения об одних гуслерах, он почти ничего не сказал о других⁶. Нельзя все же не прийти к заключению, что ни один собиратель сербских народных песен XIX—XX вв. не имел его качеств и не смог дать сборника, равноценного классическому изданию Вука.

⁵ Ж. М л а д е н о в и ћ. Вук као редактор народних песама.— Сб. «Ковчежић». Београд, 1958, књ. 1, стр. 64—93.

⁶ В. П а т к о в и ћ. Вуков «Рачун од јуначких песама».— Сб. «Ковчежић», 1959, књ. 2, стр. 42—60.

Успех Вука Караджича и большой интерес в Европе к сербскому народному творчеству способствовали тому, что в XIX—XX вв. и дилетанты и ученые занялись собиранием сербских народных песен. Некоторые из этих записей были изданы в солидных академических томах, многие — в легковесных провинциальных брошюрах. Образовались также большие фонды неизданных рукописей (особенно известна коллекция Югославянской Академии наук в Загребе). Значительное количество этих изданий и записей представляет — по авторитетному мнению В. М. Иовановича⁷ — фальсификаты. Собиратели переписывали песни из сборников Вука, из календаря и альманахов, друг у друга, сочиняли длиннейшие тексты, которые уснащали рифмами. Известно, например, что в сборник Симе Милутиновича («Пјезаније») внесены песни, сочиненные черногорским духовным и светским правителем Петром I. В сборнике Новицы Шаулича (Белград, 1929) встречаются ранее известные песни. Можно с уверенностью сказать, что большинство этих песен никогда в народе не пелось и является произведениями литературными, плодами досуга учителей, священников, мелких торговцев, школяров. На этом фоне чрезвычайно любопытна фигура гуслера Илии Дивьяновича, главного поставщика песен для известных сборников Боголюба Петрановича во второй половине XIX в. Дивьянович изучал старые книги, но держал в руках и новые, особенно сборники народных песен. Он мог тотчас же переложить в десятисложные стихи любой прозаический текст. Гуслер-начетчик дал Петрановичу более 40 000 стихов! Он любил обращаться к древним временам и пел о Неманьичах и Косове. В его песнях, конечно, можно отметить и некоторые старые традиционные мотивы, но они теряются в перепевах книжных текстов; Дивьянович также довольно ловко составлял мозаику из уже известных и опубликованных песен. Ватрослав Ягич отнесся к нему и Петрановичу с большим недоверием. Т. Маретич, написавший на рубеже XIX и XX вв. лучшие исследования о южнославянском эпосе, объявил всю продукцию Дивьяновича литературной выдумкой, имевшей мало общего с народным творчеством⁸. Нам кажется, что для гуслеров XIX—XX вв., в той или иной степени подвер-

⁷ Оdbор за издавање корпуса народних песама.— Српска Академија Наука, «Гласник», кн. IX, св. 3. Београд, 1958, стр. 258—260. Там читаем: «полный пересмотр материалов (народных песен. — И. Г.-К.), собранных Сербской Академией наук, а также опубликованных отдельными собирателями, должен предшествовать изданию проектированного корпуса народных песен».

⁸ «Этому гуслеру нового типа Петранович обязан тем, что он смог издать две больших книги эпических песен. Был ли Петранович — и в какой степени — мистификатором? Вероятно он им не был. Он отличался крайней нескритичностью. Его работа — значительная попытка, но она в гораздо большей степени имела патриотический характер, чем была научной записью народных песен». С. М а т и ћ. Порекло косовских песама кратког стиха, стр. 25.

женных книжному влиянию, следует выработать специальный подход и отнестись к их песням без неуместных восторгов, но и без педантического ригоризма. В записях XIX и XX вв. после Вука нужно выделить два основных вида: песни, относящиеся к новым событиям (XIX—XX вв.), и песни, претендующие быть наследием седой древности.

Во второй половине XIX в. народная песня почти на всей территории, населенной сербами и хорватами (в Сербии и в Австро-Венгрии), становится обязательным элементом воспитания детей и юношества. В школах наизусть заучиваются десятки длинных текстов, и можно сказать, что к концу XIX столетия уже не встречается мало-мальски грамотного серба (не только в городах, но и в селах) или хорвата, который не знал бы наизусть нескольких песен из Косовского цикла, из цикла Королевича Марка. Конечно, к началу XX в. грамотность проникла далеко не во все углы южнославянских областей. Неграмотных было особенно много среди мусульман. Однако народная песня, попав из народных уст в книгу, стала оказывать сильнейшее влияние на устный репертуар гусяров.

Провинциальная сербская интеллигенция в XIX—XX вв., а также солдаты, унтер-офицеры, фельдшера во времена балканских и первой мировой войн сочиняли и печатали в провинциальных типографиях эпические песни, художественно весьма слабые, нередко перелававшие военные реляции или газетный текст, длинные песни о Крымской войне, Русско-турецкой войне 1877 г. и, конечно, всех военных событиях, в которых Сербия и Черногория принимали участие в начале XX в. Эпос несомненно вырождался и умирал в новых культурных условиях на Балканах. Вспомним известные слова Маркса:

«Возможен ли Ахиллес в эпоху пороха и свинца? Или вообще «Илиада» наряду с печатным станком и типографской машиной? И разве не исчезают неизбежно сказания, песни и музы, а тем самым и необходимые предпосылки эпической поэзии с появлением печатного станка?»⁹

Между первой и второй мировыми войнами появилось множество гусяров, оплачиваемых разными политическими партиями и правительством, которых даже посылали для поддержки «народного духа» и патриотизма то в области Югославии, где сербское население было не в большинстве, то к рабочим иммигрантам во Францию, Бельгию, США. Они сочиняли песни о лицах королевского дома, о событиях русско-японской, балканской и первой мировой войн, подмешивая к этому основному своему репертуару и старую «классическую» песню, которой слушатели меньше интересовались, чем новыми.

Во второй половине XIX в. ученые обнаружили важный источник записей старых эпических песен, восходивший, вероятно, к концу XVII в.,

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XII, ч. 1. М., 1935, стр. 203.

т. е. возникший за 100 лет до изданий Вука Караджича. Гильфердинг напечатал из дубровницкого сборника, хранящегося в францисканском монастыре, две песни; одна из них повествует о ссоре между женами Вука Бранковича и Милоша Кобилича¹⁰, которая вызвала роковую ссору между мужьями. Миклошич в 1851 г. напечатал «Песнь о Свилюевиче», найденную в венском дворцовом архиве. Запись эта приписывается графу Петру Зриньскому (умер в 1671 г.). Занятия дубровницкой ренессансной литературой обнаружили, что песни долгого стиха были известны уже в XVI в. В венецианском издании 1556 г. поэмы «Рыбная ловля» нобиля с острова Хвара — Петра Гекторовича помещено несколько записей народных песен, которые исполняли для него далматинские рыбаки «на сербский манер». Лирико-эпические песни были составлены десятисложным стихом. Песня «Королевич Марко и брат его Андрияш» сложена в среде гайдуков; в ней встречаются уже хорошо известные имена Королевича Марка и его брата Андрияша, который погибает от руки старшего брата при дележе награбленной добычи.

Сама тема свидетельствует об эволюции более старых песен о Королевиче Марке, которые, как можно с достаточной уверенностью предположить, пелись уже в XV в. В XVI—XVII вв. часто встречаются аллюзии на народную эпiku, а также прямое подражание народной лирике¹¹ у поэтов Дубровника — Джоре Држича, Раньины, Златарича, Бараковича, Гундулича. Так, например, в сатире Златарича на Фому Будиславича упомянуты эпические герои народной песни:

Ты затмил, о величавый,
Лучше всех мечом владея,
Вука, Огненного Змея,
Воеводу Янка славой¹².

В поэме задарского поэта Юрия Бараковича «Славянская вила», вышедшей в Венеции в 1613 г., появилась одна из самых известных бугарштиц — «Мать Маргарита».

¹⁰ «Босния, Герцеговина и Старая Сербия». СПб., 1859, стр. 243—248.

¹¹ О народных песнях середины XV в. свидетельствует гуманист Юрий Шижгорич из далматинского города Шибеника: «На похоронах женщины откликаются на горе провожающих заплачками, поражая души стойких мужей и исторгая из глаз у них слезы. Пылом своим заплачки иллирийки превосходят рыдания Фетиды и матери Энриала, которые, потеряв сыновей, лишь были диким воем. На свадьбах, вода хороводы, поют эпиталями, каких не сыщешь ни у Катуллы, ни у Клавдиана». (Пер. С. Маркиша.—Хрестоматия по зарубежной литературе. Эпоха Возрождения, т. II. М., 1962, стр. 375).

¹² См. «Поэты Далмации эпохи Возрождения». М., 1959, стр. 234. Воевода Янко Гуньяди, известный венгерский полководец (1387—1456), и Вук Бранкович — младший «Огненный Змей» — стали героями народной эпик.

Стих бугарштиц имеет обычно от 15 до 16 слогов, разделенных после 7-го или 8-го слога цезурой¹³. Р. Якобсон высказал предположение, что этот стих образовался из двух восьмистиший хорейского склада, весьма распространенных в Европе с древних времен. Мы находим весьма близкий по структуре стих у блаженного Августина в IV—V вв.

Несколько стихов весьма часто сопровождает рефрен из 6—7 слов. Однако известны бугарштицы и без рефрена.

Термин «бугарштица» не вполне ясен. Можно предположить (как уже не раз и предполагалось), что он происходит от *carmen vulgare*, т. е. простонародной песни в отличие от городской, литературной поэзии Далмации. Название «бугарштица» находим у Гекторовича, Бараковича, Гундулича. У далматинских поэтов XVI—XVII вв. есть и глагол «бугарити» — петь бугарштицы. Вук Караджич в своем словаре переводил «бугарити» — «den Klagengesang anheben», горестно петь. Мне приходилось слышать этот глагол — главным образом в насмешливом значении (стенать, жаловаться, причитать) в Дубровнике в 20-х годах нашего века. Несомненна связь выражений «бугарштица», «бугарке» с корнем «бугарски» (болгарский). Однако следует заметить, что полукочевых скотоводов в сербских народных песнях называют иногда «бугари», хотя они могли бы быть динарцами (славянского или волошского происхождения). Известный сербский географ И. Цвийич пишет, что в Далмации, Хорватии и Сербии вдоль реки Моравы слово бугар означает «крестьянин»¹⁴. Таким образом мы возвращаемся к объяснению «бугарштицы» как «крестьянской, простонародной песни».

Дошедшие до нас бугарштицы¹⁵ принадлежат к разным жанрам и возникли не в одной и той же среде: следует различать песни долгого стиха, близкие по тематике и лексике сербскому юнацкому эпосу; встречаются песни, сочиненные в далматинских городах неизвестными грамотеями, католически настроенными; примечательны песни, в которых проявляется местный патриотизм. Отметим как общее идеологическое направление многих из этих композиций — враждебное отношение к Бранковичам и симпатии к венгерско-хорватским героям XV—XVI вв. и Скандербегу, борцам против турецкого засилья. Можно с достаточным основанием утверждать, что бугарштицы столь же западносербского,

¹³ Мы не считаем возможным, что стих бугарштиц произошел от греческого «политического стиха» — см., впрочем, A. Fr o l o v. «Révue des études Slaves», t. XXI, 1944, p. 98—99.

¹⁴ «La péninsule balcanique». Paris, 1918, p. 167.

¹⁵ Первое издание бугарштиц по рукописям XVIII в. из Дубровника и Загреба предпринял В. Богичич, написав к ним обширное и весьма содержательное предисловие — «Народне пјесме из старијих, највише приморских записа». Београд, 1878, кн. 1, ср. V. J a g i ć. Die südslavische Volksepik vor Jahrhunderten. — «Archiv für Slavische Philologie», IV. Berlin, 1880, S. 192—242.

сколь хорватско-далматинского происхождения, однако мы сомневаемся в том, что они когда-либо распространялись по всей территории южных славян. На востоке, среди сербов от бугарштиц ничего не сохранилось; в паннонской Хорватии (Загреб) следы песен долгого стиха весьма слабы. Географические сербские названия, поскольку они присущи и песням десятисложным, обычно неточны, что указывает на позднее заимствование. В бугарштицах преобладает юго-западная географическая номенклатура. Таким образом мы приходим к заключению, что бугарштицы возникли и бытовали — в течение XVI — XVII веков — в приморских областях южных славян на территории между Сплитом и Скадарским озером, вероятно, и в прилегающих районах Боснии и Герцеговины. Эта зона была сильно подвержена влиянию городской культуры (Хвар, Дубровник, Котор, Пераст). Записи бугарштиц, даже наиболее «народных» по-видимому подверглись обработке досужих литераторов. Любопытен эксперимент Андрея Змаевича (1624—1694), католического архиепископа Барского, по происхождению из Пераста. Змаевич составил девять кратких бугарштиц, соединяя в одну строку два стиха «Османа» Гундулича и добавляя после каждой пары шестисложный рефрен (см. Богишич, стр. 93—96). Эта перелицовка «Османа» свидетельствует о том, что в середине XVII в. в Черногорском Приморье растянутый и жалобный ритм бугарштиц был ближе уху местных литераторов, чем гладкие рифмованные восьмистишья дубровчан. В переделке Змаевича рифма приглушена. Мы полагаем, что этот эксперимент косвенно указывает и на древнейшее возникновение «долгого стиха» из четырехстопного хорая.

Мы не видим достаточного основания открывать в бугарштицах — поэзии рыбаков, гайдуков и мелких горожан — наследие бежавших от турок в Далмацию сербских и боснийских феодалов. Это мнение, высказанное в 80-х годах прошлого века, разделяют и в настоящее время некоторые исследователи¹⁶. В городской (вернее пригородной) среде Далмации, песня долгого стиха становилась балладой; эпические суровые черты исчезали, появлялись кургузые и лирические элементы.

Рукописи бугарштиц, опубликованные в 1878 г. Богишичем, содержат не только песни долгого стиха, но также десятисложные. Издатель считает, что в дубровницком сборнике из францисканского монастыря участвовало одиннадцать собирателей или переписчиков. Четырнадцать первых песен сборника собрал дубровницкий иезуит Джуро Маттеи (умер в Риме в 1728 г.), а песни от 18 до 33 — Иозо Бетондич, «достойный

¹⁶ А. Вайян пишет, что самые старые бугарштицы «первоначально пелись при дворе сенборов, короля Боснии, герцога Степана, Балшичей, которые содержали музыкантов». См. A. Vaillant. Marko Kraljević et son frère Andrijaš. — «Mélanges H. Gregoire», IX. Bruxelles, 1949, p. 569—575.

похвалы славянский стихотворец», переводчик «Героид» Овидия (умер в Дубровнике в 1764 г.). Бетондич несомненно приложил руку к песне № 1 (в сборнике Богишича) о Косовском бое. Он пользовался, конечно, народными песнями, но также Качичем-Миошичем и «Славянским царством» своего земляка Мавро Орбини. В сущности его «Косово» по методу составления мало чем отличается от «Лазариц» второй половины XIX в., состряпанных Иллей Дивьяновичем или Ср. И. Стойковичем. Впрочем, литературные элементы у дубровницкого пиита еще очевиднее, чем у более поздних компиляторов народных песен. В начале рукописи приведена цитата из Качича-Миошича о важности народной поэзии для славян: «Господь бог даровал нашему народу такую природную память, что то, что другие народы запечатали в книгах, он хранит в памяти».

Рукописи из Пераста (Черногорское Приморье) содержат бугарштицы, но также в большом количестве и песни краткого стиха. В первой, восходящей к началу XVIII в. (собственность семьи Баловичей), Богишич обнаружил девять бугарштиц и пятнадцать песен краткого стиха. В них говорится исключительно о местных событиях. Второй сборник, составленный или переписанный Николой Мазаровичем (1775 г.), охватывает только песни десятисложного размера. Для изучения бугарштиц он интересен тем, что в нем часто повторяются те же сюжеты; они важны и для сопоставления со сборниками Вука Караджича.

Кроме упомянутых источников, Богишич воспользовался для своего издания двумя рукописями Югославянской Академии наук в Загребе, также из Пераста. Первая из них (начало XVIII в.) содержит двадцать пять бугарштиц, среди которых «Марко Королевич и Мина из Костура» (№ 7 в изд. Богишича).

Параллельное исследование записей Караджича и текстов в издании Богишича показывает, что бугарштицы (в том числе обе на косовские темы — № 1, № 2) по своим художественным качествам, ясности изложения и последовательности повествования значительно уступают десятисложным песням, которые издал Вук; то же самое можно сказать и о большинстве десятисложных стихов в рукописи Николы Лазаревича — на ту же тему, что и в сборниках Вука¹⁷.

В 1913 г. в университетской библиотеке Эрлангена (Бавария) была обнаружена рукопись, украшенная инициалами в стиле южнонемецкого

¹⁷ Сравнить: «Страхинич Бан» — Вук, II, 44 и Богишич № 40; «Делѣж Якшичей» — Вук, II, 98 и Богишич № 44; «Королевич Марко и арапская королевна» — Вук, II, 63 и Богишич № 5; «Королевич Марко и Мина из Костура» — Вук, II, 62 и Богишич № 7 (также в десятисложном стихе № 86, № 87, причем песня № 86 довольно интересна); «Марко Королевич пьет вино в рамазан» — Вук, II, 70 и Богишич № 90 (краткий стих); «Женитьба короля Вукашина» — Вук, II, 24 и Богишич № 97 («Немецкий бан и жена воеводы Момчиля» — песня краткого стиха); «Новак продает Радивоя» — Вук, III, 2 и Богишич № 107 (песня краткого стиха).

барокко, сербских народных песен десятисложного стиха. Составитель рукописи — судя по языку (смешение звучных и глухих согласных) — был немец, который за сто лет до Вука и Гердера заинтересовался южно-славянским народным творчеством. Прекрасный каллиграф, он пользовался кириллической азбукой, придерживаясь довольно своеобразной орфографии. Издатель эрлангенской рукописи Г. Геземанн¹⁸ предполагает, что составитель служил чиновником в управлении австрийской военной границы и что рукопись возникла после австро-турецкой войны 1716—1718 гг. (около 1720 г.). Это самый старый из известных нам сборников песен краткого стиха. Язык в основе — штокавский-экавский диалект, но с примесью икавского и кайкавского. Столкновение диалектов указывает на район Сиска, Градишки, Вировитицы и Крижевца (Хорватия). Встречаются и некоторые болгарские языковые формы, что неудивительно, так как в австрийских пограничных войсках в это время служило немало болгар. Косовские песни отсутствуют. Песен о Королевиче Марке мало. В № 151 повествуется о том, как Марко наказал неверную жену. В другой (№ 181) он преследует вилу, убившую его лучшего коня. Примечательны в рукописи варианты песен о Хасанагинице (№ 6) и о «Смерти воеводы Приезды» («Тодор из Столача», № 70)¹⁹. Интерес гусяров, чьи песни записал (или переписал) любознательный немецкий чиновник, был, по-видимому, сосредоточен на новых для того времени событиях австро-турецкой войны.

Мы полагаем, что самой значительной публикацией текстов после Вука было многотомное издание «Матицы Хорватской» в Загребе (1896—1942 гг., тт. I—X), где помещено довольно много мусульманских песен, преимущественно из северо-западной Боснии²⁰. Лука Марьянович и Никола Андрич, издатели этой коллекции, справедливо считаются знаками народного творчества, особенно Марьянович, основательным образом отредактировавший записи народных песен. Он исправлял метрические, стилистические и логические промахи, переставляя и соединяя строки, сокращал стихи или же из одной строки делал несколько; ему случалось и присочинять новые строки²¹. Впрочем, подобным образом

¹⁸ Эрлангенски рукопис старих српскохрватских народних песама. Изд. Г. Геземан. СКА. — «Зборник за историју, језик и књижевност српског народа». 1 одељење. Споменици на српском језику, књ. XII. Сремски Карловци, 1925.

¹⁹ G. Gesemann. Studien zur südslavischen Volksepik. Reichenberg, 1926 («Voivoda Prijezda», S. 9—35).

²⁰ Из публикаций сербско-хорватских мусульманских текстов заслуживает внимания, несмотря на многие недостатки, двухтомное издание К. Хёрмана (K. Hörmann) — «Народне песме мухамедаваца у Босни и Херцеговини». Сарајево, 1888—1889.

²¹ Б. Крстић. Лука Марјановић и Никола Андрић као издавачи народних песама. — «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор». Београд, 1956, књ. 22, св. 3—4, стр. 241—253.

поступал, как мы видели, и Вук Караджич. Следует заметить, что Марьяновичу и его сотрудникам удалось издать лишь часть собранного материала, что объясняется прежде всего длиннотами мусульманских песен. Некоторые песни мусульманских певцов доходят до 6—7, а в исключительных случаях даже до 10—12 тысяч стихов (т. е. размерами превосходят все песни, помещенные в нашем сборнике).

Вук первый оставил подробные сведения о гусялях, представляющие большую ценность для историков литературы и фольклористов. Гусяляры эпохи Вука Караджича были сплошь неграмотны, вне какого-либо влияния школы. В то же время на некоторых из них (особенно в Среме) оказала влияние церковная и монастырская среда. «С голоса», из устных пересказов и проповедей, они были знакомы со средневековой житийной легендарной литературой и летописями и даже с новейшими «историями», сочиненными в XVIII в. учеными людьми. Среди гусяляров, с которыми работал Вук, было немало слепцов. Он знал гусяляров из Сербии, Боснии и Герцеговины, которые занимались извозом или мелкой торговлей. Некоторые были слугами у Карагеоргия и у Милоша Обреновича. Вук, к сожалению, не мог встречаться с гусялярами в течение долгого времени. Ему порой приходилось довольствоваться песнями, записанными наспех, в которых оставались неясные места. Такие песни он обычно не печатал и разыскивал лучшие на ту же тему.

Вук происходил из семьи, в которой было немало гусяляров, и, несомненно, сам также мог сочинять песни.

Из гусяляров, со слов которых Вук записывал юнацкие песни, одним из наиболее примечательных был Тешан Гаврилович, прозванный Подруговичем, человек очень высокого роста (откуда его прозвище «По-други», т. е. «как двое») из Гацкого поля в Герцеговине, в начале своей жизненной деятельности торговец. После кровавой драки с турками, в которой он убил одного из своих противников, Подругович бежал в горы к гайдукам. В 1815 г. Вук познакомился с ним в городе Карловце в Среме (в то время на австро-венгерской территории). Подругович очень бедствовал и жил тем, что срезал и продавал тростник. Вук помог ему деньгами и начал записывать от него песни. Но когда вспыхнуло второе восстание против турок в Сербии, Подругович перебежал обратно, чтобы участвовать в военных действиях. После перемирия в том же году он перебросился в Боснию, где купил коней и перевозил товары через горы. Вскоре он погиб от ран, полученных в драке с турками. По свидетельству Вука, Подруговичу было около 40 лет, когда он с ним познакомился. Подругович любил шутку, и юмористические мотивы часты в песнях, которые Вук успел от него записать (всего 22 песни). Он хорошо играл на гусялях, но петь не любил, а предпочитал рассказывать. Рецитация его была на редкость ясная, без пропусков; он несомненно прекрасно чувствовал, какие песни

художественно более совершенны, умел вставлять удачные варианты и, весьма возможно, сочинял и сам. Именно Подруговичу Вук обязан значительнейшей частью записей песен о Королевиче Марке. Из репертуара Подруговича в наш сборник вошли: «Женитьба царя Степана», «Королевич Марко узнаёт отцовскую саблю», «Королевич Марко и Лютица Богдан», «Королевич Марко и разбойник Муса», «Царь Лазарь и царица Милица», «Королевич Марко и дочь арапского короля», «Старина Новак и князь Богосав»²².

От слепца Филиппа Вишнич из Зворницкой нахии (области) Вук записал 13 песен (из них включено в сборник три: «Смерть Королевича Марка», «Бой на Мишаре» и знаменитая песнь «Начало восстания против дахиев») ²³. В Сербию Вишнич перешел в 1809 г. из западной Боснии и жил в сербских лагерях близ реки Дрины ²⁴. После бегства Карагеоргия из Сербии, Вишнич перебрался в Срем. Вук встретился с ним в монастыре Шишатовце в 1815 г.; гуслару тогда было около пятидесяти лет. Вук считает, что песни о восстании Карагеоргия Вишнич сочинил сам. Филипп Вишнич стал для новейших времен как бы символом и воплощением народной поэзии. Ему присущи драматизм, размах, реализм, соединенный с фантастическими образами. В песнях Ф. Вишнича сочетается старая и новая традиция. Повествование его стремится к развязке, как в архаических образцах сербских народных песен, но встречается и сухая передача событий — отчет о героических подвигах. Тогда повествование загромождается перечислениями, подробностями, далеко не всегда правдоподобными. Эта «вторая манера» Вишнича в XIX—XX вв. выродилась в песни-хроники и в стихотворные репортажи у подражателей народного творчества. В песнях Вишнича можно отметить некоторое влияние (идущее из Герцеговины и Черногории) архитектоники краинской песни.

Другой известный гуслар старец Милия, родом из Герцеговины, как и Вишнич, перебежал в стан Карагеоргия и жил в окрестностях г. Пожеги. Из его репертуара мы поместили в сборнике «Бановича Страхию» — одну из самых известных сербских эпических песен. В 1822 г. Вук пробыл записывать в окружении князя Милоша Обреновича песни от старца Милии, которого ему привели слуги князя, едва ли не насильно. Но старик путал и сбивался, не умел диктовать, а только пел. Однако Вуку все же удалось записать песни, заставляя старца повторять их по

²² Вероятно, Подруговичу принадлежат также песни: «Королевич Марко и Мина из Костура» и «Милош у латынян».

²³ Песня «Бой на Мишаре» дана в сокращенном виде. Выпущен перечень «Кто кого убил» в конце. Так обычно поступают и составители югославских антологий.

²⁴ Сведения о гусларах Вук дал в предисловии к IV книге своего собрания народных песен (венское издание 1833 г., перепечатано и в новейшем белградском издании 1954 г.).

несколько раз. Милия решил, что Вук — человек несерьезный, который зря его мучит; в один прекрасный день он сбежал от князя и от Вука.

Из черногорского Колашина родом был и старец Рашко, очутившийся в Сербии еще в начале восстания против дахиив. Вук записал от него несколько хороших песен, в том числе «Урош и Мрнявчевичи» (в нашем сборнике также «Смерть царя Степана» и «Женитьба князя Лазаря»).

Подругович не был единственным гайдуком-гуслером среди певцов Вука.

В 1820 г. в тюрьме «сиятельного господаря» Новака Обреновича Вук отыскал Стояна — гайдука из Герцеговины. Этот гайдук был одним из самых талантливых сербских гуслеров своего времени. Он спел Вуку песню о смерти воеводы Момчила и женитьбе короля Вукашина, полную сказочных образов и замечательных описаний природы. У Вука было еще четыре варианта этой же песни — в том числе от его отца Стефана Караджича и от старца Рашки, но он предпочел версию гайдука Стояна. Вуку удалось записать от Стояна еще несколько песен, но гуслер в скором времени «опять погайдучился и убежал в Герцеговину».

Третий гайдук среди знакомцев Вука, Павле Ирич из нахии Ужицы, спел песню о «Юрьевой Ирине», включенную в этот сборник. Павле Ирич променял жизнь гайдука на более спокойное ремесло и стал слугой у князя Милоша Обреновича. В г. Крагуевце (Сербия) Вук записал отрывки песни о змее-женухе от Анджелька Вуковича, родом из Косова поля. О том, как Вук переработал текст Вуковича, было уже упомянуто.

Словено-сербский поэт Лукиан Мушицкий, архимандрит монастыря Шишатовца и учитель Вука, собирал для него песни в Среме и на границе Славонии и Хорватии. Вук далеко не всегда сообщает, какие песни от какого гуслера и когда он получил; он стремился, как известно, преуменьшать роль своих помощников; особенно неприятна была ему помощь Мушицкого. Однако можно с уверенностью сказать, что три песни косовского цикла: «Гибель сербского царства», «Смерть матери Юговичей» и «Девушка с Косова поля» он получил от Мушицкого. У нас нет полной уверенности в том, что Вук сам записал песни от сремских певцов, им упомянутых, и что песни их не прошли через руки ученого архимандрита и одописца. Сремские певцы были в большинстве случаев слепцы, калики перехожие, находившие пропитание у монастырских врат и церковных папертей. Сохранились некоторые, к сожалению весьма неполные сведения о слепой Степанин (см. ее песни «Святой Николай», «Царица Милица и воевода Владета»), слепой Живане («Королевич Марко и вила»), слепой Ецы, ученице Живаны («Смерть воеводы Приезды») и неизвестной слепой из Гргуровца («Гибель сербского царства», «Девушка с Косова поля»).

Живана была весьма искусной исполнительницей народных песен, имевшей свой репертуар, составлявший некое идейное целое. «Постоянные стихи она — как все одаренные певцы — перерабатывала на свой манер, так что по ее стилю можно определить принадлежность песен (например «Найденыйш Момир»)), — пишет Латкович²⁵. Именно анализируя стиль Живаны, С. Матич пришел к правильному заключению, что ей принадлежит песня «Королевич Марко и вила». Эти нищие певцы любили сюжеты апокрифические и легендарные; они также внесли значительный вклад в Косовский цикл. Слепцы из Воеводины обращали особое внимание на роль женщин (сравнить образы девушки с Косова поля, царицы Милицы, матери Юговичей, жены воеводы Приезды). Заметим, что песнь о смерти матери Юговичей, помеченная Вуком «из Хорватии», вероятно, также принадлежит к сремскому репертуару. Даже в песне о Королевиче Марко, записанной от трактирщика из Сент-Томаша Груи, этический элемент преобладает над героическим (см. «Королевич Марко и бег Костадин»). Песни сремских певцов слагались в старом стиле, без лишнего украшения и сложных построений. Они архаичны по форме, традиционны и вместе с тем вносят новые мотивы в сербскую эпiku. Специфическая краткая структура этого репертуара становится особенно ясной, если сравним запись песни «Смерть воеводы Приезды» Вука с растянутой песней в эрлангенской рукописи начала XVIII в. Следует заметить, что не все слепые гуслеры были родом из Воеводины, где в городе Ириге существовала «академия» слепых певцов. Живана постоянно жила в г. Земуне (Срем), но была родом из Сербии; слепая Степаниа происходила из Ядра (области Подринья), однако репертуар этих сказительниц был типично сремский. Степаниа ходила по свету, может быть была и на Афоне, но снова возвращалась в Срем.

После Вука, как было уже упомянуто, сведения о гуслерах, на этот раз мусульманских, дал Лука Марьянович, раскрыв новые, неизвестные эпические области. Среди певцов «Матицы Хорватской» некоторые, как, например, Мехо Колакович, отличались индивидуальными чертами.

В начале XX в. исследователи югославского фольклора стали посвящать особое внимание «эпической среде» и технике гуслеров, в то время как в XIX в. историки литературы скорее интересовались сюжетом, выясняли происхождение тем и мотивов, пути влияний, определяли заимствования, устанавливали «историчность» или «неисторичность» эпических героев.

Для того чтобы понять, как развивалось изучение техники устного народного творчества, следует обратиться к исследованиям эпического

²⁵ В. Латкович. Вуков «Рачун од јуначких песама». — Сб. «Ковчежић». Београд, 1959, II, стр. 51.

творчества народов Средней Азии. В 60-х годах XIX в. замечательный русский ученый В. В. Радлов записал тексты эпоса каракиргизов; его работа стала вскоре известна фольклористам всего мира. Радлов писал: «Эти песни ясно доказывают, что народная поэзия киргизов находится в своеобразном периоде, который лучше всего назвать «истинно эпическим периодом»»²⁶.

Радлов стремился представить «эпическую среду» Средней Азии. Он особенно оценил необыкновенное красноречие киргизов, их способность излагать свои мысли точно и ясно, часто в ритмической форме. Народная поэзия киргизов основана на искусстве импровизации — «каждый маломальски опытный певец в состоянии тут же на месте воспеть присутствующих гостей в складно составленных стихах». Народные певцы образуют некое сословие, добывают себе средства для жизни своим пением. Эпос киргизов содержит бесконечное количество отдельных песен, которые — считает Радлов — невозможно собрать воедино. С увеличением числа эпизодов увеличивается также и число вариантов, повторений и противоречий; «устранить которые никто не был бы в состоянии» (стр. XII). Радлов полагает, что предания и песни будут постоянно изменяться и через десять лет (после записи) переменятся совершенно. Отсюда его уверенность в том, что и поэмы Гомера не могли бы сохраниться в продолжение даже одного десятилетия, если бы не были записаны (стр. XX—XXI).

Эти мысли первостепенно важны для понимания устной поэзии. Радлов формулировал несколько основных законов эпоса: текучесть мотивов, вечное изменение деталей, которые, варьируя, постепенно меняют и само содержание песни; роль индивидуального певца, создающего новые представления в рамках общенародной традиции²⁷. Радлов отметил, что всякий опытный певец «поет по вдохновению, так как он не в состоянии спеть одно и то же два раза, не изменяя форму изложения» (курсив мой. — И. Г.-К.). Однако из этого не следует, что импровизация — постоянное сочинение новых стихов. Певец-импровизатор Средней Азии подобен

²⁶ В. В. Радлов. Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. V. СПб., 1885, стр. 1—11. Ср. также на стр. XIX: «Греческий аэд — тот же киргизский певец».

²⁷ Исследователь Средней Азии А. Левшин еще в начале 40-х годов XIX в. заметил, что киргизские (казахские) песни почти всегда — импровизация. «Слова сих песен, — пишет он, — редко выучиваются и никогда почти не переходят в неизменном виде от одного к другому, но всякий сам сочиняет их, всякий киргиз сам импровизатор, и по своему выражает происшествия, мысли и чувства, мешая их с изображением встречающихся глазам предметов». — А. Левшин. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей, ч. III. СПб., 1832, стр. 136—137. Французский перевод этого сочинения вышел в Париже в 1840 г.

европейскому музыканту, «который соединяет только знакомые ему пассажи, переходы и музыкальные фразы в одну целую картину... и таким образом составляет новое из затвердившегося в нем старого» (стр. XV—XVI).

Певец хранит в памяти целый ряд частичек песен, которые он умеет скреплять воедино по порядку рассказа. Каждая из таких частичек изображает известный случай и происшествие, как-то: рождение героя и его воспитание, похвалу оружию, разговоры героев перед борьбой, описание лошадей, жилищ, ландшафтов, похвалу женской красоте, пиры и приглашение на пир, смерть героя, плач об умерших и т. п. Певец соединяет все эти «частицы» или «картины» (которые фольклористы впоследствии стали называть шаблонами, готовыми стихами, формулами) в одно целое. Иногда он обрисовывает события «несколькими штрихами», иногда расплывается в деталях. Чем больше таких картин в запасе у певца, тем разнообразнее становится его пение. Количество «готовых картин» и умение их соединять — мерило дарования певца. «Опытный певец в состоянии воспеть какой угодно ряд событий, если только знаком с ходом дела» (стр. XVI). Такое умение дает право киргизскому певцу сказать не без гордости: «Я могу спеть любую песню, так как бог наделил меня искусством пения, он влагает в уста мои слова и мне не приходится искать их. *Я не выучил ни одной песни* (курсив мой.— И. Г.-К.), все вытекает из меня». Поэтому «дельный певец», по выражению Радлова, может петь не переставая, день, неделю, и даже месяц, с той же легкостью, с какой он говорит.

По наблюдению Радлова, настроение певца, а часто и его репертуар зависят не только от его таланта и техники (количества живущих в нем «картин»), но и от внешних побуждений, исходящих от эпической среды, от слушателей (стр. XVII).

Таким образом, Радлов установил, что импровизация лежит в основе народной эпики, что певец постоянно изменяет свою песню и не может спеть два раза, не изменяя форму изложения. Новое обычно составляется из старого. Опытный и одаренный певец знает так много «готовых стихов», что может долго петь на заданную тему. Эта эпическая техника является свойством всех эпических народов — начиная от древних греков. Сам эпос может существовать лишь на определенной ступени общественного развития.

Идеи Радлова оказали несомненное влияние на исследователей. После Радлова А. Ф. Гильфердинг, изучая эпос русского севера, внес новое в развитие фольклористических идей. Гильфердинг находил в былинах две основные части: типические места (главным образом описания, но также речи героев) и места переходные, соединяющие типические. Первые, по его мнению, сказитель знает наизусть и поет «совершенно одинаково,

сколько бы раз он ни повторил былину»²⁸. Переходные же места наизусть не запоминаются. Что же касается построения былин, Гильфердинг полагал, что в памяти певца «хранится только общий остов». Поэтому всякий раз, когда сказитель поет былину, он прибавляет, сокращает, меняет порядок стихов и сами выражения. Умелый сказитель все же вырабатывает для себя более или менее устойчивый текст с незначительными вариантами. «Возьмите сказителя, — пишет Гильфердинг, — с меньшей степенью памяти или давно отвыкшего от своих былин и заставьте его пропеть два раза одну и ту же былину — вы удивитесь, какую услышите большую разницу в ее тексте, кроме типических мест». Типические места, по наблюдению исследователя онежских былин, у каждого сказителя имеют свои особенности. Поэтому во всех былинах, которые поет один и тот же сказитель, много сходных и тождественных мест, хотя бы они не имели ничего общего по содержанию. Таким образом, типические места «всего более отражают на себе личность сказителя». Из «готовых картин» сказитель производит свой отбор; количество этих картин зависит от его памяти. Характерные свойства сказителя — набожность, юмор, патетика, лирика, пространные описания влияют на отбор «типических мест» (замечу: у Гильфердинга остается неясным, кто сочиняет все эти «картины», дающие возможность исполнителям выбирать).

Гильфердинг подчеркивает *местные различия* в былинах. Северные былины он делил на прионежскую и северо-восточную группы. Первая отличается — по его словам — *пространностью*, вторая — *сжатостью* повествования. В Прионежье нередки былины в 1000 стихов и больше; сказители предпочитают также более длинный стих. На северо-востоке стих более краток, повторений меньше и рассказ живее, не отягощенный подробностями; былина обычно не превышает 300—400 стихов.

Хотя дальнейшие исследования показали, что Гильфердинг не во всем был прав, тем не менее его взгляды внесли существенно новое в изучение эпической поэзии. Нельзя согласиться с Гильфердингом в том, что «типические места» сказитель поет всегда одинаково и что хорошие певцы вырабатывают постоянный устойчивый текст²⁹. Как в русских былинах,

²⁸ «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», изд. 2-е. СПб., 1894 (1-е изд. вышло в 1873 г.). См. «Олонецкая губерния и ее народные рассказы», т. I, стр. 1—62.

²⁹ См. современные исследования русских фольклористов: П. Д. Ухов. Из наблюдений над стилем сборника Кириши Данилова. — «Русский фольклор», I, 1956, стр. 97—115; П. Д. Ухов. Типические места (loci communes) как средство паспортизации былин. — «Русский фольклор», II, 1957, стр. 129—154; Р. М. Волков. К проблеме варианта в изучении былин. — «Русский фольклор», II, 1957. Об индивидуальных особенностях Кириши Данилова и о том как он «исправлял тексты», см. статью А. И. Стендер-Петерсена Проблематика сборника Кириши Данилова. — «Scando-Slavica», т. IV, Copenhagen, 1958, стр. 70—93.

так и в сербских юнацких песнях именно одаренные певцы часто варьируют «типические места». При этом все же подтверждается, что «постоянные стихи» могут иметь у гуслеаров свои индивидуальные особенности. Несомненной заслугой Гильфердинга следует считать то, что он отметил, как те же стихи и образы, независимо от содержания, появляются в разных песнях одного и того же певца. Не менее важна его констатация местных особенностей стиливых и ритмических разновидностей былин.

В 1890 г. профессор Венского университета Ф. Миклошич (1813—1891), родом словенец, опубликовал работу об изобразительных средствах славянского эпоса, посвятив главное внимание постоянному эпитету³⁰. Хотя автор перечисляет «изобразительные средства» несколько схематически, его труд положил основание сравнительному изучению техники устной поэзии славян.

Новый период изучения эпической поэтики южных славян наступил в начале XX в. Другой словенец, учившийся в Вене, профессор университета в Граце, затем в Лейпциге и Праге, М. Мурко, посвятил значительную часть своих работ южнославянской народной песне в ее современном состоянии. Мурко побывал в России (в 1887—1889 и в 1911 гг.), учился у А. Н. Веселовского. Он был прекрасно знаком с русской литературой по народному эпосу, в том числе с работами Радлова и Гильфердинга и, конечно, воспользовался их опытом. Он совершил несколько эпических путешествий по областям южных славян, входившим до первой мировой войны в состав Австро-Венгрии, а после 1919 г. — Югославии: Боснии, Герцеговине, Далмации, Санджаке. Особое внимание Мурко обратил на мусульманский эпос, продолжая и развивая работу Л. Марьяновича. На конгрессе историков в Берлине в 1908 г. он выступил с докладом о народном творчестве боснийских магометан. В следующем году в г. Бихаче (Босния) от одного из главных певцов «Матицы Хорватской» Бечира Исламовича он записал несколько песен, которые старец пел двадцать лет до этого в Загребе (в 1889 г.). «Так я впервые установил, — пишет Мурко, — что певец вносит много изменений в свои песни и что на эти изменения влияют обстоятельства, при которых он исполняет свои песни». Нельзя, конечно, не заметить, что эти наблюдения в области народной поэзии сделаны далеко не впервые.

Изучение эпоса южных славян и гуслеаров привело Мурко к верному заключению, что было бы напрасно реконструировать песню в ее «перво-

³⁰ F. Miklosich. Die Darstellung im slavischen Volksepos. — «Denkschriften der Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-historische Classe. Band 38, III. Wien, 1890; русский перевод: Ф. Миклошич. Изобразительные средства славянского эпоса. М., 1895. См. также: Н. Б о б ч е в. Изображението в българската народна епика. — «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», кн. X. София, 1894, стр. 195—220.

начальном виде», путем сравнения разных вариантов. Мурко установил, что южнославянский певец произносит 16—20 стихов в минуту (иногда 13—18), что он может петь час-полтора без перерыва, а при длительном исполнении отдыхает около получаса (что совпадает с наблюдением Геземанна и Пэрри). Пределом исполнения Мурко считает 6 часов (из опыта Пэрри известно, что гусяр может исполнять свою песню и дольше, хотя не так долго, как певцы Средней Азии). Впрочем, некоторые гусяры заявляли Мурко, что их репертуар не исчерпается за 3 месяца и даже за полгода, если они будут петь каждый вечер.

Некоторые певцы — по их словам — знают до 300 песен, что при обычной длине мусульманских эпических произведений может составлять от 200 000 до 400 000 стихов и даже больше³¹. В начале нашего века, когда еще существовали в Боснии и Герцеговине имения бегов, Мурко обнаружил, что многие мусульманские певцы живут — несколько месяцев в году — в доме помещика, любителя народной поэзии. Среди сельских бегов встречались исполнители песен. Певцы обычно занимаются земледелием, скотоводством или мелкой торговлей. Гусярское ремесло для них лишь подсобный промысел. Народные певцы всегда помнят своих учителей, у которых учатся с малых лет. Мурко весьма красочно и убедительно показал процесс упадка в сербской среде гусярской устной традиции. Он исследовал влияние провинциальных типографий (например, в г. Никшиче в Черногории), которые заказывали песни на темы дня, затем снабжали гусяров печатными текстами. В черногорской армии существовала даже армейская команда гусяров, имевшая своего капитана. Гусяры, прославлявшие военные подвиги, брали деньги за упоминание второстепенных юнаков, жаждавших славы. После первой мировой войны Мурко заинтересовался фольклором Новобазарского Санджака, едва ли не самой глухой и отсталой области Югославии. В этих краях Мурко путешествовал под охраной жандармов и под водительством бывшего гайдука, состоявшего на службе у полиции. Сербские администраторы познакомили заезжего профессора с попавшими в их руки рукописями мусульманского гайдука Юсуфа Мехонича, который сам воспел свои подвиги в десятисложных стихах, а затем записал на бумаге кириллицей. Гайдуки в эти времена еще не перевелись.

Уже в преклонном возрасте, в 1930—1932 гг., Мурко, проявляя замечательную энергию, объездил еще раз как ему ранее известные, так и новые районы Боснии, Далмации, Черногории, Санджака, Сербии. Он

³¹ Это количество не должно удивлять. Киргизская поэма «Манас» записана в двух полных вариантах, из которых каждый насчитывает около 250 000 стихов, от старого сказителя Сагымбая Орозбекова (1867—1930) и от современного манасчи Саякбая Раралаева (род. в 1894 г.). В. Ж и р м у н с к и й. Народный героический эпос. М.—Л., 1962, стр. 200.

снова отметил консервативность и традиционность мусульманских певцов по сравнению с православными и католическими гуслирами. Для записей народного творчества он пользовался фонографом Эдисона. К сожалению, из записей Мурко очень мало опубликовано. К своим книгам об эпических путешествиях по Балканскому полуострову Мурко приложил весьма ценные фотографии гуслиров и их окружения ³².

Заслуга Мурко в том, что он открыл новые стороны быта эпических певцов, показал, в каких общественно-социальных условиях продолжала в первой четверти XX в. существовать среди южных славян эпическая песня. На многочисленных примерах он подтвердил, что устная поэзия сербских и сербско-мусульманских певцов — импровизация, подчиненная тем же законам, что и русская или киргизская. Вопросы стилистики и поэтики народного творчества он не углубил, но облегчил своими работами их дальнейшую разработку.

Проблемой архитектуры сербской эпической песни занялся между двумя мировыми войнами профессор немецкого пражского университета Герхард Геземанн (издатель эрлангенской рукописи сербских народных песен). Геземанн писал о том, что гуслир не только импровизирует и сочиняет стихи, но обладает умением придавать своей песне соответствующую эпическую структуру ³³. Он должен овладеть формой повествования, остовом, на котором строится песня. Этот остов Геземанн называет «композиционной схемой». Возникая из творческого акта, схема затем передается от гуслира к гуслиру, изучается, усваивается, принимает традиционный характер. Геземанн восходил в своих теоретических построениях к Джону Майеру и А. Хойслеру. Он отметил, что новые элементы для понимания эпоса Дж. Майер нашел в книгах Радлова, «заслуженного перед наукой мужа», который впервые показал, что исследователь устной народной поэзии должен считаться с фактом импровизации.

Геземанн изучал народную поэзию южных славян не только по книгам в кабинете, но и среди певцов. Он интересовался техникой исполнения и музыкальным сопровождением (аккомпанемент, мелодия голоса, ритмика). Без достаточного основания немецкий ученый провозгласил Танасия Вучича из черногорского племени дробняка (живущего в окрестностях горы Дурмитора) лучшим современным гуслиром Югославии. Вучич получил награды на конкурсах гуслиров в Сараеве и Белграде в 1924 и 1927 гг. (конкурсы эти, по верному замечанию Мурко, портили

³² M. M u r k o. La poésie populaire épique en Yougoslavie au début du XXe siècle, Paris, 1929; M. M u r k o. Tragom srpsko-hrvatske narodne epike. Putovanja u godinama 1930—1932, I—II, Zagreb, 1954 (JAZU, Djela, knj. 42).

³³ G. G e s e m a n n. Kompositionsschema und heroisch epische Stilisierung. Ein Beitrag zur improvisatorischen Technik des epischen Sängers. — «Studien zur süd-slawischen Volksepik», S. 65—96.

гусляров, приучая их к лицедейству). Певческие приемы Вучича изучали, кроме Геземанна, музыковед Ф. Бекинг и стиховед Ф. Саран. В скором времени мода на Вучича в ученых кругах прошла. На самом деле, конечно, таких гусляров, как Вучич, было в Югославии в те времена немало.

В заслугу Геземанну следует, несомненно, поставить то, что он организовал исследование народной песни в Македонии. Его экспедиция при участии этнографов из г. Скопле и профессора Бекингена в начале 30-х годов нашего века посетила много городов и сел, в том числе Прилеп (родину Королевича Марка), Битоля, Охрид, Дебр (на албанской границе), Гостивар, Тетово.

Материал, собранный во время этой экспедиции, показал, что по художественным достоинствам македонские песни уступают «динарским», т. е. юго-западным с центром в Герцеговине. Однако было опровергнуто мнение о том, что македонские песни плохи и что эпическая традиция в этой области замерла. Были записаны песни о Королевиче Марке и даже Косове. Следует, впрочем, заметить, что не указано, пользовались ли певцы, обычно певшие без гуслей в два голоса, народными книжницами, сербскими или болгарскими³⁴. Эта работа, положившая основание изучению македонского эпоса современными методами, в настоящее время продолжена и развита македонскими фольклористами.

В следующем поколении исследователей сербского народного эпоса, которые не ограничивались кабинетными штудиями, а по примеру Мурко и Геземанна отправлялись в самые отдаленные углы югославских провинций, где эпос еще мог сохраниться, следует прежде всего упомянуть А. Шмауса. В Санджаке и на Косовом поле он изучал эпос сербов-мусульман и албанцев (обычно двуязычных). После нескольких статей о мусульманской эпике в Югославии, Шмаус написал большую работу, посвященную структуре краинской песни. Албанским и македонским эпосом занимались также Г. Элезович и Дж. Ружичич. Новые материалы по вопросам техники и поэтики гусляров были напечатаны в основанном А. Шмаусом и Р. Меденицей специальном журнале «Прилози проучавању народне поезије» (Белград, 1934—1938).

Можно сказать, что по горячим следам Мурко и Геземанна устремился в Югославию талантливый исследователь древнегреческого эпоса профессор Гарвардского университета Мильман Пэрри. В Париже он слушал лекции Мурко, читал Чадвиков и Радлова.

От Чадвиков Пэрри воспринял мысль об универсальности эпических процессов, охватывающих народы всех концов земного шара, но также усвоил неверную теорию о некоем «героическом веке», вечно повторяю-

³⁴ Г. Геземан. Нова истраживања о народном епу у вардарској бановини. — «Гласник Скопског научног друштва», књ. XI. Скопље, 1932, стр. 191—198.

щемся, независимо от общественных и социальных перемен. Радлов и Мурко открыли американскому ученому, что в Средней Азии и на Балканах жива народная поэзия, что народные певцы этих краев — импровизаторы и что импровизация их подчинена известным законам. Из книг Чадвиков Пэрри почерпнул также сведения о русских исследователях былин, особенно о Гильфердинге.

Конечно, не следует думать, что весь комплекс идей Пэрри был лишь суммой заимствования из трудов его предшественников. Парижская докторская диссертация Пэрри отличается тонким анализом постоянных и повторяющихся элементов поэзии Гомера и техники древнегреческого эпического стиха. Пэрри писал, что он первоначально изучал стиль Гомера, не понимая, что этот стиль не только традиционный, но и устный³⁵. В конце концов он пришел к заключению, что понять поэмы Гомера возможно, только проникнув в сущность устной поэзии. Он решил прежде всего ознакомиться с югославской народной поэзией и направился летом 1932 г. в Дубровник, где и встретился с автором этих строк.

Летом 1933 и 1934 гг. я сопровождал М. Пэрри в его поездке с целью изучения южнославянского эпоса по Герцеговине, Боснии и Далмации. Я вел записи текстов до того, как мы побывали в Загребе, где Пэрри купил парлограф. С осени 1934 г. я начал читать лекции в Белградском университете и не смог больше участвовать в эпических поездках. Американского ученого стал сопровождать его ученик Альберт Лорд, в те времена студент, впоследствии профессор Гарвардского университета. Он продолжил работу своего учителя после ранней смерти Пэрри в 1935 г.

Вполне разделяя мнение Мурко, Геземанна и Пэрри, унаследованное от Радлова и Гильфердинга, о необходимости специального изучения устного творчества народных певцов, я все же во многом расходился с американским ученым. Мне запомнились наши оживленные ночные споры в горных селах Герцеговины, где мы собирали песни и вели беседы с гуслежарами. Пэрри тщетно стремился найти новый вариант песни о «Хасанагинице» (Мурко полагал, что он нашел новую версию). Помнится, что «известный гуслежар» Никола Скурич, учитель в с. Чипличи близ Дубровника, куда мы направились, по настоянию Пэрри спел, как я и утверждал заранее, «Хасанагиницу» и еще несколько других текстов слово в слово по Караджичу. После этого Пэрри стал обращать особое внимание на то — знает ли гуслежар названия песен (названия ведь обычно даются издателями): если знает, то это верный признак того, что он выучил песню из книги.

---

³⁵ О современных взглядах на Гомера и устную поэзию на Западе см. Ch. P i - c a r d. Sur le travail poétique d'Homere. («Mélanges H. Grégoire», IX. Bruxelles, 1949, p. 489 и дальше).

Я всегда сомневался в самой возможности проводить внеисторические параллели между древнегреческим и сербским эпосом и не слишком верил в то, что удастся отыскать древние сюжеты в модернизированном репертуаре современных исполнителей народных песен (разделяя скептицизм Мурко), наконец, не видел надобности издавать записи в «сыром виде», со всеми неизбежными ошибками, запинками и обмолвками гусяров, считая такие записи лишь предварительным материалом для исследования некоторых специальных вопросов. Должен заметить, что по этому последнему пункту сомнения высказывал и сам Пэрри. Ср. следующее место из введения к «*Serbo-croatian heroic songs*»: «Этот сборник текстов, сохранных устной передачей, не собран для того, чтобы составить новую книгу наряду с уже существующими собраниями этой поэзии, но для того, чтобы получить данные, которые позволили бы вывести общее заключение, применимое на всю устную поэзию... Мы не только можем видеть, как певец составляет слова и фразы, а затем стихи, но также как он группирует целые отрывки и темы, мы можем видеть, как песня живет и переходит от одного человека к другому, от одного поколения к другому, переходит через поля и горы и даже через все границы языка, а также увидеть еще большее — как устная поэзия живет и умирает» (стр. XV сербского издания).

Если подвести итоги работы Пэрри в области южнославянского эпоса, то можно прийти к следующим заключениям: Пэрри проверил издания Мурко в области быта и обычаев гусяров в тот период времени, когда югославская певческая традиция была в самой последней своей фазе. Американский исследователь действовал более методически, чем его предшественники. Пэрри составил специальный опросный лист, которым он неизменно пользовался при беседах с гусярами. К сожалению, до сих пор не напечатаны записи из Герцеговины, представляющие, как мне кажется, не меньший интерес, чем заметки из Санджака. Пэрри несомненно ошибался, стремясь отыскать героическую эпоху (*heroic age*) в условиях балканского капитализма XX в. Те остатки «эпической среды», которые можно было еще обнаружить в глухих углах Югославии, напоминали скорее средние века, чем героическую эпоху древних греков. Нельзя сказать, чтобы Пэрри не замечал процесса разложения и упадка балканской эпики, который так ясно видел Мурко. Однако в своих суждениях он был чужд историзма и порою склонен к абстрактным схемам. Отсюда его размышления «последнего великого азда», некоего югославского воплощения Гомера, который — увы! — был обнаружен в конце концов среди албанских подражателей краинской песни. Тексты, изданные А. Лордом из коллекции Пэрри, весьма полезны, тем более что мусульманских песен до сих пор напечатано не так много. Для того чтобы пользоваться этим материалом, следует прежде всего сравнить эти записи с изданиями «Матицы

Хорватской» и К. Хёрнеманна. Заметим, что для западных фольклористов, не знающих сербско-хорватского языка, английские переводы санджакских поэм А. Лорда были откровением, что приводило иногда к слишком поспешным выводам.

Ранняя смерть помешала М. Пэрри осуществить свои замыслы. Человек весьма одаренный и решительный, он обладал исследовательской энергией, которую можно было бы сравнить с энергией Э. Г. Томпсона, знаменитого исследователя мексиканской культуры.

Таким образом, мы видим, что в первой половине нашего века исследователи юнацких песен южных славян внесли ценный вклад в изучение мировой эпической поэзии. Они вплотную подошли к новым вопросам, еще далеко не разрешенным. Одна из самых сложных и самых значительных из этих проблем — техника и поэтика устного народного творчества.

IV. Техника устной поэзии

Известно, что постоянный эпитет — одна из характерных особенностей древнегреческого эпоса: Менелай — «светловолосый», Одиссей — «хитроумный», Афина — «светлоокая», Эос — «светоносная» или «розовоперстая», море — «неверное». Эпитеты как бы приросли к именам и не меняются с развитием действия. Тщательному изучению эпитетов Гомера, а также их функции и вариациям посвящена была парижская докторская диссертация М. Пэрри¹.

К сравнительному изучению эпитетов в славянских народных песнях — не без влияния теорий о народном происхождении «Илиады» и «Одиссеи» — обратился в середине прошлого века Миклошич. Он привел довольно длинный список постоянных эпитетов. Сравнивая эти списки, не трудно установить общие элементы в сербско-хорватском, русском, украинском, болгарском языках. Приведем несколько примеров общей («всеславянской») системы выражения:

в с е р б с к о - х о р в а т с к о м: *бели* дан, свијет, лабуд; *бела* рука; *бојно* копье, седло; *добар* коњ, јунак; *златан* кључ, крст, венац, прстен (бурма); *брз* коњ; *сиње* море; *црн* арапин, гавран; *црна* земля; *црни* очи;

в р у с с к о м: *белый* день, свет, лебедь; *белая* рука; *боевое* копье седло; *добрый* коњ, молодец; *золотой* ключ, крест, венец, перстень; *борзый* коњ; *синие* море; *черный* арап, ворон; *черная* земля; *черные* очи.

Этих совпадений довольно много, однако гораздо больше специфических русских и специфических сербских постоянных эпитетов. Так, в серб-

¹ M. P a r r y. L'épithète traditionnelle dans Homère. Paris, 1928.

ском: *бела кућа*, вила, овца, латинка, *ћуприја*; *бело* јагње *виловити* коњ; *горски* вук, *хајдук*; *дебело* хлад; *дебело* море; *зелена* свила, долама, *јела*, гора (ср. англ. the green wood); *каменита* кула (ср. белокаменная палата), Босна, тамница; *хитар* татарин, *кѣйгоноша*, бербер; *црни* циганин, *бугарин*; *црна* сиротиња ².

Эпитет *белый* имеют также следующие названия мест: Будим, Босна, Леджан, Венеция (Млеци), Прилеп, Вилиндар (Хилендар на Афоне).

Иногда эпитеты так неотделимы от существительного, что и у арапа — «бела рука», и жена-изменница именуется — «верна луба». Миклошич обратил внимание на то, что в XVII в. в известной поэме дубровнического поэта Ивана Гундулича «Осман» встречаются постоянные эпитеты: *бритка сабља*, *руса глава*, *сиње море*, *сухо злато* (ср. в записях «бугарштиц», изд. Богичичем на стр. 99: *црни очи*, *бијела вила*, *бијели дан*, *бијели град*). Постоянные эпитеты нередки у Качича (XVIII в.). Эпитет — обычно прилагательное, но он может быть и существительным: *бјелица пшеница*, *нагоркиња вила*, *љепота ђевојка*, *мермерна авлија*, *старица мајка* ³. Не приходится сомневаться в том, что в сербской эпической поэзии постоянный эпитет имеет связь и с метрическими схемами. Так, эпитет *бијели-а*, прилагаясь к трехсложному имени, образует вторую часть «десетерца».

Кад он дође (бијелу Лећану) или же: *бијелу* Будиму, Прилепу; *б'јелу* Вилиндару.

Равным образом *Босна каменита*, *црни бугарине*, *црна сиротиња*, *зелена долама* образуют 6 слогов. Первую часть «десетерца» (4 слога) легко составить из следующих комбинаций: *бела кућа*, *бела вила*, *бели дани*, *бојно коње*, *бојно седло*, *храбар јунак*, *златна бурма*, *црна земља* и т. д.

Е. В. Артеменко отметил, что русские постоянные эпитеты имеют тенденцию к аллитерации. Так, например: *белый лебедь*, *красно солнце*, *зелен сафьян*, *руса коса*, *черный ворон*. П. Г. Богатырев распространил это наблюдение на сербский и болгарский эпос: *бијела вила*, *сјајно сунце*, *црвено вино*, *грдна рана* ⁴.

Под влиянием народных эпических песен южных славян албанцы работали формулы, главным образом, в циклах Муя-Халил (краинского

² Перевод: *белый* дом, мост, ягненок; *белая* вила (фея), овца, латынка; *волиебный* конь; *горный* волк, *гайдук*; *густая* тень; *глубокое* море; *зеленый* шелк, кафтан; *зеленая* ель, гора (лес); *каменная* башня (тюрьма); *каменистая* Босния; *быстрый* татарин, почтальон, брадобрей; *черный* цыган, болгарин; *черные* бедняки (смысл: крайняя нищета и бедность).

³ Перевод: *белая* пшеница, *горная* вила, *прекрасная* девушка, *мраморный* двор, *старая* мать.

⁴ П. Г. Богатырев. Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов. — «IV Международный съезд славистов. Доклады». М., 1958, стр. 7—8.

происхождения). Ст. Скенди приводит следующие заимствованные постоянные эпитеты: dita e bardhë (белый день), orë të bardha (белые вилы), ora e bjeshkëvet (горная вила), sokol me fletë (крылатый сокол), pushka habertare (пушка хабердара — ружье, возвещающее опасность), letër e hollë (ситна книга — письмо, написанное бисерным почерком)⁵. Несомненно, что в этом случае дело идет о заимствовании как сюжетов, так и эпической техники. Между тем у многих других неславянских народов — киргизов, калмыков, якутов — постоянные эпитеты развились вполне самостоятельно⁶. П. Г. Богатырев нашел славянскую антитезу в других славянских языках: он приводит параллель к началу «Хасанагиницы» в болгарском, чешском (моравском), словацком, украинском⁷.

Славянская антитеза в сербском эпосе обычно повторяется, переходит, как и «готовые стихи», из песни в песню, подвергаясь то сокращению, то дополнению, теряя или приобретая стихи. Для того чтобы уяснить изменения стихов в славянской антитезе, приведем в нескольких вариантах одну из разновидностей этой конструкции:

Милый боже, великое чудо!
 Это гром, или земля трясется,
 Иль о мрамор море ударяет,
 Иль дерутся на Попове вилы?
 Нет, не гром, и земля не трясется.
 Море о скалу не ударяет,
 И не бьются на Попове вилы,
 То стреляют (задарские) пушки,
 Веселится (Ага-Бекир-Ага).
 Изловил он малого Радойцу,
 Бросил Рада в глубину темницы...

(«Малый Радойца»; Вук, III, 51)

Это гром, или земля трясется?
 Нет, не гром, и земля не трясется,
 То стреляют (городские) пушки,
 Веселится (Вук-градоначальник)
 Сербских воевод в полон забрал он...

(«Королевич Марко и Вук-генерал»; Вук, II, 41)

⁵ St. Skendi. Albanian and South Slavic Oral Epic Poetry. Philadelphia, 1954. В цикле Муя-Халил по южнославянскому образцу появляются имена из трех частей: Ага-Хасан-Ага, Паша-Хасан-Паша. Трехсложные имена встречаются обыкновенно во второй части десетерца, образуя 6 слогов.

⁶ С. М. Вовга. Heroic Poetry. London, 1952, p. 224.

⁷ П. Г. Богатырев. Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов, стр. 15—18. В русском фольклоре П. Г. Богатырев находит славянскую антитезу лишь в заговорах.

Боже милый, диво-то какое!
 Кто там стонет у Верхней Баняны?
 То змея там стонет или вила?
 Если б вила — то бы выше было,
 Если бы змея — под камнем было.
 То не лютая змея, не вила —
 Это Батрич Перович так стонет,
 Он в руках у Чорович-Османа.

(«Перович Батрич»; Вук, IV, 1; пер. Б. Служко)

Первые два варианта представляют распространенный и сокращенный вид той же антитезы. Третий имеет общность с первым, хотя мотив о виле разработан иначе. Традиция и выдумка, соединяясь, производят все новые и новые варианты, обновляют застывшие формы, приспосабливают их к иной драматической ситуации.

В «Простонародных песнях нынешних греков» Н. Гнедич верно заметил сходство некоторых форм греческого народного творчества со славянским. Он пишет:

«Песня, например, «Буковалл», своими сравнениями отрицательными: «Не быков ли то бьют, не зверей ли травят? Нет, то бьют не быков» и проч.⁸, так сходствует с нашими песнями простонародными, что если бы не собственные имена и обстоятельство, нам чуждые, можно бы сказать, что это песнь русская, по-гречески переведенная. Род сих *сравнений отрицательных*, неизвестный древней поэзии греческой, составляет отличное свойство нашей древнейшей поэзии и высшей, и простонародной; начиная с «Слова о полку Игореве»⁹ до новейших песен простонародных¹⁰ эти сравнения встречаются в них беспрерывно. Они встречаются и во многих песнях греческих»¹¹.

Гнедич пишет о том, что Этолия, Акарнания, Эпир были убежищем греческих арматолов и клефтов, прославившихся своим сопротивлением

⁸ Что там за тонот, что за шум в долине раздается?
 Или буйволы сцепились там, иль звери там лесные?
 Не буйволы сцепились там и не лесные звери,
 Там Буковалас бой ведет, храбрейший Буковалас,
 С ним сорок девять храбрецов, а турок много сотен.

(«Янис Буковалас»; пер. В. Нейштадта);

«Греческие народные песни». М., 1957, стр. 63

⁹ Не бури соколов занесла чрез поля широкие,
 Слетаются галки стадами к Дону-редекому...
 Не сороки стрекочут, ездят не следам Игоревым Гзак и Кончак.

¹⁰ Не сокол летал по поднебесью,
 Что ходил, гулял добрый молодец...

¹¹ Простонародные песни нынешних греков с подлинником, изданные и переведенные в стихах, с прибавлением введения, сравнения их с простонародными песнями русскими и примечаний, Н. Гнедича. СПб., 1825, стр. XXXIII.

туркам (стр. XXXVII — XXXVIII). Именно там сохранилось много славянских названий городов, гор, деревень. Он вполне основательно напоминает о проникновении славян в Элладу, начиная с VI в. н. э., ссылаясь на Константина Порфирогенета. К этому следует лишь добавить, что славянские элементы в Северной Греции не исчезли и в нынешнее время¹². Гнедичу было знакомо и издание сербских песен Вука Караджича, где он находит те же «лирические приступы» (например, о птице, прилетающей к герою или героине), что и в русских и в чешских песнях (стр. XXXV).

Таким образом мы видим, что поэзия южных славян оказала известное влияние на соседние народы, на албанцев и на греков.

Радлов в своем знаменитом исследовании киргизского эпоса перечислил вкратце постоянные образы («картины»), свойственные народному эпосу. Если сопоставить киргизские «готовые стихи» с сербскими или русскими, то значительное количество типических повторяющихся образов будут весьма схожи, сохраняя, конечно, и свою специфику, так, например: конь, одежда, вооружение бойца, его приезд и отъезд, женская красота, вещие сны, переодевание, темница («зиндан»), поединок. Можно настаивать и на разнице — скачки и состязания борцов у южных славян редки. Разнятся и волшебные явления (мифологический мир). Пейзажи в песнях сербов реже, чем у киргизов или казахов. Реалистические элементы в песнях южных славян преобладают над чудесными, чего нельзя сказать о якутском эпосе.

«Готовые стихи» сербского эпоса могут быть общегославянского распространения, но также областными, местными, наконец индивидуальными, свойственными только одному гусларю. Следует произвести анализ на имеющихся материалах, учитывая опыт Гильфердинга и современной советской школы фольклористов. При этом необходимо принять во внимание, что областные системы не являются закрытыми и что наблюдается проникновение мусульманских «готовых стихов» в сербские — христианские (особенно с XVII в.). Это проникновение, естественно, происходило прежде всего в смежных областях. Гуслары гайдуков и ускоков были во многом учениками своих злейших недругов — мусульман Северной Боснии. Через Приморье, Герцеговину и Санджак боснийские образы проникали в Черногорию и в Северную Албанию.

¹² См. на эту тему статью М. Ибровца «Les affinités de la poésie populaire serbe et néogrecque». Balkanološki Institut, «Godišnjak», I. Sarajevo, 1957, st. 389—455. Автор отмечает повторение полуступиц в греческой и сербской народной поэзии, некоторые общие формулы («Боже правый, великое чудо!», сербские слова в песнях клефтов (во)вода, хайдук, побратим). Интересно сообщение о том (стр. 454), что греческий патриот Трандафилос Дука опубликовал в 1807 г. в Будапеште новогреческую поэму о восстании Карагеоргия, написанную политическими стихами в 24 песни, которая должна была быть «Илиадою» сербов. Посвящена она Петру Ичко. Ср. также статью С. Н. Иколаевича в «Годишница Н. Чушина». Белград, V, стр. 205.

Рассмотрим прежде всего зачины сербских эпических песен, обычно — в отличие от мусульманских — избегающие длиннот. Они могут быть восклицаниями, привлекающими внимание слушателей:

Боже правый, чудо-то какое!

или же констатацией известного состояния перед событиями:

Был когда-то Банович Страхия!
Расхворался Дойчин воевода.
Царь Мурат на Косово собрался.

Многие начала являются типичными формулами, в которых, особенно во второй части стиха после цезуры, легко заменить одно имя другим:

По дороге // (едет бег Костадин).
Ужинает // (Королевич Марко).
Славу славит // (Лазарь, князь могучий).
Выходила // (царица Милица).

Можно спеть и так:

По дороге // едет лютый Муса.

Из дворца может выйти не только Милица, но и Джурджева Ирина. Тогда поется:

Выходила // Джурджева Ирина

Начальный стих:

Раз приснилось // матери Ивана

изменяется в зависимости от содержания. Так, например:

Раз приснилось // жене Радована и т. д.

Встречаются в сербском эпосе и запевы, напоминающие присказки и прибаутки наших сказителей. Обычно югославские издатели печатают их отдельно от текста эпических песен. Эти запевы легко приспособливаются к различному содержанию, а иногда не имеют с ним никакой связи¹³.

Особой разновидностью запева является призыв вилы или вóрона-вестника. Вила и вóроны обычно вещают беду. Так, например, клич вилы в песне «Женитьба Стояна Янковича»:

Не зажглась еще заря на небе
И Денница лицо не открыла.
Кличет вила белая с вершины
Зеленеющей горы Авалы.

(Вук, II, 94)

¹³ Так, например, присказка, которую мне не раз приходилось слышать в Черногории и Герцеговине, начинающаяся с «Тяжко...» (Тяжко смотреть на красавицу, тяжело ружью без пороха, тяжело попу путешествовать в горах... и т. д.).

Ср. в эрлангенской рукописи (100 лет до песни Вука):

Не зажглась еще заря на небе,
А взывает пребелая вила,
Кличет вила с Авалы высокой.

(Изд. Геземанна, № 91)

В конце сербских песен формул меньше. Часто песня завершается вместе с рассказом о событиях. Встречаются, впрочем, сентенции и заключения:

Тяжко в мире без родных и близких

(«Женитьба царя Степана», 687)

Мало было ведь таких юнаков

Как Страхины Бан — юнак отважный

(«Банович Страхины», 800—801; пер. М. Зенкевича)

Любопытны в конце песни шутки-прибаутки и пожелания здоровья:

Не видали, правду не сказали,
Говорили, чтоб вас позабавить.

Или:

Будь здоров, хозяин и хозяйка!
Чтоб мы жили, чтоб мы веселились!
Ветки подыми, витая елка!
Будь здоров, хозяин и хозяйка!
Чтоб мы жили, чтоб мы веселились!
Тот, кто слушал, пусть он будет весел,
Кто не слушал, зла с ним не случится!¹⁴

В заключительных стихах проявляется порой и религиозная тенденция:

Дай, господь, ему в раю блаженство,
Нам же, братья, здоровья и счастья!

(«Московские подарки», 150—151)

В более редких случаях — в конце яркий поэтический образ:

Бедная, мне нет на свете счастья.
Если ухвачусь за ветку ели,
Тотчас же зеленая засохнет.

(«Девушка с Косова поля», 130—132)

Время строит, время разрушает,
Пусть же длится пляска круговая.

(«Джерджелез-Алия»)

¹⁴ «Марко Королевич в тюрьме» в записи Ястребова (стр. 299).

На нескольких примерах «готовых стихов», переходящих от гусляра к гусляру, я постараюсь показать, что тот или иной образ приспособляется к разному содержанию. Из рассматриваемых примеров становится ясным, что «готовые стихи» никогда не бывают вполне готовыми и что в эпосе все изменяется, даже формулы. «Готовые стихи» варьируются не только у разных певцов, но, зачастую, в репертуаре одного и того же гусляра. Чем гусляр одареннее, тем больше вариантов в его «готовых стихах». Полагаю, что если эти наблюдения верны для южнославянской эпической поэзии, они верны и для русской народной песни.

Сначала рассмотрим «готовые стихи» общегославянского распространения (вернее, общесербского).

Отмечаю курсивом в первых двух примерах схожие стихи, а звездочкой — в первом и третьем.

1. З л о в е щ и й с о н

- а) Королевич Марко принял чашу,
В руки чашу взял и впал в дремоту *,
Выскользнула чаша и упала *,
Но вино не пролилось из чаши *.
Разбудил его слуга Голубан:
«Господин мой, Королевич Марко,
Много раз нам воевать случалось,
Никогда ты не дремал так крепко *,
Не ронял из рук с вином ты чаши» *.
Тут очнулся Марко от дремоты
И слуге Голубану ответил:
«Ты, Голубан, мой прислужник верный,
Задремал я, чудный сон увидел,
Сон чудесный в чудную минуту,
Будто мгла туманом завихрилась,
Поднялась от города Костура,
Заклубилась (над Прилепом белым).
В том тумане Мина из Костура,
Белый двор мой дочиста разграбил,
Все разграбил, все спалил пожаром,
Мать-старуху потоптал конями,
Верную жену мою взял в рабство,
Всех коней угнал он из конюшни,
А из дома все добро похитил».
Отвечал ему слуга Голубан:
«Ты не бойся, Королевич Марко!
Сон не страшен храброму юнаку.
Сон ведь ложь, а истина у бога».

(«Королевич Марко и Мина из Костура»,
52—79; пер. М. Зенкевича)

- б) Рано встал воевода Момчило.
Говорит он жене Видосаве:
«Видосава, верная подруга,

Чудный сон мне сегодня приснился.
 Из урочищ Васоев проклятых
 Появилась полоса тумана
 И обвилась еокруг Дурмитора.
 Сквозь туман я начал пробиваться,
 Пробиваться с братьями родными;
 А за мной двоюродные братья,
 А за ними конники из замка.
 Мы во мгле друг друга потеряли,
 Потеряли, не нашли друг друга.
 Видит бог, беда нас не минует».

 Отвечает жена Видосава:
*«Ты не бойся, господин мой милый,
 Добрый витязь видел сон хороший,
 Сон ведь ложь, а истина у бога».*

(«Женитьба короля Вукашина», 133—150)

- в) Только малость задремал святитель
 И спросонок выпустил он чашу *.
 Пала чаша на столы златые *,
 Не разбилась, не пролилась чаша *.
 Укоряет Громовник Николу:
 «Брат мой милый, Николай Угодник.
 Прохлаждались мы вином и раньше,
 Но еще мы, братец, не дремали *,
 Золотую не роняли чашу *;
 Отчего ты погрузился в дрему?»
 Отвечает Николай Угодник:
 «Не сердися, о Илья гремящий,
 Чуть вздремнул я — видел сон неожиданный *...

(«Святой Николай», 11—23)

Зловещий сон Королевича Марка у Тешана Подруговича как бы «слит» из сна воеводы Момчила и видения Николая Угодника. Конечно, дело идет не о слиянии, а о комбинации (вполне индивидуальной) традиционного материала ¹⁵. При этом «готовые стихи» непрестанно варьируются и могут с одинаковым успехом войти в песни героические и в песни духовного и мифологического содержания.

¹⁵ Сравнить: «Я! видел черный зловещий сон; я видел, что схватывают качающегося на моей руке моего сокола; я видел, что с неба молния поражает мое жилище с белым верхом; я видел, что мелкий дождь и туман проливаются над моею ордой» (песнь II). («Книга моего деда Коркута». Перевод акад. В. В. Баргольда. Изд. подготовили В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов. Серия «Литературные памятники». М.—Л., 1962, стр. 24. Подчеркиваю, что я не собираюсь установить какое-либо влияние огузско-тюркской эпической песни на южнославянскую. Несомненно лишь распространение веры в дурные сны, иногда со схожими деталями в «эпической среде» разных народов средневековья как Европы, так и Средней Азии. См. В. М. Ж и р м у н с к и й. «Китаби Коркут» и огузская эпическая традиция. — «Советское востоковедение». М., 1958, № 4, стр. 90—101.

II. Т е м н и ц а

- а) *(Он их) бросил в глубину темницы.
До колена там вода доходит,
До плеча—богатырские кости*

(«Королевич Марко и Вук-генерал»; пер. М. Зенкевича)

- б) *А Стояна бросил он в темницу,
В глубину аршинов триста будет.
До колена там вода доходит,
До плеча — богатырские кости.*

(«Женитьба Стояна Янковича»)

- в) *(Бан их) бросил в глубину темницы.
До колена там вода доходит,
До плеча — богатырские кости.*

(«Опять Вук Анджелич и бан Задранин»; Вук, III, 58)¹⁰

- г) *Необычное тюрьма жилище *.
В той темнице вода до колена,
До пояса юнацкие кости.
Скорпии там ползают и змеи *.
Выпьют, верно, змеи черны очи *;
Скорпии лицо юнака жалят *,
Чтоб отпали до колена ноги,
И до плеч богатырские руки.*

(«Королевич Марко в Азовской темнице»; Вук, II, 64)

- д) *Необычное тюрьма жилище *.
Там вода доходит до колена,
А в воде-то скорпии и змеи *
Жалят скорпии, сосут гадюки *.*

(«Мато из Хорвата»; Вук, III, 48)

- е) *Выкупи меня, мой брат, скорее, —
Необычное тюрьма жилище *.*

(«Вук Анджелич и бан Задранин»; Вук, III, 57)

Отмечаю звездочкой повторяющиеся стихи в примерах г, д, е, которые не встречаются в первых трех.

¹⁰ Ёно лежи вода до колена,
а јуначки кости до рамена.
(в обеих песнях Подруговича)

Песню «Опять Вук Анджелич и бан Задранин» Вуку послал Васа Попович, князь нахии Пожега (Сербия). Она была написана рукой Марка Неманича, сына попа Филипа, который во времена Карагеоргия был воеводой в Новобазарской нахии. По словам Вука, и отец, и сын были хорошими гусларами (см. Вук, III, 58 — примечания). Однако в этой песне (по содержанию из Приморья, а не из Сербии) дословно повторены стихи «Ёно лежи вода...» с диалектальной герцеговинско-приморской формой: ёно. Не принадлежит ли эта песня также Подруговичу?

III. Жест досады и гнева

- а) Речь визиря царь Степан услышал,
По колену рукою ударил.

(«Женитьба царя Степана», 85—86)

- б) Он ударил рукой по колену,
Так легко по колену ударил *,
Что порвал он сукно дорогое *.

(«Янко из Конница и Али-бег») ¹⁷

- в) Ударяет рукой по колену:
Разорвал дорогое суконце *
И сломал застежку золотую.

(«Стефан Мусич»)

Можно предположить, что разорванное ударом руки сукно — более позднее развитие образа.

Если обратимся к областным «готовым стихам», то легче всего выделить крайние (а также герцеговинские) мусульманские повторы. Так, например:

I. Сваты собираются в путь-дорогу

- а) Закричали вестовые сватов:
«Подымайтесь, веселые сваты,
В путь готовьте себя и девицу!
Пусть подтянут пешие опанки,
Пусть подтянут конные подпруги!»

(«Женитьба бега Любовича») ¹⁸

- б) Боснии глашатаи вскричали:
«Всадники, подпруги подтяните,
Пешие, опанки завяжите!»

(«Песнь о Багдаде»; изд. Пэрри, т. I)

II. Вызов на поединок

- а) «Если, Джурдже, на бой ты не выйдешь, —
На рубахи и порты пряди мне,
Чтоб все знали, что ты мне покорен».

(«Иво Сенькович и ага из Рыбника»; Вук, III, 56)

¹⁷ Сербский текст в антологии Джурича, стр. 460.

¹⁸ Там же, стр. 426.

- б) Если ж струсишь, и вызов не примешь,
Вместе с прялкой ты кудель получишь,
Чтоб мне пряжу пряхи на рубахи,
Чтоб все знали, что трус ты и баба»

(«Женитьба бега Любовича»)¹⁹

III. Женская красота

- а) Нет ее прекраснее на свете:
 Тонок стан и высокого роста.
 Щеки белы ее и румяны.
 Кажется, выросла она до полдня
 А на тихом, на весеннем солнце;
 Самоцветы — блестящие очи,
Брови, будто пиявки морские,
А ресницы — ласточкины крылья;
 Русы косы — шелковые кисти.
Сахарный ларец — уста прекрасной
Зубы белы — две жемчуга нити.
 Белы руки — лебяжий крылья,
 Белы груди — сизые голубки.
Говорит ли — голуби воркуют,
А смеется — солнце согревает.
 Красоту ее хвалят и славят
 В Боснии и всей Герцеговине.

(«Как выдавали замуж сестру Любовича»; Вук. III, 83)

- б) Брови — будто пиявки морские,
 А ресницы — павлиньи перья,
Сахарный ларец — уста прекрасной,
Говорит ли — голуби воркуют,
А смеется — солнце согревает.

(«Бан Зринянин и девушка Безгада»)²⁰

Специфически мусульманскими являются следующие стихи:

«Шейх ислама, своего имама...»;
 «От базара до мечети старой...»;
 «За Газию, Джерджелез-Алию...»

(«Песня о Багдаде»)

¹⁹ Героическая мать Джерджелез-Алии так презрительно говорит сыну, который не сразу решается вести войско султана из Босний на Багдад:

Сядь-ка, сын мой, на белую башню,
 Возьми плетца и пряди кубелю

(«Песня о Багдаде»)

²⁰ «Хрватске народне пјесма», кн. IV. Београд, 1914, стр. 81—91 (также Джурич, стр. 283). Эта песня — христианская, но в ней отразился образ мусульманского эпоса. Впрочем, следует заметить, что сравнения эти не столь восточные, сколь славянские (ср. начало «Полтавы» Пушкина — красота Марии). Близкое по образу описание см. в сборнике Л. Марьяновича «Хрватске народне пјесме, што се пјевају у Горњој Хрватској Крајини и у Турској Хрватској». Загреб, 1864, стр. 412.

См. также известное юмористическое описание Тале из Лики, встречающееся неоднократно (со многими вариантами) в песнях краинских и герцеговинских мусульман.

Не приходится сомневаться в том, что местные повторяющиеся стихи можно найти не только в Боснии и Герцеговине, но также и в других областях Югославии. Приведу еще пример типично черногорского стиха:

Браћо моја, љубимна дружино!

(«Перович Батрич»; Вук, IV, 1)

Мы видели, что даже в «готовых стихах», изменчивых и текучих, проявляется индивидуальность гусяров, как бы накладывающих на повторный стих свою печать. Эти индивидуальные изменения, к сожалению, не легко установить. Обратимся еще раз к Подруговичу, к его описанию вьезда Марка Королевича на коне Шарце:

- а) Ратным он копьем вооружился
И спустился в нижнюю конюшню.
Затянул он семь подпруг на Шарце,
Мех с вином к седлу повесил сбоку,
А с другого — шестопер повесил,
Чтоб седло на Шарце не кривилось.
Сел потом на Шарца Королевич
И поехал (к белому Стамбулу).

(«Марко Королевич и арапин»; пер. Н. Заболоцкого)

- б) Оседлал юнак лихого Шарца,
Мех с вином к седлу повесил сбоку,
А с другого — шестопер повесил.
Сел потом на Шарца он лихого
И поехал (в дальний край болгарский).

(«Женитьба Королевича Марка»; пер. Н. Заболоцкого)

- в) Взял для боя и копье стальное,
А потом в подвал спустился к Шарцу,
Оседлал он Шарца боевого,
Затянул он семь подпруг седельных
И взнуздал уздечкой золоченой,
Нацедил вина в бурдюк огромный
И подвесил у луки передней,
Справа, сзади, — шестопер тяжелый,
Так, чтоб ровно было, не тянуло.
А потом вскочил на плечи Шарца
И покинул Прилеп, город белый,
И поехал (к стольному Белграду).

(«Марко Королевич и Вук-генерал»; пер. М. Зенкевича)

- г) Вслед за тем спустился он в конюшни,
Оседлал коня лихого Шарца.
Он покрыл коня медвежьей шкурой,
Зануздал уздой его стальнойю,

Шестопер^т к седлу повесил сбоку,
А с другого — кованую саблю.
Сел на Шарца Королевич Марко,
На плечи копые свое закинул
И по^дполю Косову поехал.

(«Королевич Марко и Филипп Магварин»;
пер. Н. Заболоцкого)

Подругович варьирует свои стихи. Марко подвешивает к седлу то шестопер, то саблю, чтобы уравновесить мех (бурдюк) с вином, взнуздывая Шарца то стальной, то золотой уздечкой. «Готовые стихи» в устах опытного и одаренного певца всегда изменчивы, формулы распадаются, меняя свои части. При этом гуслиар нередко прибавляет новые стихи собственного сочинения, которые могут остаться изолированными, или же, поправившись другим исполнителям, заимствуются и проникают в самый разный репертуар, снова подвергаясь изменениям. Вот еще один пример из Подруговича:

Сивка скачет три копыя направо,
На четыре копыя ввысь он скачет,
А вперед-то — и счесть невозможно!
Извергает сивка синий пламень,
Синий пламень из ноздрей струится²¹.

(«Женидьба царя Степана», 248—252)

Схожие стихи находятся в песне «Марко Королевич и вила», записанной в Среме:

Тут увидел Шарац Равиолу.
В высоту на три копыя он скачет,
А вперед да на добрых четыре.

С. Матич весьма основательно заметил, что редкий вариант:

А вперед да на добрых четыре
(По четири добре унапредак)

типичен для слепой Живаны из Срема²².

Гораздо более сложным является вопрос о генетическом происхождении некоторых «готовых стихов». Общность представлений, конечно, могла развиться из сходных условий жизни. Эта общность могла быть также

²¹ Ср. «Илья Муромец и Сокольник»:

Да из глаз у коня искры сыплются,
Из ноздрей у коня пламя мечется.

Этими же свойствами обладает (сб. Ю. М. Соколова, стр. 65—66) крылатый конь Гулпар в «Алпамыше» (см. А. С. Орлов. Казахский героический эпос. М., 1945, стр. 17—18; В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов. Узбекский народный героический эпос. М., 1947).

²² В. Платковић. Вуков «рачун од јуначких песама», стр. 51. Церковно-славянская форма *добре* проникла в сремский диалект.

обусловлена близостью славянских языков. Тем не менее некоторые совпадения заставляют думать о большой древности образов, восходящих к общим истокам. В «Женитьбе князя Лазаря» (гуслияр — старец Рашко) встречаются стихи, странно напоминающие разговор Кирибеевича с Иваном Грозным:

Лазаря спросил Степан сердито:
 «Ты ответь по правде, Лазарь верный,
 Отчего переполняешь чашу,
 Почему посматриваешь косо?
*Захудал, быть может, конь твой борзый,
 Может быть поизносилось платье,
 Иль казну свою ты порастратил,
 Или при дворе живешь ты худо?*
 «Слушай, царь, тебе на все ответчу.
 Борзый конь мой служит мне как прежде,
 И мое не изнаосилось платье,
 И мою казну я не растратил,
 А в твоём дворце всего довольно» ²³.

(Пер. Н. Гальковского)

Сравнить:

*Не истерся ли твой парчевой кафтан?
 Не измялась ли шапка соболиная?
 Не казна ли у тебя поистратилась?
 Иль зазубрилась сабля закаленная?
 Или конь захромал, худо кованный?*

Конечно, нельзя себе представить какого-либо влияния сербского гуслияра на Лермонтова, тем более Лермонтова на старца Рашка, который спел свою песню до рождения русского поэта ²⁴.

Родственность некоторых «постоянных стихов-образов» (впрочем, немногочисленных) сербского эпоса с русским, славянская антитеза, имевшая весьма широкое распространение, общность значительного количества постоянных эпитетов свидетельствуют о большой древности некоторых элементов устного народного творчества южных славян. Однако вопрос о генетических связях сербского эпоса еще не разрешен. Замалчивать его было бы неосновательно, решать положительно или отрицательно без дальнейших тщательных исследований — опрометчиво.

²³ Приведем и сербский текст:

*Али ти је коњиц олошао,
 Али ти је рухо остарило,
 Ал' т' је мало голијемна блага?
 Шта т' је мало у двору мојему?..*

²⁴ Следует также сравнить с эпической похвалой в краинско-приморской песне «Лука Крчмарич женит Михайлу Владукича», напечатанной в уже упомянутом сборнике Л. Марьяновича. Загреб, 1864, стр. 69.

Не прибегая к сухой и абстрактной терминологии классической поэтики, которую применял когда-то к сербскому эпосу Лука Зима, мы отметим сравнения в сербском эпосе. Понятно, что сравнения эти могут повторяться в разных песнях и зачастую становятся шаблонами. Однако рядом с таким общим достоянием встречаются иногда необычайно удачные инновации, которые могут со временем переноситься из уст в уста и войти в репертуар многих гуслиаров, иногда только какой-либо местности, иногда распространиться на многие области южных славян. Я позволю себе остановиться на нескольких художественно выразительных сравнениях, не обращая внимания на их редкость или большое распространение:

- а) Помутилися глаза у юнака,
Как в горах у голодного волка.
- б) С ним остался в ровном Среме Райко,
Как сухое дерево на скалах.
- в) От горы до горы мчится Тале,
Словно вихрь с вершины на вершину.
- г) Стал безмолвен, как студень камень.
- д) Засиял средь чиста поля Милош,
Словно солнце из-за гор восходит.
- е) Этот нищий страшным был юнаком:
Черный ус и кровавые очи;
Взглянет — острым оком рассекает,
Словно молния мутную тучу.
- ж) И несутся по чистому полю,
Словно звезды по ясному небу.

Сравним аллитерации в сербских стихах (пример е):

То је био страпан туцак јунак:
Мрка брка, а крвава ока,
Куд погледа — оком расијече,
Као муња из мутна облака...

(«Вук Ангелић и Бан Задранић»; Вук, III, 57).

Ритмика сербского эпического стиха основана, во-первых, на силлабическом принципе (десять слогов — «десетерац»), во-вторых, на обязательной цезуре после четвертого слога (4/6), наконец, на «хореической тенденции», т. е. на преобладании ударений на нечетных слогах, хотя допускаются (не во всех позициях) ударения и на четных. При этом в некоторых случаях долгота заменяет ударение. В десетерце (даже новых записей) обнаруживается весьма древняя тенденция: краткость 7-го и 8-го слогов и длина девятого. Законом сербско-хорватского народного стиха является также, что фраза не может кончаться в середине стиха, но только — в конце. Сербский эпический стих (как, впрочем, и русский)²⁵ только в исключитель-

²⁵ Заметить однако надобно, что свойственные греческой и римской поэзии, а с них и в новейшую нашу поэзию вошедшие разности слов (inversions) и переносы из од-

ных случаях допускает переход фразы из строки в строку (enjambement). Тогда певец прибегает к повтору последнего слова в начале следующего стиха:

Најпослије ноже оковане,
Оковане сребром, позлаћене ²⁶

(в этом примере в 1-м стихе долгота на 9-м слоге, во 2-м — на 8-м слоге). Однако нельзя сказать, что переход из стиха в стих в южнославянском эпосе совершенно не встречается.

Менее известна склонность сербского эпического стиха к трех- и четырехчленному делению на равносложные секторы, что создает особый каданс (впрочем, см. замечание Р. О. Якобсона о трехакцентной системе десетерца: одного ударения в первой части стиха и двух после цезуры)²⁷.

Примеры:

Твоје—лице // *сјетло*—на *дивану*,
Твоја—сабља // *сјекла* — на *мејдану* ²⁸
(«Урош и Мрњавчевић»)

Од руке му // *ништо* не *родило*,
Ни у пољу // *бјелица* — *пшеница*,
Ни у брду // *винова* — *лозица* ²⁹

(«Фрагменты Косовских песен»)

В первом примере отметим ассонанс после цезуры и рифму в концовке; во втором — ассонанс на концовке.

После того как русские переводчики отказались от стиха Востокова, воспринятого Пушкиным ³⁰, и начали передавать сербские юнацкие песни десятисложным хореем, они допускали более подвижную цезуру (не только 4/6, но также 5/5 и даже 6/4, 7/3). Эта поэтическая вольность оправдывается ритмической структурой русского языка; она сохранилась и по сей день. Впрочем, из собственного опыта мне известно, что в русском пере-

ного стиха в другой (enjambements) в русском стихе совсем непозволительны: у русского песнотворца или сказочника в каждом стихе полный смысл речи заключается, и расположение слов ничем не отличается от простого разговорного». А. Востоков. Опыт о русском стихосложении, изд. 2-е. СПб., 1817.

²⁶ К. Тагановски. The Prosodic Structure of Serbo-Croat Verse. — «Oxford Slavonic Papers», v. IX, 1959, p. 6 (extract).

²⁷ R. Jakobson. Studies in Comparative Slavic Metrics. — «Oxford Slavonic Papers», v. III, 1952, p. 27 (extract).

²⁸ Перевод: «Твое лицо пусть светится в совете. Твоя сабля пусть сечет на поединке»...

²⁹ Перевод: «Пусть ничто не принесет плода от его руки: ни в поле белая пшеница, ни на горе виноградная лоза».

³⁰ См. Н. С. Трубецкой. К вопросу о стихе «Песен западных славян» Пушкина. — «Пушкинский сборник». Белград, 1937, стр. 37; Б. М. Ярхо. Свободные звуковые формы у Пушкина. — «Ars Poetica», 1928, стр. 176.

воде вполне возможно последовательно выдержать размер, подчиненный сербской цезуре (4/6), правда, жертвуя возможными стихами другого типа³¹. В новейшее время русские переводчики допускают смещение акцентов в некоторых случаях с нечетных на четные слога, по сербскому образцу, что при умелом использовании языковых средств способствует гибкости и разнообразию стиха.

Одним из самых соблазнительных вопросов славянского стиховедения является проблема древности хорейского десятисложника. В нескольких своих работах Р. О. Якобсон возводит сербский десетерец не только к общеславянскому, но и к более древнему периоду. Чрезвычайно интересны его сопоставления сербского стиха с чешским народным, а также с русским. Если прибавить к этому, что хорей часто встречается в средневековой латинской поэзии (особенно у вагантов) и весьма свойственен германским племенам, сербскому десетерцу никак нельзя отказать в весьма древнем родстве, как прямо так и побочном³².

Рифма в записях Вука Караджича редка (в XIX—XX вв. рифма «подряд» — верный знак фальсификата или неумелого подражания). Рифма в старых песнях имеет специфическую функцию: она подчеркивает «крылатые слова», отмечает сентенции. Рифма появляется и на цезуре, и на концовке, а иногда после цезуры или в начале стиха.

а) Рифма на цезуре и на концовке:

Па избире коње понајбоље,
себи тичу, бану ластовицу³³.

б) На концовках двух стихов:

Па оружје носи — у рианицу
а Стојана спушта — у тавницу³⁴.

Иногда рифмующееся слово повторяется и в начале следующего стиха:

а ја идем моме винограду,
винограду, моме рукосаду³⁵

³¹ В этом сборнике переведена длинная песня «Женитьба царя Степана» (687 стихов) с сохранением сербской цезуры (4/6), см. стр. 15—31.

³² И. Срезневский рассматривал «десетерац» как общее достояние всех славян, а не только как сербское явление. См. «Известия Академии наук, Отд. русского языка и словесности». IX, 1860, 1, стр. 346.

³³ Перевод: «Выбирает коней самых лучших, себе — птицу, а бану — ласточку». («Бан Зринянин и девушка Безгада»).

³⁴ Перевод: «Он уносит оружие в кладовую, а Степана бросает в темницу» («Женитьба Степана Якишича»).

³⁵ Перевод: «Я иду к моему винограду, винограду, который я засадила моими руками» («Плен Янковича Стояна»).

Словесная виртуозность одаренного гуслира нередко соединяет систему осложненных рифм с оркестровкой гласных и согласных. Например:

Куда га куда, њему кожа пуца,
кожа, пуца, црна крвца штрица ³⁶.

Чаще, чем рифма, встречаются ассонансы. Ср. в записи Л. Марьяновича «Женитьбу Королевича Марка»:

Одби коѡа од Прилипа града,
Гони њега преко поља равна,
Гони Шарца и ноћом и даном,
Трије дана и три ноћи тавне ³⁷.

Богатая «поэтическая фонетика» южнославянских гуслиров напоминает инструментовку алтайских, а также киргизских певцов ³⁸.

Весьма близкое явление наблюдается и в казахском эпосе. Мухтар Ауэзов пишет: «Рифма внутри строфы не имеет постоянного места, зато музыкальность стиха достигается инструментовкой, построенной на звуковых повторях, на аллитерациях и ассонансах. «Бегающая» конечная рифма при одинаковом зачине ряда строк, богатых внутренними аллитерациями и частыми эпитетами и метафорами, создает порой насквозь звучащую строку, отличая казахский (также и киргизский) эпос высокой техникой ³⁹. Пользуясь техникой устного исполнения, выработанной в течение веков, народный певец в состоянии часами импровизировать на заданную тему. Но известны случаи, когда гуслиры до исполнения перерабатывали в себе новую в их репертуаре песню, особенно если песня эта была, по их мнению, плохой, т. е. сбивчивой в содержании и недостаточно выразительной в деталях. Каждому изучающему сербский эпос известны такие случаи (см., например, беседы с гуслирами в записи Пэрри). Логическая структура песни, без скачков, непонятных или неразрешенных ситуаций, в которой ясно различаются части повествования, всегда ценится слушателями.

Было уже упомянуто, что «классическая» сербская песня, как, например, большинство песен о Королевиче Марке, отличается прямолинейностью, напряжением драматического действия. Она сжата, немногословна, и даже повторения группы стихов, как, например, в «Девушке с Косова поля» или в «Марко пьет вино в рамазан», каждый раз вносят новое, осве-

³⁶ Перевод: «Куда его ни ударит, всюду лопается кожа, кожа лопается, черная кровь бьет струей» («Бан Зринянин и девушка Безгада»).

³⁷ Перевод: «Он погнал коня от Прилепа, погнал его через ровное поле, он гонит Шарца и ночью и днем, три дня и три темные ночи».

³⁸ «Алтайский эпос Когутэй». Сказитель М. Ютканов. Комментарии и вступит. статья Н. Дмитриева. М.—Л., «Academia», 1935, стр. 25—34.

³⁹ А. С. Орлов. Казахский героический эпос. М., 1945, стр. 6.

щая событие с разных сторон, и не нарушают единство повествования. На иных принципах возникла мусульманская песня, отличающаяся сложной «двупланной» архитектоникой.

Не все гусляры были только исполнителями. Кто-то сочинял известные нам песни, но имена гусляров-поэтов нам в большинстве случаев неизвестны. Сочинявший новую песню обильно черпал из традиционного материала, но подчинял этот материал своим целям, своей теме. Система его изложения должна была быть доступной и понятной слушателям. Отсюда Браун (следуя Геземанну) пришел к заключению, что в эпосе выделяется сравнительно небольшое число традиционных построений, которые не представляют особых трудностей для эпического оформления⁴⁰.

Повествовательная техника, следуя Геземанну и Брауну, выработала определенное число мотивов (5—6). Эти мотивы образуют цепь, которая придает рассказу «устойчивый остов». Каждый мотив должен быть конкретизирован, облечен в факты. Для осуществления мотива певец может прибегать к разным вариантам. Так, например, в песне о Стефане Мусиче мотив «заботы о своевременном выступлении в поход» может быть реализован по-разному. Мусич поручает своему верному слуге следить за движением звезд и определить по ним время, когда следует встать. «Но он мог прибегнуть и к другим мерам: отказаться от сна, руководиться криком петуха или какими-либо приметам» (стр. 162). Мотив остается тем же, изменяется только «фактическая оболочка», — в терминологии Брауна названная им *композиционным образом*. Иногда дело усложняется: появляются *подмотивы*, особенно в местах, важных для повествования. В центре обычно стоит самый важный мотив. Так, в песне о Стефане Мусиче: «герой узнаёт о своем запоздании (встреча с девушкой на Косовом поле, которая несет сербскую шапку, выброшенную водою на берег реки Ситницы). Тогда происходит как бы нагромождение образов в рамках одного мотива». Браун полагает, что народная поэтика нормирует композиционные схемы и мотивы («композиционные трафареты»); «с наличием таких трафаретов приходится считаться каждому рапсоду, как бы велики ни были его собственные творческие способности. Все же они не мешают проявлению индивидуальных художественных особенностей — певцу предоставляется довольно широкий диапазон вариантов и даже совершенно самостоятельных уникальных замыслов — поскольку эти замыслы в основе опираются на укоренившиеся в традиции приемы» (стр. 163).

---

⁴⁰ М. Браун. Композиция героических народных песен. (На материалах сербо-хорватского народного эпоса). — «Русский фольклор», т. 5. М.—Л., 1960, стр. 157. Подробнее в книге: М. Браун. Das Serbocroatische Heldenlied. Göttingen, 1961, S. 117—267 (Bd. 2: Lieder und Themen).

Вопрос архитектоники сербских народных песен был разработан М. Брауном и в его работе о «Женитьбе царя Степана»⁴¹.

Разбирая построение этой известной песни (см. перевод в этом сборнике), М. Браун считает, что *тема* ее — *сватовство*, *схема действия* (Handlungsschema) — *принятие и осуществление трудных заданий*. Из *темы* и *схемы* действия рождаются *частичные темы* или *мотивы*, образующие *цепь* (Motivkette). Именно *цепь мотивов* является конкретизацией, индивидуализацией и осуществлением самой темы. Одна и та же тема может быть осуществлена различными «цепями мотивов». Мотивы нуждаются в «воплощении». Так, например, желание князя жениться может быть выражено в былинах по-разному. Князь на пиру ловит на слове хвастающихся гостей, которым дает трудные поручения, или же он приглашает чудо-богатыря и предлагает ему порадовать за него, или же на князя наседают родные и приближенные с требованием жениться. Выбор мотива и создает *цепь*, т. е. эпическое действие. При некоторой сложности и абстрактности в толковании Брауном архитектоники народной эпической песни, его теория способствует пониманию процесса композиции.

Замечу, что писатель, имеющий перед собой бумагу и держащий в руке перо, также подчиняется известным традициям, выбирает мотивы, составляет из них «цепочки» и т. д. Традиция весьма часто и у него ведет к шаблонам. Особо одаренные писатели также выбиваются из схем, правда с большей смелостью, чем гуслиеры. Все это приводит к заключению, что между устной и письменной традицией, быть может, разница не так велика, как это кажется с первого взгляда.

В среде гуслиеров следует отделить от исполнителей сочинителей песен, которые должны пройти все этапы композиции, опираясь на традиционные темы, черпая из сокровищницы старых мотивов, изменяя их или сочиняя новые, пользуясь при этом «готовыми стихами». Что же касается исполнителей, то они сохраняют почти всегда схему действия, но варьируют довольно свободно мотивы (выпуская, сокращая, добавляя). Из этого следует заключить, что песня подвергается непрерывной переработке и обработке, которые могут быть минимальными, но также весьма значительными. Без изменения песнь поется лишь в новейшее время, выученная твердо наизусть из книги, что знаменует конец эпического творчества.

Простые схемы старых сербских песен не требуют значительного усилия памяти. Искусство певца выявляется не в усложненности архитектоники, а в отстранении всего второстепенного и ненужного для того, чтобы достигнуть главного эффекта. Эта техника может быть по справедливости

⁴¹ Th. Frings u. M. Braun. Brautwerbung, I. Leipzig, 1947. («Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig». Phil.-hist. Klasse, Bd. 96, Hf. 2, 1944—1948).

названа классической. Как мы видели, мусульманские певцы избрали другой путь. Они применяли двухплановую структуру, требующую, несмотря на помощь готовых схем, большого усилия памяти. Такая способность к композиции может быть развита только долгим ученичеством. Может быть, поэтому мусульманские певцы так свято хранят имена своих учителей. В архитектонике мусульман трудно найти что-либо похожее на построение гомеровых песен. А. Шмаус, знакомый с теорией Хойслера, высказал весьма основательное предположение, что скорее следует искать параллелей к южнославянской мусульманской песне в средневековом германском эпосе, а также в киргизских эпических поэмах («Манас»).

Под влиянием результатов изучения славянского эпоса за последние полвека (Мурко, Чадвиков, Пэрри, Лорда) швейцарский историк литературы Ришнер⁴² занялся разысканием следов устного творчества во французских *chansons de geste*, особенно в знаменитой «Песне о Роланде». Впрочем попытка его большой смелостью не отличалась и ограничивалась главным образом критикой теории Бедье и изучением «готовых стихов» в средневековом эпосе.

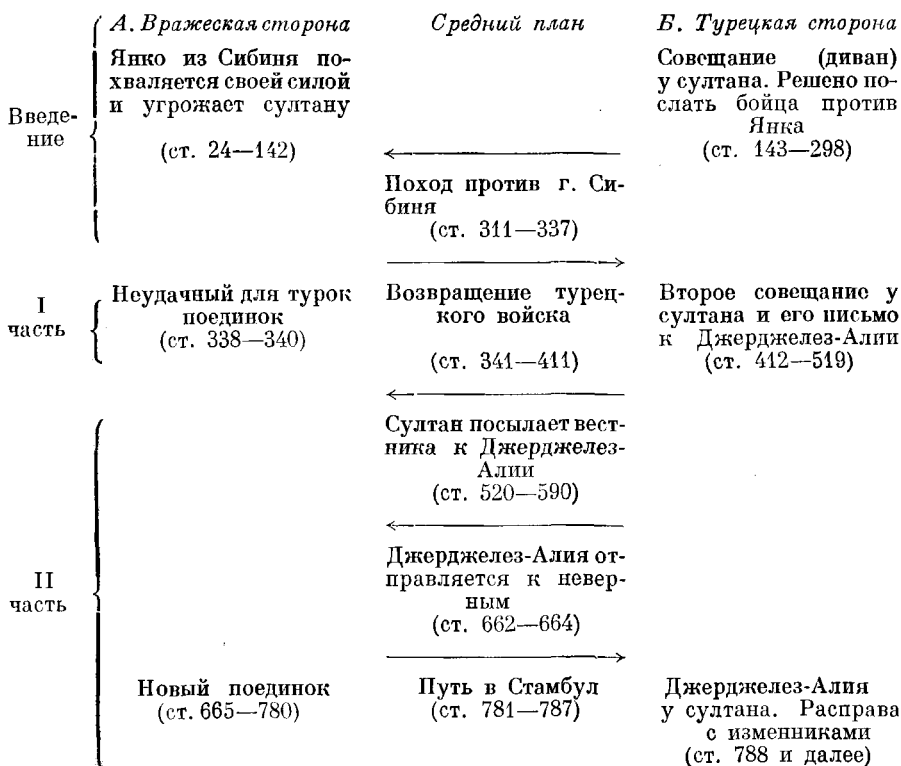
Ришнер не заметил, что структура французского средневекового эпоса необычно напоминает архитектуру эпических произведений сербов-мусульман. В «Песне о Роланде» обнаруживается двухстороннее действие — основа для развития народного эпоса и перехода его в новый жанр (о чем писали уже Хойслер и Баура). Я предлагаю рассмотреть параллельно начало «Песни о Роланде» и югославской мусульманской песни «Джержелез-Алия, царский боец» (пользуясь анализом Шмауса).

Это сходство в конструкции я отнюдь не склонен приписывать влиянию приморского литературного эпоса (франко-итальянского, дубровницкого) на краинский мусульманский. Несомненно, параллели к такой архитектонике можно найти и в эпосе Средней Азии. Сопоставление имеет целью только способствовать пониманию путей развития эпоса от простой драматической структуры, стремящейся к развязке, к сложной двухпланной структуре, которую я назвал бы «романтической». Нельзя не обратить также внимания на то, что «средний план» в «Песне о Роланде» менее развит, чем в песнях Краины. См. схемы на стр. 314—315.

Несомненно, что между архаическим типом народной песни и усложненным новым можно найти целый ряд переходных стадий, особенно у гусяров Герцеговины и Черногории, как мусульманских, так и христианских.

⁴² J. R y c h n e r. La chanson de geste. Essai sur l'art épique des jongleurs. Genève-Lille, 1955. Ср. R. M e n é n d e z - P i d a l. La chanson de Roland y el neotradicionalismo. Madrid, 1959, p. 448—449. См. также отчет об эпическом симпозиуме в Льеже (с участием Менендеса-Пидалья и Ришнера), на котором одержали победу сторонники взглядов Бедье: «Bibliothèque de la Faculté de Philosophie et Lettres de l'Université de Liège». La technique littéraire des chansons de geste. Paris, 1959.

1) «Джержелез-Алия, царский боец» (изд. «Матицы Хорватской», т. I, № 1. Певец: С. Войникович).

Так, например, говоря о песнях 57 и 58 из IV кн. Вука Караджича, Чад-
вики (см. т. II, гл. 9) совершенно верно заметили, что эти песни, «как в
Илиаде», отличаются частой переменой сцен и действующих лиц. Однако
Чадвикам была неизвестна разница между архитектурной архаической
сербской песни и песни краинской.

2) Начало «Песни о Роланде» (по Оксфордской рукописи)⁴³. После вступления действие развивается в двух лагерях.

	<i>А. Сарацинская сторона</i>	<i>Средний план</i>	<i>Б. Французская сторона</i>
Вве- дение	Совещание у короля Марсилия (тирада 2—6)	Посольство Бланкандрэна (тирада 7)	а) Прием сарацинско- го посольства (тирада 8—10) б) Совещание у Карла (тирада 12—16) в) Карл назначает Га- нелона послом к сарацинам (тирада 17—26)
I часть	Ганелон у сарацин. Его измена (тирада 28—52)	Отъезд Ганелона (тирада 27 — начало 28-й)	Отчет Ганелона о по- сылстве (тирада 54 и далее)
II часть	Приготовления сара- цин. Выбор 12-ти са- рацинских пэров (тирада 69—79)	Приготовление к битве (тирада 79)	Французы перед битвой (тирада 80—92)

* * *

Только после этого начинается главное действие. Исследование техники народных певцов приводит к заключению, что, несмотря на существенную разницу между поэзией устной и письменной, экспрессивные средства у обеих систем почти те же. В песнях безымянного гуслира иногда встречаются отрывки, художественная выразительность, сила драматического действия и психологическая глубина которых достойны Данте или Шекспира.

Конечно, в устной системе преобладают традиционные приемы, но не следует забывать об огромной силе наследственных навыков в городской литературе. Петраркисты XVI в. употребляли постоянные эпитеты (именно те, что у певца Лауры), неумоимо повторяли те же образы и даже «готовые стихи» в традиционных сонетах.

⁴³ Die altfranzösische Rolandslied nach der Oxford Handschrift. Herausgegeben von A. Hilka. Halle (Saale), 1948.

Для сравнения с краинской структурой приведем экспозицию песни «Нападение Амер-паши на Черногорию и призыв вилы» (по Чадвикам, т. II, стр. 430; Вук, V, 3).

Анализ экспозиции:

А. Турецкая сторона

Письмо Османа-паши из
Скадра к султану
(ст. 1—94)

Диван у султана. Султан
обещает награду и руку
дочери тому, кто разо-
бьет черногорцев
(ст. 95—118)

15 дней никто не являл-
ся, затем ренегат Омер
обещает султану испол-
нить его волю
(ст. 118—184)

Омер-паша отдает рас-
поряжения своим подчи-
ненным
(ст. 201—471)

Средний план

Отправление в поход
(ст. 185—200)

Б. Черногорская сторона

Вила предупреждает Да-
нилу о походе турок.
Она призывает с горы
Шар-планина, перекли-
каясь с другими вилами,
затем надевает крылья
и летит на гору Љовчен
в Черногории, откуда
слышен призыв в Цети-
нье
(ст. 472—519)

Князь говорит, чтобы
вила молчала, что он
доверяется своим черно-
горцам и дружбе рус-
ского и австрийского
императоров. Вила пре-
дупреждает его, что не
следует питать неоправ-
данных надежд и побу-
ждает князя к действию.
Данила отдает распоря-
жения своим подчинен-
ным
(ст. 520—623)

Черногорцы отправляют-
ся в поход
(ст. 624—641)

Воевода Мирко посылает
письма другим команди-
рам, прося подкрепления
(ст. 642—679)

* * *

Творческая личность — со смычком гуслира или с пером в руке — свободно комбинирует наследие предков с образами фантазии. Тогда проявляется подлинная поэзия. Конечно, освобождение Данте от традиций латинской средневековой литературы и провансальской лирики было

более полным, чем выход за пределы установленного и общепринятого даже самых одаренных народных певцов. Но сербские гусяры создали замечательные пейзажи суровой Герцеговины и благостного Приморья в песне «Женитьба короля Вукашина» и горный пейзаж в «Женитьбе бега Любовича», которые по яркости не уступают лучшим картинам природы казахского и киргизского эпоса и соперничают с образами великих поэтов в литературном эпосе. Быть может, следует искать не только общие места, отмечая штампы, обозначая схемы, но приступить к эстетическому анализу лучшего в народном творчестве, следуя за Вуком Караджичем, который не сомневался в том, что есть хорошие и плохие песни, хорошие и плохие гусяры. Тогда нас больше не будут угнетать сотни тысяч строк записанных народных песен южных славян (сколько среди них третьестепенных, подражательных, просто фальсифицированных, не заслуживающих серьезного внимания!). Тогда станет ясным вся бесплодность большинства компаративистических домислов. Действительно, можно ли сравнить «Буово д'Антонио» с «Женитьбой короля Вукашина» в художественном отношении? Сербская песня отличается поэтической фантазией, смелостью и яркостью образов. Эти свойства вряд ли можно отыскать в забавной и поучительной повести о Бове Королевиче.

Изучение поэтической техники гусяров приводит также к неоспоримому доказательству народности южнославянского эпоса. В то время как сюжеты возникали и умирали, подчиняясь общественно-историческим законам, а мотивы непрестанно изменялись, принципы народной поэзии не менялись или менялись весьма медленно. Мотивы и настроения могли быть заимствованы от книжников (так, например, значительная часть тематики Косовского цикла), но они находили воплощение в традиционной народной поэзии, при помощи древней системы экспрессии, которая не была, конечно, «изобретена» ни в XVIII, ни в XV в., ибо некоторые основные ее элементы восходят к праславянским временам. Эпический мир — как указывал еще Радлов — должен быть исследован из самого себя. Тогда лишь в нем обнаруживается неразрывная связь общего и индивидуального, традиционного и творческого.

ПРИМЕЧАНИЯ

При составлении комментариев использованы примечания С. Матича ко II т. «Српских народных пјесам Вука Караджича» (изд. 1958 г.), Н. Банашевича к III т. (1958 г.) и В. Латковича к IV т. (1954 г.), а также «Тумачења друге књиге српских народних пјесам Вука Ст. Караџића», Д. Костића (Белград, 1937) и «Енциклопедија Југославије», тт. I—IV (1955—1960). Специальные статьи, относящиеся к отдельным вопросам, приводятся в тексте. Цифрами обозначаются стихи.

Преписательство Земли с Небом

Песня из Стариграда в Хорватском Приморье. Отражает древнейшее представление славян о двух началах — Небе и Земле.

7. *От Михайлы до святого Юрья...* — День св. Михаила праздновался 28 сентября, а св. Юрия — 23 апреля, т. е. от осени до весны (и всю зиму).

Царь Дуклиян и Иоанн Креститель

О генезисе этой песни, которую В. Караджич получил из Черногории, см. подробно в статье стр. 245—247. Гусляр неизвестен.

3. *Дуклиян и Иоанн Креститель.* — Царь Дуклиян (встречается и в народных рассказах под именем Дуклян) — искаженное имя римского императора Диоклетиана (284—305 гг. н. э.).

7. *Ты играй золотою короной...* — Золотая корона — солнце. Ср. стих 64: «И при-нес назад на небо солнце».

Змей-жених

Песня записана В. Караджичем от Анджелика Вуковича, родом из Косова поля, однако не до конца. Существует также народная сказка в прозе на эту тему. В третьем издании народных песен (1845) Вук сам переложил из прозаической сказки в десяти-сложные стихи то, что не смог записать от Вуковича; он подражал его косовскому диалекту.

2. *Поженился король из Будима...* — венгерский король. *Будим* — Буда (совр. Будапешт). Не следует удивляться, что гусляр назвал венгерского короля сербским именем *Милутин* (стих 8). В сербском эпосе иностранные государи нередко получают народные сербские имена.

13. *Появились три горные вилы...* — Вила — волшебница, горная или речная фея.
 55—56. *Не ребенок у нее родился, а змееныш лютый появился...* — Этот сюжет находится в рассказах 23 и 24 «Панчатантры» (М., 1958, серия «Литературные памятники»).

78. *И отправься ко Призрену-граду...* — Город Призрен находится в Косовской области на берегу реки Бистрицы близ албанской границы. Призрен был резиденцией сербских царей Стефана-Душана и Уроша (XIV в.).

Женитьба царя Степана

Песня из репертуара герцеговинского гусляра из Гацка Тешана Подруговича. Записана Вуком Караджичем в г. Карловце в 1815 г.

1. *Вадумал сербский царь Степан жениться...* — В. Караджич первоначально не знал, о каком царе идет речь. Затем решил, что повествуется о царе Душане-Стефане.

3. *Город Леджан.* — Об этом городе существует целая литература и десятки гипотез. Самое вероятное предположение, что «Леджан» и прилагательное «леджанский» произошли от «lengyel» (по венгерски — «польский»). Граф Джордже Бранкович в начале XVIII в. называет «леджанским королем» короля польского, брата Владислава Венгерского. Главное для певца, что город этот «латынский», и что живут там «латыняне» (т. е. католики). В других песнях Подруговича о свадебных поездках латинский город назван *Млечи* (Венеция) или *Дубровник*.

4. *У Михайлы, короля латынян...* — Михайло — постоянное имя для чужеземных государей.

5. *Роксанда.* — Комментаторы сербского эпоса полагают, что это имя взято из средневекового «Романа об Александре». Роксаной звалась жена Александра Македонского, дочь царя Дария. Возможно также, что это эпитетское имя возникло в XVI в. и было связано с именем украинской пленницы Роксоланы (Россы), дочери православного попа из Рогатина в Галицкой Руси. Роксолана была любимой женой Сулеймана Великолепного (1520—1566) и матерью султана Селима II.

8. *Призывает Тодора-визиря...* — При дворе королей и царей из рода Неманьичей звания «визиря» не было. Имя Тодор — вымышленное.

40—47. *От меня ты передай с поклоном, чтоб не брал он племянников царских, Войновичей, двух детей сестрицы, Вукашина и с ним Петрашина: на пирушках пьяниц нет опасней, вспыхнет ссора — худших нет буянов; коль напьются и затеют драку, нелегко нам справиться с бесчинством...* — Истории «племянники царя Душана» Вукашин и Петрашин (Петр) неизвестны. В эрлангенской рукописи (песня № 92) рассказывается о женитьбе воеводы Воина из Вучитёрна на Елице, сестре царя Степана. Сыновьями кесаря Воина должны были бы быть, по мнению некоторых комментаторов, сказочные Петрашин и Вукашин. Совет не посылать «опасных племянников» в сваты встречается и в других песнях.

94. *Град Вучитёрн* — город в Косовской области.

115—116. *По нагорьям брат меньшой ваш бродит, храбрый Милош-пастух со стадами...* — М. Джурич считает, что занятие Милоша скотоводством является доказательством простонародного происхождения сербского эпоса. С. Назетич видит в Милоше и Войновичах представителей «национальной старой аристократии», которая была в оппозиции к новым вельможам царя Душана, следовавшим византийским обычаям. М. Костич упомянул, что в 1333 г. некий Милош Войнович был «ставилацем» (военачальником) у царя Душана. Однако образ царевича-пастуха восходит к древнейшим сказкам человечества и встречается в Библии.

129. *Шар-гора* — горный массив южнее г. Призрена.

179. *А Вукашин приносит одежды...* — Милош переодевается в платье, которое средневековые юнаки в XIV в. не носили (см. дальше, стихи 180—191). Это одежды богатых мусульман Боснии и гайдуков.

188. *Плащ болгарский сверху он накинул...* — «Болгарский плащ» встречается только в песнях из западных областей южных славян. Широкий и с капюшоном, он шился из добротного сукна, которое привозилось в Сараево из Болгарии (г. Самоково). Это название бытует и в настоящее время в окрестностях столицы Боснии. Полвека тому назад черные и красные «болгарские плащи» носили пастухи около горного Милановца. См. статью М. С. Филипповича «Бугар-кабаница» («Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор». Београд, 1957, т. 23, св. 1—2, стр. 78—82). Заметим, что переодевание — весьма частый мотив в сербском (особенно сербско-мусульманском) эпосе XVII в.

193. *Меч отцовский из дамасской стали...* — В оригинале: «из зеленой стали» — хорошая сталь, отливающая серо-зелеными тонами.

194. *Сивку-бурку Петрашин выводит...* — В оригинале «кулаш» — конь буланой масти.

200. *Из валахов черных, ты ответишь...* — Черной Валахией (Каравлашка) называлась у сербов Средняя Румыния, между Трансильванией и Молдавией.

201. *В услуженье был Радула-бега...* — Известны несколько румынских князей с этим именем в XIV—XVI вв. С сербами имел больше всего дела Радул IV «Великий», господарь Валахии (1496—1508 гг.).

214. *Догоняет сватов близ Загорья...* — Загорье — местность в северо-восточной Герцеговине между верхним течением реки Неретвы и реками Дриной и Пивой.

262—264. *Звался первый—Джаковицей Вуком, а второй был Янко Нестопольский, третий парень был из Приполя...* — Имена трех сватов-разбойников вымышлены. Географически верно только Приполье — городок на реке Лиме, лежащий на старой дороге, ведущей из Сербии (Ниш) в Дубровник.

385—386. *Держит Милош копьё не как должно, повернул он концом его книзу...* — Повернутое книзу копьё означало сдачу на милость победителя или переход на сторону противника.

405. *Нет корысти в бой вступать кровавый...* — Победители, особенно гайдуки, спинали с побежденных не только оружие, но и одежду. Ср. стих 415 — «С оборванца ничего не снимешь...», и стихи 416—419.

428. *Разбивает на три половины...* — т. е. на три части.

498—500. *Мы на башне копьё укрепили, на вершукке — яблоко златое. Через перстенъ пусть его прострелит...* — Это испытание женихов встречается как на Западе (роман об Александре), так и на Востоке (у хакасов, якутов, узбеков, монголов). Жениха иногда заменяет его родственник, дядя или племянник (В. М. Жирмунский). Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М., 1960, стр. 235—256). В некоторых песнях среднеазиатских и сибирских народов жених должен также перепрыгивать через 50 косяков коней (например, в алтайской версии «Козы-Корпеша»).

552. *Дам тебе я землю Скендерию...* — Скендерия — северная часть Албании, область Скадра и Приморье, южнее Скадарского озера.

598—600. *Есть в Леджане страшный воевода, а зовется лютый пес Балачко...* — Имя сказочное. Балачко — оборотень, который является то в образе человека, то как змей о трех головах, извергающий синее пламя и студеный ветер. Появление змеев и других чудовищ как последнего препятствия жениху во время свадебной поездки — излюбленная тема восточного эпоса и особенно часто встречается у якутов.

600. *Мне он ведом, обо мне он знает...* — Действительно, Балачко знает имя и происхождение Милоша (см. стих 637). В песне из сборника Марьяновича 1864 г. («Снова женитьба Королевича Марка», стр. 14—25) этот мотив разработан подробнее. Пере-

несение действия в другой лагерь (короля Леджана) в стихах 618—643 указывает на проникновение новой «краинской» структуры повествования в старое прямолинейное повествование.

Святой Николай

Песню спела в Среме слепая нищенка Степаниа.

7. *Савва* — св. Савва, покровитель сербской церкви (умер в 1236 г.), сын великого жупана Стефана Неманьи, основателя королевской и царской династии Неманьичей.

8. *А всех ниже Пятница с Неделью...* — св. Параскева (Прасковья), она же «Петка» (св. Пятница) и св. Кириякия, дочь св. Пятницы, она же св. Неделя (Воскресенье), почитаются и у сербов и у хорватов. Церкви в честь св. Петки часто встречаются в Сербии.

9. *Пьет за здравье Николай Угодник...* — Святой «славит славу», как все православные сербы!

25. *Плыли морем синим и глубоким...* — Эгейским морем, на берегах которого расположен Афон.

Царь Константин и самоучка

В песне носителем народной мудрости является «дияк», монастырский послушник, «самоучка», осуждающий корыстолюбие монахов и епископов. Он говорит правду царю, который повинен в тяжелом грехе — он бил и мучил своих родителей.

1—2. *Государь Константин повелитель славит славу святителя Юрья...* — Император Константин Великий представлен как сербский царь, который «славит славу». Старые сербские «родословы» и хронографы, восходя к «Житию деспота Стефана» (гл. XIV—XVI), написанного Константином Философом в начале XV в., возводят Неманьичей к императору Константину Великому, который выдал свою дочь Констанцию за «далматинского господина» Ликиния, а Ликиний был «родом серб» (у историка Зонары Ликиний назывался «дакийцем»). От Ликиния происходят Неманьичи.

6. *Третий стол из дерева простого...* — В оригинале: «дрва шимширова» — самшита, букса.

114—115. *Правую одну находит руку — освятилась царская десница...* — Царь сторел за свои грехи; он это заслужил, но правой рукой он творил добро: кормил и одевал убогих и сирот; поэтому десница его и сохранилась.

Воевода Тодор

Вук Караджич озаглавил эту песню: «Кто славу славит, тому она помогает». Песня из репертуара слепой Живаны (Срем).

3—4. *В белом граде Соколе кто стонет в злой темнице Марконица Шеры?..* — Город Сокол место неопределенное — существует несколько городков и замков с этим названием. Петром Марконицем (Мрконић) — прозывается один из героев песен об ускоках, живший в XVII в. (упомянут у Качича в «Приятном разговоре славянского народа» и в эрлангенской рукописи начала XVIII в.).

6. *Воевода Тодор* — личность эпическая.

10. *Только нечем честь воздать святому...* — По сербскому обычаю день святого, покровителя семьи, празднуется особенно торжественно.

29. *Золоченый лишь он спрятал ножик...* — Эта деталь указывает на то, что в середине века техника обыска заключенных на Балканах стояла на весьма низком уровне.

32. *Дукат.* — Дукаты были серебряные, а потом и золотые. Серебряный появился в южной Италии, а золотые впервые начала чеканить Венеция в 1284 г. (равен флорентинскому флорину — 3,559 граммов). Обычно на золотых дукатах изображался дож, который принимает знамя от св. Марка, покровителя Венеции.

65—66. *И десятый пал замок железный, слесарей дубровницких работа...* — В Дубровнике изготавливались особые замки со сложным механизмом, необходимые тамошним купцам.

Омер и Мейрима

Эта песня имеет балладный характер и принадлежит к лучшим стихотворениям этого жанра мусульманских певцов. В статье «Олонекская губерния и ее народные рассказы» («Вестник Европы», 1872, №3) и в «Онежских былинах» (т. I, СПб., 1894, стр. 20—21) А. Ф. Гильфердинг привел запись старины, сделанной им в 1871 г. от неграмотной ке-нозерской крестьянки Матрены Меньшиковой. Она начинается:

Были юные Ово и девушка Мара,
Двое с трех лет выростали,
Одною водицей умывались...

Это — пересказ сербской песни о «Пове и Маре», близкой по сюжету к «Омеру и Мейриму», в переводе Н. Ф. Щербины (см. его Полное собр. соч., СПб., 1873, стр. 245—254). Гильфердинг полагал, что источником устного пересказа был сборник для народного чтения «Пчела», составленный Щербиной и напечатанный в Петербурге в 1865 г. (песня на стр. 359—361). Щербина пользовался какой-то рукописью, завезенной одним из наших славистов с Балкан. Ср. также сербский вариант, переведенный А. Востоковым под заглавием «Смерть любовников», напечатанный в «Северных цветах» за 1825 г. (За эти сведения приношу благодарность акад. М. П. Алексееву).

3. *Мальчик Омер, девочка Мейрима...* — Имена поэтические, также — «злато Алтагича Фата».

175—176. *Поднялся высоким дубом Омер, тоненькою сосенкой — Мейрима...* — Мотив последних стихов встречается и в западной литературе (легенда о Тристане и Изольде). См. И. Н и к о л и й. Мотив о смерти Омера и Мериме у сръбно-хрватской народной поэзии. («Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор». Београд, 1958, кн. 24, св. 3—4, стр. 294).

Женитьба короля Вукашина

1. *Вукашин* — король западной Македонии из семьи герцеговинских феодалов, вошедших в силу при царе Стефане-Душане (середина XIV в.), отец Королевича Марка. События, здесь описанные, не соответствуют исторической действительности. Город Скадар никогда не был во владениях Вукашина.

2. *В белом Скадре на реке Бояне...* — Скадар — город на одноименном озере, на границе Черногории и Албании. Река Бояна — берет начало в Скадарском озере и впадает в Адриатическое море.

4. *Пирлитор.* — Примечание Вука Караджича: «Некоторые (гусляры) поют *Пирлитор* вместо *Пирлитор*. Говорят, что и в настоящее время висятся стены этого града» (в Герцеговине).

5. *Дурмитор* — гора в Черногории.

7. *Видосава, супруга Момчиля...* — *Видосава* — имя, легко заполняющее первую часть десятисложного стиха. Песня о женитьбе короля Вукашина возникла после возникновения «цикла» о Королевиче Марке, ибо в ней говорится о происхождении уже известного всем героя.

11. *Если глянешь вверх с высокой башни...* (и дальше до ст. 42). — Замечательное описание природы дикой и скалистой Герцеговины и Адриатического побережья.

17. *Мутной Тары воды протекают...* — *Тара* — одна из главных рек Герцеговины и Черногории. Впадает в Дрину.

48. *У Момчиля сестра Ефросима...* — *Ефросима* — эпическое имя, упоминается во многих песнях о Королевиче Марке; настоящее имя матери Марка неизвестно.

55. *У Момчиля чудный конь крылатый...* — Сказания о крылатых конях распространены у многих народов Европы и Азии — от Якутии до Греции и от Франции до Тибета. С Ябучилой следует сопоставить крылатого коня (тулпара) тюркоязычных народов. См. В. М. Ж и р м у н с к и й. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958, стр. 30.

58. *И с очами сабля у Момчиля...* — Вук Караджич говорит в примечании: «Я не знаю, что значит сабля с очами, а певец также не мог мне объяснить. Может быть, на ней был какой-нибудь узор, напоминающий глаза?» Известно, что средневековые сабли украшались драгоценными камнями и узорами. В песне говорится о волшебной сабле, из тех, что сами видят и сами рубят врагов.

65. *Край озерный* — плоскогорье близ горы Дурмитор, где находится несколько озер.

137. *Из урочищ Васоев проклятых...* — Земли черногорского племени васоевичей на юго-восток от Дурмитора между горной местностью Комови и горами Проклетие.

297—299. *Сыновья у них вскоре родились, назвали их Марком и Андреем. Старший, Марко, на дялю походит...* — Этими заключительными стихами песни связывается с циклом Королевича Марка. Лучшие душевные свойства Марка и его богатырская сила унаследованы не от отца, а от матери и от дяди Момчиля.

Смерть царя Степана

Отрывок этой песни записан от старца Рашки. По-видимому, В. Караджич не смог найти гуслера, который знал бы песню целиком.

1. *Разболелся царь Степан в Призрене...* — Царь Степан-Душан (1331—1355). *Призрен* — см. примеч. к стиху 78 песни «Змей-жених».

22. *Тут король Вукашин появился...* — Вукашин стал королем лишь спустя 10 лет после смерти царя Стефана-Душана.

34—36. *И тебе завещаю младенца, Уроша-младенца в колыбели, только сорок дней ему минуло!* — На самом деле Урош короновался королем еще в 1346 г., когда его отец объявил себя царем. В день смерти царя Стефана-Душана Урошу было 18 лет.

43. *Непослушный Королевич Марко...* — Марко «в это время» не был королевичем, так как его отец еще не был королем. В день смерти царя «своевольному сынку» Вукашина было не более 10 лет.

65—67. *Если рая раньше в шелк рядилась, в шелк рядилась беднота и бархат, в домотканом сукне ныне ходит...* — Любопытная идеализация времен Неманьичей, возникшая под влиянием политической пропаганды сербской патриархии XVI и особенно XVII вв.

Урош и Мрнявчевици

Песня старца Рашки. Имя *Мрнявчевици* или *Мрлячевевици* принадлежит народной традиции. Легенды о том, что собор решил судьбу царства в Призрене, находим у сербского патриарха Паисия в «Житии царя Уроша» (1642 г.).

2. *Косово поле* — большая плодородная котловина в центре Балканского полуострова в старой Сербии (в настоящее время в Косовско-Метохийской автономной области).

3. *Самодрежа* — старая церковь на Косовом поле.

6. *Воевода Гойко* — истории известны лишь братья Вукашин и Угleshа. Гойко — личность эпическая.

7. *Царевич Урош*. — См. примеч. к стиху 34 предыдущей песни.

20. *Чауш* — телохранитель, вестник (турецк.)

22. *Неделько-протопоп* — личность эпическая. Неделько — «постоянное имя» для старцев и священников в народных песнях.

27. *Стародавние он знает книги...* — Сербские «Книге староставне» (в некоторых песнях «старославне»). Вероятно, смешение названий: «цароставника» (жития сербских королей, написанные архиепископом Данилой II и его продолжателями) и «троцарственника» (хроники трех царств: иудейского, византийского и славянского). Существовал также термин «староставница» (хронографы). Смысл: древние книги, содержавшие историю сербских государей и, следовательно, подтверждавшие права на наследие престола; рассматривались также как книги, предвещающие будущее. Ср. «Женитьба князя Лазаря», стихи 149—151.

72. *Прилеп* — город в Македонии. Столица Королевича Марка, где он родился около 1355 г. Нынешний г. Прилеп (область Битоля) находится не на том месте, где стоял средневековый город. В селе Маркова-варош (Марков-град) находятся развалины монастыря св. Архангела, построенного Вукашином и Марком, и замка Марка. В XIV в. Прилеп был богатым торговым городом, через который шла дорога в Дубровник. С 1394 г. — в турецких руках.

76. *У царя был Марко главный писарь...* — У Стефана-Душана Марко не мог быть писарем, так как в год смерти царя ему было всего 10 лет.

243—244. *Тут разгневался король на Марка, и клянет его и прокликает...* — Проклятие короля Вукашина сбывается: Марко служит турецкому султану после смерти отца и не оставляет наследников.

249. *Он клянет, а царь благословляет...* — Сбылись также слова царя Уроша: по крайней мере в эпической традиции!

Королевич Марко узнает отцовскую саблю

Песня записана от Тешана Подруговича.

5—6. *На заре Марица помутилась, вся в крови, она побагровела...* — Битва на реке Марица близ Черномена, недалеко от Адрианополя, произошла 26 сентября 1371 года. Турки напали врасплох на войска короля Вукашина и деспота Угleshа. Оба брата погибли. Наследник Вукашина Марко стал турецким вассалом.

32. *Мустафа-ага* — имя вымышленное.

89. *Первый знак: «Новак, кузечный мастер...»* — *Кузнец Новак* — имя эпическое.

103. *Молвил турку Королевич Марко...* — Марко находится в войске султана и пользуется его милостью, поэтому может испросить для своих друзей шмеля («агалуция»).

124. *В сапогах он на ковер уселся...* — Марко не скрывает своего гнева, не только приходит к султану с оружием, но и садится на ковер не в домашних туфлях по турецкому обычаю, а не разуваясь, в сапогах.

131—132. Тут султан пошарил по карманам, сто дукатов вытащил для Марка... — В песнях султан называет Королевича Марка «приемным сыном» и старается с ним не ссориться.

Королевич Марко и вила

Песня приписывается слепой Живане.

1. *Проезжали двое побратимов...* — В народной традиции Королевич Марко и Милош (Обилич) стали побратимами.

2. *Мироч каменистый* — гора в Неготинской области близ Дуная (северо-восточная Сербия).

18. *Пил вино я с вилой Равиолой...* — В других песнях не встречается мотива о состязании в пении вилы и юнака.

31. *В македонском старом государстве...* — Македонией нередко в песне называется и Сербия (государство Неманьичей).

32—33. *О святых монастырях и храмах, что они воздвигли по завету...* — Перечень церквей и обителей, выстроенных Неманьичами, см. в песне «Милош у латынчан». 41. *Только где ей с Милошем равняться!*.. — Примечание Вука Караджича: «Верно они и раньше состязались в пении, и вила запретила ему петь, потому что у Милоша лучше горло, чем у нее».

77. *На четыре едаль за ней погнался...* — вариант «готового стиха» Живаны. Марков Шарц почти что летит над вершинами гор, как сказочный крылатый конь.

109. *Очутился в Поречьской Краине...* — Неготинская область близ Дуная (северо-восточная Сербия).

110—111. *У большого Брегова-селенья речку Тимок вброд он переехал...* — Брегово — село на реке Тимоке, притоке Дуная, по пути из Неготина в болгарский город Видин.

Королевич Марко и бег Костадин

Песня Грун Меанджии из Сент-Томаша.

1. *Едет бег Костадин по дороге...* — Вероятно, Константин Деянович, племянник по матери царя Стефана-Душана. Константин Деянович управлял вместе с братом, деспотом Иваном Драгашем (умер в 1378 г.), частью восточной Македонии. Братья Деяновичи вместе с Королевичем Марком стали в 1371 г. вассалами турецкого султана Мурата, затем, после Косова, султана Баязета.

13. *В поисках за братом Андрияшем...* — Андрияш — единственный из братьев Марка, которого упоминают гусляры.

47. *Посадил ты старое боярство...* (и далее). — В стихах 47—56 говорится о том, что бег Костадин покровительствовал новым богачам и презирал старое разорившееся боярство.

Королевич Марко и Лютица Богдан

2. *С Косова Приморьем каменистым...* — Герцеговинцу Подруговичу хорошо было известно где находится Приморье; о Косове он имел весьма смутное представление, поэтому юнаки с Косова приезжают к берегам Адриатического моря за самое короткое время.

4. *Релья из Пазара.* — Релью из Пазара или Релью Крылатого (Релья Крылатица) обычно идентифицируют с кесарем Хрельей, вельможей царя Стефана-Душана.

5. *Третьим едет Милош из Поцерья...* — Вероятно, Милош Обилич, которого

некоторые местные традиции связывают с Подерьем, местностью в северо-западной Сербии (у рек Савы и Дрины).

7. *Лютица Богдан* — личность эпическая. Сербский феодал с неукротимым нравом. У Качича — воевода ускоков в Приморье (XVIII в.). Лютица — по-сербски — человек, легко впадающий в ярость.

Королевич Марко и разбойник Муса

Песня записана от Тешана Подруговича.

1. *Пьет вино албанец лютый Муса...* — Муса-албанец представлен в песне как бунтарь против султана. Сюжет, вероятно, восходит к событиям начала XV в., когда сын Баязета Муса начал с братьями династическую борьбу.

2. *В кабаке турецкого Стамбула...* — Во времена Королевича Марка Константинополь еще не был в турецких руках.

30. *Чуприлица он послал, визиря...* — Чуприлица в сербских народных песнях — эпическое имя визиря. В Турции было несколько великих визирей из этой албанской семьи в XVII и XVIII вв.

53—54. *Вот прошло уже целых три года, как я бросил в темницу юнака...* — Исторически ничего не известно о том, что Королевич Марко сидел в тюрьме у султана.

172. *Качаник* — ущелье между Шар-горой и скопской Черной горой по пути из Скопья на Косово поле.

207. *Разбивает на три половины* — (так!), т. е. на три равные части. Следующие стихи — типическое для сербского эпоса описание поединка.

239. *Где ты скрылась, посестрима вила?..* — Марко Королевич постоянно поддерживает знакомство с горными феями — вилами.

248. *Где твоя змея таится, Марко?..* — Вила говорит иносказательно; она советует Марку вытащить нож, спрятанный за поясом.

257. *Видит три в груди у Мусы сердца...* — Мотив трех сердец встречается в сказках многих народов. В «Энеиде» Вергилия три сердца было у короля Эрула (VIII песня).

283. *Получил он три вьюка сокровищ...* — По-сербски «три товара блага». — Товар-груз, ноша, то, что легко навьючить на одну лошадь, также мера денег, равная примерно 300 тысячам турецких серебряных грошей.

Королевич Марко и Мина из Костура

Песня неизвестного гусляря.

6. *Из Будима-города второе...* — Исторический Марко не поддерживал дипломатических или дружественных отношений с венгерским двором.

8—9. *Третье же — из города Сибины, воеводы из Сибины Янка...* — Сибиныанин Янко (Гуньяди Янош, умер в 1456 г.), не был современником Королевича Марка.

11—12. *Чтоб пришел к нему на помощь Марко, воевать в краю арапском лютым...* — «Арапский лютый край» — в гуслярских песнях — место довольно неопределенное, находящееся где-то за Константинополем. Во времена Королевича Марка турки не дошли еще до границ Аравии и Африки.

38. *Голубан* — эпическое имя слуги.

43—44. *Матушка, я в распре и раздоре с распроклятым Миной из Костура...* — Истории Мина из Костура неизвестен. Костур (Кастория) — греко-албанский город на реке Бистрипе, впадающей в Эгейское море на запад от Салоник; переходил в XIV—XV вв. то в руки сербских, то византийских, то албанских феодалов.

86. *Кара-Окап* — неизвестный город.

91. *Получает он бакиши султанский...* — За отрубленные головы врагов полага-

лось в турецком войске денежное вознаграждение («бакшиш»). Обычай этот существовал в турецкой армии и в начале XX в.

106. *Алил-ага* — в песнях; иногда противник, иногда побратим Королевича Марка. Личность эпическая. С Алил-агой Марко стережет границы турецкого царства.

Королевич Марко и аралская королева

Песня записана В. Караджичем от Тешана Подруговича. Даже в эту песню, трагическую по содержанию, Подругович не мог не внести комических элементов.

3. *Что так часто храмы ты возводишь...* — По преданию, Марко не только построил все церкви в городе Прилепе, но еще 77 церквей.

20 — 21. *Одного я, матушка, ударил, на меня одиннадцать напало...* — Пример градации, которая существует не только в школьной риторике, но и в народной поэзии.

30. *Бросили в глубокую темницу...* — Далее следует рассказ о заключении Марка, не соответствующий рассказам о тюрьме в других песнях Подруговича.

35. *Как начнут в снежки играть арапки...* — Подругович полагал, что в «аралской земле» снег выпадает как в Герцеговине.

Турки у Марка на славе

Песня неизвестного гусляра.

4. *Юрьев день...* — Слава Марка приходится на 23 апреля. В Юрьев день в горах и лесах встречались после зимовки гайдуки.

15. *Вайстина* — эпическое имя слуги (ср. в «Стефане Мусиче»). Имя произошло от церковно-славянского «воистину».

18. *Ага* — господин, начальник (турецк.).

106. *Шам* — Сирия.

114. *Сорок ок в той палице железной...* — *Око* — турецкая и татарская мера = 1250 граммов.

Охота Марка с турками

Песня неизвестного гусляра.

19. *Мурат-визирь* — имя эпическое.

80. *Едрен* — Адрианополь; был столицей турецких султанов с 1365 до 1453 г.

Марко пьет в рамазан вино

Гусляр неизвестен. Песня, как можно предполагать, была сочинена в XVII в. в связи с запрещением точить вино в турецких городах (1671 г.).

1. *Султан Сулейман* — Сулейман Великолепный (1520—1566). Имя Сулейман встречается в эпических песнях как «постоянное имя» турецкого царя.

3. *Не носить зеленые кафтаны...* — Носить платье зеленого цвета было привилегией мусульман и строго запрещалось христианской «рае». Гайдуки обычно нарушали этот запрет.

6. *Марко водит с девушками коло...* — *Коло* — сербский народный танец.

Королевич Марко пашет

Песня неизвестного певца.

5—6. *О сынок мой, Королевич Марко! Ты набегу прекрати лихие...* — Марко в песне напоминает скорее гайдуцкого атамана, чем короля Македонии.

8—9. *И твои кровавые рубашки мне стирать, старухе, надоело...* — Мать Марка, королева Ефросима, представлена как бедная старушка, которая должна сама стирать белье. Она советует Марку крестьянствовать и кормиться трудами рук своих.

30. *Вот что, мать, я выпалал сегодня...* — Урожай, собранный Королевичем Марком — гайдуцкая добыча.

Смерть Королевича Марка

Песня записана Вуком от знаменитого сербского гуслеяра Филиппа Вишница в 1815 г. в Среме. Известно, что исторический король Марк погиб 17 мая 1395 г. в бою на Ровинах в Румынии, сражаясь как турецкий вассал с воеводой Мирчей.

3. *Гора Урвина* — сказочная гора у самого моря.

10—11. *Сотню лет служил ты мне исправно, шестьдесят еще ты был мне верен...* — Марков конь Шарац служил хозяину сказочное время — 160 лет. Ср. стих 72: «Жил я мало, триста лет, не больше».

20. *Кличет вила горная с Урвины...* — Зов вилы с горы в песнях возвещает несчастье.

42—43. *Поразит тебя, несчастный Марко, старый мститель бог, и час твой близок!* — Представление о боге как мстителе за грехи свойственно библейскому преданию, однако здесь скорее дело идет о народных «еретических» преданиях богумильского характера. Вук записал в Черногории пословицу: «бог—старый мститель».

66. *И в воде лицо свое увидел...* — Филипп Вишниц и в другой своей песне «Начало восстания против дахийев» (стр. 199—214) рассказывает о том, как на поверхности воды люди видят свою смерть.

76—77. *Подожел он к Шарцу со слезами, и отсек он голову бедняге...* — Убийство коня на могиле героя, предомление его оружия (меча, копья) — древний славянский обычай. Он существовал на Балканах еще в XV в. и, вероятно, позже. В житии деспота Стефана рассказывается о заклании после смерти сербского князя его коня.

82—83. *Схоронил старательней, чем брата, удалого витязя Андрея...* — Брат Андрей пережил Марка. В разных песнях рассказывается о смерти Андрея (от руки разбойников или даже от руки самого Марка).

131. *Святогорец произумен Васо...* — Святой горой по-сербски назывался Афон, где находится известный сербский монастырь Хилендар, в песне Виллиндар (народная этимология: «вилин дар»).

152—154. *Мертвого взял Марка на галеру...* — В монастыре Хилендаре нет следов могилы Марка, который был погребен в Марковом монастыре (Македония).

Фрагменты косовских песен

Эти песни Вук записал в Среме от своего отца Стефана Караджича, родом из Подринья.

1. Мурат на Косове

1. *Царь Мурат на Косово собрался...* — Косово поле простирается в нынешней Косовско-Метохийской области от Качаника до Звечана на 84 км в длину, имея в самом широком месте, между г. Приштиной и устьем р. Дреницы, 14 км. Занимает 502

кв. км. Через Косово поле шли важнейшие стратегические и торговые дороги средневековой Сербии по направлению к Боснии и Адриатическому морю на Дубровник, Котор и Албанию, и к Эгейскому морю (через Македонию). В XIV в. Косово поле было во владениях Вука Бранковича. Косовская битва произошла в долине рек *Лабы* и *Ситницы*, главным образом на *Мазгит-поле*, где ровная поверхность способствовала движению конницы.

3. *Крушевац* — город в Сербии, в конце XIV в. столица князя Лазаря.

2. Заклятье князя Лазаря

Текст этого отрывка короче и менее выразителен, чем в стихах 76—83 песни «Стефан Мусич».

3. Княжев ужин

1. *Славу славит Лазарь, князь могучий...* — Не сказано славу какого святого. Традиционный запев, не совсем уместный в этой песне.

5. *Юг-Богдан* — имя эпическое. Комментаторы обычно отождествляют Юга-Богдана с князем *Вратком*, потомком Вукана, сына Стефана Неманьи. На дочери князя Вратка был женат Лазарь (см. песню «Женитьба князя Лазаря», примеч. к ст. 36).

7. *Вук Бранкович* — могущественный феодал, владевший Косовым полем, был зятем Лазаря.

9. *Воевода Милош* — Милоша Кобилича, Кобиловича (затем Обилича — так в песнях) — предание также сделало зятем Лазаря.

11. *Иван Косанчич* и *Милан Топлица* — приближенные Лазаря, в бугарштице (№ 1 изд. Боггишча) — слуги Милоша Обилича. Личности легендарные и эпические.

50. *Бранкович — предатель тот проклятый!*... — Впервые мотив о предательстве Вука Бранковича появляется у Мавра Орбини в начале XVII в.

51. *Видов день...* — В этот день (св. Вида), 15 июня 1389 г., произошла роковая для сербов Косовская битва.

56—57. *Заколю турецкого султана, придавлю ему ногою горло...* — Отметим совпадение с бугарштицей (№ 1 изд. Боггишча, стр. 8, стих 172): «И још се је повратио и ногом га притиснуо».

4. Разговор Милоша Обилича с Иваном Косанчичем

15. *От Мрамора до песков Явора...* (и дальше до стиха 20) — следует перечисление географических названий на Косовом поле. Эти стихи Вук Караджич перенес сюда из песни «Банович Страхиња» старца Милии (ст. 105—110). Отцу Вука, Стефану, эти названия не могли быть известны. *Мрамор* — село на правом берегу Ситницы, между городами Приштина и Ново Брдо. *Явор* — село на Косове.

16. *Сазмиа* — село и болото около села, из которого вытекает р. Ситница.

17. *Чемер-Чуприя* — сводчатый мост (турецк.) через р. Ситницу.

18. *Звечан-град* — старый замок северо-восточнее города Митровицы на Косове.

19. *Чечан* — правильное *Чечево* — село на левом берегу р. Ситницы.

29—30. *Стал султан Мурат на Мазгит-поле, захватил и Лаву и Ситницу...* — См. примеч. к ст. 1 фрагмента «Мурат на Косове». «Мазгит-поле» Вук внес в текст лишь второго издания песен.

5. Три юнака

5. *Банович Страхиња* — эпический герой, которого комментаторы тщетно стремились идентифицировать с различными историческими личностями XIV в. В песнях — зять старого Богдана Юговича.

9. *Сергей Злогядящий*. — Об этом юнаке больше ничего не известно. Имя его (Срђа Злопоглеђа) — счастливая находка гуслара.

15. *Бошко Югович* — знаменосец князя Лазаря, любимый брат его жены (см. песню «Царь Лазарь и царица Милица»).

Царь Лазарь и царица Милица

Песня записана Вуком Караджичем от Тешана Подруговича. Можно предполагать, что Подругович выучил эту песню в Среме. Песня состоит из двух частей, которые, вероятно, первоначально представляли две песни. Вторая часть начинается с появления вещей воронов (стих 117).

20. *Бошко Югович* — старший среди девяти братьев Юговичей.

42. *Осеньет Юговича знамя...* (и дальше до стиха 47). — Знамя с золотым крестом на золотом яблоке и золотыми кистями, раскинувшимися по плечам знаменосца, не похоже на средневековые хоругви и малые знамена (значки) на копьях, а напоминает знамена XVIII—XIX вв.

92—94. *Я иду на Косово, Милица, кровь свою пролить за нашу веру, с братьями за крест честной сражаться...* — Такие религиозно-политические сентенции свойственны сремским певцам и несомненно от них заимствованы Подруговичем.

102. *Подозвал он слугу Голубана...* — *Голубан* — «постоянное имя» для слуги.

117—118. *Рано утром при восходе солнца прилетели два ворона черных...* — Одна из самых излюбленных схем сербских гусларов: вороны, вещающие беду.

145. *Слуга Милутин* — эпическое имя.

Гибель сербского царства

Песня записана для Вука Караджича славяно-сербским поэтом и архимандритом Лукианом Мушицким от неизвестной слепой нищенки из Гргуревца в Среме.

40. *Юг-Богдан повел войска в сражение...* — От стиха 40 до 84 — описание Косовской битвы «техникой перечисления».

46—48. *Семь нашей погибло в лютый битве, а когда с восьмым они сразились, Юг-Богдан погиб на поле брани...* — Эти стихи типичны для сремских певцов.

52. *В бой вступают Мрнячевичей трое...* — Известно, что король Вукашин и его брат Угleshа погибли в битве на Марице за 18 лет до Косова.

64. *В бой вступают дружины Степана...* — *Степан Вукчич Косача* принял в 1448 г. титул «герцога св. Саввы» (отсюда название его области — Герцеговина). В Косовской битве не мог участвовать.

Царица Милица и воевода Владета

Песня слепой Степани из Срема. *Воеводу Владету* обычно отождествляют с *Влатко Вуковичем*, воеводой боснийских отрядов на Косове, посланных королем Твртко I.

3—4. *С нею вышли милые две дочки, Вукоаса с красавицей Марой...* — Исторически известна только *Мара*, старшая дочь князя Лазаря и Милицы, жена Вука Бранковича,

мать деспота: Джурджа Бранковича. Вукосава впервые появляется у Мавра Орбини в «Славянском царстве» (XVII в.) как жена Милоша Ћобилича.

44—49. Обилича Милоша я видел, он стоял на Косове широком, на копье оперся боевое, но копье его переломилось, турки навалились на юнака, думаю, теперь его убили... — Этот образ следует сравнить с рассказом Орбини о том, как Милош продолжал сражаться с турками после убийства султана. Враги отсекали ему правую ногу, он продолжал биться, опираясь на копье, как на костыль. Этот же мотив встречается и в бугаршнице № 1 у Богичича (стихи 196—197).

Смерть матери Юговичей

Эту знаменитую песню Вук Караджич получил от Лукиана Мушицкого.

3. *Было в войске Юговичей девять...* — См. примеч. к стиху 5 песни «Княжев ужин».

17. *В головах у мертвых девять копий...* — Ср. погребение Каицы в песне «Смерть воеводы Каицы» (Вук, II, 80, стихи 246—249):

Воткнуто копье над головою,
На копье сидит соколик сивый;
За копье привязан конь ретивый;
На гробницу брошено оружие.

20. *Рядом с ними девять псов свирепых* («А поред њи девет љути лава») — Этот стих обычно переводился неправильно. Так, напр., у Н. Гальковского (изд. 1916 г., стр. 133):

Девять лютых львов тут заревели...

Эта ошибка (*лав* — *лев*) встречается и у самих сербов. В лубочных изданиях песни мать Юговичей изображалась на Косовом поле вместе с очень страшными львами с поднятой дыбом гривой и высунутым языком. «*Лав*» в старосербском языке означает *ловчего пса* (похожего на борзую). Эти псы обычно сопровождали феодалов не только на охоте, но и в бою, как пес Караман Бановича Страхино. Они изображались на рукописях, печатях, фресках. См. статью, подписанную В. К. (Божидар Ковачевич?), в журнале Сербской Академии наук «Наш језик» Београд, 1958, IX, св. 3—4, стр. 124—127.

40. *Дамьян Югович* — личность эпическая.

45. *Звечан* — укрепленный город на краю Косова поля на горе. Гуслияр принял это название за название реки.

Девушка с Косова поля

Песня записана Мушицким для Вука Караджича от слепой из Гргуревца в Среме.

3. *В воскресенье до восхода солнца...* — «постоянный стих» гуслияров. Косовская битва произошла во вторник.

19. *Орловиц Павел* — личность эпическая, знаменосец князя Лазаря (в песне «Царь Лазарь и царица Милица» знаменосец Лазаря — Бошко Югович).

22. *Отсекли ему правую руку...* (ср. также след. стихи). — Такой «натурализм» не был свойственен средневековью, а скорее эпохе барокко.

37. *Или по греху отца родного...* — Верование, что зачатие — грех, не столько церковное, сколько богумильское. Замечание Вука Караджича: «*По греху* родитель значит *настоящий отец*. Здесь выступает народное мнение, что и жениться — грех. Я слышал от отца одного могущественного господаря: «он мой сын *по греху*, но теперь должен слушаться меня» (курсив В. Караджича. — И. Г.-К.).

45. У прекрасной церкви Самодрежи... — Неизвестная церковь на Косовом поле (ср. «Урош и Мриявчевици», стих 3).

49. Славный Милош, храбрый воевода... — и его спутники Иван Косанчич и Милан Топлица — личности эпические (см. «Княжев ужин», стих 2).

55. Волочитя, гремит его сабля... — как у австрийских и венгерских офицеров XVIII—XIX вв.!

57—58. На юнаке пестрый плащ богатый, длинный и с узором поперечным (по-сербски «коласта аздија»)... — средневековый длинный плащ из дорогой материи (парчи) византийского происхождения (обычно с двуглавым орлом в круге). Встречается на церковных фресках и миниатюрах рукописей. Ср. в песне «Сестра Леки капитана» (стихи 145—146), где сказано, что Милош надевает такой плащ (аздију), который «и сам король не носит». «Коласту аздију» находим в стихах дубровнических и далматинских поэтов XVI в., например, у Мавра Ветрановича и Брно Карнарутича (см. словарь Югославянской Академии наук в Загребе, под azdiја).

Стефан Мусич

Неизвестно, от кого получил Вук эту песню. Судя по языку, она происходит из Воеводины. Не исключено, что Вук нашел ее в одной из рукописей XVIII в. Стефан Мусич — лицо историческое, двоюродный брат князя Лазаря, не погиб на Косове, а в начале XIV в. убежал в Дубровник. Образ «запоздавшего на бой героя» создала легенда. Земли исторического Стефана Мусича находились близ Косова («Малое Косово») на южном склоне горы Копаоника.

5. Ваистина — эпическое имя слуги (ср. стих 15 песни «Королевич Марко и арапская королева»).

20. Тяжкое он положил заклатье... — В фрагменте 2 Стефана Караджича дана сокращенная версия «заклатья» князя Лазаря.

44. И выносит шелковое знамя... — Ср. описание знамени Ст. Мусича со знаменем Бошка Юговича («Царь Лазарь и царица Милица», стихи 41—46).

88. Пробудитесь, господин любовный... — Обращение «на вы» не свойственно гуслирам. Влияние на гуслиров языка сербского буржуазно-дворянского общества XVIII в.

154. За святое имя Иисуса... — Примеч. Вука Караджича: «Я думаю, что стих этот добавлен в наше время». Католический по духу, стих взят из полународного сочинения о Косовском бое Гаврилы Ковачевича из Земун в Среме (начало XIX в.).

163—164. Трех пашей он войско уничтожил, за четвертого принял Мусич... — Ср. со стихами 46—48 и 68 песни «Гибель сербского царства».

Женитьба князя Лазаря

Песня записана Вуком Караджичем от старца Рашки. В «родословах» и в житии князя Лазаря сказано, что Лазарь был сыном вельможи, а жену получил из царского рода Неманьичей. В песне Лазарь — любимый слуга царя Стефана-Душана.

1. Пьет вино Степан, владыка сербский... — Царь Стефан-Душан (1331—1355).

36. Дочка есть у старого Богдана... — О Богдане Юговиче и его девяти сыновьях см. примечание к стиху 5 песни «Княжев ужин».

62. Принесет стародавние книги... — Старец Юг Богдан был толкователем древних текстов, вероятно, тех «родословов», из которых народный певец (прямо или косвенным путем) получил сведения о князе Лазаре. Старый Богдан предсказал и «последние времена» сербского царства, в представлении певца — Косовскую битву.

68. *Варадин (Петроварадин)* — город и крепость на Дунае в Воеводине, принадлежавший венграм во времена князя Лазаря (и в XVIII—XIX вв.).

100. *Стал читать о временах последних...* — Богдан предсказывает «готовыми стихами». Ср., например, Вук, II, 1, стихи 28—34:

С кумом кум в суде тягаться будет,
С братом брат на поединке драться...

Милош у латынян

Записана от неизвестного певца. Ту же тему находим в фрагментарной бугарштице № 76 изд. Богитиича. Там рассказывается, что некий Иван Воихнович, племянник черногорского князя Ивана Црноевича, побился об заклад с венецианским «провидуром» (губернатором) о том, что перебросит буздован через церковь в Которе (Бокна Которска, Черногорское [приморье]). Иван Воихнович попадает в тюрьму, так как буздован, перелетев через церковь, убил какого-то молодого дворянина. Особенностью песни краткого стиха является длинное перечисление православных монастырей для поучения «латынян», т. е. католиков. Перечень этот церковного происхождения (встречается в различных вариантах и в других песнях). См. В. М а р к о в и ч. Православно монаштво и манастири у средњевековној Србији. (Сремски Карловци, 1920, стр. 68—69).

4. *Град латынский...* — Город не назван; вероятно, Котор, где население, преимущественно католическое, говорило по-сербски; в XIII—XIV вв. Котор находился под верховной властью сербских государей, затем (с XV в.) — Венеции.

19. *Лавра Студеница* — в старой Рашке, нынешней Косовско-Метохийской области, около города Нового Базара (XII в.).

22—23. *Церковь Юрья на столпах из золота близ дежевских дворцов стародавних...* — Церковь на северо-запад от Нового Базара около старого города Раса (XII в.). В окрестностях Нового Базара находились и дворцы Неманьичей, в том числе короля Драгутина (1267—1316) близ Дежева.

24. *Симеон угодник* — монашеское имя Стефана Неманьи.

26. *Хилендар* — известный сербский монастырь на Афоне (XII в.).

28. *Жича на Мораве* — монастырь Вознесения (XIII в.).

29—30. *А на Ибре, выше Каранбеча, Сопочаны у истоков Рашки...* — Сопочаны — церковь короля Уроша I (1243—1276), юго-западнее Нового Базара. *Карановац* — в XIX в. *Кралево*, город в Сербии (область Рашка) на реке Ибре.

31. *Храм заветный святого Стефана...* — Гусляр ошибся: Сопочаны выстроил Урош I, а не Стефан Первовенчанный.

33. *Большая Папрача* — монастырь Благовещения в Боснии в области Подрињья.

37. *Высокие Дечаны (Пантократор)* — один из самых знаменитых монастырей в истории средневекового сербского зодчества. Монастырь (южнее г. Печа) построен в романском стиле королем Стефаном, прозванным Дечанским (1321—1331).

40. *Рача (Вознесение)* — монастырь на правом берегу реки Дрины, южнее города Баина Башта (XIV в.).

45—47. *Если б знали Раваницу лавру у Ресавы ниже Парачина, на реке Раванице студеной...* — В этом монастыре был похоронен князь Лазарь после Косовской битвы (1391).

Юрьева Ирина

Вук Караджич записал эту песню от Павла Ирича, слуги князя Милоша Обреновича. До своей службы у князя Павел был гайдуком.

1. *Юрьева Ирина* — «проклятая Ирина», дочь Мануила Кантакузена, жена деспота Джурджа Бранковича, умерла в 1457 г. Ее ненавидели в народе, который она, по преданию, мучила, притесняла и обирала.

3. *Смедерево* — новая столица Дж. Бранковича на берегу Дуная после того, как сербский деспот был принужден уступить туркам Белград. Стены и башни Смедерева сохранились до наших дней, хотя и пострадали от взрыва во время второй мировой войны.

4. *Максим малолетний* — внук Ирины и Джурджа Бранковича, сын Стефана Бранковича (а не Гргура — как сказано в песне). Родился около 1465 г., после падения Смедерева. До 1496 г. был деспотом сербов в Среме, затем принял монашество и стал митрополитом, переименовав имя Джордже на Максим. Умер в 1516 г. Таким образом вся сцена в песне — анахронизм.

11. *Филипп Мадьярин* — Филиппо де'Сколари, родом из Флоренции, по прозвищу Пиппо Спано (Филипп Жупан), граф Озора в Венгрии, выдающийся кондотьер во времена императора Сигизмунда; наместник Трансильвании в начале XV в. Командовал венгерскими пограничными войсками, в которых было много сербов. Умер в 1426 г., за четверть века до рождения «малолетнего Максима» (см. также песню «Марко Королевич и Ф. Мадьярин», Вук, II, 58).

Старина Новак и князь Богосав

Песня записана Вуком Караджичем от Тешана Подруговича.

1. *Князь Богосав* — личность неизвестная. «Князь», вероятно, здесь (в более позднем значении) — сельский старшина.

2. *Радивой со старинной Новаком...* — Иностранцы, путешествовавшие в середине XVI в. по Болгарии, слышали о Новаке Дебеличе, который защищал страну от турок во времена Короля Марка. Некий «Баба Новк» (баба — «отец», «старый») упомянут в конце XVI в. как противник турок и трансильванских Баториев в Валахии. О Грлице и Дели-Радивое исторически ничего неизвестно. Гуслеры рассказывают охотно о том, как Новак, его сын и Дели-Радивой грабили турок и совершали другие гайдуцкие подвиги.

18. *Смедерево строила Ирина...* — Дж. Бранкович, муж Ирины «Проклятой», закончил строительство Смедерева в 1430 г.

Смерть воеводы Приезды

Эту песню Вук Караджич получил от одного из своих помощников, который записал ее от слепой Ецы, ученицы слепой Живаны, в Земуне (см. «Прилози проучавању народне поезије», 1, св. 2. Београд, 1934, стр. 156). Песня по языку — сремская. Тот же сюжет весьма подробно разработан в песне № 70 из эрлангенской рукописи (изд. Г. Геземанна). См. также главу о «Воеводе Приезде» в книге: G. G e s e m a n n. Studien zur südslawischen Volksepik. Reichenberg, 1926, S. 9—35.

3. *Пишет письма царь Мехмед турецкий...* — *Мехмед* — часто встречающееся в сербском эпосе имя султана. Сталач разрушил в 1413 г. султана Муса.

4. *Приезда* — имя, встречающееся в Боснии и Сербии в XIV—XV вв. В «Житии деспота Стефана» Константин Философ пишет о храбром защитнике Сталача (не называя имени), который сгорел, но не сдался врагу — «елико кто от древних».

34. *Замутилась у града Морав...* — Город *Сталач* находится на реке *Мораве* (притоке Дуная), одной из самых больших рек Сербии.

56. *Ела* — уменьшительное от Елена.

80. *Голову коню он трубаует...* — Ср. с песней «Смерть Королевича Марка» (стихи 76—77 и примеч.).

Большой Дойчин

Песню записал Вук Караджич в 1815 г. в г. Карловцы от какого-то кушца из Боснии, который в 1813 г. перебежал в Срем, спасаясь от турок.

1. *Дойчин-воевода* — личность эпическая. Упомянут под именем Дойчила в незаконченной песне «Марко Королевич в азовской темнице» (Вук, II, 64) как Марков побратим.

2. *Солун* — Салоники.

8. *Арапин Усо* — личность эпическая. *Арапин* — негр. *Усо* — сокращ. от Гусейн.

20—21. *А у Дуки разломило руки, а Илия младше чем другие...* — Имена, выбранные гусяром для присказки с рифмой.

33. *Обложил солунцев тяжкой данью...* — Так во многих песнях поступают «черные арапы», которых гусяры изображают насильниками и грабителями (ср. песню «Марко Королевич и арапин» — Вук, II, 65).

111. *Люба Анджелия* — Люба в сербских песнях — жена. *Анджелия* — обычное имя для жены в народных песнях, конкурирующее с Еленой.

122. *Перо* — имя кузнеца (Петра) дано произвольно.

180. *Надевает саблю-алеманку...* — Саблю, сделанную в Германии.

251. *Вбил его в солунские ворота...* — Ср. со стихами 444—445 песни «Женитьба царя Степана».

Банович Страхиня

Песня записана от старца Милии в 1822 г. в городе Крагуевце (Сербия). В песне старца Милии юнак назван *Страхиничем-баном*. Заглавие (как обычно) дано самим Вуком. Из истории об этом герое ничего не известно и догадки комментаторов до сих пор остались догадками. В песне долгого стиха (бугаршница № 40, изд. Богинича) юнак зовется Банович Страхиня.

2—3. *Был Страхиня баном в малой Баньской, в малой Баньской у Косова поля...* — Бан — титул главного военачальника, королевского наместника, иногда самостоятельного правителя, особенно распространенный в средневековой Хорватии (с X в.). Происходит от монгольско-турецкого слова «баян» (греч. *воеянос*, лат. *banus*). *Баньска* — средневековый город на Косовом поле (и одноименная река, левый приток Ибра). Там находился монастырь св. Стефана, который король Милутин выстроил в 1317 г. В XIV в. город находился во владениях Вука Бранковича.

15. *Крушевац* — новая столица князя Лазаря. Ср. стих 30:

«Где недавно царство утвердилось».

37. *Поднялись на фряжескую башню...* — В оригинале «Кула френција» — замок или башня, построенные на «фряжеский» (французский, западный) манер.

93. *Едрен* — Адрианополь. Столица турок в конце XIV и первой половине XV в. 105—111. *У Мрамора турки и Неора...* — См. примеч. к стиху 15 песни «Разговор Милона Обилича с Иваном Косанчицем».

127. *У него есть Тука и Манджука...* — Вероятно, турки (из Средней Азии) и «манджуры» (монголы).

131. *Самовольный турок Влах-Алия...* — Имя эпическое. В бугаршнице *Деналия Влахович* (Дин-Алия). Влах Алия такой же бунтарь, не повинующийся султану, как разбойник Муса в песне о Королевиче Марке.

140. *И на Баньску нашу он ударил...* — Город *Баньска* был разрушен и разграблен турками в XV в.

207. *Чакиры* — штаны (турецк.), узкие до колен, широкие от колен до пояса.
221. *По-турецки или по-мановски...* — Мановское наречие турок из области Манисы (Магнезии) в Малой Азии.
255. *На другой тебя поженим, лучшей...* — Ср. в бугарштите: «Хоћемо те опета другом љуби оженити» (стих 15).
258. *Но детей не отпущу с тобою...* — В бугарштите Б. Страхины сам не хочет помощи «Уговичей» (Юговичей).
- 272—273. *Глянул бан на своего сваяка, на Неманича на молодого...* — Эти стихи показывают, что гуслар был осведомлен о том, что Юг-Богдан идентифицировался с князем Вратко из рода Неманьичей.
292. *Караман* — пес Бана Страхины караманской породы (из Карамании в Малой Азии). В бугарштите зовется *Безбилег* («без огметины»).
330. *А сидел один там деревни старый...* — Длинный эпизод с пьяным дервишем почти в двести стихов (312—505) напоминает сцену на «среднем плане» мусульманских песен XVII—XVIII вв.
362. *Гора: Голеч — Голеш* — южный отрог горы Чичавица ок. Сазли (см. примеч. к стиху 15 косовского фрагмента IV).
374. *Сухара* — или «Суха планина» — гора на юго-запад от Косова поля.
398. *Крепкую поруку я оставляю...* — Отпускать пленников «на рыцарское слово» для собрания выкупа — обычай, распространенный на Балканах в средние века, как среди христиан, так и среди мусульман.
553. *Визирь Мехмед* — имя дано произвольно.
587. *Взбунтовался ты, царя покинул...* — В оригинале «царев хаинане». *Хаинан* (турецк.) — изменник, бунтовщик.
604. *Валах, влах* — так презрительно турки называли сербов.
605. *Бабки-шумадинки* — из Шумадии, области в Сербии.
- 669—670. *И боролись в летний день до полдня...* — Ср. с описанием поединка Марка Королевича с Мусой разбойником (стихи 224—226).
- 679—680. *Ты возьми один осколок сабли и ударь им иль меня, иль турка!..* — В бугарштите турок говорит: «Или мени помози, или твоему господару» (стихи 83—84).
- 706—707. *По вертящейся алатой челенке и колпак его пробил белый...* — Челенка — перо из серебра или золота, которое на ветру вертелось на стержне; знак отличия. Колпак — белый головной убор, какой носили дервиши и янычары.
- 719—720. *Пес борзой вскочил и прыгнул сразу, и сцепился пес с женой Страхины...* — Рассказ о неверной жене и верном псе, который спасает при подобных же обстоятельствах своего хозяина, встречается не только в этой песне (а также в бугарштите), но и в сказаниях других народов (см. А. Н. Веселовский. Мелкие заметки. — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб., 1889, стр. 37).
761. *Что же, веселись наше царство!..* — т. е. турецкое (восклицание, в котором мешаются ирония и скорбь).
799. *Но я жизнь моей жене дарую...* — В оригинале: «но сам љуби мојој поклонно» (подразумевается: *жизнь*).

Старый Вуядин

Гайдук Вуядин и его два сына не упоминаются в архивных документах.

4. *Ливено* — или *Ливно*, город в Боснии на пути в Сплит, средняя Далмация. В первой половине XVI в. турецкий административный центр ливненского санджака.
- 14—15. *Поворачивает ветер перья, каждое из золота литого...* — См. примеч. к стихам 706—707 песни «Банович Страхины».

Почему Байо стал гайдуком

Фамилия Байи, гайдуцкого вождя, была Николич, а Пивлянин — прозвище герцеговинскому племени Пива (в настоящее время в Черногории), откуда он был родом. По окончании Критской войны 1670 г. венецианские власти отправили Байю и его гайдуков на жительство в г. Пераст и окружающие села, но из-за военных стычек с турками, с которыми заключен был мир, принуждены были переселить оттуда своих беспокойных союзников в Истрию, а оттуда, по их просьбе, в 1674 г. в город Задар. В Задре Байо жил на венецианском жаловании до начала Морейской войны (1684 г.), когда был снова послан в Черногорское приморье в г. Котор. В мае 1685 г. он погиб, защищая Цетинье от турок (а не в 1712 г., как писал В. Караджич).

4. *Ришанин-ходжа* — известный мусульманский юнак Герцеговины. Звался *Ришанагич*, из семьи Ковачевичей, жил в Рисне (Черногорское приморье), откуда должен был бежать, когда городок этот в 1687 г. заняли венецианцы. Был известен своими насилиями не только над христианами, но и над мусульманами. По наущению скадарского визири был убит в Черногории в окрестностях города Никшича.

6—7. *Я у моря торговал солами, ты у моря собирал налоги...* — В этих и последующих стихах весьма ярко выражена одна из социально-экономических причин гайдуцкого движения.

17. *Лима — Лимов*, — он же *Лимун* — гайдуцкий вождь из Полимля, области у реки Лямы (правый приток Дрины). Упомянут в исторических документах как один из харамбашей, нападавших на турок во времена Критской войны вместе с Байей Пивлянином!

Плен Яковича Стояна

Вождь ускоков на венецианской службе, Стоян Якович был сыном известного сердара Янка Митровича. Он прославился в боях с турками во время Кипрской войны. Стоян Якович попал в турецкий плен весной 1666 г. в стычке с турками на реке Цетине в Средней Далмации. Из Константинополя он бежал через 14 месяцев. Гуслиар, следуя эпической традиции, считает время его пленения 9 лет и 7 месяцев. В 1686 г. Стоян Якович отвоевал у турок город Синь. Погиб при нападении на город Дувно в 1687 г. Сердар *Илья Смильянич*, погибший в 1654 г., не воевал вместе со Стояном Яковичем и не приходился ему двоюродным братом, а был боевым товарищем его отца Янка Митровича. Таким образом появление в этой песне Илии Смильянича — анахронизм. У Стояна был родной брат Илия.

13—14. *Потурчиться их султан заставил, близ себя для них дворы поставил...* — Эти сведения не соответствуют исторической действительности.

24. *Котары* — область в северо-западной Далмации около городов Задра и Нина (не смешивать *Котары* с г. *Котором* в Черногорском приморье!). Находится между Адриатикой, горным массивом Велебита, гористой местностью Буковицей и нижним течением реки Крки. Несмотря на постоянный эпитет «ровные», это место холмисто. Около половины жителей — потомки сербских переселенцев. В XVI и XVII вв. «ровные Котары» были поприщем жестоких стычек приморских ускоков с турками.

73. *А сноха — адамова колено...* — По В. Караджичу, *адамово колено* значит: примерная жена.

113—114. *Но тут молвят нарядные сваты: «Как же, Якович, с нами-то будет?..»* — Сваты, не в пример гомеровским женихам, расположены очень миролюбиво.

Вороны вещают о смерти Перы Данчича

Семью ускоков *Данчичей* на австрийской службе описал хорватский писатель XIX в. А. Шеноа в историческом романе «Берегись сеньской руки!». Семья эта появилась в г. Сенье ок. 1463 г. Наиболее известными ее представителями были воеводы Юрий III его сын Юрий III (XVI в.). Этот последний грабил венецианские и дубровницкие суда на Адриатическом море. Гуслиры воспели Юрия III и его брата Матию I (Матия из Сенья). Песня повествует о смерти вождя ускоков Петра II из той же семьи (XVII в.).

8. *Или снизу из страны Леванта...* — Левант — некая страна на юге, Ближний Восток в самом неопределенном значении, включавший и Северную Африку.

16. *Видели ль вы сеньские галеры?..* — Город Сень находится у подножья массива Велебита и берегов Велебитского канала, напротив острова Крка, южнее г. Риеки (Фиуме).

Смерть Ивана Сеньянина

Эту песню послал Вуку Васа Попович, один из его помощников, не назвав певца. Было несколько ускоков из Сенья, которых звали Иванами. Обычно считают, что эпический *Иван Сеньянин* соответствует историческому воеводе *Ивану Новаковичу-Влатковичу*, который прославился во многих боях и стычках с турками. В 1612 г. он был осужден на смерть австрийским военным судом в Карловцах как разбойник.

1. *Раз приснилось матери Ивана...* — Одна из обычных схем эпических песен — вещей сон.

4. *Ружница* — название многих церквей на территории южных славян.

41. *Что случилось в стране итальянской?..* — Из этого вопроса следует, что Иван Сеньянин занимался разбоем в Италии (вероятно на венецианской территории).

48. *Нас настигла первая погоня...* — Описание трех погонь по яркости образов, напряженности действия, звучности стиха принадлежит к лучшим образцам эпического творчества южных славян.

Хасанагиница

«Эта песня впервые напечатана в 1774 г. в *Путешествии* Фортиса по Далмации латинским шрифтом с итальянским переводом. Пользуясь этим переводом, Гёте ее перевел в 1789 г. на немецкий язык. Таким образом, это первая наша народная песня, появившаяся в ученой Европе. Из Путешествия Фортиса я переписал песню в 1814 г. нашими буквами и здесь напечатал. В упомянутой книге Фортиса она напечатана с мелкими опечатками, а также, весьма вероятно, и с ошибками переписчика; ошибки эти я стремился исправить, поскольку в то время было в моих силах. Затем я не хотел больше печатать эту песню, ожидая, не услышу ли я ее где-либо в народе; однако до сих пор не нашел нигде ее следов...» Из этой заметки Вука Караджича ясно, что основной текст «Хасанагиницы» Вук взял из венецианского издания Фортиса. «Хасанагиница» известна была в России с 1794 г. Начало ее привел в оригинале как образец «иллирийского наречия» Ф. В. Каржавин в книге «Вожак, показывающий путь к лучшему выговору букв и речений французских» (СПб., 1794). Русский перевод озаглавлен «Жалостная песенка на смерть племенитых Асан-Аги». «Это безусловно первая цитация прославленной эпической песни в русской литературе, никогда не отмечавшаяся славистами», — писал М. П. Алексеев в статье «Филологические наблюдения Ф. В. Каржавина» («Ученые записки ЛГУ», 1961, № 299. Серия филол. наук, вып. 59, стр. 24). Затем последовал перевод А. К. Востокова («Жалостная песня благородной Асан-Агиницы») в «Северных цветах на 1827 г.» Всем известен незавершенный перевод Пушкина в «Песнях западных славян».

1. *Что белает средь зеленой чащи?*.. — У Пушкина песня начинается: «Что белает на горе зеленой». *Гора* по-сербски значит не только гора, но и лес.

6. *Хасан-ага* — неизвестная истории личность, так же как его жена и брат жены бег Пинторович.

45. *Всех упорней был имотский кадий*... — *Кадија* — правитель, судья (турецк.). *Имотски* — торговый город в Далмации (область Сплита) на границе Герцеговины, бывший с начала XVI в. до 1717 г. в турецких владениях.

83—84. *А дитяте малому послала одеяльце — колыбель закутать*... — Свободный перевод. В оригинале:

А малому у бешици сину
Нему шаље убошке хаљине,

т. е. *нищее платье*. Смысл этого подарка неясен. Может быть, Хасанагиница хотела показать, что ребенок без нее — бедный сирота?

Женитьба бега Любовича

Переведена с текста мусульманской герцеговинской песни, напечатанной в «Антологии народных јуначких песама» В. Джурича (Белград, 1954). Этот текст содержит сюжет, не совпадающий с сюжетом одноименной песни Ф. Вишница в изд. Вука (III, 82).

1. *Любович*. — В песне не указано имя жениха из старинной семьи бегов Любовичей, восходящих по преданию к одной из ветвей Неманьичей. Любовичи приняли ислам и сохранили свои земельные владения в Герцеговине. Беге Любовичи не раз упомянуты в народных песнях.

2. *Загорье* — область в Герцеговине между горных хребтов Трескавица и Зеленгора, восточнее города Мостара.

4. *Алим-бег*, *Ченгича сестрица*... — *Ченгичи* — один из самых известных мусульманских феодальных родов. Они происходили из Месопотамии (Ирак); переселились в Герцеговину в XVI в. В оригинале не сказано, что невеста была *сестрой* Алим-бега (вероятнее предположить, что она была *дочерью*).

10—11. *Да, немало бег казны истратил на подарки золовкам и тещам!*.. — По мусульманским обычаям не только мать невесты, но и все жены ее отца почитаются как тещи.

14. *Невесинье* — город в Герцеговине. Был центром феодальных владений бегов Любовичей.

38. *Из Мостара, торгового града*... — *Мостар* — главный город Герцеговины на реке Неретве.

39. *Осман-знаменосец* — эпическое имя.

53. *Верный Гусейн* — эпическое имя слуги в мусульманских песнях.

59. *Столац* — город в Герцеговине на юго-восток от Невесинья.

131. *Есть ли в мире лучше конь и краше?*.. — Замечания от самого певца чаще встречаются в мусульманском эпосе, чем в сербском. Заметим, что в этой песне намечается более сложная структура, чем в песнях «старого стиля»: двух лагерей с посредниками (здесь — слуга Гусейн), свойственная краинским песням.

152. *Тамбура* — инструмент, напоминающий мандолину.

160. *Слуги ужин господский готовят*... — Употребление этого прилагательного указывает на крестьянское происхождение гуслара.

166. *Опанки* — простая крестьянская кожаная обувь.

206. *Ситниџа* — река в Герцеговине у Невесинья (?). Не следует смешивать с рекой Ситницей, текущей по Косову полю.

221. *Брат Гусейн, троекратно названный...* — Обычай побратимства в беде был одинаково распространен у мусульман и у православных сербов.

242—243. *Он помялся по чистому полю, как сквозь тучу молния живая...* — Излюбленный образ мусульманских певцов, реже встречающийся в сербских песнях.

Московские подарки

На основании переписки Вука Караджича следует предположить, что песня эта взята из большой рукописи, которую составил для Вука Марко Неманич, один из его ревностных помощников. (См. В. Л а т к о в и ћ. Вуков «врачун од јуначких песама». — «Ковчежић». Београд, 1959, стр. 56).

1. *Вот несутся бисерные письма...* — *Бисерные* — написанные мелким почерком, неразборчивые, по мнению неграмотного гусляра.

2. *Турецкая Краина...* — *Краина* в сербском языке — пограничная область. Сравнить употребление слова «Украина» в Московской Руси и в Польше XVI—XVII вв. в том же смысле.

4. *Муезит* — смешение с именем султана *Баязет*, *Баязит*.

11. *Самоцвет и темной ночью светит...* — Часто повторяющийся в различных вариантах образ в сербской народной поэзии.

31. *Паша Соколович* — *Мехмед-паша Соколович* (1505—1579), был родом серб из окрестностей Вышеграда в Боснии; великий визирь Турции во времена султанов Сулеймана II, Селима II и Мурата III. При содействии Соколовича была восстановлена в Пече в 1557 г. сербская патриархия. Здесь Соколович выставлен как неприятель патриарха.

51. *Каваз* — вестовой, вестник, телохранитель.

65—71. *Дай тебе ненужное нисколько: старый посох Неманича Саввы, и корону царя Константина...* Это все, султан, тебе не нужно, а в Москве твои дары ценят... — Вук Караджич сделал следующее примечание к этой песне: «Во всем нашем народе считают, что эти драгоценные священные предметы были у турок, а затем перенесены в Россию. Мне приходилось слышать и другие песни, в которых появляются лица, принадлежащие почти что к нашему поколению: например, рассказывается о том, как московская царица «Госпожа Елисавка» (имп. Елизавета Петровна) писала турецкому царю «султану Сулейману» о том, что у султана находится наследие ее отца:

Симеона царская корона,
И одежды Ивана Предтечи,
Константина хоругвь золотая,
Посох Саввы, святителя сербов,
Сабля острая царя Стефана,
И святого Дмитрия икона.

Пусть султан ей пошлет все это, а она отдарится тридцатилетним миром и даст ему пшеницы, которой он сможет прокормить свое войско в течение девяти лет. Кроме того она прикажет отлить для султана из золота мечеть...

Коль не дашь мне отчего наследья¹,
Собирай войска, султан турецкий,
Приходи на Киев, чисто поле²,
Там с тобою померимся силой,
Саблю поделим эту землю.
Иль верни, султан, мое наследство,
Иль московскую я выну саблю.

¹ Так угрожает «госпожа Елисавка».

² Певец считал Киев «чистым полем»!

На это письмо турецкий султан ей отвечает любезно и смиренно. Он пишет, что ее отчее наследство находится больше не у него, но в Крыму у татарского хана. Тогда Елизавета пишет татарскому царю и требует вернуть ее наследство, обещая ему длительный мир, много шпены и еще большую мечеть, но татарский хан отвечает ей грубо и непристойно, не отрицая впрочем, что ее наследство находится действительно у него; он ей ничего не даст, а пойдет на нее с войсками — «Петербург с землею я сравняю» — а ее сыновей и дочерей и саму царицу татарский царь грозит полонить и отуречить. Тогда начинается война и «Госпожа Елисава» покоряет Крым и возвращает отчее наследство. Вероятно, благодаря массовому переселению сербов во времена императрицы Елизаветы, ее имя стало эпонимом русской царицы в сербских народных песнях. Известно, что в 1509 г. последняя сербская деспотица Анджелина послала в Москву царю Василию III ратные доспехи своего покойного сына, деспота Йована, завещая Москве отмщение за гибель сербского государства. (А. В. Соловьев. «Histoire du Monastère Russe au Mont-Athos». Белград, 1933, стр. 16).

107. *Отдал ты святыни Цареграда...* — Мудрый визирь объясняет недалекому султану, что, получив эти дары, Москва завладеет и самим Цареградом. В этих словах гусляра отразились чаяния балканских славян, ожидавших освобождения от турецкого ига.

146. *Обмануть хотел нашу владыка...* — Гуслар не верит в то, что патриарх может совершить чудо, не сомневаясь при этом в его патриотизме.

Поход турок на Вену

Сербский гуслар приписывает помощи «московского короля» освобождение Вены в 1683 г. Имя «королевич Михаил» — эпическое, обычное для чужеземных государей. Войскам султана предводительствовал не сам султан, а визирь Кара-Мустафа Чуприлич. В начале песни встречаются исковерканные турецкие слова и собственные имена, которые пришлось восстанавливать по догадкам.

2. *Из восточных сирийских пределов...* — В тексте «Шай» (?) вероятно вместо Шам—Сирия.

3. *Сегедин* — в тексте *Саградин* (?), город в Венгрии.

10. *Драва* — река на границах современной Югославии и Венгрии, приток Дуная.

16. *Ударяет на немецкий лагерь...* — т. е. на лагерь австрийцев.

29. *И святой проговорил из тучи...* — Так вещают из облаков барочные святые!

31. *Кесарь* — австрийский император.

32. *Меж успеньем матери господней...* — Святой рассчитывал праздники по православному календарю. Праздник успенья — 15 августа старого стиля, а рождество богородицы — 8 сентября.

51—52. *Уж мullahы сымают правоверных с колоколен, будто с минаретов...* — Турки в XVI—XVII вв. владели значительной частью Венгрии вместе с Будой, где превратили церкви в мечети.

58. *Румелийские турки* — турки из Европы противопоставлены анатолийским — малоазиатским.

60. *Спахии* — землевладельцы, обязанные нести службу в турецкой кавалерии.

78. *Только пусть постится венский кесарь...* — Гуслару нравится, что австрийского кесаря-католика заставляют поститься по восточно-православному обряду.

91. *Подымает ляхов и поляков...* — Ляхи и есть поляки.

Начало восстания против дахиев

Эту известнейшую сербскую песню сочинил слепой гуслар Филипп Вишняч. События, там описанные, относятся к началу 1804 г.: убийство турками-янычарами сербских старейшин («князей») и начало восстания Карагеоргия. Вук записал песню

в 1815 г. в сремском монастыре Шишатовце, где жил в это время Ф. Вишнич, бежавший из Сербии.

1. *Что за чудо, боже милосердный!* — Традиционный запов.

2—3. *Все стремилось в Сербии злосчастной взбунтоваться и переметнуться...* — Вишнич в начале песни говорит о брожении умов перед восстанием.

5—7. *Лютой ссоре старшины не рады, и не рады нахлебники-турки — радуются бедняки-крестьяне...* — Вишнич правильно отметил общественно-политические отношения этого времени; бедные крестьяне («сиротиња раја») только и ждали возможности освободиться от турецкого ига, «князя» (старейшины), из которых многие занимались торговлей, часто шли на сговор с властями и, ненавидя турок, все же боялись слишком резких перемен.

11. *Кровь вскипела из земного чрева...* — По народному поверью, когда невинные жертвы требуют отмщения — кровь вскипает.

16. *Появились знамения и знаки...* — Вишнич описывает редкие явления природы, которые в народе принимались за предзнаменования.

19—20. *От Трифона до святого Юрья. Каждой ночью месяц затмевался,* — т. е. от 1(13) февраля до 23 апреля (5 мая). Частичное лунное затмение можно было наблюдать в Сербии 14 января (по ст. стилю) 1804 г. Полагают, что Вишнич сюда же причислил затмения 1800 г. (22 марта ст. стиля) и 1801 г. (18 марта ст. стиля). Все затмения действительно происходили в промежуток времени «от Трифона до св. Юрья».

26—27. *Обагрённые кровью знамена по небу над Сербией неслись...* — За этим поэтическим образом стоит вполне реальное событие. В записи 14 января 1805 г. по ст. стилю из монастыря св. Троицы в Плевле говорится, что после затмения солнца и луны появилась «страшная звезда, которой дивились многие».

31—32. *Гром раздался в день святого Саввы, а зимою грозы не бывает.* — В одной рукописи М. Вукиевич, историк восстания Карагеоргия, нашел следующую запись: «1801 г. января 14 дня, перед св. Саввой Сербским, был сильный гул и грохот, и земля потряслась и трижды прогремел гром».

33. *Наступили честные вериги* — праздник 16(28) января.

40—41. *Потемнело солнце в поднебесье на святого Трифона весною...* — 30 января (11 февраля) 1804 г. в Сербии можно было наблюдать полное затмение солнца. Св. Трифон празднуется 1 февраля ст. стиля.

44—45. *Это видят турки из Белграда, семь дахиев, что в башне засели...* — *Дахия* (турецк.) значит «изгнанник»; дахиями назывались янычары, взбунтовавшиеся против султана. Многие из них в начале XIX в. захватили города и целые области в отдаленных от Константинополя пашалуках. В Сербии в начале 1802 г. они стали господами положения.

46. *Аганлия и Кучук-Алия...* — Аганлия, «знаменосец» янычар, босниец родом; *Кучук-Алия* из Рудника (Сербия) до описываемых событий был в Крагуевце *муселимом*, т. е. полицейским начальником области.

47. *Молодые Фочичи* — Мехмед-ага Фочич и Муса-ага Фочич, два брата из Герцеговины.

49. *Мулла Юсуф* — родом из Нового Базара (Санджак).

53. *Столетний Фоча* — отец Мехмед-аги и Муса-аги. *Фоча-оглы-ага* был кадием в г. Лознице (Сербия).

55. *Стамбульская застава* — застава и главные ворота белградской крепости, откуда начиналась дорога из Сербии в Константинополь.

58. *Кардаш* — брат (турецк.).

59. *Йолдаш* — друг, приятель (турецк.).

62. *Небойша* — башня около Дуная, ниже белградской крепости. По преданию, ее построили братья Якшичи во второй половине XV в. (ср. стих 84).

91. *Ваизы* — проповедники (турецк.).

104. *Возле Шарца, возле реки холодной...* — мифическая река, приносящая исцеление. Встречается и в других песнях, например в песне «Турецкий царь и Ника-патриарх»:

Пусть фонтаны царь-султан осушат
И холодный остановит Шарач,
Что течет через Стамбул турецкий...

(Вук, III, 12, ст. 53—55)

М. Павлович в статье «Шарац, вода ладна» («Наш језик», нова серија, IX, св. 3—4. Београд, 1958, стр. 108) возводит слово «шара» (также «Шар-планина», гора в Сербии) к значению: «целебная вода, посвященная нимфам и драконам» (которая бывает иногда и отравлена).

110. *Перед смертью позвал он визирей...* — следует предсмертное «завещание» султана Мурада, которое содержит «программу» политики по отношению к сербам. Отражает сербские взгляды начала XIX в.

149—150. *Коль с киркой подымется мотыга — будет тяжело агам и спахиам...* — Аги (господа) и спахи (турецкие помещики) должны больше всего опасаться восстания неимущих крестьян и поденщиков. В переводе сохранена сербская метафора: «кад устане кука и мотика»... (кука — кирка, крюк). Эти стихи и след. (до 168) предвещают восстания низов, которые сметут турецкое господство в покоренных османами странах от Дуная до Сирии.

207. *Чрез семнадцать нахий нам подвластных...* — Письмо к русскому послу в Константинополе в мае 1804 г. Карагеоргий и его приближенные подписали от имени 12 сербских нахий (округов, областей) белградского пашалука: «У имя целого народа Сербиянского губерниума Белградского, который из 12 пределов составляется» (сказано в письме). Разница между «нахией» и «кнежевиной» в начале XIX в. в Сербии соответствовала «большому и малому дистрикту» в Австрии. Административное деление Сербии подвергалось в 1804—1813 гг. постоянным изменениям. Поэтому 17 нахий у Вишнич не являются его измышлением. См. статью: В. Стояничевич. Откуда у Вишничевой песни «Почетак буны против дахија» помен седамнаест нахија («Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор». Београд, 1958, кн. 21, св. 3—4, стр. 287—293).

216. «Оборкнязя убьем Палалию». — Оборкнязь — глава округа, окружной начальник, который звался так в отличие от сельских старшин («князей»). Палалия — Стеван Андрич Палалия из села Бегалици близ Гроцка в нахии Грочанской; убит турками в 1804 г. (ср. стихи 391—393). Ф. Вишнич его именем начинает историю об убийстве сербских князей.

218. *Стал пашою, а я субашою!* — Эти слова Мехмед-ага Фочич повторяет часто, выражая следующую мысль: он, сербский старшина, выглядит как настоящий начальник, а я, великий дахия, унизились до того, что стал его помощником, его управляющим (субашой).

228. *Братья Чарапичи* — Васа и его двоюродный брат Марко из села Белого Потока под горой Авалой близ Белграда. Марко погиб во время убийства «князей» в 1804 г. (ср. стихи 398—399).

230. *Врачар* — в настоящее время один из районов Белграда, в начале XIX в. — пригород.

233. Черный Георгий — Георгий Петрович по прозвищу Черный (Кара-Джордже, Карагеоргий — 1752—1817), вождь восстания 1804 г. В молодости Карагеоргий был гайдуком. В 1786 г. перебежал в Срем на австрийскую территорию и вступил в отряд добровольцев (Freikorps), но вскоре вернулся в Сербию, и там возглавил партизанскую войну. В 1788—1789 гг. воевал с турками. В 1791—1803 гг. жил в Сербии, занимаясь торговлей скотом. Во время убийства «князей» в январе 1804 г. Карагеоргию удалось

скрыться от турок. На народном собрании в Орашце 2 февраля 1804 г. Карагеоргий был выбран вождем. 24—25 июля ему удалось схватить и казнить четырех «великих дахиев»: Агантию, Кучук-Алию, Муллу Юсуфа и Мехмед-агу Фочича.

234. *Топбла* — богатое село в Сербии (Шумадия), где родился Карагеоргий.

247. *Топчидер* — в настоящее время большой парк в окрестностях Белграда.

251—252. *Деуз игуменов с ним обеглавлит, Ходжи Джеру и Ходжи Рувима...* — *Ходжа* — прибавлялось перед именем мусульман, побывавших в Мекке и православных, посетивших Иерусалим. *Ходжа Джера Матич* был архимандритом монастыря Моравицы. Погиб в 1804 г. (ср. стихи 408—410). *Ходжа Рувим Нешкович* (или *Ненадов*) был архимандритом в Боговадже около г. Валева. В начале расправы турок с «князьями» он бежал в Белград, где думал найти защиту у архиепископа. Архиепископ выдал его туркам, которые тяжело мучили Ходжу Рувима, но он никого не выдал. Был казнен 29 января 1804 г. (См. у Вука Караджича «Први и други српски устаник», изд. 1947, стр. 239—240).

258. *Илья Бирчанин* — один из вождей сербов. Звался *Илья Михайлович Бирчанин*. Был «князем» вальевской Подгорини. Убит вместе с Алексеем Ненадовичем на колубарском мосту 23 января 1804 г. (см. стихи 416—439).

293—295. *Деуз Ненадовичей мы погубим, что засели в вальевской нахии, братьев Якова и Алексея...* — *Алексей Ненадович* был старшиною округа Вальевского и Посавины. Дахии перехватили его письмо, которое в 1803 г. он послал в Земун одному австрийскому майору, сообщая о готовящемся бунте. Отец известного писателя и политического деятеля протопопа Матии Ненадовича, одного из первых послов Карагеоргия в Россию (1804 г.). Младший брат Алексея, *Яков Ненадович* был воеводой во времена Карагеоргия. С 1813 г., вместе с другими эмигрировавшими сторонниками Карагеоргия, проживал в Бессарабии (до 1831 г.), где познакомился с Пушкиным.

296—297. *Всем известно, когда воевали венский кесарь и царь наш великий...* — Во время войны между Австрией и Турцией 1788—1789 гг. Алексан Ненадович поднял против турок весь вальевский край (так называемая «Кочина краина»).

318—319. *Рачу монастырь сожгу на Дрине, и Ходжу Малентия прикончу...* — *Рача* — монастырь на реке Дрине. Был остроен заново в 1795 г. старанными архимандрита *Ходжи Мелентия Стевановича*, ставшего воеводой во времена восстания Карагеоргия.

320. *Он в глаурскую ходил Каабу...* — т. е. в Иерусалим. Отсюда его прозвище — *Ходжа*.

323. *Фирман* — указ султана (турецк.).

452—453. *В тот же день, в тот же час порешили, и померкло солнце над вождями...* — Солнечное затмение наблюдалось 30 января 1804 г. Алекса Ненадович и Илья Бирчанин были казнены 23 января; Ходжа-Рувим погиб в Белграде 29 января. В поэтической фантазии слепого гуслира все эти события произошли одновременно.

475. *Вечером пред самым воскресеньем...* — в воскресенье 31 января 1804 г.

538. *Сибница* — село под горою Космаем в белградской нахии.

607. *Баша* — голова, начальник. В Сербии и Боснии так называли всякого турка, который не был беим или агою.

620. *От Видина до широкой Дрины...* — *Видин* — город на Дунае в Болгарии, восточнее Белграда. Река *Дрина* — западная граница Сербии (с Боснией).

Бой на Мишаре

Песня Филиппа Вишничя. Бой на Мишарском поле близ г. Шабца на боснийско-сербской границе произошел 13 августа 1806 г. Победа сербов была полной. В битве были наголову разбиты мусульмане из Боснии. См. В. Ч у б р и л о в и ћ. Историска основа Вишњиневој песни «Бој на Мишару». («Прилози проучавању народне поезије».

Београд, 1938, V, св. 1); M. B r a u n. Das serbocroatische Heldenlied. Göttingen, 1961, S. 41—47. Вишнич знал участников этой битвы.

6. *Мачва* — северо-западная область Сербии.

23. *Начальника стотысячной рати...* — Известно, что Кулен-капитан привел с собою из Боснии 170 бойцов. Турецкая армия насчитывала 50 тысяч человек.

32. *Посадила ли он Якова на кол?.. — Якова Ненадовича.* См. примеч. к стихам 293—295 песни «Начало восстания против дахийев».

33—34. *Ободрал ли Кулин с Луки кожу, и живьем ли Цинцара изжарил?.. — Лука* — поп Лука Лазаревич, известный сербский воевода, с 1807 г. — начальник Шабца. *Цинцар Янко Попович*, по происхождению македонец из Охрида. Выдвинулся в битве на Мишаре и в 1811 г. был воеводою города Пожаревца.

35. *Зарубил ли Чупича ханджаром?.. Чупич — Стоян Добрилович*, был родом черногорец. В молодые годы он перебрался в Сербию в область Мачвы и принял фамилию усыновившего его Страхины Чупича. Народ прозвал юнака «Змием из Ночая». Убит турками в г. Зворнике в 1815 г.

36. *Растерзал ли Милоша конями?.. Милош Стоичевич* или «Милош из Поцерья», один из вождей первого восстания. Был в 1806 г. воеводою Поцерья.

66. *Пред турецким — был Кулин твой храбрый, а пред сербским — Георгий Петрович...* — Не соответствует исторической действительности. Георгий Петрович — Карагеоргий.

78—79. *Ты для войска корми, пои сына — усмириться Сербия не может...* — Известные стихи, ставшие поговоркой.

Песня сокращена в переводе на 80-м стихе. Далее эпическая напряженность ослабевает и следует перечисление турок и сербских юнаков, их перебивших. Эта повествовательная манера в стиле «репортажа» с кратким перечнем подвигов часто встречается в репертуаре гуслиаров второй половины XIX и начала XX в.

БИБЛИОГРАФИЈА

Г. Тексти

- «Антологија народних јуначких песама». Уред. В. Ђурић. Београд, 1954.
- «Антологија српских народних песама». Уред. В. Јовановић. Београд, 1922.
- «Епске народне пјесме». Избор и увод С. Назечића. Сарајево, 1954.
- «Епске народне пјесме». Уред. Т. Чубелић. Загреб, 1954.
- «Ерлангенски рукопис старих српско-хрватских народних песама». Изд. Г. Геземан. Карловци—Београд, 1925. («Зборник за историју, језик и књижевност српског народа», од. I, књ. XII).
- Рец.: С п е р а н с к и й М. Н. — «Известия Отд. рус. яз. и словесности». Л., 1929, т. 2, стр. 700—703.
- «Зборник јуначких епских народних песама». Саст. В. Витезица. Београд, 1930.
- К а р а џ и ћ В. С. Српске народне пјесме. Књ. 2, 3, 4. Београд, 1953—1954 (изд. 2-е, књ. 2, 3—1958).
- «Народне пјесме из старијих највише приморских записа». Књ. 1. Скупио и на свијет издао В. Богишић. С расправом о «бугарштицама» и с рјечником. («Гласник српског ученог друштва», II од. Књ. X). Београд, 1878.
- «Народне пјесме Мухамедоваца у Босни и Херцеговини». Сабрао К. Херман (K. Hörmann), т. I—II. Сарајево, 1888—1889.
- «Сербська народна поезія». Упорядкували Л. Первомайський і М. Рильський. Вступна ст. Л. Булаховського. Київ, 1955.
- «Сербский эпос». Пер. Н. М. Гальковского. М., 1916.
- «Сербский эпос». Ред., вступит. ст. и примеч. Н. Кравцова. М.—Л., 1933.
- «Сербский эпос», т. I—II. Сост., вступит. ст. и примеч. Н. И. Кравцова. Ред. М. Зенкевича. М., 1960.
- «Српскохрватске јуначке пјесме». Сакупио М. Пари (M. Parry). Уред. и превео на енглески А. Б. Лорд, књ. 1, Нови Пазар (Харвардски унив. и САН). Кембриџ — Београд, 1954.
- «Српскохрватске јуначке пјесме». Сакупио М. Пари (M. Parry). Уред. А. Б. Лорд.

- Књ. 2. Нови Пазар: српскохрватски текстови са уводом и примедбама уредника. САН. Београд, Кембриџ—Харвард, 1953.
- «Хрватске народне пјесме». Изд. «Матица Хрватска». I—X. Загреб, 1896—1942. (Эпические песни помещены в I и II кн.; мусульманская народная поэзия—в III и IV; в VIII и IX — песни гайдуков и ускоков; см. предисловие Л. Марьяновича к III кн., 1898 г.).
- «Хрватске народне пјесме, што се пјевају у Горњој Хрватској Крајини и у Турској Хрватској», књ. I. Саст. Л. Марјановић. Загреб, 1864.

II. Иследования

- Б. К[о в а ч е в ић]. «Девет љутих² лава» у песми «Смрт Мајке Југовића». — «Наш језик», н. серија, 1958, књ. IX, свеска 3—4.
- Б а н а ш е в ић Н. Вуков род и песничко предање о косовским јунацима. — Сб. «Ковчежић». Београд, 1959, II, стр. 32—41.
- Б а н а ш е в ић Н. Како је Вук постао књижевник. — Сб. «Ковчежић». Београд, 1958, I, стр. 44—55.
- Б а н а ш е в ић Н. Циклус Марка Краљевића и одједи француско-талијанске витешке књижевности. Скопље, 1935.
- Б о г а т и р е в П. Г. Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов. — Сб. «IV Международный съезд славистов. Доклады». М., 1958, стр. 1—50.
- Б р а у н М. Историческая действительность в южнославянской народной эпической поэзии. — «Изв. АН СССР, Отд. яз. и лит-ры». М., 1958, вып. 6, стр. 527—533. (Доклад, прочитанный на IV Межд. конгрессе славистов 3 сент. 1958 г.).
- Б р а у н М. Композиция героических народных песен на материалах сербского эпоса. — «Русский фольклор», т. 3. М.—Л., 1960.
- Б р а у н М. Связь между эпосом и летописью. — «Русский фольклор», т. 5. М.—Л., 1960.
- В и с к о в а т ы й К. К. К вопросу о влиянии песен Качича на югославский народный эпос. — «Slavia». Прага, 1932, XI, стр. 108—117.
- Г е о р г и ј е в ић К. Српскохрватске народне песме у польској књижевности. Београд, 1936.
- Г и л ь ф е р д и н г А. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873 (собр. соч., т. III).
- Г и л ь ф е р д и н г А. Ф. Онежские былины, т. I—II. СПб., 1894.
- Г о л е н и щ е в - К у т у з о в И. Н. Проблемы сюжета и эпической техники в сербских народных песнях. — Сб. «IV Международный съезд славистов, т. I. Материалы дискуссии». М., 1962, стр. 43—45.
- Г о л е н и щ е в - К у т у з о в И. Русија у нашим народним песмама. — «Српски књижевни гласник». Београд, 1936, I, стр. 46—52.
- Ђ у р ић В. Српскохрватска народна епика. Сарајево, 1955.
- Ж и р м у н с к и й В. М. Народный героический эпос. М.—Л., 1962.

- Жирмунский В. М.** Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. — «IV Международный съезд славистов. Доклады». М., 1958, стр. 1—145.
- Јовановић В. М.** Одбор за издавање корпуса народних песама. САН. «Гласник», књ. IX, св. 3. Београд, 1958, стр. 258—260.
- Корш Ф.** Введение в науку о славянском стихосложении. — «Статьи по славяноведению под ред. В. И. Ламанского», в. 2. СПб., 1906, стр. 300—378.
- Костић Д.** Два косовска циклa. — «Прилози проучавању народне поезије». Београд, 1939, св. 1, стр. 1—18.
- Костић Д.** Старост народног епског песништва нашег. Београд, 1933.
- Костић Д.** Тумачење друге књиге српских народних песама Вука С. Караџића. Београд, 1937.
- Крстић Б.** Лука Марјановић и Никола Андрић као издавачи народних песама. — «Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор». Београд, књ. 22, 1956, № 3—4, стр. 241—253.
- Крстић Б.** Постапак и развој народних песама о Косовском боју. — Сб. «Трећи конгрес фолклориста Југославије». Цетиње, 1958, стр. 83—98.
- Рец.: **Банашевић Н.** «Прилози за књижевност, историју и фолклор». Београд, 1959, књ. 25, св. 3—4, стр. 315—316.
- Кулаковский П. А.** Вук Караџић. Его деятельность и значение в сербской литературе. М., 1882.
- Латковић В.** Вуков «рачун од јуначких песама». — Сб. «Ковчежић». Београд, 1959, II, стр. 42—60.
- Латковић В.** Питање Вукове пете књиге народних песама. — Сб. «Ковчежић». Београд, 1958, I, стр. 56—63.
- Латковић В.** Чланци из књижевности. Цетиње, 1953.
- Маретић Т.** Грађа Качићева десетерца. Загреб, 1931.
- Рец.: **Сперанский М. Н.** «Труды Ин-та славяноведения АН СССР». Л., 1932, т. I, стр. 481—482.
- Маретић Т.** Метрика муслиманске народне епике. — «Рад», ЈАЗУ. Загреб, 1936, 255.
- Маретић Т.** Метрика народних наших пјесама. — «Рад», ЈАЗУ. Загреб, 1907, 168, 170.
- Маретић Т.** Наша народна епика. Загреб, 1909.
- Матић С.** Белешка о епској импровизацији. — «Прилози проучавању народне поезије». Београд, 1939, 4, стр. 70—75.
- Матић С.** Значење географских детаља у народном епу. — «Прилози проучавању народне поезије». Београд, 1934, 1, стр. 13—16.
- Матић С.** Порекло косовских песама кратког стиха. — «Зборник Матице Српске за књижевност и језик», 1. Нови Сад, 1954, стр. 7—25.
- Матић С.** Сремске песме у Вуковој збирци. — «Прилози проучавању народне поезије». Београд, 1934, 1, св. 2, стр. 146—164.

- М а т и ћ С. Стара књижевност према народној песни. — «Српски књижевни гласник». Београд, 1936, књ. 48, бр. 6, стр. 433—437.
- М а т л И. О питању компаративног проучавања народне поезије балканских словена односно балканских народа. — «Прилози проучавању народне поезије». Београд, 1934, стр. 17—26.
- М и к л о ш и ч Фр. Изобразительные средства славянского эпоса. Пер. А. Грузинского. М., 1895.
- М л а д е н о в и ћ Ж. Вук као редактор народних песама. — Сб. «Ковчежић», т. I. Београд, 1958, стр. 64—93.
- М у р к о М. Трагом српскохрватске народне епике, т. I—II. Загреб, 1951.
- Н а з е ч и ћ С. Из наше народне епике. Хајдучке борбе око Дубровника и наша народна пјесма. Сарајево, 1959.
- Н а з е ч и ћ С. О неким питањима муслиманских пјесама. — «Избор књижевних радова 1941—1951». Сарајево, 1951, стр. 252—267.
- П о п о в и ч П. Обзор истории сербской литературы. СПб., 1912.
- «Прилози проучавању народне поезије». Изд. Р. Меденица и А. Шмаус. Београд, 1934—1938.
- Р а д л о в В. В. Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. V. СПб., 1885.
- Р е б а ц А. С. О народној песни «Цар Дуклијан и Крститељ Јован». — «Зборник радова», САН. Београд, 1951, књ. 10, стр. 253—273.
- Р о м а н с к а - В р а н с к а Ц. Общи особенности на българските и сръбските хайдушки песни. — «Славистичен сб.», т. II. Литературознание и фолклор. София, 1958, стр. 379—407.
- Р у ж и ч и ћ Ђ. Народна епика у Велесу. — «Прилози проучавању народне поезије». Београд, 1934, I, св. 2.
- С к р и п и л ь М. О. Повесть о Петре и Февронии и эпические песни южных славян об огненном змее. — «Научн. бюллетени Ленингр. гос. ун-та», 1946, № 11—12, стр. 35—39.
- С т о ј а н о в и ћ Јб. Живот и рад Вука Ст. Караџића. Београд, 1924.
- Х а л а н с к и й М. О сербских народных песнях косовского цикла. — «Рус. филол. вестник», т. 7—8, Варшава, 1882.
- Х а л а н с к и й М. Южнославянские сказания о Кралевице Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. Варшава, 1893—1894.
- Р е ц.: М а р е т и ч Т. — «Рад», ЈАЗУ. Загреб, књ. 132.
- Ш м а у с А. Из муслиманске традиције у Санджаку. — «Прилози проучавању народне поезије». Београд, 1938, V, стр. 137—145.
- Ш м а у с А. Косово у народној песни муслимана. — «Прилози проучавању народне поезије». Београд, 1938, V, стр. 101—121.
- Ш м а у с А. Неколико података о епском певању и песама код Арбанаса (Арнауца) и Старој Србији. — «Прилози проучавању народне поезије». Београд, 1934, I, стр. 107—112.

- Шмаус А. О косовској традицији код Арнаута. — «Прилози проучавању народне поезије». Београд, 1936, 3, стр. 73—90.
- Шмаус А. О упоредном проучавању народних епика. — «Београдски међународни славистички састанак». Београд, 1957, стр. 617.
- Шмаус А. Студија о крајинској епизи. — «Рад», ЈАЗУ, књ. 297. Загреб, 1953, стр. 89—247.
- Ястребов И. С. Обычаи и песни турецких сербов в Призрене, Ипекѣ, Мораве и Дебре. Из путевых записок. СПб., 1886. (2-е изд. — СПб., 1889).
- Бовра С. М. Heroic Poetry. London, 1952.
- Браун М. Die serbocroatische Volksepik. — «Euphorion», 1933, Bd. 34, S. 340—356.
- Браун М. «Kosovo». Die Schlacht auf dem Amsefelde in geschichtlicher und epischer Überlieferung. Leipzig, 1937.
- Браун М. Beobachtung zum heutigen Stand der epischen Volksdichtung in Jugoslawien — «Die Nachbarn. Jahrbuch für vergleichende Volkskunde», Bd. 2. Göttingen, 1954.
- Браун М. Das serbocroatische Heldenlied. Göttingen, 1961.
- Chadwick H. M. and Chadwick N. K. The growth of Literature. Vol. II. Cambridge, 1936. (Part II: Yugoslav Oral Poetry, p. 299—458).
- Фрониа А. Poesia popolare serbo-croata. Padova, 1949.
- Фрингс Т., Браун М. Brautwerbung, I. Leipzig, 1947.
- Гесеманн Г. Studien zur südslavischen Volksepik. Reichenberg, 1926.
- Ибровач М. Les affinités de la poésie populaire serbe et néo-grecque. — «Naučno društvo Bosne i Hercegovine. Godišnjak», knj. 1. Sarajevo, 1956, стр. 389—455.
- Јакобсон R. Studies in Comparative Slavic Metrics. — Extract from «Oxford Slavonic Papers», v. III, 1952.
- Јакобсон R., Руџић Г. The Serbian Zmaj Ognjeni Vuk and the Russian Vseslav Epos. — «Annuaire de l'Institut de Philologie et d'histoire Orientales et Slaves». X. Bruxelles, 1950. («Mélanges H. Grégoire», II).
- Лорд А. В. The Singer of Tales. Cambridge Mass., 1960.
- Миклосич Ф. Die Darstellung im slavischen Volksepos. — «Denkschriften der k. Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Classe», Bd. 38, III. Wien, 1890.
- Миклосич Ф. Die Volksepik der Kroaten. Wien, 1870.
- Мурко М. La poésie populaire épique en Yougoslavie au début du XX-e siècle. Paris, 1929.
- Ричнер Ј. La chanson de geste. Essai sur l'art épique des jongleurs. Genève—Lille, 1955.
- Шчирунски В. Vergleichende Epenforschung. Bd. I. Berlin, 1961.

- Schmaus A. Beiträge zur südslavischen Epenforschung. — «Serta Monacensia» (Festschrift F. Babinger). Leiden, 1952, S. 150—170.
- Schmaus A. Ein epenkundische Experiment. — «Die Welt der Slaven». München, 1956. Bd. I, Hf. 3.
- Schmaus A. Episierungsprozesse im Bereich der slavischen Volksdichtung. — «Münchener Beiträge zur Slavenkunde», Bd. IV. München, 1953.
- Skendi St. Albanian and South Slavic Oral Epic Poetry. Philadelphia, 1954.
- Subotić D. Yugoslav popular ballads. Their origin and development. Cambridge, 1932.
- Taranovski K. The Prosodic Structure of Serbo-Croat Verse. Extract from «Oxford Slavonic Papers», v. IX, 1959.
- Vaillant A. Les chants épiques des slaves du sud. — «Revue des Cours et Conférences», 30 jan., 15 févr., 15 mars. Paris, 1932.
- Vaillant A. Marko Kraljević et son frère Andrijaš. — «Annuaire de l'Institut de phil. et histoire orientales et slaves». Bruxelles, 1949, t. IX, p. 569—575 («Mélanges Henri Grégoire»).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Скоморохи. Фреска работы мастеров Михайлы и Евтихия (деталь) в церкви св. Георгия в Старом Нагоричине. Начало XIV в.	11
Свадьба в Кане. Фреска работы мастеров Михайлы и Евтихия в церкви св. Никиты. Начало XIV в.	33
Горное озеро на Дурмиторе (Черногория)	45
Церковь св. Дмитрия в Марковом граде около г. Прилепа. XIV в.	55
Король Вукашин. По фреске из монастыря Псаца (1358 г.). Рис. А. Дероко	63
Король Марко. По фреске из монастыря св. Архангела близ г. Прилепа (около 1380 г.). Рис. А. Дероко	73
Князь Лазарь. По фреске из монастыря Раваница (1381 г.) Рис. А. Дероко	107
Милош Обилич. Скульптура работы Ивана Мештровича	112
Три святых воина. Фреска из церкви св. Пантелеймона в Нерезах около г. Скопье. XII в.	117
Монастырь Студеница. XIII в.	135
Смедерево. Крепостная стена. XV в.	139
Постройка средневекового города. По фреске из Дечанского монастыря (1335 г.). Рис. А. Дероко	141
Нападение турок на Белград в 1521 г. Городской музей г. Белграда	143
Слепой гусляр. Скульптура работы Ивана Мештровича. 1908 г.	176
Город Мстар, основанный в Герцеговине в XV в. Мост через реку Неретву	187
Портрет Георгия Черного (Карагеоргия). Работа художника Уроша Кнежевича. С оригинала, приписываемого Боговиновскому (начало XIX в.)	208
Сербия в XIV в.	223
Сербия в начале XIX в.	235
Вук Караджич. Портрет работы Дмитрия Аврамовича. 1840 г. Гос. музей в Белграде	256
На супер-обложке использованы прорисы фресок, выполненные А. Дероко.	

СОДЕРЖАНИЕ

Песни легендарные и сказочные

Препирательство Земли с Небом. <i>Перевод И. Голенищева-Кутузова</i>	5
Царь Дуклиян и Иоанн Креститель. <i>Перевод Н. Гальковского</i>	6
Змей-жених. <i>Перевод Н. Гальковского</i>	8
Женитьба царя Степана. <i>Перевод И. Голенищева-Кутузова</i>	15
Святой Николай. <i>Перевод И. Голенищева-Кутузова</i>	32
Царь Константин и самоучка. <i>Перевод И. Голенищева-Кутузова</i>	34
Воевода Тодор. <i>Перевод И. Голенищева-Кутузова</i>	37
Омер и Мейрима. <i>Перевод А. Ахматовой</i>	39

Цикл Королевича Марка

Женитьба короля Вукашина. <i>Перевод И. Голенищева-Кутузова</i>	44
Смерть царя Степана. (Фрагменты песни). <i>Перевод И. Голенищева-Кутузова</i>	52
Урош и Мрявчевичи. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	54
Королевич Марко узнаёт отцовскую саблю. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	61
Королевич Марко и вила. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	65
Королевич Марко и бег Костадин. <i>Перевод М. Исаковского</i>	68
Королевич Марко и Лютица Богдан. <i>Перевод В. Слуцкого</i>	69
Королевич Марко и разбойник Муса. <i>Перевод И. Голенищева-Кутузова</i>	72
Королевич Марко и Мина из Костура. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	80
Королевич Марко и аранская королева. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	88
Турки у Марка на славе. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	90
Охота Марка с турками. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	94
Марко пьет в рамазан вино. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	97
Королевич Марко пашет. <i>Перевод М. Исаковского</i>	99
Смерть Королевича Марка. <i>Перевод Н. Заболоцкого</i>	100

Косовский цикл

Фрагменты Косовских песен	105
1. Мурат на Косове. <i>Перевод Н. Гальковского</i>	105
2. Заклятье князя Лазаря. <i>Перевод Н. Гальковского</i>	106
3. Княжев ужин. <i>Перевод А. Азатовой</i>	106
4. Разговор Милоша Обилича с Иваном Косанчицем. <i>Перевод А. Азатовой</i>	108
5. Три юнака. <i>Перевод И. Голенищева-Кутузова</i>	110
Царь Лазарь и царица Милица. <i>Перевод Н. Гальковского</i>	110
Гибель сербского царства. <i>Перевод Н. Гальковского</i>	115
Царица Милица и воевода Владета. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	118
Смерть матери Юговичей. <i>Перевод А. Азатовой</i>	119
Девушка с Косова поля. <i>Перевод И. Голенищева-Кутузова</i>	121
Стефан Мусич. <i>Перевод И. Голенищева-Кутузова</i>	125
Женитьба князя Лазаря. <i>Перевод Н. Гальковского</i>	129
Милош у латынян. <i>Перевод И. Голенищева-Кутузова</i>	133

Песни из времен турецкого ига

Юрьева Ирина. <i>Перевод Н. Гальковского</i>	137
Старина Новак и князь Богосав. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	138
Смерть воеводы Приезды. <i>Перевод И. Голенищева-Кутузова</i>	142
Больной Дойчин. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	145
Банович Страхиня. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	152
Старый Вуядин. <i>Перевод И. Голенищева-Кутузова</i>	171
Почему Байо стал гайдуком. <i>Перевод И. Голенищева-Кутузова</i>	173
Плен Яковича Стояна. <i>Перевод Д. Самойлова</i>	174
Вдроны вещают о смерти Перы Данчица. <i>Перевод А. Азатовой</i>	178
Смерть Ивана Сеньянина. <i>Перевод И. Голенищева-Кутузова</i>	179
Хасанагиница. <i>Перевод А. Азатовой</i>	180
Женитьба бега Любовича. <i>Перевод И. Голенищева-Кутузова</i>	183
Московские подарки. <i>Перевод И. Голенищева-Кутузова</i>	192
Поход турок на Вену. <i>Перевод Н. Гальковского</i> ¹	195
Начало восстания против дахиев. <i>Перевод И. Голенищева-Кутузова</i>	199
Бой на Мишаре. <i>Перевод И. Голенищева-Кутузова</i>	214

Приложения

Эпос сербского народа. <i>И. Н. Голенищев-Кутузов</i>	219
Примечания. (<i>Сост. И. Н. Голенищев-Кутузов</i>)	318
Библиография. (<i>Сост. И. Н. Голенищев-Кутузов</i>)	346
Список иллюстраций	352

¹ Переводы Н. Гальковского печатаются в обработке И. Голенищева-Кутузова.

Илья Николаевич Голенищев-Кутузов

Эпос сербского народа

*Утверждено к печати
Редколлегией серии «Литературные памятники»
Академии наук СССР*

Редактор издательства *М. Д. Дриневич*
Художники *С. А. Бычков и Л. Г. Ламм*
Технические редакторы *Н. Д. Новичкова, Т. А. Прусакова*
[Корректоры *В. Г. Богословский и Т. А. Пономарева*

РИСО АН СССР № 10-153В. Сдано в набор 31/V 1963 г.

Подписано к печати 8/VIII 1963 г. Формат 70×90^{1/16}.

Печ. л. 22,25+4 вкл. Усл. печ. л. 26,03+4 вкл.

Учетно-изд. л. 22,5 (22,3+0,2 вкл.) Тираж 2600 экз.

Изд. № 1860. Тип. зак. № 2314

Цена 1 р. 50 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

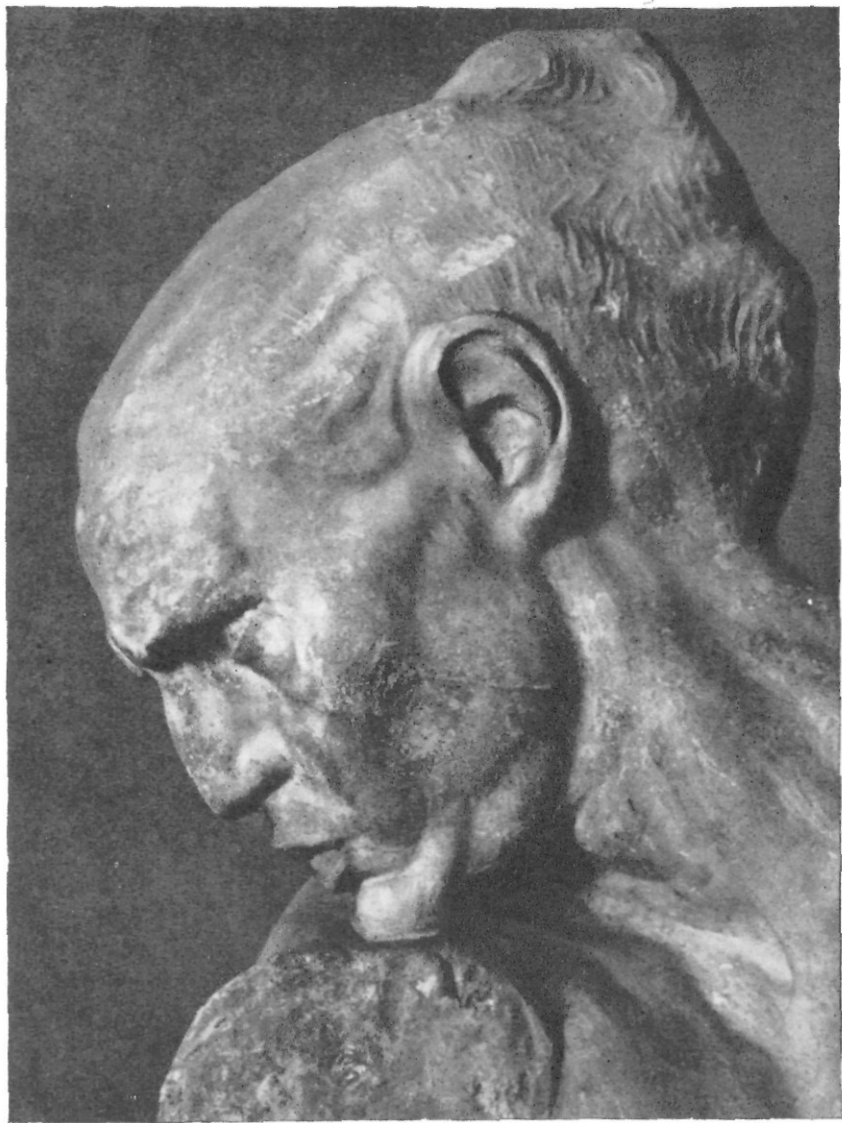
2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

О П Е Ч А Т К И

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
117	подпись под рис.	<i>Нерез</i>	<i>Нерезах</i>
183	14 сн.	отчину	отчизну
200	5 сн.	Фочо	Фоча
222	9 св.	Милища	Милица
225	4 св.	Джуре-	Джура-
269	3 сн.	ништа	поэта
308	9 сн.	<i>Slavovic</i>	<i>Slavonic</i>
309	10 св.	десетерец	десетерац
325	21 св.	Шарц	Шарац
335	8 св.	<i>Солун</i>	<i>Солунь</i>
343	24 св.	пашалука	пашалыка
344	22 сн.	<i>Малентия</i>	<i>Мелентия</i>

Эпос сербского народа

Милош Обилич

Скульптура работы Ивана Мештровича

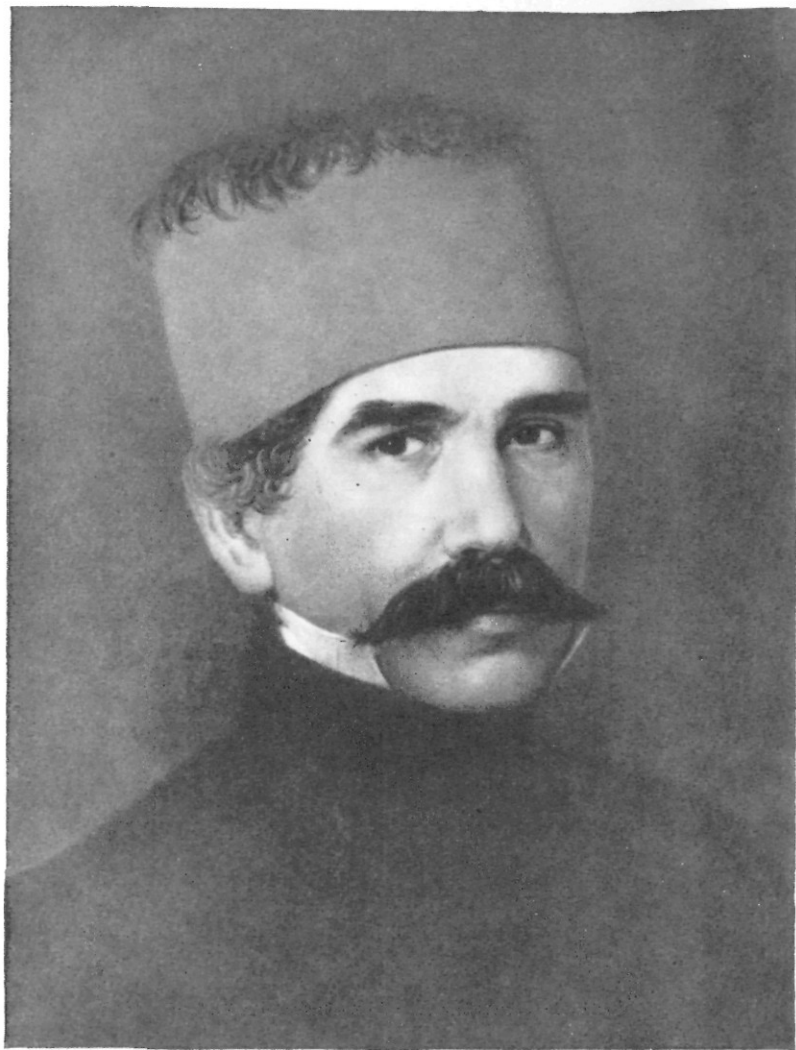
Слепой гусляр

Скульптура работы Павла Меистровича, 1908 г.

Портрет Георгия Черного (Карагеоргия)

*Работы художника Уроша Княжевича. С оригинала, приписываемого Боровиковскому
(начало XIX в.)*

Вук Караджич

Портрет работы Дмитрия Абрамовича, 1840 г. Гос. музей в Белграде